

А.А.Кокошин

США

**В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ОТНОШЕНИЙ**

80 -х ГОДОВ

А.А.Кокошин

США В СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ 80^{-х} ГОДОВ

Гегемонизм во внешней
политике Вашингтона

Рецензенты

д-р ист. наук В. Ф. ПЕТРОВСКИЙ
д-р ист. наук И. Г. УСАЧЕВ

К 60 Кокошин А. А. США в системе международных отношений 80-х годов: Гегемонизм во внешней политике Вашингтона. — М.: Междунар. отношения, 1984. — 304 с.

Работа посвящена анализу основных изменений международных позиций США за последнее десятилетие. Автор рассматривает причины резкого поворота в политике США в отношении СССР, социалистических и развивающихся стран в 80-е годы, а также особенности перемен в отношениях США с Западной Европой и Японией. Впервые в советской литературе такое исследование проводится с учетом всей совокупности экономических, военных и политических факторов.

Для научных и практических работников в области международных отношений.

К 0804000000—030
003(01)—84 КБ—8—4—1984

ББК 66.4(08)

В данной работе предпринимается попытка дать многоплановую оценку того места, которое занимают в современной системе международных отношений Соединенные Штаты Америки — ведущее государство капиталистического мира. При этом автор исходит из того, что положение США в мире за период после окончания второй мировой войны претерпело значительные изменения — как за счет развития самой системы международных отношений, так и вследствие внутренних экономических и социально-политических процессов внутри Соединенных Штатов.

Употребляя понятие «система международных отношений», автор в первую очередь подразумевает под этим систему отношений между суверенными государствами, имея в виду в то же время, что международные отношения в целом значительно шире. Системный характер отношений между государствами неоднократно подчеркивал В. И. Ленин, требовавший при анализе места того или иного государства, его внешней политики учитывать весь комплекс его взаимосвязей с другими государствами. «Люди живут в государстве, а каждое государство живет в системе государств, которые относительно друг друга находятся в системе известного политического равновесия»¹, — писал В. И. Ленин.

Анализ положения государства в системе международных отношений отличается от исследования его внешней политики, хотя это и весьма тесно связанные между собой, переплетающиеся вопросы. Положение государства в системе международных отношений, его международные позиции служат одним из главных факторов его внешней

политики, во многом детерминируют внешнеполитический курс и даже конкретные внешнеполитические акции того или иного правительства. В свою очередь внешняя политика направлена на изменение положения государства в системе международных отношений, цели внешней политики сводятся в конечном итоге к тому, чтобы улучшить международные позиции данного государства.

Современная система международных отношений носит исключительно сложный характер — как вследствие резкого возрастания в последние десятилетия числа ее субъектов — суверенных государств и их коалиций, так и вследствие усиления взаимосвязи экономических, военно-технических, политических, социальных, идеологических, экологических процессов и явлений.

Сложившаяся к 80-м годам международная система носит глобальный характер. Постоянно повышается степень интегрированности каждого составляющего систему элемента. Теперь уже практически ни одно сколько-нибудь значительное государство не может, не в состоянии «выйти» из этой системы или «замкнуться в себе». Важнейшим фактором, определяющим усиление взаимодействия и взаимозависимости всех элементов системы международных отношений, является научно-техническая революция².

Значение процесса диверсификации международных отношений под воздействием объективных экономических процессов, процессов политического и духовного развития народов подчеркивали К. Маркс и Ф. Энгельс: «На смену старой местной и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными...»³.

Фундаментальные основы современной системы международных отношений сложились после Великой Октябрьской социалистической революции, в результате которой образовалось первое в мире социалистическое государство — Советский Союз. Качественно важным этапом в ее развитии было и завершение второй мировой войны, возникновение социалистического содружества. В послевоенный период среди наиболее важных событий в этой сфере необходимо отметить распад колониальных империй и образование на их месте десятков молодых государств Азии,

Африки, а также Карибского бассейна, Океании, активно включившихся в международную политическую и экономическую жизнь на локальном, региональном и глобальном уровнях.

Современная система международных отношений отличается весьма значительной социальной неоднородностью. В настоящее время в этой системе имеются по крайней мере три основных социально отличных группы государств: социалистические, капиталистические и развивающиеся. Еще большей пестротой в этом плане характеризуются участвующие в международных отношениях различные общественно-политические организации. Социальная неоднородность углубляется наличием очень большого числа мелких и мельчайших развивающихся государств, возможности самостоятельного социально-экономического развития которых весьма ограничены⁴.

Центральное место в современной системе международных отношений занимают СССР и США — два наиболее могущественных государства противоположных социально-экономических систем. В силу своего экономического веса, политического влияния и военной мощи они несут особую ответственность за сохранение мира во всем мире. Чрезвычайный характер этой ответственности заключается в наличии у обеих сторон таких разрушительных средств, применение которых самым катастрофическим образом могло бы сказаться на судьбе всей современной цивилизации, ибо навязанная империализмом гонка вооружений привела к ситуации, при которой, как отмечал В. И. Ленин, войны могут подорвать сами условия «существования человеческого общества»⁵. Об этом советское партийное, государственное и военное руководство постоянно предупреждает американские правящие круги, усилившие в последние годы гонку вооружений и отказавшиеся от политики разрядки. «Новая мировая война, если ее все же удалось бы развязать агрессивным силам империализма, стала бы решающим столкновением двух противоположных социальных систем. Она охватила бы все континенты мира, велась бы коалиционными группировками вооруженных сил с самыми решительными целями, с использованием всего арсенала средств вооруженной борьбы. В ее водовороте оказались бы многие сотни миллионов людей. По ожесточению и масштабам возможных разрушений ее нельзя сравнить ни с какими войнами прошлого. Сам характер современного оружия стал таким, что, будь оно пущено в ход, на карту оказалось бы поставлено будущее всего человечества»⁶, —

пишет начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР Маршал Советского Союза Н. В. Огарков.

Наличие разрушительной мощи, использование которой может поставить под вопрос существование всей современной цивилизации, еще более усиливает необходимость мирного сосуществования государств с противоположными социальными устройствами.

Как отмечает советский ученый Г. Х. Шахназаров, «ядерный тупик» (т. е. такое положение вещей, когда каждая сторона способна подвергнуть противника тотальному уничтожению) поставил предел применению военной силы. Соответственно расширилась сфера всех других форм противоборства на международной арене.

Соотношение сил в мире перестало сводиться к балансу потенциалов только великих держав и в большей мере формируется под влиянием всех других государств⁷. Большую роль продолжают играть экономические факторы, роль которых подчеркивало советское государственное руководство еще на заре существования нашего государства. Народный комиссар иностранных дел Г. В. Чичерин, например, заявлял в 1920 году: «Наш лозунг был и остается один и тот же: мирное сосуществование с другими правительствами, каковы бы они ни были. Сама действительность привела нас и другие государства к необходимости создания длительных отношений между рабоче-крестьянским правительством и капиталистическими правительствами. Эти длительные отношения нам повелительно навязываются экономической действительностью. Экономическая действительность требует обмена товаров, вступления в постоянные урегулированные отношения со всем миром, и та же экономическая действительность требует того же от других правительств, с какой бы они ненавистью ни относились к нашему строю»⁸.

Значительную роль в современной системе международных отношений, в определении международных позиций Соединенных Штатов играют взаимоотношения в треугольнике США — Западная Европа — Япония, образующем подсистему «центров силы» капиталистического мира. Отношениям в этой подсистеме присущи собственные внутренние закономерности, кроме того, она находится под воздействием отношений между социалистическим содружеством и капиталистическим лагерем, в том числе под воздействием отношений между СССР и США.

Одна из вершин данного треугольника, а именно Западная Европа, не является столь же консолидированным

«центром силы», как две остальные вершины. В рамках западноевропейского «центра силы» и в условиях 80-х годов выступают в качестве важнейших субъектов международных отношений такие государства, как Франция, Федеративная Республика Германии, Англия, Италия. По целому ряду проблем, существенных для подсистемы США — Западная Европа — Япония, важную роль играют малые западноевропейские государства.

За последние 15—20 лет заметно усилилась в мировой политике роль развивающихся, недавно освободившихся государств. Укрепление экономических и международно-политических позиций этих государств стало возможным во многом благодаря существованию Советского Союза и всего социалистического содружества. Очень важна и прямая экономическая военная и политическая помощь социалистических стран освободившимся государствам в их противодействии силам реакции, неокolonизма и агрессии, и тот огромный потенциал поддержки, который имеется у развивающихся стран просто за счет существования социалистического содружества.

«Окидывая взглядом картину современного мира, нельзя не обратить внимания на такой важный момент, как серьезное усиление влияния государств, которые еще недавно были колониями или полуколониями.

О большинстве из них можно определенно сказать, что они с нарастающей энергией отстаивают в противоборстве с империализмом свои политические и экономические права, стремясь закрепить свою независимость, поднять уровень социального, экономического и культурного развития своих народов. ...При нынешнем соотношении мировых классовых сил освободившиеся страны вполне могут противостоять империалистическому диктату, добиваться справедливых, то есть равноправных экономических отношений. Ясно и другое: вклад этих стран в общую борьбу за мир и безопасность народов, значительный уже сейчас, вполне может стать еще более весомым»⁹, — отмечалось на XXV съезде КПСС.

Сложнейший характер современной системы международных отношений требует учета многих других параметров взаимоотношений между государствами и их коалициями как главными субъектами в рамках этой системы. Как отмечал акад. Н. Н. Иноземцев, в международных отношениях, в отличие от отношений внутри отдельных государств, однотипные классовые государства могут преследовать различные цели. В истории имеется немало примеров,

говорящих о том, что международные отношения дают большой простор для компромиссов различных разнородных социальных сил. Революционные силы могут получить существенный выигрыш от столкновения между собой реакционных элементов. Однако диалектика международных отношений такова, что под влиянием тех или иных относительно конъюнктурных моментов существует опасность всплеска настроений националистического толка; в результате этого оказываются временно конфликтующими друг с другом и прогрессивные, неантагонистические силы¹⁰.

Богатый материал для познания системы международных отношений, выявления скрытых механизмов ее функционирования, динамической оценки соотношения сил, «дистанций», отделяющих государства друг от друга в системе и ее подсистемах, дают международно-политические кризисы. Известное общее методологическое положение В. И. Ленина о том, что «всякие кризисы вскрывают суть явлений или процессов, отметают прочь поверхностное, мелкое, внешнее, обнаруживают более глубокие основы происходящего»¹¹, полностью применимо и к кризисам в системе межгосударственных отношений. В силу этого в данной монографии международно-политическим кризисам последних лет, раскрывающим особенности отношений США и СССР, США, Западной Европы и Японии, США и развивающихся стран, уделяется соответствующее внимание. При этом автор опирается на методологию анализа международных конфликтных и кризисных ситуаций, разработанную за последние 10—12 лет советскими учеными¹². Как отмечает, например, В. В. Журкин, международно-политический кризис — это наиболее острая в условиях отсутствия большой войны форма проявления противоречия в международных отношениях. Кризис возникает в результате и в процессе порождаемых политикой агрессивных сил локальных конфликтов между двумя странами или группами стран, в которые могут вовлекаться главные силы двух противоположных систем. Международно-политические кризисы могут развиваться бурно и протекать в сравнительно короткие сроки, они могут принимать и затяжной характер. Продолжение конфликта может периодически приводить к новым взрывам, рождению все новых и новых международных кризисных ситуаций внутри затяжного конфликта (своего рода «пика кризиса») или в связи с ним. Международно-политические кризисы нередко в прошлом были прелюдией к большим, включая мировые, войнам. И сегодня отнюдь не исключена опасность сполза-

ния к грани всеобщей войны в результате попыток агрессивных сил взять реванш за свои неудачи путем создания кризисных ситуаций в различных регионах мира¹³.

В конце 70 — начале 80-х годов вновь происходит ухудшение международной обстановки, вызванное агрессивными действиями наиболее реакционных сил в Соединенных Штатах и других странах Запада, что повышает степень угрозы всеобщему миру в случае возникновения кризисных ситуаций.

Анализируя положение США в современной системе межгосударственных отношений, автор выделяет два основных параметра. Во-первых, это соотношение сил между Соединенными Штатами и государствами или группами государств в конкретной подсистеме отношений; во-вторых, это взаимоотношения, взаимосвязи между Соединенными Штатами и соответствующими государствами, группами государств. Исследуя, например, положение США по отношению к Советскому Союзу, автор сосредоточивает внимание на динамике соотношения основных параметров экономического развития этих государств, их военных потенциалов и т. д. Необходимо учитывать и то, что взаимное положение СССР и США в системе международных отношений определяется их взаимодействием друг с другом, с союзниками, со многими другими субъектами международных отношений, которое охватывает политико-дипломатические отношения, военно-политическую сферу, торговое, экономическое и научно-техническое сотрудничество, культурные связи, туризм и т. п.

То же, но, разумеется, в других проявлениях относится и к другим подсистемам международных отношений, в рамках которых оцениваются позиции Соединенных Штатов.

При этом имеется в виду, что изменения в соотношении сил происходят в целом медленнее, чем в сфере взаимодействия государств. Эти изменения накапливаются постепенно, и по временной шкале они оцениваются преимущественно в масштабах десятилетий.

На соотношении сил, как правило, не сказывается непосредственно смена правительств в тех или иных странах. В сфере же взаимодействия государств смены правительств, изменения в расстановке политических сил, социальные и политические реформы могут играть немаловажную роль. Анализируя вопросы взаимодействия США с другими субъектами международных отношений, нельзя недооценивать и роль отдельных государственных и полити-

ческих деятелей, крупнейших монополистов, буржуазных политологов и идеологов.

В политическом процессе США участвуют деятели различного толка — как относительно дальновидные и реалистически мыслящие представители господствующего класса, так и те, кто проводит в жизнь узкокорыстные интересы наиболее воинствующих группировок политической элиты и монополистической буржуазии и отличается авантюризмом и безответственностью в вопросах внешней политики. По-разному могут ими интерпретироваться государственные интересы буржуазии, по-разному при сохранении усредненного и обобщенного классового подхода могут формулироваться цели и задачи внешней политики США, определяться система внешнеполитических приоритетов, соотношение внешних и внутренних задач государства, военных и невоенных средств проведения внешнеполитического курса.

Как подчеркивал В. И. Ленин, в лагере буржуазии есть, с одной стороны, представители «военной партии», «авантюристические элементы», а с другой — «различные капиталисты», «благоразумные представители буржуазии». И далеко не безразлично для социалистического государства, писал Ленин, «имеем ли мы дело с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к военному решению вопроса, или с теми представителями буржуазного лагеря, которые тяготеют к пацифизму...»¹⁴.

Особое значение эти ленинские положения приобретают в ядерный век, в современной международной обстановке, при наличии таких запасов ядерного оружия, использование которых в случае развязывания наиболее агрессивными империалистическими кругами третьей мировой войны может привести к катастрофе планетарного масштаба. Как отмечал советский исследователь А. Е. Бовин, «борьба за разрядку международной напряженности, за мирное сосуществование делает настоятельно необходимым тонко дифференцировать политических оппонентов, усиливать изоляцию милитаристских, авантюристических кругов на Западе, поощрять, стимулировать тенденцию к политическому реализму»¹⁵.

Анализ динамики расстановки политических сил в развитых капиталистических странах, в том числе в Соединенных Штатах, показывает, что для многих политических деятелей, особенно в США характерен, в зависимости от изменения в сложном сочетании внутренних и внешних, объективных и субъективных факторов, переход от поддержки курса на разрядку, на мирное сосуществование к ли-

нии на жесткое военно-силовое противоборство с социалистическим содружеством. При этом переход от первой линии ко второй в целом осуществляется быстрее и значительно проще. Разум и реализм пробивают на Западе дорогу в вопросах отношений с Советским Союзом и другими социалистическими государствами с большим трудом, через серию сложных зигзагов и колебаний.

Главными параметрами при оценке соотношения сил различных государств, при анализе взаимоотношений между ними являются экономические. Однако сведение всего анализа положения государства в системе международных (тем более межгосударственных) отношений к анализу только экономических факторов было бы несомненной вульгаризацией марксистско-ленинской методологии. Основоположники марксизма боролись против искаженной интерпретации роли экономических факторов. Так, Ф. Энгельс неоднократно писал о том, что совокупность экономических факторов, согласно материалистическому пониманию истории, является определяющей лишь в конечном счете. «Ни я, ни Маркс,— подчеркивал Ф. Энгельс,— большего никогда не утверждали. Если же кто-нибудь искажает это положение в том смысле, что экономический момент является будто *единственно* определяющим моментом, то он превращает это утверждение в ничего не говорящую, абстрактную, бессмысленную фразу. Экономическое положение — это базис, но на ход исторической борьбы также оказывают влияние и во многих случаях определяют преимущественно *форму* ее различные моменты надстройки: политические формы классовой борьбы и ее результаты — государственный строй, установленный победившим классом после выигранного сражения, и т. п., правовые формы и даже отражение всех этих действительных битв в мозгу участников, политические, юридические, философские теории, религиозные воззрения и их дальнейшее развитие в систему догм»¹⁶.

К анализу системы международных отношений, позиций, которыми в ней обладают Соединенные Штаты Америки, данное положение Ф. Энгельса применимо в нескольких отношениях. Экономическое могущество, военная сила и политическое влияние государства на международной арене тесно связаны друг с другом. Экономика является главным фундаментом и для военной силы, и для результативной политико-дипломатической деятельности. Однако пик относительного экономического могущества не всегда совпадает во времени с пиком внешнеполитической и воен-

но-политической активности. Более того, как это наиболее наглядно видно на политике администрации Р. Рейгана, попытки еще более нарастить военную мощь, достичь военного «превосходства» над СССР и абсолютного преобладания над все более ненадежными союзниками предпринимаются именно тогда, когда экономика США находится в наиболее кризисном состоянии со времен «великой депрессии» конца 20 — начала 30-х годов. В то же время реалистическая и дальновидная внешняя политика, искусная дипломатия могут, как это видно на примере ряда западноевропейских стран, скомпенсировать отставание в военной мощи по сравнению с Соединенными Штатами.

Несомненно существенную роль в определении международных позиций государства играет состояние его политической системы, ее соответствие условиям функционирования системы межгосударственных отношений. Американская политическая система в этом плане по целому ряду компонентов становится все более неадекватной реальностям 80-х годов. Частая смена главы исполнительной власти, являющегося одновременно «главным дипломатом» и верховным главнокомандующим вооруженных сил страны, особо демагогический и политиканский характер выборов президента и членов конгресса, подверженность внешнеполитического курса конъюнктурным внутривнутриполитическим колебаниям — все это делает Соединенные Штаты ненадежным, нестабильным партнером в международных делах. Это ведет к усилению зигзагообразности внешней политики крупнейшего капиталистического государства, повышает степень неуправляемости, опасности международных конфликтов, грозящих в ядерный век катастрофой невиданного масштаба, уничтожением самих основ жизни на Земле.

**СССР и США
в современной системе
международных
отношений**

**§ 1. Соотношение сил между СССР
и США и проблемы двусторонних
советско-американских отношений**

В соревновании двух социальных систем, ведущими государствами которых являются Советский Союз и Соединенные Штаты Америки, в оценке взаимного положения этих государств в системе международных отношений главным показателем являются параметры социально-экономического развития.

В. И. Ленин подчеркивал, что «самым глубоким источником силы для побед над буржуазией и единственным залогом прочности и неотъемлемости этих побед может быть только новый, более высокий способ общественного производства»¹. Возникшая в результате победоносной Великой Октябрьской социалистической революции, первая страна социализма ценой огромного напряжения сил смогла в исторически сжатые сроки преодолеть отставание от ведущих стран Запада, в том числе от США. При этом необходимо отметить, что нормальному ходу социалистического строительства в СССР препятствовало враждебное империалистическое окружение: многие годы заняло восстановление экономики после гражданской войны и империали-

стической интервенции, после Великой Отечественной войны. Тем не менее 70-е и 80-е годы характеризуются выходом Советского Союза на новые рубежи экономического могущества, определяющего положение СССР в современной системе международных отношений, в том числе по отношению к США.

В экономическом соревновании СССР — США произошло дальнейшее упрочение позиций советской экономики по ряду параметров. Так, по объему промышленной продукции в 1981 году СССР был на уровне более 80% по отношению к США в сравнении с 75% в 1970 году. По добыче нефти соответствующие показатели составляли 145% и 74%, по производству стали — 183% и 95%, минеральных удобрений — 112% и 88%, цемента — 167% и 141%, объем сельскохозяйственного производства в СССР по отношению к США в 70-е — начале 80-х годов находился на уровне примерно 75% и т. д.² Нарастают усилия Советского Союза в менее материалоемких и более наукоемких отраслях промышленного производства — в производстве пластмасс и химических волокон, ряда видов машиностроительной продукции, электронной техники, бытовой электроники и др. В связи с курсом на преимущественное использование интенсивных факторов экономического роста темпы хозяйственного развития СССР стали несколько ниже, чем они были в 50—60-е годы. Но и в этих условиях преимущество СССР в темпах роста над США сохраняется. Об этом, в частности, говорят темпы среднегодового прироста промышленного производства за 1971—1976 годы: они составили в СССР 7%, а в США — лишь 3,1%³.

Аналогичные тенденции прослеживаются и при оценке соотношения динамики экономического развития социалистических стран и развитых капиталистических стран в целом. Даже в условиях высокой конъюнктуры капиталистической экономики темпы роста валового национального продукта капиталистических стран отставали от темпов роста национального дохода социалистических государств⁴.

Капиталистическое хозяйство США в 70-е годы, как и в предыдущие периоды, развивалось крайне неравномерно, подъемы производства сменялись спадами, кризисами. Только за время экономического кризиса 1973—1975 годов промышленное производство в США сократилось почти на 14%. Потери, вызванные этим кризисом, составили, по оценкам экспертов исследовательской службы конгресса, примерно 400 млрд. долл., или приблизительно 1/4 валового национального продукта за 1975 год⁵.

Качественно новым моментом в экономическом соревновании СССР — США можно считать увеличение уже не только среднегодовых темпов производства, но и абсолютного прироста продукции в Советском Союзе по сравнению с США. Это в первую очередь относится к таким видам промышленной продукции, как нефть, уголь, сталь, чугун, цемент, минеральные удобрения, кожаная обувь и др.⁶ Большие усилия прилагаются к тому, чтобы достичь более высоких показателей в тех сферах, где СССР еще отстает от США. Прежде всего это касается повышения производительности труда, которая составляет в СССР в среднем примерно 40% от уровня США, в частности в промышленности — свыше 55%, в строительстве — более 65%. При этом разница в производительности труда основного промышленного персонала в двух странах все уменьшается, а значительная часть сохраняющегося разрыва приходится на вспомогательный персонал, чья доля в общей численности занятых в промышленности Советского Союза значительно больше, чем в США, а степень вооруженности вспомогательными механизмами значительно ниже⁷. Производительность труда в сельском хозяйстве СССР составляет 20—25% по отношению к США⁸.

Сравнивая уровни экономического развития СССР и США, следует иметь в виду, что по целому ряду параметров Советскому Союзу нет необходимости соревноваться с Соединенными Штатами, учитывая принципиальные, качественные различия в социально-экономическом и политическом устройстве СССР и США, кардинальные отличия в идеологии и ценностной ориентации. В США и других развитых капиталистических странах множество потребительских товаров производится в соответствии с десятилетиями создававшимся монополиями спросом, имеющим мало общего с подлинными потребностями человека. Это привело к огромным, как теперь выясняется, все более обременительным затратам энергии, сырья, увеличению издержек потребительской экономики, «консюмеризма» для духовной сферы — одного из очень важных компонентов мощи государства, его позиций в системе международных отношений.

«Лишь коммунизм способен обеспечить возможность не только материально безбедной, но и духовно богатой, подлинно человеческой жизни, где человек человеку — друг, товарищ, брат. К сожалению, в последнее время многие ученые и литераторы как-то забыли об этих главных ориентирах и чаще всего сводят соревнование двух систем к

сопоставлению роста производства и потребления, национального дохода... Оценивать состояние и развитие экономики нужно не одними цифрами объема производства, а характеристиками материальной, нравственной и духовной сторон жизни общества. Здесь особенно нужен тот системный подход, какого требует от нас сейчас партия»⁹, — справедливо отмечает советский экономист М. Ф. Антонов.

Фактором большого экономического, внешнеполитического и оборонного значения является превосходство Советского Союза над Соединенными Штатами в области разведанных и эксплуатируемых запасов многих важнейших видов сырья, в первую очередь энергетического — таких, как нефть и газ, что приобретает особую важность в условиях обострения мировой энергетической и сырьевой проблемы.

«Советский Союз является единственным в мире крупным индустриальным государством, которое базирует свое экономическое развитие на собственных топливно-энергетических ресурсах. Это — серьезное преимущество нашей экономики и весьма важная предпосылка ее устойчивого роста»¹⁰, — отмечалось на XXV съезде КПСС.

Все более значительные усилия в нашей стране прилагаются для повышения эффективности использования в народном хозяйстве топлива и сырья. В условиях роста мировых цен на сырье, отчетливо обозначившегося истощения многих сырьевых ресурсов это направление становится не менее, а иногда и более важным, чем абсолютный рост производства сырья и топлива.

Значительных успехов добился Советский Союз в области атомной энергетики. Развитие этой отрасли еще более ускорится, когда полностью войдет в строй крупнейший в мире уникальный комплекс по производству энергооборудования для атомных электростанций «Атоммаш». Ведущее место в мире Советский Союз занимает в разработке и промышленном освоении реакторов на быстрых нейтронах, техники, во многом определяющей будущее атомной энергетики на несколько десятилетий вперед¹¹. (В реакторах на быстрых нейтронах каждое разделившееся ядро урана или плутония образует больше одного ядра нового, способного к делению плутония, что означает, что по мере работы такого реактора количество делящегося в нем вещества не уменьшается, а увеличивается, и этот избыток может быть использован вместо природного урана для расширения масштаба ядерной энергетики и для работы имеющихся реакторов на медленных, тепловых нейтронах.)

Выдающиеся успехи советской фундаментальной науки стали основой достижений в использовании энергии термоядерного синтеза в мирных целях. Общеизвестными являются успехи советской науки и техники в разработке магнитогидродинамических (МГД) генераторов, внедрение которых позволит значительно повысить КПД энергетических установок, решить становящуюся все более острой проблему эффективного использования сокращающихся запасов различных видов энергетического сырья. С освоением управляемого термоядерного синтеза и МГД-генераторов создается основа для развития энергетики в XXI столетии.

Советом Экономической Взаимопомощи ведется большая целенаправленная работа по объединению усилий стран — членов СЭВ в развитии энергетической базы экономики социалистического содружества. Много внимания уделяется освоению энергетических ресурсов социалистических стран, а также ускоренному строительству электростанций, магистральных нефте- и газопроводов и линий электропередач.

КПСС и Советское правительство, ученые и специалисты отдают себе отчет в наличии ряда сложных проблем в энергетической сфере. Они последовательно решаются в соответствии с долгосрочными планами развития народного хозяйства. В начале 80-х годов нефть составляет свыше 45%, а вместе с природным газом — более 70% в добыче природных видов топлива, и лишь 25% приходится на долю угля. В то же время прогнозные запасы угля во много раз превышают прогнозные запасы нефти и газа. И хотя прогнозные запасы нефти в СССР все еще весьма велики и прибегать к ее импорту нет и не будет необходимости, себестоимость нефти будет все время повышаться из-за удаленности новых месторождений и начала преимущественной разработки залежей, существенно меньших масштабов, чем эксплуатируемые в настоящее время. В связи с этим на долгосрочную перспективу предполагается существенно повысить в топливно-энергетическом балансе долю угля, сохранив при этом долю природного газа, существенно снизить в топливе долю нефти и в конце XX века перейти к ее использованию в основном как сырья для химического и микробиологического производства¹².

«Надо снижать долю нефти как топлива, заменять ее газом и углем, быстрее развивать атомную энергетику, в том числе реакторы на быстрых нейтронах. И, конечно, жизнь требует продолжать поиск принципиально новых

источников энергии, включая создание основ термоядерной энергетики»¹³, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии. Главной экономической и политической задачей на ближайшие годы является обеспечение быстрого роста добычи сибирского газа, в первую очередь из западносибирского региона, месторождения которого уникальны. Уренгойское месторождение — самое крупное из них — обладает такими гигантскими запасами, что на протяжении многих лет оно может обеспечивать как внутренние потребности страны, так и экспорт, в том числе в капиталистические страны. Добычу газа и нефти в Западной Сибири, их подачу в Европейскую часть СССР «предстоит сделать важнейшими звеньями энергетической программы одиннадцатой, да и двенадцатой пятилеток»¹⁴.

Чтобы подорвать престиж Советского Союза как ведущей в энергетическом отношении державы мира, многие органы буржуазной пропаганды занимаются распространением различных домыслов, используя их затем в антисоветских целях. Немалую лепту в это внесло Центральное разведывательное управление США, которое в серии своих разрекламированных докладов пытается доказать, что СССР будет де испытывать к середине 80-х годов нехватку нефти. А в силу этого, по логике ЦРУ, Советский Союз будет стремиться к установлению контроля над основными нефтяными месторождениями в районе Персидского залива. Именно подобные, далекие от реальности, раскладки ЦРУ, по словам обозревателя «Нью-Йорк таймс» Л. Силка, легли в основу антисоветских заявлений президента Картера, утверждавшего, будто «советские действия в Афганистане являются ступенькой на пути к возможному контролю над основной частью мировых источников нефти»¹⁵. С подобными заявлениями неоднократно выступали и представители пришедшей к власти в 1981 году администрации Р. Рейгана.

На долю Советского Союза, обладающего колоссальными запасами природных богатств, приходится, по расчетам болгарского ученого И. Матева, 80% всех энергоресурсов стран Совета Экономической Взаимопомощи. За счет этого страны — члены СЭВ собственными силами обеспечивают свыше 95% потребляемых ими нефти и газа, 75 — нефтепродуктов, почти 65% — угля и т. д. В частности, только экспорт нефти из СССР в социалистические страны в 1950—1980 годах возрос с 0,8 до 82 млн. т, причем в период 1976—1980 годов его абсолютный объем составил 364 млн. т. Таким образом, Совет-

ский Союз удовлетворяет примерно $\frac{4}{5}$ потребностей стран СЭВ. Страны — члены СЭВ на основе долгосрочных двусторонних и многосторонних соглашений обеспечивают нужды своей экономики в энергоносителях на длительный период времени, избегая влияния энергетического кризиса. Приобретая, в частности, у СССР нефть на основе таких долгосрочных соглашений, они не страдают от резких колебаний цен на это сырье, в значительной мере избавлены от огромных расходов валюты на покупку нефти и нефтепродуктов на мировом капиталистическом рынке. Это позволяет странам СЭВ сосредоточить усилия на успешном решении других жизненно важных проблем своего экономического развития¹⁶.

С критикой насаждаемых буржуазной пропагандой представлений о советском энергетическом потенциале и политике СССР в области энергетики выступает и ряд американских ученых, в частности сотрудник Центра по изучению России Гарвардского университета проф. М. Голдмен, который провел специальное исследование для влиятельного Совета по международным отношениям. Будучи крупнейшим в мире производителем нефти и вторым (после Саудовской Аравии) экспортером нефти и нефтепродуктов, отмечается в этом исследовании, Советский Союз имеет огромные запасы и других топливно-энергетических ресурсов, в первую очередь угля и газа. Это позволяет ему, по оценкам данного центра, не только обеспечивать свои внутренние потребности, но и продолжать экспортировать в больших объемах нефть и газ в восточноевропейские государства и страны Западной Европы¹⁷.

Ряд американских предпринимателей, политических деятелей, ученых и в условиях ухудшения советско-американских отношений продолжают выступать за развитие широкомасштабного сотрудничества между СССР и США в энергетической сфере при возможном участии всех заинтересованных сторон. В частности, не снимается с повестки дня вопрос о возможности реализации очень крупного советско-американского проекта «Северная Звезда» по увеличению добычи и экспорта западносибирского природного газа. Американские сторонники этого проекта подчеркивают, что Советский Союз обладает крупнейшими в мире запасами природного газа (по их оценкам, до 40% мировых запасов этого топлива), что делает его крупным, стабильным поставщиком сырья. Особая привлекательность импорта советского природного газа (в сжиженном виде, на специальных танкерах), по их мнению, состоит в том, что рассто-

яние между Восточным побережьем Соединенных Штатов и Мурманском, куда может быть протянута ветка газопровода большой пропускной способности, почти в три раза меньше расстояния, которое приходится преодолевать супертанкерам, доставляющим в тот же район США ресурсы с Ближнего Востока (4200 и 12000 морских миль соответственно). В подготовке этого проекта с американской стороны приняли участие такие компании, как «Теннеси гэс трансмишн» (отделение крупной энергетической корпорации «Теннеко»), «Тексас истерн трансмишн корпорейшн», «Браун энд Рут Инк.». В соответствии с этими планами предполагается привлечь французские компании для строительства завода по сжижению газа вблизи норвежско-советской границы, английские и западногерманские компании для строительства специального газопровода. Общая стоимость реализации проекта, включая упомянутые объекты, а также специальные портовые сооружения в странах — импортерах сжиженного газа (Франции и США) составила бы, по американским расчетам, около 14,5 млрд. долл. Доходы же от этого предприятия только для Советского Союза могли бы составить около 120 млрд. долл. на 25-летний период. Для США же очень важным было бы получение дополнительных крупных поставок природного газа в условиях быстрого сокращения его разведанных запасов в Соединенных Штатах. Это также способствовало бы некоторому сокращению импорта нефти с Ближнего Востока, из района повышенной военно-политической нестабильности. Американские авторы проекта также считают, что можно было бы договориться о том, чтобы промышленное оборудование и товары, которые закупал бы Советский Союз на получаемую от экспорта газа валюту, поступали в первую очередь из США, что помогло бы улучшить их торговый баланс. Значительные выгоды реализация проекта «Северная Звезда» давала бы и западноевропейским странам-участницам¹⁸.

Имеется в США и немало влиятельных противников этого огромного проекта, причем в последние годы в связи с общим ухудшением советско-американских отношений их голоса звучат гораздо громче. Многие политические деятели резко выступают против «Северной Звезды» по соображениям «национальной безопасности», пугая общественное мнение тем, что было бы «слишком опасно» отдавать такую значительную долю импорта энергоресурсов в руки Советского Союза. Другие деятели поднимают шум по поводу того, что-де увеличение поставок в СССР американ-

ского и западноевропейского оборудования для советской нефтегазовой промышленности слишком усиливало бы экономический потенциал СССР в целом, создавало бы ему более выгодные условия в экономическом соревновании с Западом. Среди американских противников «Северной Звезды», предпочитающих держаться в тени, немало и крупных предпринимателей из энергетического бизнеса, не заинтересованных в усилении названных выше компаний, которые в случае реализации проекта могли бы сильно упрочить свои позиции на внутреннем рынке США.

Сравнивая уровни сельскохозяйственного производства в США и СССР, следует иметь в виду, что в развитии сельского хозяйства Соединенных Штатов весьма существенную, часто недооцениваемую роль играли и играют оптимальные для крупномасштабного сельскохозяйственного производства климатические и географические условия, несравненно более предпочтительные, чем на территории Советского Союза. Отсутствие таких естественных преимуществ Советский Союз вынужден восполнять за счет огромных дополнительных вложений в сельское хозяйство, ориентированных на производство сельскохозяйственной продукции на стабильной основе, в гарантированных масштабах и с гарантированным качеством. Этот курс осуществляется в нашей стране в соответствии с решениями XXIII, XXIV, XXV и XXVI съездов КПСС. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, за предшествовавшие этому съезду десять лет были значительно увеличены капитальные вложения в аграрный сектор экономики: они составили более 300 млрд. рублей — в 2,3 раза больше, чем в предыдущем десятилетии¹⁹.

Фактором, сохраняющим свою значимость и в настоящее время, являются и те огромные потери, которые понесло советское сельское хозяйство в годы Великой Отечественной войны. Погибли многие миллионы тружеников сельского хозяйства, в том числе ценнейшие управленческие и технические кадры. Во многих важнейших районах в результате гитлеровской агрессии были полностью разрушены сельскохозяйственные сооружения, уничтожены многие миллионы голов скота, миллионы квадратных метров жилья и т. д. Что же касается Соединенных Штатов, то война, как известно, не только не причинила им хозяйственного ущерба, но, напротив, способствовала их экономическому процветанию, стимулировала развитие промышленного и сельскохозяйственного секторов американской экономики.

Важным компонентом усиления международных экономических позиций Советского Союза является рост его внешнеэкономических связей, которые в 70-е годы поднялись по сравнению с предыдущим периодом на качественно более высокий уровень. Ввиду все большего участия СССР в международном разделении труда темпы роста его внешнеторгового оборота превысили темпы роста национального дохода. С 1950 по 1975 год, например, национальный доход СССР возрос в 7 раз, а внешнеторговый оборот — более чем в 17 раз. В результате этого обозначился устойчивый рост экспортной и импортной квот, или доли произведенного национального дохода, реализуемого за границей, и, соответственно, той его доли, которая восполняется за счет ввоза недостающей продукции из-за рубежа. В то же время по уровню экспортной квоты Советский Союз пока еще отстает от США. Если по производству промышленной продукции Советский Союз в 70-е годы занимал второе место в мире, то по объему внешнеторгового оборота — только девятое. Таким образом, существуют далеко не использованные резервы для получения нашей страной дополнительных преимуществ от международного разделения труда²⁰.

Развивая свои внешнеэкономические связи, Советский Союз и другие социалистические страны, как отмечает проф. В. В. Загладин, в значительной мере исходят из того, что это расширение способствует смягчению последствий кризисных колебаний для трудящихся масс в капиталистических странах, в ряде случаев дает возможность сохранять рабочие места, сокращая безработицу²¹.

Совершенствуется структура советского экспорта в направлении, отвечающем общей тенденции к росту доли продукции обрабатывающей промышленности, готовых изделий при сокращении доли первичного сырья. Параллельно в связи с мировым топливно-энергетическим кризисом к середине 70-х годов увеличился экспорт советского топлива и электроэнергии как в физическом, так и особенно в стоимостном выражении в результате роста цен на эту группу товаров. Советский Союз в 70-е годы стал крупным экспортером таких промышленных товаров, как автомобили, тракторы, бульдозеры, экскаваторы, мотоциклы, часы, фотоаппараты и т. д. На мировых рынках большим спросом пользуется советское оборудование для атомных электростанций, станки с программным управлением, суда на подводных крыльях, авиационная техника, оборудование для металлургической, нефтедобывающей, угольной промыш-

ленности и некоторые другие виды машин и оборудования²².

В 70-е годы произошло заметное расширение торговли и научно-технических связей Советского Союза с Соединенными Штатами. К концу 70-х годов годовой объем советско-американской торговли достиг более чем 2,5 млрд. долл. по сравнению со 179 млн. в 1970 году. В Москве открыли свои представительства 22 крупных американских банка и торгово-промышленные компании, значительно активизировался обмен торговыми и научно-техническими делегациями²³.

В числе крупнейших сделок, заключенных советскими организациями с американскими компаниями, — сделка с корпорацией «Оксидентал петролеум» (в 1973 г.), общая сумма которой составляет 20 млрд. долл. По этому соглашению фирма поставляет в Советский Союз на условиях кредита новейшую технику и технологию для строительства восьми заводов, а также часть необходимых материалов для производства на этих заводах минеральных удобрений; по договоренности расчеты за этот кредит будут производиться поставками в США готовой продукции после ввода всего комплекса предприятий в эксплуатацию. Срок действия соглашения — 20 лет, оно обеспечивает гарантированные прибыли обеим сторонам²⁴.

Однако на пути дальнейшего развития торгово-экономических отношений, в ущерб их явной взаимной выгоде, противникам разрядки удалось создать значительные препятствия, в частности в виде так называемых поправок Джексона — Вэника и Стивенсона. Первая из них обуславливала предоставление Советскому Союзу «режима наиболее благоприятствуемой нации» вмешательством во внутренние дела нашей страны, вторая резко ограничила кредитование американских компаний, ведущих торговлю с СССР.

При отсутствии подобных дискриминационных мер объем советско-американской торговли мог бы быть значительно большим, а ее структура более многоплановой. Так, в 1973 году в специальном докладе палаты представителей конгресса прогнозировалось, что к концу 70-х годов объем торговли между США и СССР мог бы вырасти до весьма значительного уровня. При этом отмечалось, что американские фирмы «проявляют все больший интерес к передовой советской технологии в таких отраслях, как металлообработка, станкостроение, электроника, энергетические уста-

новки, производство аммония, добыча полезных ископаемых, и других»²⁵.

Высокие оценки достижений советской науки и техники содержались и в одном из докладов Национального научного фонда США, в котором подчеркивалась заинтересованность американских ученых в сотрудничестве с их советскими коллегами в таких областях науки и техники, как микробиология, метеорология, почвоведение, электрометаллургия, организация научно-технической информации, гидротехника.

Полемизируя с противниками американо-советского сотрудничества, крупный американский бизнесмен Дж. Кайзер писал, что существует немало ключевых областей, в которых Советский Союз добился выдающихся успехов и которые представляют жизненно важный интерес для США. Среди них Кайзер называет энергетику, транспорт, медицину, горнодобывающую промышленность, металлургию. Он вполне обоснованно отмечает: «США склонны переоценивать свои возможности по использованию успехов в области технологии и техники в качестве козырей в политическом торге. ...Роль Советского Союза как источника технических нововведений возрастает: только за восемь лет — с 1966 по 1974 год — количество запатентованных в США советских изобретений возросло почти в восемь раз»²⁶.

Под воздействием дискриминационных ограничений на торговлю с СССР во второй половине 70-х годов товарооборот Советского Союза с США начал уменьшаться. По оценке вице-президента Американо-Советского торгово-экономического совета, с января 1975 года (со времени вступления в силу дискриминационного торгового законодательства) по апрель 1977 года американские компании потеряли советских заказов минимум на 2 млрд. долл., что означало сокращение занятости в США на 80 тыс. человек²⁷.

По авторитетным оценкам ряда советских и американских экономистов, у торговли между СССР и США при ее нормальном развитии на коммерческой основе имеется очень большой потенциал, определяемый и огромной экономической мощью обеих стран, и возможностями взаимодополнения в международном разделении труда. Некоторые видные представители делового мира США считают даже, что торговый оборот между двумя странами к концу века мог бы составить до 50 млрд. долл. в год.

Значительный ущерб советско-американским торгово-

экономическим и научно-техническим связям нанесли действия администрации Картера, предпринятые в начале 1980 года, когда американское правительство, нагнетая напряженность вокруг так называемого «афганского вопроса», резко ограничило экспорт зерна в Советский Союз и запретило поставки по ранее заключенным контрактам различных видов техники.

Администрация Р. Рейгана под воздействием сильного давления фермерских организаций и крупных компаний — экспортеров зерна вынуждена была отменить введенные Дж. Картером ограничения на поставки зерна в СССР. Но в других областях советско-американской торговли администрация Рейгана продолжила, а по ряду направлений и ужесточила линию своих предшественников, увеличивая список товаров, продажа которых в Советский Союз и другие страны социалистического содружества должна в каждом конкретном случае осуществляться по специальному разрешению правительства, оценивающего потенциальную значимость той или иной экспортной сделки с социалистическими странами с точки зрения интересов «национальной безопасности» США. На рубеже 70—80-х годов американское государственное руководство резко усилило нажим и на своих союзников с тем, чтобы они жестче контролировали торговлю своих частных компаний с Советским Союзом и другими социалистическими странами под тем предлогом, что ряд товаров имеет «стратегическое значение». В целом этот вопрос в последние годы стал играть значительно более заметную роль, чем в предыдущий период, когда и политические, и экономические отношения между СССР и США развивались в более позитивном ключе.

Нападая на разрядку, стремясь разрушить все то конструктивное, что с таким большим трудом удалось создать в начале — середине 70-х годов, правые, милитаристские силы в США еще несколько лет назад, замалчивая взаимовыгодный характер советско-американской торговли, начали «доказывать», что различные виды техники, закупаемые советской стороной у американских компаний, в первую очередь укрепляют-де военный потенциал Советского Союза. При этом правые начали открыто обвинять компании, осуществляющие продажи в СССР, в нанесении ущерба интересам «национальной безопасности» США, в пособничестве не просто главному противнику «в будущей решающей схватке», но государству, которое и сегодня оказывает активную помощь национально-освободительному движению, подрывающему позиции Соединенных Штатов.

Нельзя не отметить, что подобная лихо заверченная пропагандистская кампания оказала воздействие на американское общественное мнение в целом и на отношение многих предпринимателей к торговле с СССР в частности.

Одновременно политическое руководство США отнюдь не отказывалось от активного политического противоборства с Советским Союзом, от закулисных манипуляций и интриг, направленных на ослабление мирового революционного движения, от подрывных операций, проводимых американскими спецслужбами.

Наиболее показательными в этом отношении была деятельность Г. Киссинджера на Ближнем Востоке и организованное Центральным разведывательным управлением США свержение в Чили правительства С. Альенде и установление крайне реакционной диктатуры Пиночета. Значительные усилия, особенно в период пребывания у власти администрации Картера, были направлены на реализацию концепций, в которых делалась ставка на «эрозию» социалистического содружества, на активизацию деятельности антисоциалистических элементов в странах социалистического содружества.

В 70-е годы неоднократно высказывалась принципиально верная мысль о том, что торгово-экономические отношения и научно-техническое сотрудничество между СССР и США могли бы стать известным стабилизатором и политических отношений. Однако этого не произошло; предприниматели, вовлеченные в деловые отношения с советскими организациями, не смогли послужить сдерживающей силой при нагнетании правительством США напряженности в отношениях с Советским Союзом несмотря на то, что заинтересованность в различных коммерческих сделках с СССР в тот период проявляли десятки и даже сотни ведущих промышленных и торговых компаний и банков США; причем главным образом это были транснациональные компании, выпускающие преимущественно продукцию невоенного назначения. Представляется, что причин этому несколько.

Многие представители американского транснационального бизнеса в политике разрядки видели либо временную и вынужденную меру, на которую Соединенные Штаты заставило пойти лишь такое экстраординарное событие, как их поражение во Вьетнаме, либо имели свое, узкоклассовое, упрощенно диалектическое понимание разрядки. Значительное число этих монополистов и поддерживающих их государственных и политических деятелей США связывали с разрядкой надежды на «перерождение» СССР, его

отказ от идеологической борьбы, на раздел мира на сферы влияния между США и СССР и даже на совместное поддержание социального и политического статус-кво в мире.

Как известно, подобные необоснованные надежды были вскоре опрокинуты развитием мировых событий. Советский Союз отнюдь не отказался от активной поддержки национально-освободительного движения, идеологической борьбы. Более того, в условиях разрядки усилились процессы объективных социальных перемен, укреплялись позиции социалистического содружества, развивающихся стран.

Как подчеркивает советский ученый Ю. Красин, разрядка «ограничила возможности открытого вмешательства империализма в дела других народов, ослабила позиции военно-промышленного комплекса, активизировала силы национального и социального освобождения»²⁸.

Главы американских транснациональных корпораций в штыки встретили требования развивающихся стран об установлении нового международного экономического порядка, национализации собственности ТНК в различных районах мира. И хотя заграничные инвестиции американских монополий и масштабы их внешнеторговых операций в 70-е годы продолжали расти, в целом международная обстановка к началу 80-х годов подавляющим большинством предпринимателей данной группы интерпретировалась как весьма неблагоприятная. Причем многие из них главный источник всех своих бед видели в Советском Союзе.

В то же время, как уже отмечалось выше, советско-американская торговля, научно-техническое сотрудничество не получили должного развития, не достигли таких масштабов, чтобы стать существенным стабилизирующим фактором в подходе американских монополий к некоторым проблемам современных международных отношений, к политико-дипломатическим и военно-политическим отношениям между СССР и США. Поэтому под воздействием упомянутых и некоторых других факторов в конце 70 — начале 80-х годов многие лидеры транснационального бизнеса в США в своем подходе к советско-американским отношениям, включая торговлю и научно-техническое сотрудничество, фактически сомкнулись с лидерами военно-промышленного комплекса, встретившими политику разрядки в штыки с самого начала.

Таким образом, можно предположить, что если имеющийся потенциал взаимовыгодной торговли, промышленно-экономического и научно-технического сотрудничества между двумя странами будет реализован, то эти отноше-

ния, развиваемые на коммерческой основе, могут все же стать стабилизатором советско-американских отношений в целом.

При определении соотношения сил между СССР и США исключительно важную роль играет такой фактор, как уровень военной мощи.

К началу 70-х годов Советский Союз за счет преимуществ плановой экономики, научно-технических достижений, отсутствия хищнической системы военных подрядов, созданной в США в угоду корыстным интересам военно-промышленного комплекса, добился выдающихся успехов в военном строительстве. «Советский Союз, обладая меньшим, чем у США, общим экономическим потенциалом, сумел в условиях навязанного ему империализмом военного противостояния добиться равенства, паритета с США в такой жизненно важной области, как стратегические вооружения. Это стало, как известно, серьезнейшей преградой на пути развязывания империализмом новой мировой войны. В этом — величайшая заслуга советской науки и техники перед народами социалистических стран, перед всем человечеством, перед мировой цивилизацией»²⁹, — отмечал акад. Н. Н. Иноземцев.

Немаловажным оказался при этом факт признания примерного равенства сторон в стратегической области со стороны американского государственного руководства.

Путь к такому признанию для руководства США был весьма длительным, сложным и во многом противоречивым.

Неопровержимые факты говорят о том, что Соединенные Штаты в течение всего послевоенного периода неоднократно пытались добиться стратегического превосходства над Советским Союзом, с тем чтобы использовать его как орудие политического давления. Американские реакционные круги, дезориентируя общественное мнение в США и в других странах, а также стремясь добиться согласия со своими планами и устремлениями от умеренной группы правящего класса, каждый очередной рывок в гонке вооружений подготавливали массивной пропагандистской кампанией, в основе которой лежал миф о «советской военной угрозе». Так, в середине 50-х годов Пентагон широко пропагандировал тезис о якобы имевшемся отставании США от СССР в стратегических ВВС, оснащенных атомными бомбами, создавая одновременно вокруг Советского Союза широкую сеть авиационных баз.

В конце 50 — начале 60-х годов был широко разрекла-

мирован тезис о «ракетном отставании» США от СССР, выдвинутый в 1959 году министром обороны в республиканской администрации Эйзенхауэра Н. Макэлроем. Министр обороны в правительстве президента-демократа Дж. Кеннеди Р. Макнамара в 1962 году признал, что тезис о «ракетном отставании» США не соответствует действительности. Но пропагандистская кампания вокруг этого тезиса уже сделала свое дело — были запущены основные программы строительства ракетных компонентов стратегических сил: межконтинентальные баллистические ракеты «Минитмен» и системы стратегического оружия морского базирования «Поларис» и «Посейдон», которые в совокупности с созданными ранее бомбардировщиками Б-52 составили (с рядом важных модификаций) основу стратегических сил США в 70-е — начале 80-х годов³⁰.

Подобные фальсификации со стороны реакционных кругов в США продолжались и в последующие годы.

Цель тех, кто раздувает эту кампанию, — разрушение основ отношений стратегического паритета, которые сложились в 70-е годы между СССР и США и были закреплены в соответствующих соглашениях. Эти кампании призваны обосновать новый американский рывок в гонке стратегических вооружений, еще одну попытку достичь стратегического превосходства над Советским Союзом.

Между тем ряду американских специалистов и политических деятелей еще в 50-е и 60-е годы стала очевидна бесплодность таких попыток. Когда Советский Союз в ответ на резкое наращивание американской стратегической авиации создал свои стратегические ВВС, оснащенные атомным оружием и способные поражать цели на территории США, Г. Киссинджер в своем получившем известность исследовании «Ядерное оружие и внешняя политика» (1957 г.) отметил: «Создание в Советском Союзе межконтинентальных бомбардировщиков, способных преодолевать огромные расстояния и возвращаться на свои базы, вместе с увеличением советских запасов ядерного оружия явилось причиной коренного изменения в стратегическом соотношении сил в послевоенный период»³¹.

Значительное воздействие на мышление ряда американских специалистов и политических деятелей оказало создание Советским Союзом ракетно-ядерного оружия. В 1956 году была успешно испытана и принята к эксплуатации первая советская стратегическая боевая ракета с ядерным боевым зарядом, разработанная акад. С. П. Королевым, несколько позже — ракета с ядерным зарядом для

вооружения подводных кораблей Советского Военно-Морского Флота. 21 августа 1957 г. впервые в мире в Советском Союзе была испытана двухступенчатая межконтинентальная баллистическая ракета, созданная в ОКБ С. П. Королева³².

Однако в тот период выводы о качественном изменении стратегического баланса СССР — США не вошли в исходные постулаты военно-политической стратегии ни администрации Эйзенхауэра, ни сменившей ее администрации Кеннеди.

Тем не менее понимание новизны стратегической ситуации, сложившейся в связи с появлением у Советского Союза гарантированной способности нанести мощный ответный ракетно-ядерный удар по Соединенным Штатам в случае начала войны, сыграло весьма важную роль при принятии высшим американским руководством решений в ходе карибского кризиса (октябрь 1962 г.). Заслуживающим внимания в связи с этим является свидетельство членов специальной группы при президенте Дж. Кеннеди, созданной в период карибского кризиса (так называемая ЭКСКОМ), в которую входили министр обороны в администрации Кеннеди Р. Макнамара, госсекретарь Д. Раск, заместитель госсекретаря Дж. Болл, заместитель министра обороны Р. Гилпатрик, помощники президента Кеннеди Т. Соренсен и М. Банди. В канун двадцатилетней годовщины этого кризиса бывшие члены специальной группы сделали заявление, в котором подчеркивалось, что даже при наличии американского превосходства в ядерных вооружениях в тот период советская сторона при любом варианте развития военного конфликта сохраняла неуязвимыми ядерные силы, способные нанести Соединенным Штатам тяжелые потери. Тем самым упомянутые деятели стремились доказать сторонникам достижения «ядерного превосходства» над Советским Союзом в администрации Рейгана и конгрессе, что в условиях наличия у обеих сторон огромной разрушительной мощи подобные попытки бессмысленны³³.

Советский Союз ответил на предпринятый Соединенными Штатами в начале 60-х годов рывок в ракетно-ядерных стратегических вооружениях соответствующим укреплением своих стратегических сил. Уже в 1963 году министр обороны Р. Макнамара вынужден был признать, что военные мероприятия СССР не дают возможности Соединенным Штатам посредством упреждающего ядерного удара уничтожить советские стратегические силы, избежав при

этом ответного уничтожающего удара СССР по промышленным центрам США. Несколько позднее, к концу 60-х годов, на основе подсчетов ряда американских специалистов Р. Макнамара пришел к выводу о том, что необходимо лишь 400 доставленных к цели ядерных зарядов мощностью в 1 Мт каждый, чтобы «эффективно разрушить Соединенные Штаты»³⁴.

Именно в 60-е годы Советский Союз стал обладателем той стратегической мощи, которая является надежным средством сдерживания любого агрессора. Ядерное оружие стало основным во всех видах Вооруженных Сил СССР. Ядерные боеприпасы были дифференцированы по своему назначению в связи с возможностью выполнения этим оружием широкого диапазона боевых задач: они стали подразделяться на стратегические, оперативно-тактические и тактические, по мощности в тротиловом эквиваленте от нескольких тонн до сотен миллионов тонн. Развитие ядерного оружия шло и идет по линии уменьшения его габаритов и массы при заданной мощности, совершенствования автоматики подрыва, улучшения его эксплуатационных качеств.

Решая проблему обеспечения ядерного оружия средствами доставки, советская наука и техника, военно-теоретическая мысль исходили из того, что основным и наиболее надежным средством являются ракеты различного типа и предназначения, поскольку ракеты вообще, а межконтинентальные в особенности обладают значительными преимуществами перед авиацией. Для баллистических ракет практически утрачивают значение факторы пространства, природных и климатических условий; резко сокращается время доставки заряда к цели, очень существенно снижается уязвимость от средств противовоздушной обороны противника. За счет этого повышается надежность поражения различных объектов, расположенных практически на любом удалении от места запуска соответствующих ракет³⁵.

В послевоенном строительстве армии и флота СССР важным являлось создание и быстрое развитие самого молодого вида Советских Вооруженных Сил — Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Решение о создании РВСН было объявлено в январе 1960 года на сессии Верховного Совета СССР. Ракетные войска стратегического назначения стали основой боевого могущества Советских Вооруженных Сил за счет своей способности в кратчайший срок решить задачи по уничтожению средств ядерного нападения, разгрому главных группировок войск

и подрыву всего военно-экономического потенциала противника. Развитие РВСН, являющихся войсками постоянной боевой готовности,— вынужденная, необходимая мера, ориентированная на сдерживание агрессивных устремлений враждебных СССР и его друзьям и союзникам сил³⁶.

Ракетным оружием оснащен и Советский Военно-Морской Флот. Первый образец баллистической ракеты для подводных лодок появился в Советском Союзе еще в начале 50-х годов, а к концу этого же десятилетия они стали поступать на вооружение подводных лодок; для запуска этих ракет требовалось всплытие подводной лодки в надводное положение. Позже были созданы баллистические ракеты, стартующие прямо из-под воды. Эти ракеты, несущие ядерный заряд огромной мощности и имеющие дальность полета, измеряемую тысячами километров, обладают способностью выполнять стратегические задачи³⁷.

Подводные лодки с ядерными двигательными установками, оснащенные ракетно-ядерным оружием с подводным стартом, стали важным компонентом стратегических сил СССР. Они способны в короткие сроки вывести из строя важнейшие объекты противника в любом районе земного шара. Подводные стратегические ракетноносцы также представляют эффективное средство сдерживания агрессора³⁸.

В самом конце 60-х годов высшее политическое руководство США в лице администрации Р. Никсона признало наличие стратегического паритета между СССР и США.

В 1969 году на пресс-конференции в Белом доме Р. Никсон заявил: «Я хотел бы напомнить представителям печати, что в то время (в начале 60-х годов, в период президентства Кеннеди.— А. К.) все специалисты сходились на том, что превосходство Соединенных Штатов над Советским Союзом в совокупном ядерном потенциале выражалось в соотношении по меньшей мере 4 : 1, а может быть 5 : 1. Сейчас дело обстоит иначе. Разрыв ликвидирован. Его уже больше никогда не будет...»³⁹.

В ходе начавшихся несколько позднее советско-американских переговоров по ограничению стратегических вооружений в Хельсинки (а затем в Вене) были сформулированы принципы равенства и одинаковой безопасности сторон. На основе этих принципов 26 мая 1972 г. в Москве высшими руководителями двух стран были подписаны Договор об ограничении систем противоракетной обороны (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений.

Договор о ПРО 3 июля 1974 г. был дополнен протоколом, ограничившим размещение систем ПРО каждой стороны одним районом (с максимум 100 противоракетами согласно ст. 3 Договора). Эта договоренность по существу означала отказ обеих сторон от создания систем противоракетной обороны и имела, как справедливо отметил В. В. Журкин, «огромное принципиальное значение. Отказ от создания такой системы стал... признанием неотвратимости возмездия»⁴⁰.

После этого начались переговоры по ограничению стратегических вооружений второго этапа (ОСВ-2), которые 18 июня 1979 г. завершились подписанием в Вене Договора об ограничении стратегических наступательных вооружений, являющегося более объемным и всеохватывающим документом, чем упомянутое Временное соглашение 1972 года.

В постановлении Политбюро ЦК КПСС, Президиума Верховного Совета СССР и Совета Министров СССР после подписания данного договора отмечалось: «Венская встреча знаменует важный шаг вперед по пути оздоровления советско-американских отношений и всего международного политического климата. Полное претворение в жизнь подписанных в Вене документов открывает новые возможности для того, чтобы прекратить наращивание арсеналов ракетно-ядерного оружия, обеспечить их действенное количественное и качественное ограничение. Решение этой задачи явилось бы новым этапом сдерживания гонки ядерных вооружений и открывало бы дорогу к существенному сокращению вооружений и к реализации высшей цели: полному прекращению производства и ликвидации запасов ядерного оружия»⁴¹.

Но такая цель не устраивала реакционные силы США, прежде всего военно-промышленный комплекс. Чтобы помешать ратификации Договора ОСВ-2, в Соединенных Штатах была развернута ожесточенная антисоветская кампания, в которую оказалась втянутой значительная часть американских государственных и политических деятелей, а в начале 1980 года к этой кампании фактически присоединился и президент Дж. Картер, который решил отложить ратификацию Договора ОСВ-2 на неопределенное время из-за предлогом афганских событий.

Попытки Картера, спохватившегося, что подписание этого договора оказалось чуть ли не единственным достижением администрации, оживить вопрос о его ратификации — отдельные моменты президентской кампании 1980 года

ни к чему не привели. Шансы на ратификацию Договора ОСВ-2 еще более ухудшились после выборов 1980 года, когда произошло значительное поправление сената. К тому же и новая республиканская администрация Р. Рейгана демонстрировала свое явно негативное отношение к данному договору. Более того, гораздо громче стали звучать голоса противников ограничения стратегических вооружений в целом. Стал, в частности, подниматься вопрос о пересмотре или даже отказе от бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны.

Для «обоснования» подобных требований использовались надуманные, подтасованные данные о соотношении стратегических ядерных вооружений СССР и США, утверждения о том, что Советский Союз-де добился или добивается превосходства в этой области над Соединенными Штатами, что ни в коей мере не соответствует действительности. В процессе разработки Договора об ограничении стратегических вооружений (ОСВ-2) соотношение стратегических сил неоднократно выверялось самым тщательным образом наиболее квалифицированными экспертами с советской и американской сторон. В результате был сделан вывод о том, что существует примерное равенство по носителям: 2500 у одной стороны и около 2300 у другой, при наличии преимущества по числу ядерных зарядов у американской стороны. При подписании этого соглашения была достигнута договоренность, что по вступлении его в силу каждая из сторон обязуется ограничить стратегические вооружения суммарным количеством, не превышающим сначала 2400 единиц, а с 1 января 1981 г. — 2250 единиц. Согласно договору, Советский Союз должен был демонтировать примерно 250, а Соединенные Штаты — около 30 носителей. У советской стороны на наземные межконтинентальные баллистические ракеты приходится около 70% боеголовок, а у НАТО — около 20%, что отнюдь не нарушает баланса стратегических потенциалов, так как у Соединенных Штатов на баллистических ракетах подводных лодок и на тяжелых бомбардировщиках размещено свыше 80% боеголовок, то есть в несколько раз больше, чем на аналогичных компонентах стратегических сил СССР⁴².

Администрация Рейгана усилила милитаристские тенденции политики США, отчетливо обозначившиеся в последние годы пребывания у власти администрации Дж. Картера. Были значительно увеличены ежегодные военные ассигнования, в том числе на стратегические силы

США. Со стороны ряда видных членов администрации последовали недвусмысленные заявления о том, что при планировании и развертывании систем стратегического оружия американская сторона будет руководствоваться в первую очередь не положениями так и не ратифицированного Договора ОСВ-2, а чисто военными соображениями.

Большую опасность для нарушения стратегического баланса СССР — США представляют новые американские системы стратегических вооружений, находящиеся в начале 80-х годов на различных стадиях разработки, испытаний и развертывания. В специальном исследовании конгресса США, например, признавалось, что значительный дестабилизирующий эффект может иметь принятие на вооружение новой межконтинентальной баллистической ракеты «МХ», поскольку она, если будет развернута в большом количестве, может рассматриваться советской стороной как оружие «первого удара», нацеленное на главный компонент советских стратегических ядерных сил — наземные межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Ответной реакцией советской стороны может стать значительное увеличение числа боеголовок индивидуального наведения на цель для МБР, что, в свою очередь, сделает гораздо более уязвимым наземный компонент американской стратегической «триады».

Дестабилизирующее воздействие на стратегическое равновесие может оказать и принятие на вооружение разрабатываемой ракеты морского базирования «Трайидент-II» (Д-5), точность и поражающая способность боеголовок которой может быть соизмерима с соответствующими параметрами у МБР, таким образом и «Трайидент-II» может быть использована для нанесения «первого удара» по позициям советских МБР⁴³.

В конце 70 — начале 80-х годов в США развернулись активные дебаты по вопросам, связанным с принятием на вооружение ракет «МХ». Вначале администрация Картера выдвинула план размещения около 200 мобильных ракет «МХ», каждая из которых должна нести 10 ядерных боеголовок повышенной точности и мощности и перемещаться с помощью транспортера на стартовых комплексах (по так называемому «скаковому кругу») между многочисленными защищенными укрытиями⁴⁴.

Этот план позднее был отвергнут как чересчур громоздкий. Сыграло свою роль и то, что гигантские стартовые комплексы для такого типа базирования должны были создаваться в тех штатах, население которых очень резко вы-

ступило против них. После нескольких лет активных дебатов вокруг способа базирования «МХ»*, в ходе которых был отвергнут и целый ряд других «экзотических» вариантов базирования этой ракеты, специально созданная комиссия под руководством бывшего помощника президента Дж. Форда по национальной безопасности, отставного генерал-лейтенанта Б. Скаукрофта, в которую вошли как республиканцы, так и демократы, рекомендовала разместить 100 ракет «МХ» в шахтах из-под МБР «Титан II» и «Минитмен»⁴⁵.

Президент Рейган согласился с рекомендациями данной комиссии в отношении «МХ» и развернул бурную активность по проталкиванию в конгрессе этой системы, ставшей для него своего рода политическим символом.

Еще в самом начале своей деятельности администрация Рейгана выдвинула для протаскивания этой системы концептуальное обоснование, заявив о возникновении в наземном компоненте стратегических сил США так называемого «окна уязвимости», которое якобы могут закрыть лишь ракеты «МХ». При этом обуславливалось, что эти ракеты должны обладать значительно меньшей уязвимостью, чем «Минитмены» и «Титаны». В результате же было принято решение размещать «МХ» в тех же шахтах, с той же степенью уязвимости, что и у ракет предыдущего поколения. Это сделало полностью очевидной суть системы «МХ» — не «оборонительного» оружия, повышающего неуязвимость сил сдерживания, а, наоборот, наступательного оружия первого удара⁴⁶.

Комментируя рекомендацию доклада комиссии Скаукрофта по «МХ», политический обозреватель «Нью-Йорк таймс» Ф. Льюис писала: «Доклад подрывает теорию «окна уязвимости», на которой основывается «МХ». Существующие американские силы сдерживания воздушного, морского и наземного базирования будут надежными еще длительное время...»⁴⁷.

Опаснейшим направлением военной и внешней политики США в 80-е годы является возрождение на новой военнотехнической базе концепций «ограниченной» войны, которое началось с выдвижения в 1974 году «доктрины Шлесинджера» и получило формальное закрепление в подпи-

* Против развертывания данной ракеты в принципе выступает целый ряд видных политических и государственных деятелей США — сенатор Э. Кеннеди, конгрессмены А. Гор, Л. Эспин, претенденты на президентский пост на выборах 1984 года сенаторы Дж. Гленн и А. Крэнстон, бывший вице-президент У. Мондейл и др.

санной Дж. Картером «президентской директиве № 59» (1980 г.). Более того, с недавних пор все громче слышны голоса тех американских стратегов, которые, занимаясь опаснейшей ядерной схоластикой, провозглашают тезис о возможности достижения «стратегического превосходства» над СССР и даже «победы» в ядерной войне.

В обсуждении этих тем на чисто военном, оперативном и стратегическом уровне нет ничего принципиально нового. Объединенный комитет начальников штабов, стратегическое авиационное командование США, ряд других военных органов традиционно рассматривали и рассматривают данные вопросы именно в таком ракурсе. Особую озабоченность в последнее время вызывает то, что вопросы «ограниченной» ядерной войны, «затяжной» ядерной войны, «победы в ядерной войне» и т. п., с одной стороны, выносятся на высший политический, государственный уровень, а с другой — активно внедряются в массовое сознание американцев.

«От официальных представителей в Вашингтоне слышны рассуждения насчет возможности «ограниченной», «затяжной» и прочих разновидностей ядерной войны. Людей пытаются успокоить, приучить к мысли о ее приемлемости. Поистине надо быть слепым к реальностям нашей эпохи, чтобы не видеть: каким бы образом, где бы ни вспыхнул ядерный смерч, он неизбежно выйдет из-под контроля, вызовет всеобщую катастрофу,— отмечал Ю. В. Андропов.— Наша позиция по этому вопросу ясна: ядерной войны допустить нельзя — ни малой, ни большой, ни ограниченной, ни тотальной. Остановить поджигателей новой войны — нет сейчас задачи важнее. Этого требуют жизненные интересы всех народов»⁴⁸.

О подходе администрации Рейгана к политической роли военной силы, в том числе ядерного оружия, красноречиво говорят следующие высказывания ее высших должностных лиц.

«Основополагающие национальные интересы требуют, чтобы США могли... с относительной свободой использовать военную мощь для защиты своих интересов, если это окажется необходимо, не только в Европе, но также и в других стратегически важных районах мира. На мой взгляд, и здесь я говорю от имени президента Рейгана,— это должно оставаться минимальной целью существования нашего ядерного арсенала»⁴⁹,— заявлял бывший директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Ю. Росту.

В соответствующем духе выдержано и высказывание министра обороны К. Уайнбергера: «Мы должны быть готовы воевать без промедления во множестве районов земного шара и воевать до победного конца»⁵⁰.

Им вторит помощник президента по национальной безопасности У. Кларк, известный своей близостью к Р. Рейгану: «Наша стратегия должна состоять в том, чтобы использовать вооруженные силы для достижения конкретных политических целей и делать это быстро и на условиях, выгодных США и нашим союзникам»⁵¹.

Подобные установки на политическое использование военной силы во многом базируются на стремлении администрации Рейгана и стоящих за ней наиболее воинствующих и авантюристических группировок монополистической буржуазии обрести военное превосходство над Советским Союзом, даже если для этого потребуется поставить человечество под угрозу уничтожения.

Стратегическая ракетно-ядерная мощь Советского Союза, его огромный научно-технический и экономический потенциал, идейно-политическое единство советского народа делают подобные надежды иллюзорными.

«Программы дальнейшего наращивания вооружений не заставят Советский Союз пойти на односторонние уступки. На вызов американской стороны мы будем вынуждены отвечать развертыванием соответствующих своих систем оружия: на «МХ» — аналогичной своей ракетой; на американскую крылатую ракету дальнего действия — своей крылатой ракетой дальнего действия, которая у нас уже испытывается»⁵², — отмечал тов. Ю. В. Андропов.

Сохранение стратегического равновесия в условиях раскручивания Соединенными Штатами новых витков гонки вооружений требует от Советского Союза соответствующих контрмер, которые отвлекают немалые средства от созидательного народнохозяйственного развития нашей страны. Как отмечал акад. П. Н. Федосеев, гонка вооружений, разумеется, сказывается негативно на экономике социалистических стран. Она отвлекает значительные средства и немалый контингент квалифицированной рабочей силы от решения актуальных проблем развития народного хозяйства, от повышения благосостояния народа. Советский Союз безусловно заинтересован в прекращении гонки вооружений, поскольку это не только снизит угрозу войны, но и позволит эффективнее решать проблемы экономического характера. При этом необходимо подчеркнуть, что в социалистическом обществе нет и не может быть социальных

групп, материально заинтересованных в гонке вооружений⁵³.

«Ограничение стратегических вооружений и их сокращение — проблема чрезвычайная. Мы со своей стороны готовы продолжать без промедления соответствующие переговоры с США с сохранением всего того положительного, что до сих пор было достигнуто в этой области. Разумеется, переговоры могут вестись только на основе равенства и одинаковой безопасности. На соглашение, которое давало бы односторонние преимущества США, мы не пойдем. Здесь не должно быть иллюзий. По нашему мнению, в надлежащее время в такие переговоры должны включиться и все остальные ядерные державы»⁵⁴, — отмечалось на XXVI съезде КПСС. Примером неразумности, бесперспективности раскручивания новых витков гонки вооружений Соединенными Штатами могут служить их усилия по развертыванию новой системы стратегического оружия морского базирования «Трайидент», призванной заменить системы «Поларис» и «Посейдон». «В свое время мы предлагали запретить создание морской... системы «Трайидент» в США и соответствующей системы — у нас. Это предложение не было принято. В результате у американцев создана новая подводная лодка «Огайо» с ракетами «Трайидент-1». Аналогичная система — «Тайфун» — создана и у нас. Ну и кто же от этого выиграл?

Мы готовы договориться об ограничении развертывания новых подводных лодок — в США типа «Огайо» и подобных в СССР. Мы могли бы также пойти на договоренность о запрещении модернизации существующих и создания новых баллистических ракет, размещаемых на этих лодках»⁵⁵.

В планах реакционных сил США присутствуют и неоправданные надежды на «истощение» в более крупномасштабной гонке вооружений социалистического содружества, которые основываются на многократном преувеличении реальных экономических проблем, существующих в СССР и других социалистических странах. Однако реальные проблемы экономики социализма успешно решаются в соответствии с установками съездов КПСС, братских коммунистических и рабочих партий.

Через некоторое время после прихода к власти, ощущая возрастающий напор антивоенного движения, к которому примкнул и ряд представителей американского конгресса, администрация Р. Рейгана вынуждена была пойти на переговоры с Советским Союзом по ограничению и со-

кращению стратегических вооружений и по ограничению ядерных вооружений в Европе.

Однако выдвигаемые администрацией Рейгана на этих переговорах в 1981—1983 годах предложения были явно неприемлемы для Советского Союза, они призваны лишь создать видимость готовности администрации к соглашениям. В сентябрьском (1983 г.) Заявлении Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Ю. В. Андропова относительно поведения американской стороны на переговорах по ограничению ядерных вооружений в Европе отмечалось, что она «лишь прикрывается рассуждениями о некой гибкости США на переговорах в Женеве... Нам предлагают вести разговор о том, как помочь блоку НАТО сломать к его выгоде существующий в европейской зоне баланс по ядерным средствам средней дальности»⁵⁶. Аналогичная линия проводилась администрацией Рейгана и на переговорах по ограничению и сокращению стратегических вооружений. «Не видим мы у американской стороны желанья по-настоящему заниматься и решением проблемы ограничения и сокращения стратегических вооружений. Сейчас в американской столице заняты другим: ставят на конвейер производство все новых систем и этих вооружений. А на подходе такие их виды, которые вообще в корне могут перевернуть представления о стратегической стабильности и о самой возможности эффективного ограничения и сокращения ядерных вооружений»⁵⁷. Под прикрытием «дымовой завесы» переговоров наиболее милитаристское крыло правящих кругов США стремилось форсировать реализацию тех планов дополнительного наращивания военной мощи, которые намечены на 80-е годы. Они пытаются втянуть в новый виток гонки вооружений и социалистические страны, создать такую обстановку, в которой переговоры, а тем более договоренности станут невозможными, а сверхприбыли и обилие генеральских постов для военно-промышленного комплекса будут гарантированы на многие годы.

Как отмечал в своей речи перед избирателями 2 марта 1984 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, политика откровенного милитаризма, претензий на мировое господство, проводимая наиболее агрессивными силами американского империализма, вынуждает Советский Союз самое серьезное внимание уделять укреплению обороны страны. «Советские люди хотят не наращивания вооружений, а их сокращения с обеих сторон, — подчеркивал К. У. Черненко. — Но мы обязаны заботиться о достаточной

безопасности своей страны, ее друзей и союзников. Это и делается. И пусть знают все, что никаким любителям военных авантур не удастся заставить нас врасплох, никакой потенциальный агрессор не может надеяться избежать сокрушительного ответного удара»⁵⁸.

Уделяя большое внимание укреплению своей обороноспособности перед лицом активизации деятельности наиболее агрессивных, милитаристских сил в США и ряде других развитых капиталистических стран, Советский Союз исходит из того, что укрепление безопасности самым непосредственным образом связано с политико-дипломатическими мерами по ограничению и сокращению вооружений, по стабилизации стратегического баланса. Добиваясь стабилизации отношений между СССР и США в военно-стратегической области, Советский Союз выдвигает разнообразные предложения по укреплению мер доверия. Предлагаются улучшение линий прямой связи между руководителями Советского Союза и Соединенных Штатов, предварительные извещения об испытаниях новых или учебных ракет, расширение обмена информацией. Советские инициативы предусматривают запрещение полетов тяжелых бомбардировщиков и плавание авианосцев одной стороны в согласованных зонах, примыкающих к территории другой стороны; заблаговременное оповещение друг друга о массовом подъеме в воздух тяжелых бомбардировщиков и самолетов передового базирования; установление для подводных лодок-ракетоносцев зон, в которых запрещалась бы любая противолодочная деятельность другой стороны⁵⁹.

Опасным шагом, нацеленным на дестабилизацию стратегического равновесия СССР — США, стало заявление президента Рейгана, сделанное им 23 марта 1983 г., о планах создания широкомасштабной системы противоракетной обороны с использованием космических средств и различных видов лучевого оружия. Эти планы преподносились им как сугубо оборонительное мероприятие, как позитивный шаг, который «содержит надежду на изменение курса истории человечества»⁶⁰. Причем если в выступлении президента говорилось о создании такой системы к началу следующего столетия, то ряд американских политических деятелей экстремистского толка начал призывать к тому, чтобы эти планы были осуществлены уже в ближайшие годы.

Выступление президента США было проникнуто демагогией и нацелено на дезориентацию общественного мнения, на то, чтобы открыть каналы для новых гигантских

военных программ, приносящих сверхприбыли тем группировкам монополистической буржуазии, которые привели к власти его администрацию. Решение о начале разработки новой системы противоракетной обороны было принято администрацией Рейгана вопреки мнению многих авторитетных американских экспертов, ученых и политических деятелей, ставивших под сомнение и реальность, и целесообразность создания такой системы.

Весьма критически в отношении возможности создания эффективной системы противоракетной обороны высказался бывший министр обороны США (в администрации Картера) Г. Браун, известный ученый-физик, возглавлявший до прихода в Пентагон Ливерморскую физическую лабораторию и Калифорнийский технологический институт. В своей книге «Размышления о национальной безопасности» он подчеркнул, что в условиях наличия огромного количества ядерных боеприпасов даже в сочетании с широкими мерами по гражданской обороне и «контрсилловым потенциалом» стратегических наступательных вооружений нападающая сторона, обладающая ПРО, не может быть гарантирована от огромных потерь населения в результате ответного удара другой стороны. Сама по себе попытка создания любой противоракетной обороны, в том числе с использованием размещенных на околоземной орбите мощных лазерных устройств, может создать, подчеркивает Браун, весьма опасную иллюзию⁶¹.

Отражая мнение многих американских специалистов, известный военно-политический обозреватель С. Тэлбот пишет, что нет никаких сомнений в том, что Советский Союз в ответ на вызов со стороны Соединенных Штатов вполне способен предпринять аналогичные шаги по созданию любой системы ПРО и одновременно усовершенствовать наступательные стратегические вооружения так, чтобы они способны были преодолеть любую, самую изощренную систему противоракетной обороны, которую создадут США.

Создание широкомасштабной системы ПРО значительно усложнит и без того очень громоздкий и хрупкий механизм стратегического баланса между СССР и США и значительно увеличит опасность принятия трагически ошибочных решений в кризисной обстановке. Особенно опасной может стать система ПРО, базирующаяся в космосе, ориентированная на уничтожение ракет сразу же после старта, поскольку она вполне может рассматриваться и как средство нападения, как оружие «первого удара», так как будет по

крайней мере теоретически способна уничтожить ракеты еще на стартовых позициях⁶².

Ведущие советские ученые, обратившись по поводу указанного выступления президента Рейгана с открытым письмом ко всем людям доброй воли, заявили со всей ответственностью, что в ядерной войне эффективных оборонительных средств нет и создание их практически невозможно.

Попытка же создания так называемого «оборонительного оружия» против стратегических ядерных сил другой стороны, о которой заявлял президент США, неизбежно выльется в появление еще одного элемента, усиливающего на деле американский потенциал «первого удара», — именно на этом сосредоточено в последнее время развитие американских стратегических вооружений. Такое «оборонительное оружие» практически ничего не может дать стране, подвергшейся внезапному массированному нападению, так как оно неспособно защитить подавляющее большинство населения. Применение противоракетного оружия прежде всего подходит именно для нападающей стороны, стремящейся уменьшить силу ответного удара. Однако полностью предотвратить ответный удар по агрессору противоракетное оружие тоже не может. Так что инициатива президента США, обещающего создать новое противоракетное оружие, ориентирована на явную дестабилизацию существующего стратегического баланса. «Своим заявлением президент создает опаснейшую иллюзию, которая может обернуться еще более угрожающим витком гонки вооружений. Мы твердо убеждены, что этот акт приведет к резкому ослаблению международной безопасности, в том числе безопасности и самих Соединенных Штатов. Администрация США демонстрирует крайнюю безответственность в вопросе самого существования человечества»⁶³, — подчеркивали советские ученые.

Комментируя планы рейгановской администрации по созданию широкомасштабной системы противоракетной обороны, вице-президент Академии наук СССР акад. Е. П. Велихов отметил: «Ясно, однако, что реализации этой новой угрозы Советский Союз не допустит. СССР, и это не секрет, находится сегодня в совершенно ином, нежели в 40—50-х годах, положении. С Соединенными Штатами он имеет и стратегический баланс, и в значительной мере, я бы сказал, технологический баланс. Все, что потребуется для ответа на новый вызов США, в СССР будет сделано. Но легче от этого, честно говоря, никому не станет, по-

сколько опасность ядерной войны еще больше возрастет»⁶⁴.

В интервью газете «Правда» тов. Ю. В. Андропов по поводу данного выступления Рейгана отметил: «На первый взгляд, несведущим людям это может показаться даже привлекательным — ведь президент говорит вроде бы об оборонительных мероприятиях. Но это только на первый взгляд и только тем, кто не знаком с этими вопросами. На деле будет полным ходом продолжаться ... совершенствование стратегических наступательных сил США, причем по вполне определенному направлению — приобретению потенциала нанесения первого ядерного удара. В этих условиях намерение получить возможность уничтожать с помощью противоракетной обороны соответствующие стратегические средства другой стороны, то есть лишить ее способности нанести ответный удар, рассчитано на то, чтобы обезоружить Советский Союз перед лицом американской ядерной угрозы». Далее тов. Ю. В. Андропов подчеркнул, что между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями существует неразрывная взаимосвязь, и в силу этого не случайно, что в 1972 году между Советским Союзом и Соединенными Штатами были одновременно заключены Договор об ограничении систем противоракетной обороны и первое соглашение об ограничении стратегических наступательных вооружений. «Другими словами, — отметил Ю. В. Андропов, — стороны признали и зафиксировали в указанных документах, что только взаимная сдержанность в области противоракетной обороны позволит продвигаться вперед по пути ограничения и сокращения наступательных вооружений, то есть сдерживать и повернуть вспять гонку стратегических вооружений в целом»⁶⁵.

Развивая мысли относительно опасностей, связанных с перспективами создания системы ПРО, тов. Ю. В. Андропов в интервью западногерманскому журналу «Шпигель» заявил: «Авантюризм и опасность всей этой затеи в том, что расчет здесь делается на безнаказанность, на то, чтобы нанести первый ядерный удар, полагая, что могут обезопасить себя от ответного удара. Тут недалеко и до соблазна потянуться к пусковой кнопке. В этом главная опасность новой американской военной концепции. Она способна лишь приблизить мир к ядерной пропасти. Получается так: говорят об обороне, а на самом деле закладывают мину под весь процесс ограничения стратегических вооружений». Оценивая таким образом деструктивные планы ад-

министрации Рейгана, Генеральный секретарь ЦК КПСС одновременно отметил следующее: «Мы предлагаем правительству США: пусть встретятся советские и американские ученые, специалисты в этом деле и обсудят возможные последствия создания широкомасштабной системы противоракетной обороны. Пусть наука скажет свое веское слово»⁶⁶.

Подход американской стороны к переговорам по ограничению гонки вооружений и разоружению, к сожалению, не адекватен остроте и масштабности стоящих перед СССР и США, перед всем человечеством проблем. Весьма ограниченной и замедленной представляется американская реакция и на фоне тех продуманных и широких инициатив, с которыми выступает Советский Союз в соответствии с принятой на XXVI съезде КПСС «Программой мира для 80-х годов». При разумном подходе, подлинном учете интересов заинтересованных сторон, на основе принципа равенства и равной безопасности уже в обозримой перспективе могли бы быть решены в той или иной мере такие проблемы, как ограничение стратегических вооружений, вопрос о ракетно-ядерном оружии средней дальности в Европе, вопрос об ограничении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе, полное запрещение испытаний ядерного оружия, нераспространение ядерного оружия и др. О реальности прогресса в области ограничения вооружений и разоружения говорит и опыт начала — середины 70-х годов, который, несмотря на последующее ухудшение международной обстановки, не прошел, как представляется, даром, позволил научиться находить взаимоприемлемые решения сложнейших проблем.

Известно, что существенную роль в современных международных отношениях продолжает играть военно-политическая обстановка в отдельных регионах и частях света. С точки зрения состояния системы международных отношений в целом особенно важна обстановка в Европе. Противостоящие в Европе друг другу блок НАТО и Организация Варшавского Договора обладают мощными вооруженными силами. Советский Союз и другие европейские социалистические страны, вынужденные в ответ на создание блока НАТО в 1949 году пойти на образование оборонительного союза, приложили большие усилия для того, чтобы противопоставить натовскому военному потенциалу надлежащую оборонную мощь. Обеспечивая безопасность своей территории, страны ОВД отнюдь не стремятся к военному превосходству над странами НАТО. Именно с позиций необходи-

мости сохранения равновесия сил между НАТО и ОВД подходили и подходят Советский Союз и другие социалистические страны к проблеме сокращения вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Переговоры по этой проблеме ведутся в Вене с 1973 года.

Этот район занимает стратегически ключевое положение на европейском континенте. Он обладает наиболее разветвленной и густой сетью путей сообщения, связывающих его со всеми другими районами континента, а также с остальным миром. Здесь очень высокая плотность населения и степень сосредоточения промышленности. В силу этого военный конфликт, если он возникнет в Центральной Европе, легко может распространиться на любой другой район континента, особенно учитывая дальность действия и поражающую способность размещенных здесь ядерных средств⁶⁷.

«Если в первую мировую войну было убито 10 миллионов человек, из которых на мирное население приходилось лишь 5 процентов, то во второй мировой войне в числе более 50 миллионов погибших мирные жители составили уже 50 процентов. В ходе войн в Корее потери среди мирного населения составили уже 84 процента общих потерь. А во время американской агрессии во Вьетнаме, как свидетельствуют данные Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, среди убитых было более 90 процентов мирных жителей. Нетрудно представить, что сулит густонаселенной Европе новая мировая война, если она будет развязана империалистами»⁶⁸, — пишет главнокомандующий объединенными вооруженными силами стран — участниц Варшавского Договора Маршал Советского Союза В. Г. Куликов в книге «Коллективная защита социализма».

В политических и военных кругах США и ряда западноевропейских стран время от времени пытаются доказать, что-де «огромное превосходство в танках», модернизация тактической авиации стран — членов Организации Варшавского Договора и т. д. нарушают баланс сил в этом районе.

«По одним видам оружия некоторое преимущество у Запада. По другим — у нас, — отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, — и равенство может быть более прочным, если будут заключены соответствующие договоры и соглашения.

Говорят далее о танках. Их у Советского Союза действительно больше. Однако в странах НАТО их тоже не-

мало. Кроме того, у них значительно больше противотанковых средств.

Не отвечает действительности и версия относительно советского превосходства в общей численности вооруженных сил. У США вместе с другими странами НАТО она даже несколько больше, чем у СССР и других стран Варшавского Договора»⁶⁹.

Согласно ряду зарубежных данных, НАТО имеет некоторое превосходство над Варшавским Договором в численности вооруженных сил в Европе. Так, по оценкам Международного института стратегических исследований (Лондон), на начало 80-х годов соотношение этих сил выглядело следующим образом.

	НАТО	ОВД	Соотношение
	тыс. чел.		
Всего в регулярных вооруженных силах	4998	4821	1,04 : 1
Всего в сухопутных силах	2720	2618	1,04 : 1
В сухопутных войсках в Европе	2125	1664	1,28 : 1

Источник: Как устранить угрозу Европе. М., 1983, с. 33—34.

У стран Организации Варшавского Договора в Европе 25 тыс. танков, у НАТО — непосредственно в войсках более 17 тыс.; помимо этого, в Европе складировано около 1500 американских и 6500 танков западноевропейских членов НАТО. Соотношение сил по тактической авиации НАТО — ОВД выглядит следующим образом:

- по боевым самолетам — 1 : 1,2;
- по бомбовой нагрузке, доставляемой на дальность 185 км, — 3 : 1;
- по вертолетам — 1,8 : 1.

Как следует из вышеизложенного, у НАТО имеется превосходство по боевым возможностям авиационной поддержки и по числу вертолетов, однако Советский Союз отнюдь не стремится к раздуванию этой проблемы, как это делают стратеги НАТО с «танковым превосходством» со стороны ОВД⁷⁰.

Оценивая соотношение сил между НАТО и Организацией Варшавского Договора по числу боеготовых дивизий, которые способны начать военные действия без проведения дополнительных мобилизационных мероприятий, можно от-

метить, что если сравнивать только советские и американские силы, то у СССР общее количество соединений сухопутных сил больше, чем у США. Это вполне обоснованно, если учесть значительно более сложное геостратегическое положение СССР. Однако в Европе 89 дивизиям Атлантического союза противостоят 78 дивизий Организации Варшавского Договора⁷¹.

Многие реальности военного баланса сил в Западной Европе вынуждены признавать и некоторые западные аналитики. Например, в оценках лондонского Международного института стратегических исследований признается, что преимущества сил Организации Варшавского Договора в танках и боевых машинах пехоты компенсируется преимуществами стран НАТО в противотанковых средствах и в тактической авиации. Слабостью НАТО считается малая оперативная глубина обороны (особенно в Центральной Европе), однако, по оценкам упомянутого института, западные союзники обладают более плотной сетью коммуникаций и т. д.⁷²

Раздувая кампанию о «советской военной угрозе» применительно к Европе, натовские круги повели дело к наращиванию своего военного потенциала, пытаясь постепенно изменить баланс сил в свою пользу. Нельзя не отметить, что, к сожалению, целенаправленная кампания по раздуванию мифа о «советской военной угрозе», развязанная милитаристскими кругами НАТО, уже к концу 70-х годов сказалась на состоянии общественного мнения в ряде западноевропейских государств, под ее влиянием оказались и многие умеренные представители правящего класса этих государств. В частности, в резко негативном духе и очень активно обыгрывалась помощь Советского Союза Демократической Республике Афганистан, направление в ДРА ограниченного контингента советских войск по просьбе афганского правительства.

Линия на новое усиление военной конфронтации в Европе отчетливо проявилась на состоявшейся в мае 1978 года вашингтонской сессии совета НАТО, в ходе которой была принята долгосрочная военная программа НАТО. Для обеспечения этой программы администрация Дж. Картера склонила своих союзников к принятию согласованного решения о ежегодном приросте военных бюджетов на 3% в реальном выражении. Такие действия не могут не противоречить политике разрядки в Европе и дальнейшей реализации хельсинкских соглашений. В случаях угрозы нарушения паритета сил в соответствующих областях СССР и его

союзники вынуждены принимать соответствующие ответные меры.

Социалистические страны — члены Организации Варшавского Договора проявляют готовность снизить уровень военного противостояния в Европе. Так, на праздновании 30-летия образования Германской Демократической Республики в Берлине 6 октября 1979 г. советское руководство выдвинуло ряд важных инициатив, в числе которых — готовность сократить количество советских ракетно-ядерных средств средней дальности, развернутых в западных районах СССР, в случае отказа НАТО от дополнительного размещения в Западной Европе американских ракетно-ядерных средств средней дальности, решение сократить в одностороннем порядке численность советских войск в Центральной Европе на 20 тыс. человек, тысячу танков и определенное количество военной техники; предложения о расширении мер доверия, в частности, предусматривающие предварительное уведомление о крупных военных учениях за более длительный срок и не с уровня 25 тыс., а, скажем, с уровня 20 тыс. человек, а также отказ — на основах взаимности — проводить маневры с численностью войск более 40—50 тыс. человек.

Однако Запад игнорировал предложения СССР. Более того, на декабрьской сессии совета НАТО 1979 года были приняты решения, в соответствии с которыми наряду с ускоренным развитием обычных вооруженных сил планировалось разместить на территории Западной Европы крылатые ракеты наземного базирования и новые баллистические ракеты «Першинг-2», способные поражать европейскую территорию Советского Союза, в добавление к американским «тактическим» ядерным силам (или силам передового базирования), обладающим около 6000 ядерных боеприпасов и размещенным примерно в 300 точках Западной Европы.

Следует также учитывать, что на европейский театр ориентирована часть стратегических сил США морского базирования (лодок с ракетами «Посейдон») с общей численностью готовых к применению ядерных боеприпасов в 400 единиц⁷³.

В соответствии с решением НАТО 1979 года намечается разместить 160 крылатых ракет в Великобритании, 108 в Италии, 96 в ФРГ, 48 в Нидерландах, 48 в Бельгии; все ракеты «Першинг-2» должны быть размещены в ФРГ. Развертывание этих ракет было решено начать в 1983 году и завершить к 1988 году⁷⁴.

Главным элементом мотивировки этого решения было утверждение натовских кругов о том, что создание новой советской ракеты средней дальности — СС-20 — с разделяющимися головными частями, заменяющей ракеты предыдущего поколения, а также нового бомбардировщика средней дальности, именуемого на Западе «Бэкфайер», якобы нарушает сложившееся военное равновесие в Европе⁷⁵.

Подобные утверждения противоречат действительности. На протяжении ряда лет количество ядерных средств средней дальности СССР и НАТО остается примерно на том же уровне — около 1000 единиц с каждой стороны. Если в состав средств средней дальности включать основные ракетные и авиационные ядерные вооружения стран НАТО, которые могут достигать объектов на территории Советского Союза с территории западноевропейских стран и примыкающих к Европе морских акваторий, то есть с дальностью действия 1 тыс. км и более, и соответствующие советские вооружения аналогичной дальности, дислоцирующиеся в Европейской части СССР (не включая, разумеется, межконтинентальные стратегические средства США и СССР), то между НАТО и Советским Союзом в Европе в настоящее время существует примерное равенство по таким вооружениям.

В 1982 году для использования в Европе страны НАТО имели 986 таких носителей, в том числе США — более 720 (самолеты Ф-111, ФБ-111А, Ф-4, Ф-16 наземного базирования и самолеты на борту авианосцев в омывающих Европу морских и океанских водах). Кроме того, 64 баллистические ракеты и 55 бомбардировщиков составляли английский потенциал и 144 единицы (ракеты и бомбардировщики) имелось у Франции. У Советского Союза имелось 975 единиц аналогичных вооружений.

Неоправданными являются утверждения о том, что за счет принятия на вооружение ракет СС-20 Советский Союз создает себе превосходство в ядерном оружии средней дальности. Дело в том, что, беря на вооружение одну новую ракету СС-20, СССР снимает одну или даже две старые ракеты СС-4 или СС-5, отправляя их на слом вместе с пусковыми устройствами. СС-20, в отличие от старых ракет, может нести три боеголовки, но их суммарная мощность меньше, чем одной старой⁷⁶.

Следует при этом отметить, что появление ракет средней дальности в Советских Вооруженных Силах было лишь ответной реакцией на создание Соединенными Штатами в 50-е годы ядерных средств передового базирования — раз-

мещенных в Европе ядерных вооружений, нацеленных на страны Варшавского Договора. Эта причинно-следственная связь продолжает существовать и в 80-х годах. Что касается непосредственно ракеты СС-20, то она разработана и принимается на вооружение по целому ряду технических и оперативных причин. В чисто техническом плане встал вопрос о замене ракет СС-4 и СС-5, отслуживших свой срок. Что касается причин оперативно-стратегического порядка, то здесь необходимо иметь в виду установку НАТО на использование в случае вооруженного конфликта в Европе ядерного оружия первыми; при этом и военные руководители США отмечали, что советским ракетам средней дальности предыдущего поколения требуется большее время для запуска, что «делает их уязвимыми для упреждающих ударов дежурных средств НАТО». К тому же США и НАТО разработали планы интенсивного наращивания своего ядерного потенциала средней дальности в Европе еще до того, как на Западе узнали о ракетах СС-20 (в 1976 г.).

О новых американских «евроракетах» стало известно еще на рубеже 70-х годов, после того, как в 1969 году американская компания «Мартин — Орlando» заключила с министерством обороны США контракт на разработку таких ракет. В бюджете сухопутных сил США на 1975 год (объявленном в 1974 году.— А. К.) создание ракеты «Першинг-2» уже было выделено в самостоятельную программу. В этот же период шла интенсивная разработка крылатой ракеты дальнего действия «Томагавк», первые контракты на создание которой были заключены Пентагоном с корпорацией «Дженерал дайнемикс» в 1972 году.

Потребность в модернизации ракетно-ядерных сил средней дальности для Советского Союза была вызвана и важными политическими причинами, поскольку американская сторона отвергала неоднократно выдвигавшиеся советской стороной инициативы обсудить вопрос об американских ядерных средствах передового базирования на советско-американских переговорах по ограничению стратегических вооружений. Если бы реакция американской стороны была позитивной, то у Советского Союза было бы меньше побудительных мотивов к модернизации оружия, противостоящего в значительной мере средствам передового базирования США⁷⁷.

Глубоко продуманные предложения по улучшению военно-политической обстановки в Европе были выдвинуты на XXVI съезде КПСС. В первую очередь они касались

ракетно-ядерного оружия в Европе. «Идет все более опасное его накопление. Образовался своего рода порочный круг: действия одной стороны вызывают контрмеры другой. Как разорвать эту цепь?»

Мы предлагаем договориться о том, чтобы уже теперь установить мораторий на размещение в Европе новых ракетно-ядерных средств средней дальности стран НАТО и СССР, то есть заморозить в количественном и качественном отношении существующий уровень таких средств, включая, разумеется, ядерные средства передового базирования США в этом районе. Вступить в силу этот мораторий мог бы сразу же, как только начнутся переговоры по данному вопросу, и действовать, пока не будет заключен постоянный договор об ограничении, а еще лучше — о сокращении таких ядерных средств в Европе»⁷⁸.

В дальнейшем Советский Союз выступал с целым рядом новых инициатив, направленных на достижение взаимоприемлемых договоренностей, на стабилизацию военно-политической обстановки в Европе. В частности, отвечая на вопросы корреспондента газеты «Правда» 2 февраля 1983 г., тов. Ю. В. Андропов отмечал: «Лучше всего, и мы это предлагаем, вообще не иметь в зоне Европы ядерного оружия ни средней дальности, ни тактического. Поскольку США не идут на это, мы готовы на такое решение, при котором у Советского Союза было бы ракет не больше, чем их уже имеется сейчас в Европе на стороне НАТО. Одновременно должна быть достигнута договоренность о сокращении с обеих сторон до равных уровней и числа самолетов — носителей ядерного оружия средней дальности. Таким образом, было бы полное равенство и по ракетам, и по самолетам, причем равенство на несравнимо более низком уровне, чем теперь».

Развернутые, глубоко обоснованные предложения по данному вопросу были выдвинуты тов. Ю. В. Андроповым на встрече с Генеральным секретарем ЦК СЕПГ, Председателем Государственного совета ГДР Э. Хонеккером. «Советский Союз заявил о готовности не иметь в Европе ни на одну ракету, ни на один самолет больше, чем их имеют сегодня страны НАТО,— отмечал Ю. В. Андропов.— Нам говорят, что при этом у Советского Союза было бы больше ядерных зарядов на ракетах. Что ж, мы готовы договориться о равенстве ядерных потенциалов в Европе как по носителям, так и по боезарядам с учетом, разумеется, соответствующих вооружений Англии и Франции»⁷⁹.

Проводя свой курс на усиление военных приготовлений,

Администрация Рейгана в декабре 1983 года приступила к размещению на территории ФРГ баллистических ракет «Першинг-2» и на территории Италии и Великобритании — стратегических крылатых ракет наземного базирования. Этот акт сделал невозможным продолжение советско-американских переговоров в Женеве по ядерным вооружениям в Европе. Для обеспечения своей безопасности и безопасности своих союзников СССР был вынужден предпринять ряд конкретных ответных мер. Как отмечалось в Заявлении тов. Ю. В. Андропова от 24 ноября 1983 г., советским руководством было принято решение об отмене объявленного ранее Советским Союзом в одностороннем порядке моратория на развертывание советских ядерных средств средней дальности в европейской части СССР, об ускорении по согласованию с правительствами ГДР и ЧССР начатых несколько ранее подготовительных работ по размещению на территории этих стран оперативно-тактических ракет повышенной дальности, о развертывании соответствующих советских средств в океанских районах и морях с учетом того, что путем размещения своих ракет в Европе США повышают ядерную угрозу непосредственно для Советского Союза.

В данном Заявлении было отмечено, что будут приняты и другие меры, направленные на обеспечение безопасности СССР и других стран социалистического содружества.

Акцией, направленной на нарушение стратегического равновесия в Европе в пользу НАТО, было принятое 6 августа 1981 г. администрацией Р. Рейгана решение приступить к полномасштабному производству нейтронного оружия. Принятию этого решения предшествовали длившиеся несколько лет дебаты в государственном и политическом руководстве США. Администрация Дж. Картера, поставившая вопрос о производстве этого вида тактического ядерного оружия и размещении его в Западной Европе, так и не решилась сделать этот шаг, приняв во внимание позицию правительств ряда западноевропейских государств, вынужденных считаться с развернувшимся в конце 70-х годов массовым и очень активным движением против нейтронного оружия.

Особая опасность данного решения администрации Рейгана заключается в том, что принятие на вооружение нейтронных боеприпасов усиливает угрозу мировой ядерной войны: в соответствии с принятыми в НАТО концепциями нейтронное оружие может быть использовано на любой

стадии вооруженного конфликта, в том числе и начальной. Само его появление в числе боевых средств НАТО носит провоцирующий характер. Оно как бы размывает грань между неядерными и ядерными действиями, понижает так называемый ядерный порог, увеличивает вероятность возникновения ядерного конфликта и перерастания его во всеобщую войну. Поэтому нейтронное оружие опасно вдвойне; оно может стать детонатором мировой ядерной катастрофы.

Принимая решения о развертывании в Западной Европе ядерного оружия средней дальности, о производстве нейтронного оружия, американское государственное и военное руководство ориентировалось на то, чтобы фактически отвести от США основной удар в случае вооруженного конфликта между НАТО и Организацией Варшавского Договора, «отсидеться за океаном», в то время как Европейский континент подвергнется невиданным разрушениям⁸⁰. Следует отметить, что решение о производстве нейтронного оружия было принято администрацией Рейгана с полным пренебрежением к мнению западноевропейцев. Это укладывается в одну линию и с ее решением проблемы взаимозависимости вопросов о судьбе Договора ОСВ-2 и о размещении новых американских ракет средней дальности. Дело в том, что, по замыслам руководителей НАТО, размещение наземных крылатых ракет и ракет «Першинг-2» в Западной Европе «компенсировало» бы ослабление американских ядерных гарантий западноевропейским союзникам в результате заключения и реализации Договора ОСВ-2. На деле же американская администрация решила разместить новые средства средней дальности в Западной Европе, в то же время уклоняясь от ратификации Договора ОСВ-2.

Советский Союз уже в 1978 году совместно с другими социалистическими государствами внес в Комитет по разоружению проект конвенции о запрещении производства, накопления, развертывания и применения ядерного нейтронного оружия. Подобный подход Советского Союза к данной проблеме отнюдь не означает, что он не в состоянии произвести нейтронное оружие и в большом количестве оснастить им свои вооруженные силы. Цель СССР заключается в том, чтобы новое оружие не стало одним из компонентов очередного, еще более крутого витка гонки вооружений, приближающего мир к ядерной катастрофе.

Важным фактором соотношения сил СССР и США в военно-политической области следует считать достигнутый

еще в начале 70-х годов новый уровень развития обычных военно-морских сил Советского Союза. Военно-Морской Флот СССР, оснащенный новейшей техникой и имеющий в своем составе разнообразные классы и типы кораблей, уверенно вышел на океанские просторы, в недалеком прошлом находившиеся под исключительным контролем военно-морских сил Соединенных Штатов, Великобритании и других империалистических держав. Десятки советских военных кораблей заходят ежегодно с дружескими визитами в порты стран самых различных районов мира.

Одним из свидетельств этого нового качественного уровня развития военно-морских сил СССР были крупнейшие маневры «Океан» (апрель — май 1970 г.), которые впервые в военной истории нашей страны координированно осуществлялись одновременно в акваториях четырех океанов. В ходе маневров были продемонстрированы высочайший уровень технической оснащенности советского МВФ, отличное качество боевой техники, средств связи и управления, систем обеспечения⁸¹. Это произвело большое впечатление на военных и политических деятелей различных стран мира, включая главные морские империалистические державы. Как писал главнокомандующий советским ВМФ адмирал флота СССР С. Г. Горшков, «с выходом Военно-Морского Флота на океанские просторы Советский Союз получил новые, более широкие возможности для его использования в мирное время в целях обеспечения своих государственных интересов»⁸².

Курс на создание мощного океанского флота был взят в СССР с середины 50-х годов. При этом особое значение придавалось развитию подводных сил, что позволяло в кратчайшее время резко увеличить ударные возможности флота, ценой меньших средств и времени умножить рост военного могущества Советского Союза, лишить тем самым потенциального противника преимуществ, которыми он мог бы располагать в случае войны против СССР и стран социалистического содружества. Путем целенаправленных усилий была обеспечена ликвидация привязанности советского флота к прибрежным районам и закрытым театрам, произошло значительное расширение сферы действий ВМФ СССР в океанах⁸³.

Развитие подводного флота у США и других стран НАТО вызвало необходимость развития и повышения эффективности советских сил противолодочной обороны. Главным требованием к противолодочному оружию стало увеличение дальности обнаружения и создание принципов

ально новых средств поражения подводных лодок противника на всем диапазоне глубины их погружения. Именно противолодочные корабли океанского и прибрежного действия являются наиболее многочисленной группой надводных сил, которые в первые послевоенные годы развивались относительно медленно — в определенной мере это объяснялось отсутствием ясности относительно того, какие задачи надводные корабли могут решать в океане в условиях появления ядерного оружия⁸⁴.

Для выполнения разнообразных функций по обеспечению основных планов боевых кораблей в советском ВМФ имеется целый ряд вспомогательных судов — танкеры, плавучие базы, аварийно-спасательные, транспортные суда и др. Они позволяют снизить былую зависимость флота от берегового базирования, повышают его автономность и мобильность. В современных условиях вспомогательный флот способен осуществлять комплексное снабжение боевых кораблей, находящихся в любых районах Мирового океана. В свою очередь, это дает возможность советскому ВМФ обходиться без военно-морских баз на территории других государств, позволяя в то же время боевым кораблям продолжительное время находиться в удаленных районах океанских театров, удовлетворяя все свои потребности в материально-технических средствах без пополнения со стационарных баз⁸⁵.

Советский Союз является великой морской державой. В защите его интересов видное место принадлежит Военно-Морскому Флоту. В последние 12—15 лет быстрыми темпами рос советский торговый флот, который успешно конкурирует с флотом капиталистических стран. Одним из крупнейших в мире является советский рыболовецкий флот дальнего плавания, ведущий ловлю рыбы в самых различных районах Атлантического, Тихого и Индийского океанов. Силы Советского Военно-Морского Флота призваны, наряду с осуществлением мер экономического, политического и правового порядка, обеспечивать безопасность советского торгового, пассажирского и рыболовецкого флотов, ограждая их от провокаций со стороны военно-морских сил империалистических государств, вооруженных сил реакционных режимов в отдельных развивающихся странах. Опасность для советских гражданских судов представляют и различные локальные и региональные конфликты в районах оживленного судоходства или промысла рыбы.

Как отмечает адмирал С. Г. Горшков, находясь в иностранных портах, советские моряки, от матроса до адмира-

ла, несут народам посещаемых ими государств правду о нашей социалистической стране, чувствуют себя полпредами нашей великой Родины.

Нельзя не упомянуть и о растущем значении океанских коммуникаций — и в связи с этим роли военно-морских сил СССР — для осуществления связи между различными районами Советского Союза. Речь идет как о Северном морском пути, так и о грузопотоках между Черноморскими и Балтийскими портами, с одной стороны, и портами советского Дальнего Востока — с другой, идущих через Индийский океан. На морской путь через Индийский океан к концу 70-х годов приходилось уже около 50% грузооборота между восточной и западной частями нашей страны⁸⁶.

Укрепляя свое военно-морское могущество, Советский Союз в то же время исходит из того, что основная проблема противостояния угрозе со стороны обычных сил потенциальных противников связана с обеспечением безопасности сухопутных границ в Европе и Азии. Флот как бы создает выдвинутые далеко в океан рубежи обороны, тогда как сухопутные силы (наряду с силами ПВО) непосредственно защищают территорию СССР и их главных союзников по Организации Варшавского Договора.

Современный ВМФ СССР — это очень сложная и многогранная организация. В его составе имеются разнородные боевые силы: кроме подводных лодок как главной ударной силы в ВМФ СССР входят надводные боевые корабли различного предназначения, морская авиация, береговые ракетно-артиллерийские войска с морской пехотой и разнообразные средства обеспечения.

Военно-политические задачи ВМФ СССР коренным образом отличаются от задач использования военно-морских сил империалистическими державами. «Советский Военно-Морской Флот,— отмечает адмирал С. Г. Горшков,— является средством миролюбивой политики и дружбы народов, политики пресечения агрессивных устремлений империализма, сдерживания военных авантюр и решительного противодействия угрозам безопасности народов со стороны империалистических держав»⁸⁷.

Сдерживающую, стабилизирующую роль советских военно-морских сил в период улучшения советско-американских отношений в 70-е годы признавали некоторые американские специалисты, в частности проф. Виктор Базьяк, одно время работавший в Министерстве обороны США. Он писал, что «советская военная мощь, возможности ее использования в глобальном масштабе имеют тенденцию

сдерживать военные акции США в различных точках земного шара»⁸⁸.

На основе признания нового уровня советского морского могущества, под влиянием процесса разрядки и конкретных советских предложений об ограничении военно-морских сил и военно-морского присутствия в США в середине 70-х годов появились интересные разработки на данную тему, ряд положений которых не теряет своей актуальности и в настоящее время. Так, например, автор исследования института Брукингса Барри Блекман (впоследствии он занимал пост заместителя директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению в администрации Дж. Картера) отмечал, что исторически у Военно-Морского Флота СССР и ВМС США сложилась разная структура, различные системы базирования и взгляды на политическое и военное их применение. Традиционно сильной стороной советских военно-морских сил обычного назначения он считает мощные подводные силы, предназначенные для нарушения в случае войны коммуникаций — в первую очередь между США и Западной Европой. В качестве мощной ударной силы он признавал дальнюю авиацию ВМФ, оснащенную ракетами класса «воздух — поверхность», в том числе несущими ядерное оружие. Эта авиация обладает способностью поражать на огромных расстояниях от береговых аэродромов любые крупные боевые корабли США и их военно-морские базы. Как и многие другие американские специалисты, Б. Блекман отмечал высокий уровень технической оснащенности современных надводных боевых кораблей советского флота — ракетных крейсеров, больших противолодочных кораблей, ракетных эсминцев и др. Одновременно данный специалист отмечал наличие у американских ВМС ударных авианосцев, преобладания по амфибийным силам, по водоизмещению основных надводных боевых кораблей и т. п.⁸⁹

Предложения Б. Блекмана предусматривали возможность ограничения военно-морских сил и военно-морского присутствия в различных отдельных районах мира. Основное внимание при этом он сосредоточил на возможном советско-американском соглашении об ограничении военно-морских сил и военно-морского присутствия в Индийском океане⁹⁰.

В середине 70-х годов в правящих кругах США развернулись острые дебаты относительно перспектив развития военно-морских сил — при этом проблемы, связанные с их ограничением, остались за рамками дискуссии.

Главным предметом этих дебатов стали ударные авианосцы, которые и сегодня остаются главным компонентом надводных сил флота США. Они активно использовались не только в боевых действиях у берегов Кореи и Вьетнама, но и широко применяются для оказания политического давления, в том числе в конфликтных и кризисных ситуациях без непосредственного боевого участия вооруженных сил Соединенных Штатов. Как писал американский исследователь Р. Махони, только за период 1955—1975 годов военно-морские силы США использовались в 99 международных кризисах, а авианосцы — в 59 из них⁹¹.

Относительно эффективности кризисного применения авианосцев политические деятели и специалисты США высказывают различные, часто противоречивые суждения. Одни отводят им чуть ли не решающую роль в обеспечении явного силового давления США, другие считают, что если с их применением и достигались какие-либо политические результаты, то это происходило в первую очередь благодаря общей стратегической мощи Соединенных Штатов, а не собственно авианосному присутствию.

Некоторые американские политические деятели и специалисты начали испытывать серьезные сомнения в эффективности авианосцев как политического орудия в связи с неудавшейся попыткой использования их присутствия в водах Персидского залива и Аравийского моря для оказания давления на мусульманских лидеров Ирана после захвата (4 ноября 1979 г.) американских заложников. Критически настроенные специалисты сходились во мнении, что наличие соединений ударных авианосцев с многочисленными кораблями охраны практически не повлияло на исход американо-иранского кризиса, который был разрешен под воздействием других факторов. Их голоса, однако, были слышны гораздо меньше в начале 80-х годов, поскольку в целом в этот период, как уже неоднократно отмечалось выше, в США вновь усилились милитаристские настроения, произошло восстановление позиций всех группировок военно-промышленного комплекса.

В начале — середине 70-х годов, в условиях бюджетных ограничений, многие влиятельные военные и политические деятели были весьма обеспокоены огромным ростом стоимости ударных авианосцев и их растущей уязвимостью в условиях серьезных военных столкновений. Авианосец «Мидуэй» стоил 90 млн. долл., «Форрестол» — 189, «Америка» — 293, «Энтерпрайз» — 339, «Нимиц» — 2 млрд. долл., а стоимость нового авианосца того же типа превы-

сит и эту цифру. Исключительно велики затраты на эксплуатацию каждого тяжелого ударного авианосца — за 30-летний период его нахождения в составе флота они достигают 15,5 млрд. долл.⁹²

В качестве альтернативы ударным авианосцам предлагалось строить более мелкие авианесущие корабли, но в большем количестве. Такие корабли, по замыслам сторонников этой идеи, могли бы повысить боевую устойчивость ВМС, рассредоточить его ударную и оборонительную мощь среди большего числа авианосцев, повысить возможности распределения палубной авиации на океанских театрах⁹³.

Дискуссии о перспективах ударных авианосцев, а также о составе ВМС США в целом стали значительно менее активными в последний период пребывания у власти администрации Дж. Картера. Они, разумеется, не получили развития и с приходом к власти администрации Р. Рейгана, выдвинувшей еще более крупную программу строительства военно-морских сил США. Эта программа, в частности, предусматривала увеличение численности находящихся в строю боевых кораблей с 400 до 600 как за счет строительства новых, самых современных кораблей, так и за счет вывода из резерва законсервированных кораблей — в том числе нескольких линкоров и авианосцев, спущенных на воду 30—40 лет назад⁹⁴. Тем самым после реализации этих планов американские ВМС вернулись бы на уровень конца 60-х годов по численности и в то же время значительно превосходили бы военно-морские силы того времени по огневой мощи, автономности и оснащенности, особенно радиоэлектронной. Планируется и расширение военно-морского присутствия США, в первую очередь за счет закрепления на постоянной основе за специальной эскадрой северо-западной зоны Индийского океана.

Добиваясь выделения огромных ассигнований на строительство флота численностью в 600 боевых кораблей, администрация Рейгана, военно-промышленный комплекс всемерно пытаются исказить картину складывающегося соотношения военно-морских сил США и СССР, стараясь убедить общественное мнение чуть ли не в превосходстве советского ВМФ над американскими ВМС. За последние годы Советский Союз улучшил техническую оснащенность и боевую мощь своего Военно-Морского Флота, однако в это время Соединенные Штаты активно повышали боевой потенциал своих ВМС. О размерах флотов и их соотношении по основным показателям дают представление следующие официальные данные:

	СССР	США	Соотношение
Атомные подводные лодки	180	123	1,4 : 1
Надводные корабли основных классов	112	143	1 : 1,3
Общий тоннаж боевых кораблей (млн. т)	2,6	4,5	1 : 1,7

Общественности западных стран пытаются внушить, что вследствие создания Советским Союзом авианесущих кораблей класса «Киев», три из которых уже находятся в составе флотов, а один строится, нарушается некое равновесие. Такая постановка вопроса абсолютно неправомерна, если иметь в виду, что ВМС США уже имеют в своем составе 21 авианосец и авианесущий корабль, в добавление к которым на 1983—1987 годы предусматривается строительство новых атомных ударных авианосцев класса «Нимц». По состоянию на 1983 год, на американских авианосцах базировалось 520 самолетов, способных нести атомное оружие и наносить удары по объектам на территории СССР⁹⁵.

Если рассмотреть баланс сил на море шире — между флотами Организации Варшавского Договора и НАТО, то окажется, что в военно-морских силах США и других стран НАТО линкоров, крейсеров, эсминцев и фрегатов, оснащенных ракетным вооружением, почти втрое больше, чем у стран Варшавского Договора. Тройное превосходство НАТО в числе надводных боевых кораблей основных классов компенсируется преимуществом стран Варшавского Договора в числе подводных лодок. В составе ВМС НАТО 26 авианосцев и авианесущих кораблей. Морская авиация США в 2,5 раза превосходит авиацию ВМФ по количеству самолетов. И если, как указывалось выше, палубная авиация США в составе более полутысячи самолетов — носителей ядерного оружия способна наносить удары по территории СССР и его союзников, то авиация ВМФ предназначена для борьбы с корабельными группировками, а не для ударов по американскому континенту. Морская пехота США (190 тыс. человек) в 16 раз превосходит по численности советскую морскую пехоту (12 тыс. человек); по своей десантовместимости и водоизмещению десантные корабли Соединенных Штатов значительно превосходят возможности советских кораблей⁹⁶.

Вышеприведенные данные со всей очевидностью показывают, что требования военно-промышленного комплекса

США и отражающей его интересы администрации Рейгана относительно наращивания американских ВМС полностью беспочвенны — с точки зрения подлинного равновесия сил на море.

Советский Союз решительно выступает против развертывания изматывающей гонки военно-морских вооружений, против распространения военно-морского соперничества на новые районы Мирового океана. Еще в июне 1971 года советское руководство отмечало: «Мы никогда не считали и не считаем идеальным положение, при котором военные флоты великих держав подолгу курсируют за тридевять земель от своих берегов. И мы готовы решать эту проблему, но решать... на равных»⁹⁷. Тогда же Советский Союз по дипломатическим каналам официально предложил Соединенным Штатам рассмотреть вопрос об ограничении военной деятельности в Индийском океане. Однако американской стороне потребовалось шесть лет, чтобы пойти на обсуждение данной проблемы. За это время США значительно увеличили уровень своего военно-морского присутствия в данном районе, распространив на него сферу деятельности 7-го американского флота. Советская сторона, реагируя должным образом с помощью военных средств, одновременно продолжала линию на проведение переговоров и достижение соглашений по данному вопросу. Как отмечает советский специалист В. П. Козин, при определении принципов такого соглашения мог бы быть учтен опыт некоторых международных договоров и соглашений по вопросам ограничения военно-морских вооружений, касающихся лимитов на классы, вооружение, водоизмещение и продолжительность пребывания кораблей в соответствующих акваториях. Заслуживающими внимания являются предложения некоторых специалистов о запрете ввода в океан авианосцев и подводных лодок-ракетоносцев. В перспективе применительно к этому региону могли бы быть разработаны и приняты меры более широкого характера, причем ограничение, а затем и сокращение военной деятельности могли бы распространяться не только на Советский Союз и США, но и на другие государства, например на Великобританию, Францию, Австралию, ЮАР, Саудовскую Аравию. Значительно способствовала бы превращению Индийского океана в зону мира ликвидация как иностранных военных баз и сооружений, так и подобных объектов ряда прибрежных государств⁹⁸.

Как отмечал Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко, проводимый администрацией Рейгана курс

беспокоит значительную часть общественности Соединенных Штатов⁹⁹.

Уже после первого года пребывания у власти администрации Р. Рейгана в различных сегментах правящих и примыкающих к ним академических кругов США стали выдвигаться альтернативные варианты для военной политики США. Оценивая эти альтернативы, можно выделить, как минимум, три их вида (или направления).

К первому направлению принадлежит немало деятелей из числа тех, кто намеревался или намеревается получить высокие посты в администрации Рейгана (соответственно, это преимущественно республиканцы-центристы). Это во многом определяет характер их публичных выступлений по вопросам тенденций и перспектив военной политики США. Представители данного направления, как правило, не конфликтуют с «рейгановцами», а, наоборот, даже время от времени хвалят их за «проявленный реализм» — когда администрация делает шаги, которые лишь внешне являются сдвигами в конструктивную сторону. Так, много говорилось о так называемом «кардинальном повороте» в политике Рейгана, когда под мощным нажимом массового антивоенного движения и оппозиции в политических кругах страны, а также главных европейских союзников США администрация пошла на проведение переговоров по ограничению ядерных вооружений в Европе и сокращению стратегических вооружений, хотя, как уже отмечалось выше, администрация вступила в эти переговоры с позициями, заведомо неприемлемыми для советской стороны.

К этому направлению, как представляется, принадлежат бывший госсекретарь Г. Киссинджер, бывший помощник президента Дж. Форда по национальной безопасности Б. Скаукрофт и его заместитель У. Хайленд, председатель Нью-Йоркского Совета по международным отношениям У. Лорд, сенаторы С. Нанн, С. Коэн и др. К ним в определенной мере примыкает и министр обороны в администрации Дж. Картера демократ Г. Браун. Представители этого направления, избегая, как правило, жесткой критики рейгановских предложений, демонстрируют в целом определенный реализм в подходе к проблеме ограничения и сокращения стратегических вооружений. Они подчеркивают первостепенное значение достижения взаимоприемлемых советско-американских договоренностей в этой области не только для улучшения политического климата в советско-американских отношениях, но и для военной безопасности самих Соединенных Штатов, а также для стабилизации от-

ношений между США и их главными союзниками (проявляющими все больше недовольства блокированием американской стороной переговоров по ОССВ, которое увеличивает ядерную угрозу для западноевропейских государств и Японии). Представители этого направления в целом поддержали программу «МХ», хотя при этом некоторые из них сделали ряд осторожных оговорок, показывающих, что они отдают себе отчет в ее дестабилизирующем воздействии на советско-американский стратегический баланс. Многие из этих деятелей подчеркивают в последнее время, что программа «МХ» имеет значение лишь как «козырь для торга» на переговорах по ОССВ¹⁰⁰, отмечая, что США при достижении взаимоприемлемого соглашения с СССР могли бы почти полностью отказаться от этой программы, развернув примерно 20—25 ракет вместо 100, планируемых Рейганом. В то же время они фактически одобряют (с поправкой на возможные позитивные результаты переговоров по ограничению стратегических вооружений и ядерных вооружений в Европе) все другие программы строительства стратегических наступательных вооружений США. В то же время представители данного направления в целом скептически отнеслись к широко разрекламированной Рейганом идее создания широкомасштабной противоракетной обороны, считая это делом нереальным и в то же время очень опасным для стратегической стабильности¹⁰¹.

Они неоднократно высказывали свои критические взгляды относительно концепции «ограниченной» и «затяжной» ядерной войны, относительно тезиса о «возможной победе в ядерной войне». В ряде их выступлений опровергались оценки администрации относительно того, что Советский Союз де добился стратегического превосходства над США. Они подчеркивали и подчеркивают, что между СССР и США существуют примерное равенство, паритет. Ряд из них опровергает и тезис о возникновении т. н. «окна уязвимости» у стратегических сил США. В частности, в докладе «комиссии Скаукрофта» делается вполне определенный вывод о том, что проблемы уязвимости наземного компонента (МБР) американских сил, о которой много рассуждали представители администрации Рейгана, не существует.

Большинство представителей данного направления не обращают особого внимания на экономическую сторону военной политики администрации Рейгана. Лишь некоторые из них выступают против чрезмерного наращивания военных расходов — так, например, сенаторы Нанн и Коэн считают, что рост военных расходов на 10% в год в реаль-

ном выражении, во-первых, слишком обременителен для экономики стран, во-вторых, не нужен для рационального наращивания военной мощи; они полагают, что военные расходы в ближайший период должны расти на 5—7% в год и не более. Однако данная группа в принципе не подвергает сомнению необходимость осуществлять дальнейшее наращивание военных расходов США. Что касается обычных вооруженных сил США, то здесь сторонники данного направления считают нецелесообразным, например, строительство гигантских ударных авианосцев класса «Нимиц» с ядерной силовой установкой; взамен они предлагают развернуть широкомасштабное строительство больших и не столь дорогостоящих авиационных кораблей. Они критикуют создание интервенционистского «корпуса быстрого развертывания», считая, что оно может привести к тому, что эти «громоздкие» сухопутные силы окажутся втянутыми в «безнадежную войну типа вьетнамской». Вместо этого предлагается иметь значительно меньшие, которые размещались бы на кораблях и были полностью независимы от стран региона, где США намерены предпринимать военные акции с их использованием.

Таким образом, подход данной группы политических деятелей и экспертов сводится преимущественно к некоторой коррекции, рационализации военно-политического курса администрации Рейгана. Для представителей этого течения характерна не прямая критика данной администрации и тем более не оппозиция ей, а скорее, заигрывание, попытки повлиять на ее установки при помощи налаживания сотрудничества. Их тактика состоит в осторожной и постепенной модификации военной политики администрации, придании ей более умеренного характера. Среди этих деятелей немало тех, кто до прихода к власти Рейгана способствовал отходу от политики разрядки, развертыванию нового тура гонки вооружений. Но и они, по-видимому, считают то, что делается Рейганом, чрезмерным и способным привести мир ко всеуничтожающей катастрофе.

В числе представителей второго направления, по всей видимости, нет тех, кто имеет какие-либо намерения или надежды войти в состав администрации Рейгана или сколько-нибудь тесно сотрудничать с ней. Это преимущественно деятели центристского или либерального толка из демократической партии (республиканцев среди них мало) — конгрессмены А. Гор, Л. Эспин, сенаторы Э. Кеннеди, М. Хэтфилд, А. Крэнстон, Л. Пресслер, Дж. Байден, Г. Харт, бывший помощник президента по национальной безопасно-

сти М. Банди, бывший министр обороны Р. Макнамара, отставной адмирал, бывший директор Агентства национальной безопасности Н. Гейлер, бывший директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению П. Уорнке, бывший посол в СССР Дж. Кеннан, Гарвардская исследовательская группа по вопросам ядерной политики и др.

Большинство деятелей этого направления выступили против развертывания системы «МХ», а многие из них и против «Трайидент-II» («Д-5»). Практически все они отрицательно относятся к идее создания космической противоракетной системы и антиспутникового оружия. Многие из них выступают также против рейгановской программы строительства ВМС и расширения их функций.

Большинство представителей этого направления требуют не только пересмотра ряда военно-политических установок администрации Рейгана, но и некоторых давно укоренившихся положений военной доктрины США, в частности многие из них ставят вопрос о необходимости отказа от использования ядерного оружия первыми. Этого настойчиво добиваются М. Банди, П. Уорнке, Дж. Кеннан, Р. Макнамара, Союз обеспокоенных ученых и др.¹⁰²

Ряд деятелей этого направления поддерживают идею Независимой комиссии по вопросам разоружения и безопасности об установлении по обе стороны границы ФРГ — ГДР зоны, свободной от ядерного оружия (например, бывший заместитель директора Агентства по контролю над вооружениями и разоружению Барри Блекман, бывший госсекретарь Сайрус Вэнс и др.).

Представители этого направления стремятся к более значительным изменениям в военно-политическом курсе США, нежели представители предыдущего направления; они достаточно последовательно отстаивают идею о том, что укрепление международной безопасности, в том числе безопасности самих Соединенных Штатов, возможно в первую очередь посредством заключения соглашений с Советским Союзом. В известной мере для них характерно стремление вернуться к тому положению дел, которое имело место в середине 70-х годов, в период разрядки в советско-американских отношениях.

По мере приближения выборов 1984 года на политической арене США все более заметной становится активность либеральных групп, выдвигающих различные идеи в области военной политики. Эти группы по сравнению с деятелями двух рассмотренных выше направлений в наибольшей мере связаны с массовым антивоенным движением, пита-

ются его идеями и настроениями. Для них характерно резко негативное отношение ко всем основным программам развития стратегических вооружений — особенно к «МХ», «Трайидент II» (Д-5) как средствам «первого удара», явно увеличивающим опасность возникновения катастрофической для всего человечества ядерной войны. В этих кругах активно обсуждаются и далеко идущие варианты замораживания ядерного оружия (с его последующим значительным сокращением), уменьшения стратегических сил США до размеров, обеспечивающих «минимальное сдерживание» за счет отказа даже от одного из элементов «стратегической триады» США. Все более активно представители данной группы выступают за запрет развертывания противоракетного оружия, антиспутниковых систем, милитаризации космического пространства.

Высказываются радикальные идеи и о сокращении американского военного присутствия за границей, в том числе о значительном сокращении и даже полном выводе американских войск из Западной Европы. В развернутом виде эта концепция представлена в работах проф. Э. Равенала, бывшего сотрудника министерства обороны США, идеи которого перекликаются с разработками леволиберальной «Бостонской исследовательской группы» и ряда антивоенных организаций. Он предлагает полностью, в одностороннем порядке, отказаться от развертывания МБР, оставив в американском арсенале лишь БРПЛ и тяжелые бомбардировщики с крылатыми ракетами средней дальности, отмечая, что таким образом будет повышена «кризисная стабильность» в военно-политической области¹⁰³. С аналогичной идеей выступает заместитель директора программы перспективных систем оружия Национальной лаборатории в Лос-Аламосе Г. Рейнолдс¹⁰⁴.

Относительно обычных вооруженных сил Равенал предлагает следующее: в течение десятилетия они должны быть постепенно выведены с зарубежных баз США на американскую территорию. Сосредоточенные на территории США силы «...не должны будут посылаться для вмешательства в Европе, Азии или на Ближнем Востоке, но будут использоваться лишь в тех случаях, когда нация стоит перед лицом... военной угрозы, совершенно очевидно направленной против нашего отечества. Очевидно, что нам не надо ждать, когда противник окажется на мексиканской границе, но мы и не должны посылать войска для защиты латиноамериканских столиц от угрозы захвата их левыми партизанами». Для таких целей, по расчетам Равенала, Сое-

диненным Штатам достаточно будет иметь военный бюджет в 140 млрд. долл. и вооруженные силы в составе 1 млн. 850 тыс. человек (рейгановские военные планы требуют 274 млрд. долл. военных ассигнований и вооруженных сил в составе 2 млн. 165 тыс. человек. За 10 лет в соответствии с планами Рейгана будет израсходовано 4,6 трлн. долл., а «неинтервенционистский» бюджет, по расчетам Равенала, составил бы к 1993 году только 2,4 трлн.— т. е. на $\frac{2}{3}$ меньше.)¹⁰⁵

Оценивая истоки и причины появления рассмотренных выше альтернатив военно-политическому курсу администрации Рейгана, можно предположить, что в правящих кругах США усиливается мнение, что деятельность администрации в военно-политической сфере подчинена узкогрупповым интересам части господствующего класса и военной верхушки. Стремление администрации Рейгана в максимальной мере обеспечить их реализацию осуществляется за счет подлинных интересов самих Соединенных Штатов, всех государств и народов нашей планеты, которых ставит под угрозу ядерного уничтожения авантюристическая политика Вашингтона.

* * *

Взаимное положение Советского Союза и Соединенных Штатов Америки в современной системе международных отношений, их взаимодействие с другими субъектами мировой политики определяется, в первую очередь и в конечном итоге, принципиальными различиями во внутреннем социально-экономическом и политическом устройстве, тем, что СССР и США являются ведущими государствами двух противоположных общественно-экономических систем. Определенную роль во взаимоотношениях этих двух держав играют и исторические факторы.

Соединенные Штаты — это страна, не знавшая иностранного вторжения почти 170 лет, с тех пор как англичане в 1814 году высадились на Восточном побережье и сожгли американскую столицу. Участвуя в двух мировых войнах, американские вооруженные силы вели боевые действия далеко за пределами своей территории. Большая часть войн, которые вела Россия, — это освободительные войны, проходившие на ее территории и приносившие огромные разрушения и неизмеримые страдания народу. В общественном сознании, в социальной психологии народов нашей страны прочно отложились те моменты в исто-

рии, когда вставал вопрос о самом их национальном существовании,— так было во время монголо-татарского нашествия и ига, польско-литовской интервенции в начале XVII века, вторжения шведов во главе с Карлом XII в XVIII веке, наполеоновского похода на Москву в 1812 году, империалистической интервенции в годы гражданской войны и, наконец, гитлеровского нашествия, которое стоило советскому народу более 20 млн. жизней и потребовало гигантского напряжения всех сил страны для отражения агрессии и разгрома гитлеровской Германии и ее союзников.

Важно отметить, что две великие державы никогда не были прямыми противниками в войнах — лишь осуществленная совместно с другими странами Антанты американская интервенция на севере европейской части нашей страны и Дальнем Востоке во время гражданской войны черным пятном ложится на администрацию Вудро Вильсона.

Россия и Америка не раз оказывались в одном лагере, пользовались дипломатической и военно-политической поддержкой друг друга. Так было, например, во время гражданской войны в Соединенных Штатах, когда две эскадры русского флота (в 1863 г.) прибыли в Нью-Йорк и Сан-Франциско, оказав политическую поддержку федеральному правительству, боровшемуся против мятежного рабовладельческого Юга. Английское правительство Пальмерстона, с одной стороны, оказывало поддержку рабовладельческой южной Конфедерации, а с другой — совместно с Францией готовилось к столкновению с Россией. В памяти народов обеих стран прочно закрепились события более близкого прошлого — совместная борьба Советского Союза и Соединенных Штатов против нацистской Германии и ее сателлитов.

Представляется, что подобные действия двух стран могут служить показательным примером трезвого понимания их интересов в мировой политике.

§ 2. Подход СССР и США к решению глобальных проблем

«На наших глазах,— говорил А. А. Громыко на первой специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению,— резко возросла острота таких проблем

общечеловеческого масштаба, как обеспечение людей продовольствием, медицинской помощью, жильем, а промышленности — сырьем и энергией. Под угрозой, угрозой реальной, может оказаться природная среда, окружающая человека на нашей планете. Если откладывать решение таких проблем, то положение лишь усугубится»¹⁰⁶.

Как отмечал в своем докладе на XI Всемирном конгрессе Международной ассоциации политической науки акад. Г. А. Арбатов, необходимость решения глобальных проблем может сцементировать нормальные межгосударственные отношения и послужить мощным стимулом к сотрудничеству и укреплению международной безопасности¹⁰⁷.

Будучи крупнейшими мировыми державами, именно Советский Союз и Соединенные Штаты обладают наиболее значительными возможностями в решении глобальных проблем современности.

Очерчивая круг глобальных проблем, в первую очередь необходимо выделить проблему сохранения мира, укрепления международной безопасности и разоружения. Эта проблема приобрела за последние 10—15 лет действительно общечеловеческие масштабы, что определяется быстрым ростом запасов ядерного оружия у великих держав, распространением гонки обычных вооружений на новые районы мира, угрозой лавинообразного распространения ядерного оружия.

«Совокупная разрушительная сила ядерного оружия теперь может быть сравнима только с космическими силами. Трудно даже представить себе многообразные глобальные последствия для человечества и экологии, которые мог бы иметь взрыв большей части этого ядерного арсенала, если бы он случился», — писал недавно американский физик Вольфганг Панофски¹⁰⁸.

Как отмечалось в материалах состоявшейся в декабре 1982 года в Москве Всесоюзной конференции «Врачи за предотвращение ядерной войны», в современных условиях ядерная война, если бы какой-то политический безумец решился ее развязать, стала бы глобальной катастрофой. На основании профессиональных знаний о медицинских последствиях применения ядерного оружия советские врачи — участники конференции заявили с полной ответственностью, что победителей в такой войне быть не может, ибо ее жертвой станет все человечество. Было также отмечено, что ядерная война была бы безмерной трагедией, она могла бы стать не только катастрофой для человеческой цивилизации, но и концом всякой жизни на земле. Советские

врачи заявили, что те, кто утверждает обратное, кто допускает, что народы и такую войну смогут пережить и существовать дальше на оставленных ею развалинах, те занимаются обманом, продиктованным некомпетентностью или безответственностью.

Участники конференции приветствовали декларацию Генеральной Ассамблеи ООН о предотвращении ядерной катастрофы, провозгласившую тягчайшим преступлением против человечества применение первыми ядерного оружия, подчеркнули, что ядерная война должна быть поставлена вне закона, а ядерное оружие — уничтожено. Участники всесоюзной конференции поддержали мирные инициативы, направленные на предотвращение мирового ядерного пожара, на обуздание гонки вооружений, подчеркнув, что Советский Союз никому не угрожает и ни на кого не собирается нападать, что СССР принял на себя историческое обязательство не применять первым ядерное оружие¹⁰⁹. «Космические силы», которые могут высвободиться в результате широкомасштабной ядерной войны между СССР и США, между Организацией Варшавского Договора и НАТО, приведут к уничтожению отнюдь не только непосредственным участникам этого конфликта.

Как отмечал, например, председатель советской Комиссии по радиационной безопасности акад. Л. А. Ильин, в результате взрывов ядерного оружия в Северном полушарии продукты радиоактивного распада через атмосферные потоки распространятся и на Южное полушарие, где будут выпадать в виде осадков и поражать сотни миллионов людей — либо непосредственно, либо через продукты питания. Выпадение радиоактивных осадков из атмосферы может продолжаться в течение целого года. К настоящему времени, по некоторым данным, ядерные испытания, проводившиеся в атмосфере, привели к уничтожению 3—5% слоя озона, защищающего биосферу от убийственных жестких космических излучений. При взрыве ядерных боеприпасов общей мощностью 10 тыс. Мт (что соизмеримо с современным общим «мегатоннажем» ядерных держав) может быть уничтожено 30—50% всей озоновой оболочки, что также приведет к самым катастрофическим последствиям и для тех, кто не попадет под непосредственные ядерные удары¹¹⁰.

Так что расчеты некоторых буржуазно-националистических деятелей развивающихся стран на то, что ядерное столкновение между двумя главными военно-политическими союзами современной системы международных отноше-

ний не затронет их серьезным образом, абсолютно безосновательны и иллюзорны.

Большую угрозу и с точки зрения безопасности в отдельных регионах, и с точки зрения стратегической стабильности в мире представляет распространение ядерного оружия.

Предполагается наличие тайно произведенного ядерного оружия у Израиля, обладающего и необходимыми средствами его доставки, в частности ракетами «Иерихон» и истребителями-бомбардировщиками «Ф-15». В конце 70-х годов, по оценкам ЦРУ, Израиль имел 10—20 «готовых к употреблению» ядерных боеприпасов¹¹¹, официально объявлять о наличии которых его лидеры, однако, не торопились.

По данным ЦРУ, совместно с Израилем (и при участии Тайваня) произвела испытания ядерного оружия и ракетская ЮАР¹¹².

По некоторым оценкам английских специалистов, в 1981 году Израиль обладал 200 единицами ядерного оружия, обеспеченными средствами доставки. Дестабилизируя военно-стратегическую обстановку на Ближнем Востоке, Израиль в то же время присваивает себе право использовать военную силу против соседних государств, которые, по его предположениям, только собираются создать собственное ядерное оружие. Так, 9 июня 1981 г., воспользовавшись затянувшейся ирано-иракской войной, израильские ВВС уничтожили иракский ядерный реактор, грубо поправ все международно-правовые нормы. При этом следует иметь в виду, что Ирак, будучи участником Договора о нераспространении ядерного оружия, незадолго до израильского налета получил заключение от Международного агентства по атомной энергии (МАГАТЭ) о том, что он соблюдает установленные правила и не отказывается от международной инспекции¹¹³.

После бомбардировки Израилем иракского ядерного научно-исследовательского центра Генеральный директор МАГАТЭ сделал заявление совету управляющих, в котором он отметил, в частности, что этой акцией был нарушен режим гарантий Агентства. 19 июля 1981 г. Совет Безопасности ООН принял резолюцию 487 (1981), в которой решительно осудил военное нападение Израиля на ядерные установки Ирака, отметив при этом, что Израиль не присоединился к Договору о нераспространении ядерного оружия, а Ирак является участником этого договора со дня вступления его в силу в 1970 году. Совет Безопасности оха-

рактизовал израильское нападение как «серьезную угрозу всему режиму гарантий МАГАТЭ, который является основой Договора о нераспространении ядерного оружия», и призвал Израиль поставить свои ядерные установки под гарантии МАГАТЭ¹¹⁴. Однако положительного ответа на это предложение со стороны Израиля не последовало.

Действия Израиля в ядерной области, а также во многом сходная политика расистской ЮАР не могут не вызывать самых серьезных опасений у их соседей, жертв юаровской и израильской агрессии и союзных им арабских и африканских стран. В связи с этим появление собственного ядерного оружия у других участников ближневосточного конфликта и конфликта на Юге Африки представляется многим экспертам весьма вероятным.

Возможно и приобретение ядерного оружия другими странами, которые имеют напряженные отношения со своими соседями.

«В современной сложной международной обстановке появление ядерного оружия хотя бы еще у одной страны способно вызвать цепную реакцию его распространения, привести к нарушению стратегической стабильности и воинного равновесия, усложнить достижение договоренности о ядерном разоружении. Чем больше уверенность в том, что ядерное оружие не появится у государств, которые его не имеют, тем больше будет стимулов для свертывания существующих потенциалов. В свою очередь, прогресс на пути запрещения ядерного оружия и сокращения его запасов, укрепляя безопасность неядерных стран и ограничивая стимулы для обзаведения таким оружием, способствовал бы укреплению режима нераспространения»¹¹⁵, — отмечалось в статье, опубликованной в газете «Правда» и специально посвященной этой проблеме.

Не следует упускать из виду опасность, связанную с распространением, расползанием ядерного оружия по всему земному шару.

Но наиболее опасным для дела мира было бы появление ядерного оружия в тех странах, где отмечаются всплески реваншизма и милитаризма, — в частности в ФРГ и Японии. Подобное событие затронуло бы самым кровным образом интересы национальной безопасности не только Советского Союза, но и многих других государств мира.

У ряда так называемых «околоядерных» государств подход к вопросу о нераспространении ядерного оружия может значительно меняться в зависимости от изменений в военно-политической обстановке в регионе, от того, какой

режим находится у власти, какой в этой стране достигнут уровень развития ядерной энергетики.

Несомненно, что международная система, в которой большое число государств будет обладать ядерным оружием, станет гораздо более сложной в военном и политическом отношении и менее устойчивой, чем современная система международных отношений.

Как пишет, например, известный советский ученый-физик В. С. Емельянов, «расползание» ядерного оружия по планете имело бы самые тягчайшие последствия для всех народов мира. Особенно опасным могло бы стать появление его у стран, расположенных в районах повышенной военной напряженности, «в горячих точках» земли, а также и у других государств, стремящихся к обладанию этим оружием ради достижения своих агрессивных целей. Ядерный конфликт, вспыхнув в «горячих точках», мог бы стать детонатором всеобщей ядерной войны; ядерная эпидемия способна в считанные часы неудержимо охватить весь мир¹¹⁶.

Профессор Корнельского университета Ч. Роузкранц выделил два важнейших момента в своей работе, посвященной этой теме. Во-первых, отмечает он, возникновение «ядерной многополярности» может сделать арабо-израильский, индо-пакистанский и другие конфликты более сильными факторами нарушения стабильности всей международной системы, и, во-вторых, возникающая в связи с распространением ядерного оружия «многополярная стратегическая среда» неизбежно создаст новые сложнейшие проблемы для теории и практики стратегического ядерного сдерживания. В каком количестве и какого рода ядерные боеприпасы должны быть на вооружении тех или иных государств, чтобы сохранялся общий стратегический баланс? Ведь по мере того, как все новые страны будут вступать в члены «ядерного клуба», будет возрастать степень разнообразия ядерного оружия, находящегося на вооружении у разных стран. Роузкранц небезосновательно предполагает, что «состояние сдерживания» в условиях распространения ядерного оружия среди многих государств будет в большей мере зависеть не только от стратегических факторов, но и от политики руководства того или иного государства, от его личностных, в том числе морально-этических и психологических характеристик. Вероятно также, что руководители отдельных государств, считая, что их страна в одиночку будет не в состоянии обеспечить стратегическое сдерживание потенциальных противников, будут стремиться к об-

разованию новых типов коалиций государств. По мнению Роузкранца, с распространением ядерного оружия ведущие ядерные державы будут постепенно утрачивать то военнополитическое влияние, которым они обладают в настоящее время¹¹⁷.

Оценивая изложенное Роузкранцем, можно отметить, что для значительной части государственных и политических деятелей США именно опасность утраты того военнополитического влияния, на которое они рассчитывают, обладая огромным потенциалом ядерного оружия, служит одним из важнейших стимулов к участию в мерах по нераспространению ядерного оружия. Мотивы же Советского Союза в подходе к данной проблеме принципиально иные, отвечающие интересам всего человечества. Советский внешнеполитический курс не предусматривает манипулирования в политических или в идеологическо-пропагандистских целях огромной ядерной мощью, имеющейся в распоряжении ведущего социалистического государства.

70-е годы показали, что во многих странах мира ядерная энергетика становится одним из основных и перспективных источников обеспечения растущих потребностей в энергии. Это, в частности, особенно четко проявилось во время международных кризисных ситуаций в энергетической сфере, связанных в первую очередь с проблемами нефти. Увеличивается число и мощность строящихся атомных электростанций, расширяется география их распространения. По некоторым прогнозам, к 1990 году число стран, обладающих действующими АЭС, возрастет с 24 (к началу 1982 г.) до 34, суммарная мощность станций увеличится со 170 до 460 млн. кВт. При этом растет и число стран, располагающих предприятиями и установками, которые, наряду с обслуживанием ядерной энергетики, способны производить расщепляющиеся материалы для военных целей. Дополнительную остроту этот вопрос приобретает в связи с тем, что в ряде случаев обзавестись такими предприятиями торопятся руководители стран, руководствуясь соображениями «престижа» или «независимости», обладая при этом лишь ограниченными программами развития ядерной энергетики, не оправдывающими их стремления ни с технической, ни с экономической точек зрения¹¹⁸.

Проблема нераспространения ядерного оружия с 60-х годов стала предметом особого внимания государственных деятелей различных стран. Важным этапом в развитии международных отношений стал Договор о нераспространении ядерного оружия, вступивший в силу в

1970 году; в 1982 году участниками договора стали 118 государств, в том числе три из пяти ядерных держав (СССР, США, Англия) и большинство неядерных держав, осуществляющих сколько-нибудь значительную деятельность в сфере атома. Сущность договора — это обязательства участвующих в нем ядерных государств не передавать и не оказывать помощь в создании ядерного оружия или взрывных устройств, а со стороны неядерных стран — не приобретать и не передавать его.

К сожалению, от участия в этом договоре уклонился целый ряд государств, многие из которых относятся к «око-ядерным». Так что, хотя данный договор и играет определенную роль в создании барьера на пути распространения ядерного оружия, решение данной проблемы требует и других мер.

Важное значение для укрепления действия Договора о нераспространении ядерного оружия имело бы присоединение к нему Франции и КНР, ядерный статус которых налагает на них особую ответственность¹¹⁹.

Решению проблемы нераспространения ядерного оружия способствовало бы и осуществление предложения СССР о неразмещении ядерного оружия на территории тех государств, где его нет в настоящее время. Соответствующее соглашение могло бы предусматривать обязательства ядерных держав не размещать ядерное оружие на территории тех стран, которые им не обладают и где оно еще не размещено, независимо от того, находятся они в союзнических отношениях с тем или иным ядерным государством или нет. Это предложение Советского Союза, ориентированное и на ограничение сферы географического распространения ядерного оружия, и на то, чтобы воспрепятствовать дестабилизации стратегического положения, получило поддержку многих участников второй конференции по рассмотрению действия Договора о нераспространении ядерного оружия¹²⁰.

Немаловажным вопросом в рамках данной проблемы является укрепление гарантий безопасности неядерных государств. Советский Союз официально заявил, что он никогда не применит ядерного оружия против тех государств, которые отказываются от его производства и приобретения и не имеют его на своей территории, а также предложил подписать международную конвенцию об укреплении гарантий безопасности неядерных государств.

Учитывая важность проблемы обеспечения развития ядерной энергетики в освободившихся государствах на ос-

нове сотрудничества различных стран, предусмотренного в Договоре о нераспространении, Советский Союз поддерживает создание специальных международных или региональных центров под контролем МАГАТЭ. Эти центры могут обеспечивать странам с небольшими и средними программами развития ядерной энергетики долговременное и надежное снабжение ядерным топливом и услугами по его хранению, переработке и т. п.¹²¹

При всей сложности задач, возложенных на МАГАТЭ, эта организация успешно справляется с контролем за соблюдением системы гарантий, дающей мировому сообществу уверенность в том, что использование атомной энергии происходит в соответствии с обязательствами, принятыми подписавшими Договор о нераспространении ядерного оружия странами. Обеспечивая эффективный контроль, МАГАТЭ осуществляет его с полным соблюдением суверенных прав государств, не создает препятствий их научно-техническому и экономическому развитию, а также международному сотрудничеству в мирной ядерной деятельности.

Сложным вопросом соблюдения режима нераспространения является обеспечение системы контроля в ядерных странах. Многие государственные руководители неядерных государств выдвигают тезис о том, чтобы под контроль МАГАТЭ были поставлены мирные ядерные установки ядерных держав, что должно устранить дискриминационный, по их мнению, характер международного контроля. Советский Союз в подходе к данной проблеме традиционно исходит из того, что установление системы контроля в ядерных странах имело бы смысл в случае, если бы была достигнута договоренность о прекращении производства ядерного оружия или расщепляющихся материалов, необходимых для его производства. Такой договоренности, к сожалению, пока не существует. Однако СССР счел возможным пойти навстречу неядерным странам и в качестве акта доброй воли заявил на второй специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН по разоружению о готовности поставить под контроль МАГАТЭ часть своих мирных ядерных установок — несколько атомных электростанций и исследовательских реакторов¹²².

С проблемой нераспространения ядерного оружия в значительной мере связан вопрос о запрещении испытаний ядерного оружия. Советский Союз уже на протяжении более двух десятилетий предпринимает самые энергичные усилия в этом направлении. По инициативе СССР был вы-

работан и в 1963 году подписан, а затем и ратифицирован Договор о запрещении испытаний ядерного оружия в атмосфере, в космическом пространстве и под водой, получивший наименование московского.

В июле 1974 года, во время советско-американской встречи на высшем уровне в Москве, был подписан Договор об ограничении подземных испытаний ядерного оружия, в соответствии с которым устанавливался запрет на проведение испытаний такого оружия мощностью свыше 150 кт в тротиловом эквиваленте. Этот договор получил наименование «порогового». Он имел важное конструктивное значение, поскольку призван был положить конец испытаниям наиболее мощных разрушительных ядерных зарядов. В мае 1976 года между СССР и США был заключен еще один «пороговый» договор о подземных ядерных взрывах в мирных целях, который устанавливал пределы мощности ядерных взрывов, которые можно использовать для различных народнохозяйственных целей. Разрабатывая и подписывая эти соглашения, советская сторона исходила из того, что, устанавливая порог в 150 кт для ядерных взрывов, достигнутые договоренности вместе с тем закладывали фундамент для решения основной задачи — полного и всеобщего запрещения испытаний ядерного оружия. Ратификация «порогового» договора 1974 года в США в течение продолжительного времени откладывалась. Весной 1976 года между СССР и США было достигнуто взаимное понимание относительно того, что стороны при проведении испытаний ядерного оружия будут соблюдать согласованный предел в 150 кт. Вокруг вопроса о ратификации в течение всех лет с момента подписания договоров идет непрерывающаяся борьба. В 1977 году, несмотря на рекомендацию сенатского комитета по иностранным делам ратифицировать оба договора, администрация Картера так и не пошла на внесение его в сенат под предлогом того, что это могло бы помешать успешному завершению начавшихся тогда трехсторонних советско-американо-английских переговоров о полном запрещении испытаний ядерного оружия. С приходом к власти администрации Рейгана трехсторонние переговоры были прерваны американской стороной, хотя здесь отмечался значительный прогресс: почти все основные положения Договора о всеобщем и полном запрещении испытаний ядерного оружия были практически согласованы. Одновременно представители рейгановской администрации стали поднимать вопрос о ревизии договоров 1974 и 1976 годов¹²³.

Такая постановка вопроса не может не вызывать самой серьезной озабоченности, ибо за ней в конечном счете кроется опасность разрушения договорно-правовой основы регулирования отношений между государствами в военно-политической сфере в целом, той основы, которая с огромными трудностями создавалась в последние десятилетия. Причины такого решения администрации Рейгана во многом объясняются тем, что она в угоду своекорыстным интересам военно-промышленного комплекса собирается значительно обновить и расширить арсенал американских ядерных боеприпасов. В течение 80-х годов планируется разработать и произвести около 17 тыс. новых ядерных боеприпасов, осуществляя при этом многочисленные испытания ядерного оружия. Ассигнования на эксплуатацию испытательного полигона в штате Невада с приходом к власти президента Рейгана увеличились вдвое по сравнению с ассигнованиями при администрации Картера, достигнув в 1983 году 354 млн. долл.¹²⁴ Выступая в мае 1982 года перед сенатским комитетом по иностранным делам, Ю. Ростоу (в то время директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению) откровенно заявил: «Нам еще в течение длительного времени будет необходимо проводить испытания, причем, возможно, даже испытания таких вооружений, мощность которых превышает установленный предел в 150 кт»¹²⁵.

Делая ставку на производство в огромных количествах новых ядерных боеприпасов, администрация Рейгана пошла на то, чтобы разрешить использовать плутоний, вырабатываемый гражданскими ядерными реакторами, для производства ядерных боеголовок¹²⁶.

Это явно идет вразрез с идеями нераспространения ядерного оружия, отказа от производства его странами, обладающими ядерными реакторами, используемыми в мирных целях.

Глобальный характер в 70-е годы начала приобретать проблема невозобновляемых источников сырья и топлива. «Несмотря на новые, более рациональные и экономные пути использования минерального сырья, можно ожидать, что в оставшиеся 30 лет XX века мир поглотит его в 3—4 раза больше, чем за всю предшествующую историю человечества»¹²⁷, — отмечал еще десять лет назад нобелевский лауреат, американский экономист В. Леонтьев. И хотя до начала следующего столетия разведанные запасы минералов могут вновь увеличиться, подавляющее большинство стран за этот период может столкнуться с ощутимыми

отставаниями предложения от спроса на нефть, свинец, цинк, асбест, олово, вольфрам, фосфор, золото, серебро, флюорит, мышьяк и др.

В отношении энергетического сырья имеются и более пессимистические прогнозы. Так, по оценке заместителя директора отделения Экономической комиссии ООН для Европы К. Бредшоу, имеющиеся в мире энергоресурсы практически уже иссякли; при современных темпах потребления существующие в недрах Земли источники энергии будут исчерпаны в мире через 35 лет. Подобная ситуация объясняется не только недостаточным количеством ресурсов, но и их расточительным и неэкономичным расходованием, обусловленным, в частности, низким уровнем применяемой техники и оборудования; эффективность использования энергетического сырья в настоящее время составляет лишь 46%. Рост численности населения, развитие и структурные изменения экономики, урбанизация, все более широкое использование средств автоматизации и механизации — все эти факторы, по мнению западных специалистов, приведут к еще большему потреблению энергии и усугубят в 2000 году энергетический кризис¹²⁸.

Решение важнейших глобальных проблем, волнующих все человечество, было бы значительно облегчено в случае, если бы была прекращена безудержная гонка вооружений, обрекающая народы на бессмысленную растрату материальных и духовных богатств. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, если будет мир, творческая энергия народов, опираясь на достижения науки и техники, наверняка решит глобальные проблемы современности¹²⁹.

В 70-е годы среди глобальных проблем современности на одном из первых мест оказалась проблема сохранения окружающей среды. Обнаружилось, что, как пишет советский исследователь Г. Х. Шахназаров, мировое горнорудное производство возрастает ежегодно примерно на 5%, удваиваясь каждые 15 лет; промышленное производство увеличивается вдвое каждые 10 лет. Темпы роста всей экономической деятельности таковы, что воздействие человека на окружающую среду удваивается каждые 12—14 лет. Природе все труднее справиться с потоком многообразных отходов производства, шлаков, выбрасываемых в воздух, землю и воду. Критически допустимое искусственное «разогревание Земли» составляет 1% поглощаемой планетой энергии Солнца. В то же время вырабатываемая в крупных городских агломерациях развитых стран энергия в несколько раз выше, чем получаемая от Солнца. По дан-

ным, приводимым Г. Х. Шахназаровым, способность земных сельскохозяйственных угодий поглощать химические удобрения, пестициды и инсектициды может сохраниться не более чем на 50 лет; продолжающееся заражение воздушного бассейна планеты может уже через 25 лет привести к уничтожению 16% озонового покрова Земли (масштабы уничтожения озонового покрова при этом будут соизмеримы с тем, что может произойти с ним в результате всеобщей ядерной войны.— А. К.); в перспективе вода может стать столь же дефицитной и дорогой, как нефть. Сокращение биологических потенциалов планеты пагубно сказывается на многих растениях, животном мире, на здоровье самого человека. В частности, опасного уровня достигло потребление человеком различных заменителей натуральных продуктов¹³⁰.

Первое место в мире по отравлению окружающей среды, по подсчетам многих специалистов, занимают Соединенные Штаты. Американцы поглощают в 25 раз больше ресурсов (и соответственно загрязняют среду), чем, например, жители Индии; в этом смысле население США могло бы быть приравнено к 6 млрд. индийцев¹³¹.

Отравляющее и заражающее воздействие на людей на некоторых производствах таково, что в США по этим причинам ежегодно гибнет не менее 100 тыс. человек, а еще около 400 тыс. получают тяжкие увечья. Хищническое отношение к окружающей среде превратилось в источник новых тягот для широких масс трудящихся в Соединенных Штатах и других капиталистических странах. В форме повышения цен из-за производственных расходов на охрану природы, дополнительных налогов, ухудшения условий труда и отдыха на общество перекладываются экономические издержки капиталистического способа производства. Более 90% всех вредных отходов производства в США не собирается и не перерабатывается в соответствии с установленными правилами. Когда же эти правила формально выполняются, то и при этом зачастую природе — в том числе окружающей среде в других странах — наносится значительный ущерб. Так, после принятия в 1970 году закона о мерах по ограничению загрязнения воздушного бассейна в Соединенных Штатах было введено в строй более 65 промышленных предприятий и энергетических объектов с трубами высотой более 150 м, 75 — высотой более 200 м и 35 — высотой около 250 м. В результате этого удалось несколько снизить уровень загрязнения воздуха в соответствующих районах США, однако одновременно это нега-

тивно сказалоcь на воздушном бассейне соседней Канады: над канадской территорией в воздух стало поступать ежегодно около 4 млн. т двуокиси серы, которую выбрасывают в верхние слои атмосферы промышленные объекты на территории США. По оценке бывшего канадского министра по защите окружающей среды Дж. Фрейзера, «кислотные дожди», вызванные промышленными выбросами на территории США, «являются самой серьезной экологической проблемой Канады»¹³².

В последние годы эта проблема все больше затрагивает и развивающиеся страны, во многих из которых природоохранные мероприятия проводятся пока в значительно меньших масштабах, чем в социалистических и развитых капиталистических странах. Одним из важных ее компонентов становятся последствия развития атомной энергетики, дополнительный толчок которому был дан нефтяным кризисом 70-х годов.

В начале 60-х годов атомные реакторы имелись уже в 40 странах мира. Для многих из них, обладающих большой плотностью населения, все более острой стала проблема радиоактивных отходов. Значительная часть реакторов, поставленных, например, Соединенными Штатами, оказалась с дефектами, которые создают либо повышенную радиоактивность, либо угрозу серьезных аварий, наподобие той, которая произошла в 1978 году в США с атомной электростанцией на Трехмильном острове в штате Пенсильвания, когда под угрозой радиоактивного заражения оказалось несколько сот тысяч человек.

В связи с этим в последние годы страны — импортеры атомных установок неоднократно предъявляли претензии американским компаниям, поставляющим ядерные реакторы. Так, например, индийская Комиссия по атомной энергии обнаружила, что построенный корпорацией «Дженерал электрик» атомный центр в Тарапуре вызвал в его зоне повышение радиоактивности, которое заметно превысило допустимые пределы, что эта компания не обеспечила надлежащего уровня подготовки персонала и оговоренного контрактом качества обслуживания.

Серьезные опасения возникли и у филиппинской Комиссии по атомной энергии, которая выразила сомнения в безопасности строительства корпорацией «Вестингауз» атомной энергетической установки большой мощности в 40 милях от Манилы. Угроза усугубляется еще и тем, что данная установка расположена вблизи спящего вулкана Натиб.

Развивающиеся страны, приобретающие ядерную технологию у ведущих капиталистических стран, как правило, обладают очень незначительными возможностями по контролю над качеством поступающей к ним сложной технологии. Это заставляет полагаться на транснациональные монополии, которые, как показано выше, далеко не всегда принимают необходимые меры для обеспечения надлежащих условий¹³³.

Уже в середине 70-х годов за весьма короткий срок произошло формирование широкой сети международного сотрудничества в области окружающей среды. Это было особенно характерно для Европейского континента, где под воздействием и на базе хельсинкского Заключительного акта был подписан ряд важных многосторонних документов, в частности по охране вод Балтийского залива. В ноябре 1979 года в Женеве прошел Общеввропейский конгресс по окружающей среде, в ходе которого были приняты важные решения по регистрации трансграничных переносов загрязнений и борьбе с ними. Деятельностью по охране окружающей среды, особенно животного мира и вод, занимается также и ЮНЕП¹³⁴.

В 70-е годы на более высокий уровень поднялось и двустороннее советско-американское сотрудничество в области охраны окружающей среды на основе подписанного 23 мая 1972 г. в ходе советско-американской встречи на высшем уровне общего соглашения. В этом соглашении, в частности, отмечалось, что задачей советско-американского сотрудничества в данной сфере является разработка мер по предотвращению загрязнений, изучению их воздействия на окружающую среду, а также по урегулированию влияния человеческой деятельности на природу. Было договорено, что в ходе этого сотрудничества стороны будут уделять особое внимание совместной работе по усовершенствованию существующей и созданию новой технологии, не загрязняющей окружающую среду, внедрению этой новой технологии в повседневное пользование, а также изучению экономических аспектов этой новой технологии. При этом отмечалось, что Советский Союз и Соединенные Штаты по взаимному согласию будут передавать технические достижения такого сотрудничества в распоряжение других стран.

Сотрудничество предусматривалось осуществлять в форме обмена учеными, специалистами и стажерами, организации двусторонних симпозиумов и совещаний, обмена научно-технической информацией и документацией и резуль-

татами исследований по проблеме окружающей среды, совместной разработки и осуществления программ и проектов в области фундаментальных и прикладных наук. Для выполнения этого соглашения была создана смешанная советско-американская комиссия по сотрудничеству в области охраны окружающей среды¹³⁵. Общее соглашение открыло серию специальных межгосударственных соглашений, касающихся совместных разработок и использования новой техники, а также совместных первых проектов по охране природы и рациональному использованию ресурсов. Этими соглашениями были охвачены почти все актуальные и перспективные направления: предотвращение загрязнения атмосферы и воды; выработка эффективных форм сельскохозяйственного производства, предотвращающих загрязнение окружающей среды; улучшение окружающей среды в горах; охрана природы и редких видов животных путем организации заповедников; охрана морской среды от загрязнения, изучение биологических и генетических последствий загрязнения окружающей среды; исследование влияния загрязнения окружающей среды на климат; предсказание землетрясений; изучение арктических и субарктических экологических систем, а также разработка правовых и административных мер по сохранению качества окружающей среды¹³⁶.

К сожалению, поворот вправо, осуществленный администрацией Дж. Картера, продолженный и углубленный администрацией Р. Рейгана, негативно отразился на практической реализации заключенных соглашений.

* * *

Весьма острой является мировая продовольственная проблема. В целом ряде развивающихся стран производство продовольствия не поспевает за ростом потребления. Лучшие земли во многих районах мира уже давно полностью используются под посевы, а в некоторых азиатских странах вообще нет свободных земель. По оценкам экспертов Международного банка реконструкции и развития, дефицит продовольствия по отношению к объему потребления составит в 80-е годы в Азии — 7,2%, в Черной Африке — 16,8, в Северной Африке и на Среднем Востоке — 19,8, а по всему развивающемуся миру — 8,0%¹³⁷. По оценкам так называемой «комиссии В. Брандта», дефицит в продовольствии у развивающихся стран с 1960 по 1980 год вырос с

20 млн. до 70 млн. т и продолжает расти. По некоторым прогнозам, он может достичь к 1990 году 145 млн. т¹³⁸. В то же время некоторые развивающиеся страны, еще 10—15 лет назад импортировавшие в больших объемах практически все виды основных продовольственных товаров, потребовавшихся в этих странах, оказались способными добиться самообеспечения за счет повышения производства зерновых культур.

В развивающихся странах почти весь зерновой урожай идет на непосредственное потребление человеком (в 70-е годы производилось около 400 фунтов зерна в год на человека); для производства белковой пищи его остается мало. В США и Канаде производство зерна на душу населения составляет около 1 т, лишь 70% этого количества расходуется непосредственно в виде хлебопродуктов и им подобных; остальное идет на производство белковой пищи — продуктов животноводства и птицеводства, занимающих основное место в рационе североамериканцев. При этом в США и Канаде расходуется примерно в пять раз больше сельскохозяйственных ресурсов (земли, воды, удобрений) на одного жителя, чем, например, в Индии, Нигерии или Колумбии¹³⁹. Таким образом, в вопросе обеспечения развивающихся стран продовольствием наиболее остро стоит белковая проблема.

Как справедливо отмечает советский ученый И. Д. Иванов, единственный кардинальный путь к решению мировой продовольственной проблемы лежит через рост собственного внутреннего производства в развивающихся странах, главным образом за счет технической модернизации их сельского хозяйства и прогрессивных социальных преобразований в организации землепользования. Но некоторые важные результаты, особенно в краткосрочном плане, могут быть получены и путем проведения многосторонних мероприятий, в том числе по линии перестройки международных экономических отношений. В частности, определенными возможностями располагает недавно созданный Международный фонд сельскохозяйственного развития, в задачу которого входит предоставление развивающимся странам субсидий и льготных займов на эти цели. Накоплены резервы зерновых для продовольственной помощи, позволяющие осуществлять планирование этой помощи по трехлетним периодам. В то же время в этой сфере наблюдается частый отход от первоначальных предложений развивающихся стран — прежде всего в силу явной прозападной ориентации Всемирной организации продовольствия (ФАО).

Эта организация оказалась единственным специализированным учреждением ООН, которое приняло программу привлечения транснациональных монополий в развивающиеся страны, несмотря на то, что во многих из этих стран продовольственная проблема возникла и обострилась именно вследствие вытеснения продовольственных культур для внутреннего потребления экспортными плантационными, насаждавшимися транснациональным бизнесом. Вопреки складывающейся международной практике резервы продовольственной помощи оставлены в распоряжении правительств стран-доноров и используются вне эффективного международного контроля и координации, в том числе для достижения своекорыстных внешнеполитических целей США и их союзников. Об этом, в частности, свидетельствуют американские санкции против Ирана¹⁴⁰.

* * *

Перспективными для многостороннего сотрудничества являются такие направления, как освоение космоса и Мирового океана. Но эти глобальные проблемы, несмотря на многие позитивные достижения последних 15—20 лет, обладают и значительным конфликтным потенциалом в связи с острой борьбой между различными странами и частными компаниями за материальные ресурсы морского дна и даже участки околоземного космоса. Примером действий, которые могут сделать весьма серьезной международно-политической проблемой «раздел» околоземного космического пространства, служит провозглашение 9 декабря 1976 г. в Боготе (Колумбия) семью экваториальными странами их «суверенных прав на синхронную геостатическую орбиту». Представители Эквадора, Народной Республики Конго, Кении, Уганды, Заира, Индонезии и Колумбии заняли такую позицию с целью установления своего контроля над орбитальным пространством, имеющим очень важное значение для обеспечения связи через искусственные спутники Земли. Участники этого совещания, с одной стороны, потребовали, чтобы компетентные международные организации регламентировали использование и эксплуатацию сегментов орбиты, находящихся над международными водами, поскольку они считаются достоянием всего человечества. В то же время они заявили, что ни один спутник Земли не может быть выведен на геостатическую орбиту в каком-либо ее сегменте без предварительного разрешения страны, которой этот сегмент принадлежит, и функцио-

нирование этого спутника должно регулироваться национальными законами этой страны.

В 70-е годы удалось достичь некоторого прогресса в советско-американском сотрудничестве по освоению космоса. Фокальной точкой этого сотрудничества стал совместный полет в космос аппаратов «Аполлон» и «Союз» — реализация программы ЭПАС в 1975 году. «Исторический эксперимент «Союз — Аполлон», — отмечалось тогда в «Нью-Йорк таймс», — должен быть только началом далеко идущей программы совместного использования ресурсов космоса на благо человечества. Более того, такое сотрудничество в космосе должно быть расширено далеко за пределы Соединенных Штатов и Советского Союза и должно охватить не только страны, дружественные этим двум великим державам, но и все нации, заинтересованные в исследовании космического пространства и готовые внести вклад в общее дело своими людскими и материальными ресурсами»¹⁴¹. Но уже тогда в США было немало противников и полета «Союз — Аполлон», и советско-американского сотрудничества по данной глобальной проблеме в целом. Их усилиями дальнейшее развитие сотрудничества всячески тормозилось, а затем было фактически сведено на нет. Государственное руководство США избрало курс на конфронтацию с Советским Союзом, на милитаризацию космического пространства.

1 сентября 1982 г. в рамках ВВС США было создано специальное Космическое командование со штаб-квартирой в Колорадо-Спринге (штат Колорадо), призванное «координировать все военные космические программы США и осуществлять управление антиспутниковыми системами». Только за один год (1982/1983 фин. г.) официальные бюджетные ассигнования на военные программы в космосе увеличились с 2,9 млрд. до 4 млрд. долл. Только на исследования, связанные с размещением и использованием в космосе лазерного оружия, министерство обороны США тратит в год около 300 млн. долл. Разработки вариантов противоспутникового оружия с различной степенью интенсивности ведутся в США с 1960 года, с 1977 года разрабатывается та система, которую планируется развернуть к концу 80-х годов. (Основой этой системы служит истребитель-бомбардировщик «Ф-15», призванный в верхних слоях выпускать предназначенные для поражения спутников небольшие самонаводящиеся ракеты с неядерной боеголовкой.)¹⁴²

Особенно усилила эту линию администрация Р. Рейгана, которая значительно увеличила долю военного компо-

пента во всей совокупности американских программ космических исследований. В соответствии с подписанной 4 июня 1982 г. директивой по «новой космической политике» США на 1980-е годы дальнейшее развитие космической техники все теснее привязывается к задачам и возможностям разработок новых систем оружия.

В начале 80-х годов, параллельно с нарастанием усилий американского военно-промышленного комплекса по развертыванию гонки вооружений в космосе, в США усиливается критика этого курса, в том числе со стороны видных государственных и политических деятелей. Так, например, сенатор-демократ от штата Гавайи С. Матцунага призывает к тому, чтобы альтернативой военному соперничеству США и СССР в космосе стали проекты советско-американского сотрудничества по созданию постоянных орбитальных станций, полностью свободных от какого-либо военного предназначения; к этой деятельности впоследствии, по его мнению, могли бы присоединиться и другие страны. С. Матцунага подчеркивает при этом, что советская и американская программы по освоению космоса могли бы быть взаимодополняющими — с точки зрения науки, техники, экономики обе страны от такого сотрудничества получили бы огромные выгоды. Имея в виду действия противников такого сотрудничества, сенатор Матцунага пишет, что любые конъюнктурные политические соображения должны отступать перед возможностью совместных усилий для решения созидательных проблем, стоящих перед народами США и СССР, перед всем человечеством.

Советский Союз со своей стороны всегда выступал и выступает за сотрудничество в освоении и использовании космического пространства в мирных, созидательных целях, на благо всего человечества.

* * *

Возрастающую роль глобальных проблем как фактора мировой политики, в том числе отношений между СССР и США, признает в последние годы целый ряд американских государственных деятелей и видных политологов.

«Последние годы продемонстрировали возрастание числа и спектра проблем, стоящих на повестке дня внешней политики. Более того, традиционные представления о национальной безопасности больше не являются адекватными реальности. Защита от военных угроз будет оставаться главной проблемой внешней политики, но национальной бе-

зопасности могут угрожать события за пределами военно-политической сферы. Таяние арктического ледяного покрова, разрушение озоновой оболочки, утечка радиоактивных отходов или прогрессирующий рост населения земного шара могут угрожать безопасности американцев (или других народов) так же серьезно, как события, которые могут возникнуть в традиционной военно-политической области»¹⁴³, — отмечалось в подготовленном специальной президентской комиссией по перспективам внешней политики США докладе проф. Роберта Кохейна и Джозефа Ная.

О возрастающей роли в мировой политике все большего числа новых факторов, порожденных научно-технической революцией, пишет и известный американский ученый-международник Сийом Браун. Он подчеркивает усложняющуюся «комплексность возникающей мировой политической системы», в которой все более важными становятся такие проблемы, как обеспечение совместных усилий по защите общей региональной экосистемы, интенсивному использованию рек, рыбных богатств, линий морских коммуникаций, воздушных коридоров, орбит спутников, управления погодными явлениями и т. п. При этом С. Браун небезосновательно опасается, что происходящее под воздействием этих факторов развитие «многократной взаимозависимости» может принять форму «параноидального варианта», то есть еще большего обострения международной обстановки за счет появления новых конфликтных сфер и взаимосвязей между ними. На основании этого он выступает против «силового» подхода к внешней политике¹⁴⁴.

С середины 70-х годов некоторые влиятельные неправительственные организации США поддерживают идею о советско-американском сотрудничестве в решении глобальных проблем, исходя из того, что их решение, особенно в долгосрочной перспективе, отвечает интересам обоих государств. В частности, в специальном докладе Трехсторонней комиссии «Сотрудничество с коммунистическими странами в управлении глобальными проблемами: исследование возможностей» отмечались следующие, «наиболее многообещающие» области сотрудничества США и других ведущих капиталистических государств с Советским Союзом: продовольственная проблема, экспорт ядерной технологии и нераспространение атомного оружия, освоение ресурсов океана, торговая политика. На второе место по возможности развертывания уже в ближайшее время взаимовыгодного сотрудничества были поставлены прогнозирование землетрясений и энергетическая проблема. «Третьим эше-

лоном» глобальных проблем по вероятности сотрудничества Восток — Запад были названы: «Помощь в целях развития», использование космического пространства, прогнозирование погоды и управление погодными явлениями. Говоря, например, о возможностях сотрудничества в области экспорта ядерной технологии и нераспространения ядерного оружия, авторы доклада положительно оценили развертывавшуюся деятельность «Лондонской группы» экспертов ядерной технологии и ядерного горючего, созданной Советским Союзом, Соединенными Штатами, Канадой, Британией, Францией, ФРГ и Японией, к которым позднее присоединились Швеция, ГДР, Италия, Чехословакия, Нидерланды, Польша и Швейцария. Одной из важных акций этой группы было достижение общей договоренности в январе 1976 года относительно введения общих стандартов на меры безопасности при осуществлении экспорта ядерной технологии и материалов. Отмечалось также, что по некоторым весьма важным вопросам позиции СССР и США оказывались более близкими друг к другу, чем позиции Соединенных Штатов и некоторых их западноевропейских союзников. Например, это обнаружилось при обсуждении вопроса об огромной западногерманско-бразильской сделке по строительству в Бразилии мощных атомных реакторов¹⁴⁵. Их введение в строй, с одной стороны, значительно увеличило бы шансы Бразилии стать обладателем собственного атомного оружия, с другой — создало бы большой простор для опасного экспериментирования в этой области западногерманскими монополистами¹⁴⁶.

В последние годы ряд крупных американских бизнесменов признавали выгоды советско-американского сотрудничества в решении глобальных проблем как непосредственно для США и СССР, так и для многих других стран, озабоченных ростом энергетической проблемы. В частности, руководители компании «Теннеко» Уилтон Скотт и Джек Рэй подчеркивали большое значение упоминавшегося выше проекта «Северная звезда», реализация которого помогла бы в перспективе значительно оздоровить обстановку на мировых рынках энергетического сырья, создать «запас времени» для развитых индустриальных стран, включая СССР и США, необходимый для разработки альтернативных источников энергии¹⁴⁷.

Необходимо отметить, что параллельно с признанием необходимости советско-американского сотрудничества в решении глобальных проблем и разработки конкретных предложений по его реализации американская сторона

выдвигает зачастую неприемлемые для Советского Союза условия такого сотрудничества, а также требования об «увязке» его с другими политическими проблемами, что сразу же заводит в тупик развитие согласованной деятельности в решении глобальных проблем.

В последний период пребывания у власти администрации Дж. Картера и, в еще более значительной степени, после прихода в Белый дом Р. Рейгана глобальные проблемы во внешней политике США отодвинулись на задний план. Националистически ограниченная, недалёковидная политика администрации Р. Рейгана привела к тому, что действия Соединенных Штатов даже в тех областях, где ранее у них наметился переход к более конструктивному подходу, стали одним из главных препятствий на пути решения глобальных проблем. Более того, принятое администрацией Рейгана решение о снятии практически всех ограничений на торговлю оружием способствует повышению милитаризации ряда развивающихся стран, содействует внешнеполитической агрессивности реакционных режимов, делает конфликтные ситуации в различных районах мира потенциально более дестабилизирующими. А это, в свою очередь, становится вдвойне опасным в условиях возросшей напряженности в двусторонних советско-американских отношениях, происшедшей по вине США.

В начале 80-х годов устойчивой тенденцией развития системы международных отношений являлось укрепление международных позиций СССР по отношению к Соединенным Штатам Америки, в первую очередь за счет дальнейшего развития экономики и укрепления обороноспособности Советского Союза.

Господствующий класс США затрачивает огромные усилия для достижения военного превосходства над Советским Союзом. Этому служит миф о «советской военной угрозе». Но и на стратегическом уровне, и в Европе, в зоне так называемого «центрального противостояния» сохраняется примерное равновесие сил. СССР и другие страны социалистического содружества не стремятся к военному превосходству, но и не дают возможности США и НАТО разрушить сложившееся равновесие, изменить соотношение сил в военно-политической области в пользу капиталистических держав.

Как отмечал акад. Г. А. Арбатов, американцам, столетиями жившим с ощущением полной безопасности, а если говорить о послевоенных годах — с уверенностью в собственном стратегическом превосходстве, особенно трудно согласиться с тем, что в условиях стратегического паритета ядерная война означает взаимное уничтожение. Сегодня научно-технический прогресс открывает возможности создания все более опасных вооружений, и США эти возможности используют, становясь застрельщиками все новых витков гонки вооружений. «В таких условиях абсолютной безопасности не может быть ни у кого»¹⁴⁸, — заключает Г. А. Арбатов.

Безудержная гонка вооружений, развязанная по вине наиболее агрессивных кругов монополистической буржуазии США, наносит человечеству огромный урон и в другом отношении — обрекая его на бесцельную растрату своих богатств, служа преградой на пути решения многих, остро стоящих перед всеми народами, глобальных проблем.

**США и два других
главных капиталистических
«центра силы»
в современной системе
международных отношений**

Три главных центра межимпериалистического соперничества — Соединенные Штаты Америки, Европейское экономическое сообщество и Япония — четко обозначились, как отмечалось на XXIV съезде КПСС, уже в конце 60—начале 70-х годов¹. Возникновение такой трехкомпонентной силовой структуры отношений капиталистического мира происходило в первую очередь за счет относительного ослабления экономических и политических позиций США и усиления роли двух других «центров силы». В 70-е — начале 80-х годов произошло дальнейшее развитие этой подсистемы международных отношений. Как отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXVI съезду партии, «обостряются межимпериалистические противоречия, усиливается борьба за рынки, за источники сырья и энергии. Японские и западноевропейские монополии все успешнее конкурируют с американским капиталом»².

Возникновение подобной системы международных отношений, развитие в ее рамках межимпериалистических противоречий и соперничества являются следствием неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран, которая, как подчеркивал В. И. Ленин, есть «безусловный закон капитализма»³.

§ 1. Главные параметры соотношения сил и взаимодействия в треугольнике США — Западная Европа — Япония

Еще в 1960 году совокупный валовой национальный продукт стран Европейского экономического сообщества составлял примерно половину ВВП Соединенных Штатов. В 1979 году он превысил американский ВВП (2349 млрд. долл.), достигнув 2370 млрд. долл. Значительно усилила свои позиции по этим показателям и Япония, валовой национальный продукт которой к концу 70-х годов составил около 800 млрд. долл. по сравнению с 312 млрд. долл. в 1970 году⁴.

В конце 70-х годов совокупный экспорт ЕЭС почти в 3,5 раза превосходил экспорт США, а валютные запасы стран «Общего рынка» были в четыре раза больше американских валютных запасов. Уже в середине 70-х годов ЕЭС опередило США по выплавке стали, производству автомобилей, пластмасс и многих других видов промышленной продукции⁵.

Значительно сократился разрыв в производительности труда в экономике США, с одной стороны, Японии и Западной Европы — с другой. За период 1950—1975 годов производительность труда в Соединенных Штатах увеличилась только в 2,1 раза, а в Западной Европе — в 3,2, в том числе в ФРГ в 3,7, во Франции в 3,6, в Италии — в 4,6 раза. Эта тенденция даже усилилась в конце 70-х годов, когда в американской экономике произошло падение производительности труда. Особенно приблизились к США по производительности труда ФРГ и Япония⁶. Однако следует отметить, что, как показывают расчеты советского экономиста В. М. Кудрова, по обобщающему показателю эффективности, включающему в себя и производительность труда, и фондоотдачу, большинство стран Западной Европы (за исключением Франции) и Япония в 70-е годы фактически не приближались к Соединенным Штатам⁷.

Существенно ослабили позиции США в мировой торговле. В 1971 году впервые за много десятилетий Соединенные Штаты свели с дефицитом свой торговый баланс. На рубеже 70—80-х годов дефицит торгового баланса стал хроническим явлением в американской экономике. Так, в 1979 году этот дефицит составил 37,7 млрд. долл., в 1980—34,3 млрд. долл. Причем особенно значительным был дефи-

цит в торговле США с Японией — 8,6 млрд. долл. в 1979 году⁸.

Еще 20—25 лет назад ведущая роль США в мировом капиталистическом экспорте промышленных изделий во многом определялась наличием богатых источников сырья. Уже в 70-е годы в связи с постепенным истощением многих запасов полезных ископаемых, значительным ростом импорта все более дорогостоящего сырья это преимущество США значительно уменьшилось. В последние годы заметно возросло в расчете на единицу стоимости рабочей силы число единиц стоимости сырья и основного капитала.

Особенно обострилась в последние годы конкуренция на рынках ведущих капиталистических стран по таким видам продукции, как сырье, станки, телевизоры, бытовая электротехника, текстиль, некоторые виды сельхозпродукции. Западноевропейские и японские компании все успешнее соперничают с американскими корпорациями в ряде наукоемких отраслей (например, в ядерной энергетике, в вычислительной технике)⁹.

Суммарная доля американских автомобильных монополий «Дженерал электрик», «Форд», «Крайслер» в мировом капиталистическом экспорте сократилась с 22,6% в 1962 году до 13,9% в 1979 году. За те же годы доля американских корпораций в сумме продаж самолетов снизилась с 70,9 до 58%; железнодорожных локомотивов — с 34,8 до 11,6%¹⁰.

Усилились противоречия между США, ЕЭС и Японией в области экспорта капитала — из-за активизации сопротивления дальнейшему усилению позиций американских транснациональных монополий в развитых капиталистических странах, а также за счет роста прямых зарубежных инвестиций самих западноевропейских и японских монополий, в том числе в Соединенных Штатах.

Усиление деятельности всех трех центров современного капитализма в области вывоза капитала оказалось характерным явлением последних 10—13 лет. За период 1967—1978 годов объем вложений за пределами США только в виде прямых инвестиций возрос в три раза. Однако при этом удельный вес американских монополий в общем объеме прямых заграничных инвестиций в развитых капиталистических странах уменьшился за этот же период с 50,4 до 45,2%, поскольку зарубежное инвестирование западноевропейских стран и Японии росло в этот же период еще более высокими темпами (в частности, за этот период прямые зарубежные инвестиции Японии выросли в 18 раз!)¹¹.

Прямые американские инвестиции только в странах ЕЭС выросли за период с 1966 по 1981 год с 7,3 до 8,7 млрд. долл. (в текущих ценах). К концу 70-х годов в Западной Европе действовало 10 262 филиала американских корпораций (из них около 8 тыс. в странах «Общего рынка»). Общая сумма активов, которыми располагали эти филиалы, достигала 394 млрд. долл. На предприятиях этих филиалов было занято свыше 3,1 млн. человек, их валовая прибыль в 1977 году составляла 293 млрд. долл., чистый доход — 10,1 млрд. долл., а репатриированные прибыли — 7,2 млрд. долл.¹² В 1980 году США экспортировали в страны ЕЭС товаров и услуг на сумму 53 679 млн. долл., а в Японию — на сумму 20 790 млн. долл., что составило соответственно 24 и 9,4% от всего объема американского экспорта (220 705 млн. долл.). Американский импорт из стран ЕЭС составил в 1980 году 35 985 млн. долл. (14,9% от совокупного импорта), а из Японии — 30 701 млн. долл. (12,7% от всего импорта)¹³.

Начало 70-х годов ознаменовалось и резким ослаблением позиций доллара, которое на этот раз оказало воздействие на структурные изменения в мировой валютно-финансовой системе капитализма, выразившееся в крушении Бреттон-Вудской системы. Однако Соединенным Штатам удается сохранить доллар в качестве главной валюты капиталистического мира, хотя он и утратил то доминирующее положение, которое занимал на валютных рынках в 40—50-е и даже в 60-е годы. В долларах совершается около $\frac{3}{4}$ всех международных коммерческих сделок, в том числе подавляющая часть сделок по энергетическому сырью со странами ОПЕК, а также значительная доля сделок в торговле Запад — Восток. На мировом финансовом рынке в постоянном обороте к началу 80-х годов находилось 500—600 млрд. долл. (точную цифру уже не в состоянии установить специалисты ни из частных банков, ни из государственного казначейства США)¹⁴.

Целый ряд неамериканских буржуазных специалистов подчеркивают важность сохранения позиций доллара для предотвращения крушения валютно-финансовой системы капитализма. Например, Д. Амузгар, административный директор Международного Валютного Фонда, в 1978 году писал в журнале «Форин афферс»: «Какими бы критериями мы ни пользовались, доллар США остается важнейшей мировой валютой в силу самих масштабов экономики США, а также того факта, что доллар в настоящее время фактически является главным средством платежей в меж-

дународной системе и ее главным резервным авуаром (на его долю приходится почти 65% всех мировых резервов)»¹⁵. Подобную оценку дает и заместитель управляющего ведущего западногерманского банка «Бундесбанк» О. Эммингер: «...Доллар является до настоящего времени наиболее важной валютой благодаря тому факту, что это — валюта страны, экономика которой занимает лидирующее положение в мире. Поэтому, когда речь идет об устойчивости мировой (капиталистической.— А. К.) валютной системы, мы должны прежде всего обращать свои взоры на доллар»¹⁶.

В качестве одной из главных мер по борьбе с инфляцией в американской экономике США в 1980—1981 годах в одностороннем порядке подняли банковскую учетную ставку до весьма высокого уровня 20—21%. В результате свободные капиталы со всего мира потекли в США, а курс доллара по отношению ко всем другим валютам резко поднялся. В журнале «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт» по этому поводу отмечалось: «Сегодня перспективы у США выглядят гораздо более блестящими, чем у Европы. Доллар стал сильным. Его курс повысился за последние 18 месяцев по отношению к западногерманской марке на 36%, французскому франку — на 35, английскому фунту стерлингов — на 13%. Это больно ударило по другим странам. Из-за растущей финансовой мощи Америки европейцам приходится больше платить за главные статьи своего импорта, такие, например, как нефть и сырье, цены на которые устанавливаются в долларах. Рост издержек на импорт угрожает еще больше подхлестнуть инфляцию. Более того, высокие процентные ставки в США вызывают отлив капитала из Европы. В итоге у Европы не остается другого выхода, как тоже поднять ставки банковского процента, рискуя при этом затянуть спад деловой активности»¹⁷.

Эти действия США вызвали резко негативную реакцию Западной Европы, в первую очередь стран ЕЭС — общий дефицит платежного баланса входящих в «Общий рынок» стран составил в этот период около 40 млрд. долл., резко сократился объем производства, безработица возросла почти до 10 млн. человек, а инфляция — до уровня 11,5%. Особую озабоченность в связи с пагубными последствиями повышения американской учетной ставки банковского процента проявляло новое правительство Франции, пришедшее в 1981 году к власти с программой социальных перемен, стимулирования производства и борьбы с безработицей. Методы, которые избрала администрация Рейгана для ре-

шения экономических проблем США, представляли для нового французского правительства прямую угрозу осуществлению его первоочередных задач в области внутренней политики.

Действия США вызвали отрицательную реакцию и со стороны западногерманского руководства. «Я очень подробно объяснял американцам, что их экономическая политика, особенно в отношении регулирования денежной массы, основным инструментом которой стала процентная ставка, а не эмиссионный банк, возможно, и приводит в Америке к хорошим результатам, но зато не может не вызвать во Франции, Италии и ФРГ серьезных последствий, если эта политика будет продолжаться в последующие месяцы», — говорил канцлер ФРГ Гельмут Шмидт перед встречей руководителей глав государств и правительств «семерки» развитых капиталистических стран в Оттаве в июле 1981 года. Министр экономики и финансов Франции Жак Делор подчеркнул, что нынешняя политика американского руководства может иметь для Западной Европы не только чисто экономические, но и социально-экономические последствия, связанные с дальнейшим спадом производства. «Я считаю, — заявил он, — что существует взаимосвязь между нашими экономическими интересами и опасностями, тающимися в угрозе социального кризиса или политической дестабилизации не только во Франции, но и в других странах Европы». При этом он поставил вопрос и о возможных «ответных мерах» со стороны Западной Европы, предостерегая, что если не будут внесены изменения в кредитно-денежную и валютно-финансовую политику США, то Вашингтон, возможно, «столкнется с ослаблением вклада Европы в обеспечение обороны». Эту сторону вопроса вынуждены признавать и влиятельные американские круги. Например, отражая тревогу значительной части «большого бизнеса» США, обозреватель Алан Отти писал в «Уолл-стрит джорнел»: «Важный новый элемент осложняет отношения между США и их западноевропейскими союзниками и ставит их под угрозу. В тот самый момент, когда Вашингтон просит Западную Европу увеличить свой вклад в удовлетворение общих нужд в области безопасности, экономические и политические осложнения мешают большинству европейских правительств выполнять свои обязательства. Хотя кризис в НАТО является постоянной и излюбленной темой для разговоров, до сих пор Атлантический союз всегда ухитрялся выжить и продолжает функционировать. В прошлом, однако, серьезность угрозы и потенци-

альные источники осложнений оценивались по-разному, так же как и выводы относительно того, каким путем лучше всего нейтрализовать эту угрозу... Разногласия насчет масштабов угрозы и средств, которые ей можно противопоставить, все еще существуют, но даже после того, как по этим вопросам будет достигнуто единое мнение, европейские союзники столкнутся с большими трудностями в выполнении своей части договоренности. Во многих странах экономические и политические проблемы настолько обострились, что их правительства вскоре будут почти полностью лишены возможности выполнять свои основные обязательства в деле обеспечения безопасности»¹⁸.

Определенные коррективы в динамику изменения соотношения сил между США и другими главными «центрами силы» капиталистического мира внесли такие важные события, как энергетический и сырьевой кризисы 1973—1974 годов и 1979 года, а также циклический кризис мировой капиталистической экономики 1974—1975 годов.

Оценивая ситуацию середины 70-х годов, известный американский специалист-международник Р. Ульман писал на страницах влиятельного «Форин афферс»: «...Спад, вызванный односторонним повышением цен на нефть в 1973—1974 годах Организацией стран—экспортеров нефти, вскрыл серьезные экономические затруднения в Японии и многих странах Западной Европы и подчеркнул неизменную силу американской экономики. Во всех западных странах (категория, которая в данном случае включает Японию) процветание в 60-х годах вдруг как будто оказалось под угрозой»¹⁹.

Суммарный анализ тенденций экономического развития трех главных центров империализма, динамики соотношения сил между ними позволяет говорить о том, что после заметного усиления в 60-е годы позиций Западной Европы и Японии ко второй половине 70-х годов начинает действовать обратная тенденция: происходит относительное упрочение позиций США в мировой капиталистической экономике.

По ряду важнейших показателей, несмотря на значительное сокращение этого разрыва в 70-е годы, Соединенные Штаты пока сохраняют свое научно-техническое превосходство над Японией и Западной Европой по качественному уровню технологических процессов, по развитию науки и образования. Это, по оценке советского исследователя В. М. Кудрова, относится к различной химической продукции, новейшим энергоносителям, оборудованию для очи-

стки воздуха и воды, для добычи полезных ископаемых со дна морей и океанов, к лазерной технике и т. п. В 1980 году американские затраты на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы (НИОКР) составили 60 млрд. долл., что почти равно общей сумме затрат всех других капиталистических стран, вместе взятых. Научоемкость производства в американской промышленности и сфере услуг выше, чем в Западной Европе и Японии. Что особенно важно, Соединенные Штаты — это единственная капиталистическая страна, которая осуществляет прикладные и фундаментальные исследования практически по всему фронту, что создает необходимую глубину и междисциплинарность научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ²⁰.

В условиях энергетического кризиса, возрастания цен на другие виды сырья и сужения возможностей транснациональных монополий контролировать источники и добычу сырья в развивающихся странах к середине 70-х годов особенно отчетливо выявилось преимущество Америки в плане обеспечения собственным сырьем. И хотя в последние 10—15 лет США стали нетто-импортером многих важнейших видов промышленного сырья, тем не менее их зависимость от внешнего мира, а в кризисных ситуациях и уязвимость по этому параметру значительно меньше, чем у стран Западной Европы, а тем более у Японии. Так, если американская экономика к середине 70-х годов зависела от импорта нефти приблизительно на 30%, то страны ЕЭС в среднем — на 97, а Япония — почти на 100%. Кроме того, в энергетическом балансе США по сравнению с Японией и Западной Европой на нефть приходится значительно меньшая доля²¹.

Как надеется ряд американских предпринимателей, политических деятелей и ученых, в ближайшие годы Соединенные Штаты могут вновь вырваться вперед по отношению к своим западноевропейским и японским соперникам в области освоения космоса — главным образом за счет эксплуатации космических аппаратов многократного пользования. Однако эти прогнозы можно поставить под сомнение в связи с тем, что с приходом к власти администрации Рейгана резко усилилась милитаризация деятельности США в космосе, в первую очередь в использовании космических аппаратов многократного пользования. Военными аспектами космической программы США занимаются не только ВВС, но и Национальное управление авионавигации и астронавтики, по своему статусу являющееся су-

губо гражданской организацией. Крен в сторону военного использования космических полетов ведет к уменьшению ассигнований на гражданские компоненты космической программы и может, по оценкам целого ряда компетентных специалистов, в не столь уже отдаленной перспективе привести к утрате Соединенными Штатами своего лидирующего по отношению к их главным конкурентам положения в капиталистическом мире.

Аналогичная ситуация складывается в производстве интегральных схем, электронно-вычислительной и информационной техники невоенного назначения. В 50—60-е годы развитие гражданской электроники в США во многом базировалось на достижениях в разработке ЭВМ для военных нужд. С тех пор положение дел в этой отрасли значительно изменилось. Японские промышленные компании, бросив вызов Соединенным Штатам на рынке коммерческой электронно-вычислительной и информационной техники, сделали упор в своих разработках не на скоростные качества ЭВМ, что считается одним из главных требований к такой технике военного назначения, а на увеличение объема памяти, на доступность компьютеров для людей, не прошедших специальной подготовки. Кроме того, если электронно-вычислительная техника США, ориентируясь преимущественно на военные потребности, создавалась почти без учета фактора ее рыночной стоимости (поскольку на нее расходовались прежде всего средства из федерального бюджета, выкачиваемые монополиями самым беззастенчивым образом), то японские частные компании стремились добиться максимального снижения себестоимости компьютеров, чтобы в кратчайшие сроки оттеснить своих американских конкурентов на мировых рынках. В результате, как отмечается в исследовании нью-йоркского совета по экономическим приоритетам, новое поколение ЭВМ гражданского назначения будет «в гораздо большей степени японским продуктом, чем американским»²².

Другой областью науки и техники, где США вследствие милитаризации стоят перед угрозой потери своего лидерства в капиталистическом мире, является производство крупных гражданских самолетов. Здесь, по ряду оценок американских исследователей, уже на протяжении последних двух десятилетий наблюдается ограничение передачи научно-технических достижений одними и теми же компаниями из военной сферы в гражданскую.

У тех компаний, которые в погоне за сверхприбылями и за стабильными правительственными заказами все боль-

ше внимания сосредоточивают на разработке и выпуске боевых самолетов, положение дел с производством гражданской продукции в целом продолжает ухудшаться. Одним из свидетельств тому являются, в частности, многочисленные катастрофы широкофюзеляжных пассажирских самолетов «ДС-10» фирмы «Макдоннел — Дуглас», которая одновременно производит закупаемые в массовых масштабах вооруженными силами США и многих других капиталистических и развивающихся стран военные самолеты, например Ф-4 «Фантом».

Именно «Макдоннел — Дуглас» и «Локхид» в начале 80-х годов оказались на грани необходимости свертывания производства крупных гражданских самолетов в связи с тем, что они находят все меньший сбыт на мировых рынках. Все более грозным соперником американских компаний на мировом рынке гражданских самолетов становится западноевропейский конгломерат «Эйрбас индастри»²³.

Если рассматривать структуру американских затрат на НИОКР в целом, то необходимо отметить, что в начале 80-х годов около 30% всех совокупных затрат в этой сфере шло на военные нужды; в федеральных затратах на НИОКР эта доля значительно выше — до 60% идет в военную сферу. Политика рейгановской администрации направлена на еще большее увеличение доли расходов на военные цели по этой статье федерального бюджета²⁴.

Доля затрат на НИОКР гражданского назначения в Японии и странах ЕЭС значительно выше, чем в США, что, как минимум, уравнивает шансы этих двух «центров» капитализма в их соперничестве с Соединенными Штатами по многим параметрам.

Исследуя долгосрочные тенденции в соотношении сил в треугольнике США — Западная Европа — Япония, специалисты из Института мировой экономики и международных отношений АН СССР делают обоснованный, как представляется, вывод о том, что стабилизация относительных позиций США в системе мирового капитализма в целом носит временный характер. Более устойчивой и глубокой тенденцией является относительное усиление позиций Японии и Западной Европы²⁵. В соответствии с прогнозами ИМЭМО АН СССР к 2000 году по промышленному производству Западная Европа может выйти на уровень примерно 120% уровня США, Япония — 47% (против соответственно 95 и 27% в 1977 г.)²⁶.

Изменения и колебания в соотношении экономических сил между тремя главными «центрами» империализма в

экономической и научно-технической областях в сочетании с рядом других тенденций в системе международных отношений оказывают и будут оказывать немаловажное влияние на их политическое взаимодействие друг с другом и с другими субъектами мировой политики. «Неравномерность развития, опережающие темпы одних стран и групп стран по сравнению с другими неизбежно явятся основой дальнейшего углубления межимпериалистических противоречий. В то же время в перспективе наряду с центробежной в капиталистическом мире будет действовать и центростремительная тенденция, в основе которой лежит прежде всего общность классовых интересов монополистической буржуазии различных стран»²⁷, — отмечал акад. Н. Н. Иноземцев.

События 70-х годов, подняв энергетическую проблему на высший политический уровень, обнажили и ее военно-стратегический аспект: возможность нарушения бесперебойного снабжения нефтью главных капиталистических стран в результате вспышки ближневосточного конфликта, кризисных событий в районе Персидского залива и т. д. Меньшая, чем у Западной Европы, зависимость США от импорта нефти оборачивается для них несколько меньшей уязвимостью не только в экономическом и валютно-финансовом, но и в военно-стратегическом отношениях.

Соединенные Штаты стремятся использовать свое значительное превосходство в военной силе как инструмент политического влияния не только на нефтедобывающие страны, но и на своих союзников по НАТО и Японию. Речь идет в первую очередь о мобильных соединениях, которые могут быть использованы в различных районах мира. Американские военно-морские силы, корпус морской пехоты, воздушно-десантные части, созданный недавно «корпус быстрого развертывания» по своим возможностям явно превосходят то, чем обладают их союзники для проведения подобных операций. Следует тут же заметить, что наличие богатого арсенала военных средств для проведения силовой кризисной политики отнюдь не гарантирует ее успех в условиях стратегического паритета с Советским Союзом, обладающим к тому же мощным военно-морским флотом и другими силами общего назначения, которые могут действовать в 80-е годы на значительном удалении от территории СССР.

Этот фактор оказывает немалое воздействие на подход Западной Европы и Японии к вопросу об использовании Соединенными Штатами военной силы в кризисных ситуациях. С одной стороны, американские союзники от-

нюдь не против «демонстрации силы» США в тех условиях, когда это отвечает общим интересам развитых капиталистических государств, с другой — они лучше понимают малоэффективность и даже контрпродуктивность подобных акций и опасность перерастания локальных конфликтов в крупномасштабное военное столкновение в результате их проведения.

США поспешили использовать свои преимущества в энергетической сфере, создав в 1974 году на вашингтонской встрече государственных руководителей капиталистических стран Международное энергетическое агентство (МЭА) с широкими и разнообразными функциями и полномочиями. Одной из основных задач этого органа является координация усилий в области ускоренного развития альтернативных источников энергии, призванных изменить структуру энергопотребления в странах — членах МЭА и снизить их зависимость от импорта постоянно дорожающей нефти. При этом американская сторона всячески старается подчеркнуть свои преимущества, свое лидирующее положение в научных разработках и опытно-конструкторских работах в области энергетики и тем самым выгодность для Западной Европы и Японии осуществления сотрудничества в этой сфере под эгидой США.

Единую энергетическую политику перед лицом Соединенных Штатов их партнеры — соперники по ЕЭС вырабатывают с большим трудом, при наличии подчас весьма острых противоречий и конфликтов, что выражается в противоречащих интересам друг друга действиях правительств различных западноевропейских стран. Это проявляется и в отношении к деятельности МЭА. Франция не стала членом Международного энергетического агентства (хотя штаб-квартира МЭА расположена в Париже). Англия, например, с самого начала одобрила создание этого энергетического агентства, поскольку в перспективе положение производителя нефти еще более сблизит Англию с США и отдалит от европейских партнеров, которые еще долго будут оставаться потребителями нефти.

Японские и западноевропейские партнеры США по МЭА очень скоро обнаружили, что этот орган призван, по замыслу Вашингтона, в первую очередь сохранить и укрепить позиции образовавшегося еще в 20-е годы картеля из семи крупнейших транснациональных нефтяных монополий, пять из которых американские, одна английская и одна англо-голландская²⁸. Этот картель держит в руках основную часть сбытовой системы нефтепродуктов в капиталистиче-

ском мире и только выигрывает от роста мировых цен на нефть, причем, по многим авторитетным оценкам, в большей мере, чем нефтедобывающие страны-экспортеры. Наживаясь на потребителях Америки, Западной Европы, Японии, крупнейшие американские транснациональные монополии в то же время значительную часть своих прибылей переводят в Соединенные Штаты, что при исключительно высоких ценах на нефть по сравнению с началом 70-х годов и с учетом ведущей роли нефти в общей структуре энергопотребления капиталистического мира создает для США вполне ощутимые преимущества, а для ряда ведущих капиталистических стран довольно острые проблемы²⁹.

Например, основную часть поставок нефти с Ближнего Востока в Японию осуществляют такие компании, как американские «Калтекс», «Экссон», «Галф», «Мобил», англо-голландская «Шелл» и английская «Бритиш петролеум». В момент очередной вспышки нефтяного кризиса в апреле—июне 1979 года эти компании значительно снизили свои ежедневные поставки — в частности «Экссон» — на одну треть, а «Бритиш петролеум» — на половину.

Являясь вторым после США импортером нефти в мире, в своем энергопотреблении Япония в очень большой мере зависит не только от стран ОПЕК, но и от транснациональных энергетических монополий. Причем эти компании летом 1979 года ограничили свои поставки нефти в Японию не только из Ирана, в котором произошло резкое падение добычи нефти, но и из Саудовской Аравии, где добыча нефти не сократилась. По правительственным оценкам, возникший в результате острый недостаток нефти для многообразных промышленных и бытовых нужд привел к сокращению темпов экономического роста Японии и поднятию уровня внутренних цен³⁰.

С начала 70-х годов, и особенно после кризисных событий 1973—1974 годов, Япония предпринимает самые настойчивые усилия к тому, чтобы сократить внутреннее потребление нефти и наладить прямые поставки из нефтедобывающих стран без посредничества транснациональных монополий, которые, исходя из своекорыстных интересов, не собираются обеспечивать стабильное поступление нефти в Японию. Энергично добивается японское руководство увеличения поставок нефти и из новых источников — в том числе из Китая и Мексики, которые, по ряду оценок, могут стать для Японии важными поставщиками этого сырья. В своих попытках ослабить зависимость от контролируемого американцами международного картеля из семи круп-

нейших монополий японцы сталкиваются с их ожесточенным сопротивлением.

Одним из важных факторов, обеспечивающих преобладающее положение США в энергетической сфере по отношению к их главным союзникам, являются «особые отношения» между Соединенными Штатами и ведущим мировым экспортером нефти — Саудовской Аравией, об установлении которых было объявлено в феврале 1974 года. Устанавливая «особые отношения» с Эр-Риядом, американское руководство в то же время в известной мере подрывало собственные усилия по консолидации всех развитых капиталистических стран перед лицом ОПЕК. Для западноевропейцев и японцев подобная политика США оказалась дополнительным стимулом к тому, чтобы укреплять свои традиционные двусторонние связи с различными членами ОПЕК и устанавливать новые. В силу этого в конечном счете созданное под эгидой США Международное энергетическое агентство не превратилось в орган, который, как надеялось американское руководство, будет вести «диалог» с ОПЕК от лица всех развитых капиталистических стран.

В середине 70-х годов более ярко, чем, скажем, в 50—60-е годы, проявилось превосходство США над двумя другими империалистическими «центрами силы» в продовольственной сфере. США занимают ведущее место в капиталистическом мире по производству и экспорту зерна, соевых бобов, мяса, бройлеров. Общий физический объем сельскохозяйственного экспорта США достиг в начале 80-х годов около 170 млн. т (из них около 120 млн. т зерна), что в стоимостном выражении составило 47 млрд. долл. — весьма весомый вклад в торговый баланс США. Соединенные Штаты экспортируют более 60% урожая пшеницы, половину урожая соевых бобов, хлопка и риса, около трети урожая кукурузы. Расширение производства и экспорта сельскохозяйственной продукции потребовало значительного увеличения в последние 20—25 лет посевных площадей и нарушения системы севооборота в целом ряде районов страны. Интенсивное использование из года в год земель под зерновые культуры резко усилило эрозию почвы, что ставит пределы дальнейшему росту экспортных возможностей США в этой области³¹.

Однако и сегодня удельный вес США и Канады в мировом экспорте продовольствия превышает удельный вес ближневосточных стран в экспорте нефти. При этом в экспорте такой важной в плане содержания белка культуры,

как соевые бобы, позиции США выглядят еще более сильными, чем в экспорте зерновых культур. Значительная часть американской сельскохозяйственной продукции импортируется Западной Европой и Японией. Так, например, 90% потребляемых Японией соевых бобов, являющихся важным компонентом рациона японского населения, ввозится из США³². Неудивительно, что, когда в 1971 году президент Никсон принял в одностороннем порядке решение об ограничении экспорта соевых бобов в Японию, это привело к серьезным осложнениям в политических отношениях Японии и США.

Превосходство США над их главными империалистическими конкурентами в продовольственной сфере является важным фактором взаимоотношений трех «центров силы» современного империализма с развивающимися странами как основными импортерами продовольствия. Являясь крупнейшим в капиталистическом мире производителем и экспортером сельскохозяйственной продукции, Соединенные Штаты в отношениях с развивающимися странами обладают более сильными рычагами давления, чем ЕЭС или Япония. Не случайно поэтому, что именно в Соединенных Штатах раздаются призывы более активно и масштабно использовать поставки и продажу продовольствия в качестве политического оружия против развивающихся стран, борющихся за свою экономическую независимость.

Оценивая различия в положении США и их главных союзников в современной системе международных отношений, нельзя не учитывать и исторический фактор — значительные различия в историческом опыте и национальной психологии народов и государственных руководителей трех главных «центров силы» капиталистического мира³³. Понятие собственной «стратегической неуязвимости», глубоко укоренившееся в сознании, в общественной психологии американцев, не существовало для жителей Европы, многократно испытавших все бедствия нашествий и войн. (Оно в какой-то мере может быть отнесено лишь к Англии, которая после высадки нормандцев во главе с Вильгельмом Завоевателем в 1066 году не подвергалась нашествиям, что в первую очередь объяснялось наличием водной преграды — Ла-Манша, отделяющей ее от континентальной Европы.)

На территории Европы зародились обе мировые войны, которые и принесли ей неисчислимые бедствия. Старый Свет помнит и гитлеровский «новый порядок», и его тяжелейшие последствия практически для всей Европы. Уроки истории закрепились в сознании большинства европей-

ского населения и ряда государственных деятелей. В этом плане исторический опыт Западной Европы гораздо ближе к опыту России, Советского Союза, чем к историческому опыту Соединенных Штатов. По мнению автора, значение различий в историческом опыте США и Западной Европы для определения их положения в современной системе международных отношений соизмеримо со значением таких факторов, как соотношение сил в экономической и военной сфере, степень зависимости от внешних источников сырья и т. п.

Различие в историческом опыте проявляется, например, в отношении правящих кругов США и западноевропейских стран к тенденциям развития освободившихся государств. Бывший министр финансов и министр обороны Англии лейборист Дэнис Хили писал, что европейцы в силу их «длительной исторической вовлеченности в третьем мире» (колониальной экспансии. — А. К.) стараются в первую очередь оценить местные факторы, вызывающие конфликты в зоне развивающихся стран, тогда как Соединенные Штаты, став после второй мировой войны глобальной державой и действуя в первую очередь на антикоммунистической основе, видят в этих конфликтах в первую очередь проявление «стремления России к гегемонии». Многие американские лидеры при этом до сих пор не понимают, подчеркивал Хили, обычно используют это для борьбы не с «советским влиянием», а со своими ближайшими соседями — Пакистан по отношению к Индии, шахский Иран по отношению к арабским странам и т. п. Хили также отмечает, что в современной сложнейшей системе международных отношений далеко не все сдвиги «влево» в развивающихся странах должны рассматриваться западными странами сугубо негативно³⁴.

Значительную роль в определении положения США и других двух «центров силы» относительно друг друга и остальных субъектов международных отношений играют и существующие различия в политических системах, государственном устройстве, в уровнях развития рабочего и профсоюзного движения и т. п.

В частности, не следует упускать из виду то, что если в ряде стран Западной Европы и Японии существуют массовые коммунистические и социалистические партии, то в Со-

единенных Штатах организации левых сил значительно слабее, они пока практически не в состоянии оказать заметного влияния на внешнюю политику правительства. В США наблюдается большая, чем в большинстве стран Западной Европы, зараженность рабочего класса мелкобуржуазной идеологией и национализмом³⁵.

Конфликтные и кризисные ситуации во взаимоотношениях США с Западной Европой и Японией, обострение социально-экономических проблем, нарастание классовой борьбы в ведущих капиталистических странах в 70 — начале 80-х годов помогли более полно вскрыть многие глубокие аспекты проблемы определения взаимного положения этих трех капиталистических «центров силы» в системе международных отношений. Многие ведущие американские политические деятели и ученые-международники все больше внимания уделяют не только «националистическим устремлениям» отдельных западноевропейских или японских лидеров, не только акциям американской дипломатии в отношениях с двумя другими «центрами силы» и противоречиям в энергетической, торгово-экономической и валютно-финансовой сферах, но и таким вопросам, как различия в формах социально-экономического развития Соединенных Штатов, западноевропейских стран и Японии, в их политических структурах. Все более пристальное внимание на этот фактор обращают и многие западноевропейские и японские политологи, которые, однако, расходятся во взглядах со своими американскими коллегами.

Например, бывший заместитель госсекретаря США банкир Дж. Болл с нескрываемой тревогой пишет, что одной из наиболее характерных черт современной обстановки в Западной Европе является «упадок могущества предпринимательского класса и растущая сила рабочих и бюрократии». Он утверждает, что в большей части ведущих западноевропейских государств эффективными считаются лишь две политические силы — профсоюзы и «бюрократы» (под последними Болл подразумевает представителей аппарата современного капиталистического государства). Оценивая, в частности, тенденции социально-экономического развития Англии, Болл отмечает, что без активного сопротивления «предпринимательского класса» устремления профсоюзов Англия не в состоянии достичь экономического роста, достаточного для того, чтобы вывести ее экономику из многолетнего состояния упадка³⁶.

В то же время он практически не верит в способность английской буржуазии (рассматриваемой им в «чистом ви-

де», без учета тесных взаимосвязей между частными корпорациями и государством) противостоять профсоюзам и «государственной бюрократии», которая якобы своими действиями по расширению сферы социального обеспечения препятствует дальнейшему промышленному росту частно-предпринимательской активности. Болл соглашается с мнением видного буржуазного экономиста Шумпетера, который считает, что промышленный застой вызван «десперсонализацией», дроблением капитала за счет роста числа держателей акций, а также тем, что менеджеры корпораций в столкновениях с профсоюзами более склонны идти на уступки, чем «вести войну» за интересы собственников. Подобные тенденции, по оценке Дж. Болла, проявляются и в Скандинавии, и в Нидерландах, причем в Швеции, в частности, еще в большей мере, чем в Англии.

Очевидно, что, освещая подобным образом происходящие в Англии и других западноевропейских странах события, Болл и прочие буржуазные политические деятели сознательно или непреднамеренно искажают ту роль, которую играют государство, его институты в современном капиталистическом обществе.

Можно, однако, согласиться с Боллом в том, что различия в характере внутреннего развития стран Западной Европы и Соединенных Штатов являются в перспективе источником известного расхождения в их политических позициях. Дж. Болл признает заинтересованность правящих кругов Соединенных Штатов в сохранении существующих в западноевропейских странах социально-экономических и политических порядков³⁷.

З. Бжезинский, говоря о взаимоотношениях США с другими капиталистическими странами, подчеркивал, что тенденции социально-экономического и политического развития в Западной Европе и Японии расходятся с «американской практикой частного предпринимательства, корпоративной собственности и непрямого государственного контроля». И хотя США не избежали воздействия тенденций государственного вмешательства, наиболее отчетливо проявившихся в период «нового курса» президента Ф. Рузвельта, когда роль государства в экономической и социальной сферах заметно возросла, они отстают от других «развитых индустриальных обществ». Даже ближайшие соседи США на континенте — Канада и Мексика пошли гораздо дальше в «расширении экономической силы центрального правительства». Идея свободного предпринимательства, невмешательства государства в рыночные отношения, роли при-

были как стимула развития экономики, активно культивируемые в США, по-иному воспринимаются в большинстве других развитых капиталистических стран, в том числе в таких «ориентированных на бизнес обществах», как западногерманское и японское³⁸.

Несомненно, что действия администрации Р. Рейгана, взявшей курс на ограничение участия государства в экономической и социальной жизни страны, значительное сокращение социальных расходов и изменение налоговой системы в интересах наиболее имущих слоев населения, еще больше увеличат и без того существенные различия между США и двумя другими центрами империалистического соперничества в социально-экономической и политической сферах.

Под особым углом зрения необходимо рассматривать соотношение сил между США, Западной Европой и Японией в военной сфере. Ибо здесь речь идет не о потенциальных противниках, а о союзниках, причем о союзниках, имеющих, с точки зрения правящего класса этих стран, глубокие общие интересы перед лицом социалистического содружества и развивающихся государств. И эта общность империалистических интересов в военно-политической сфере может даже усиливаться по мере роста могущества стран социализма, укрепления позиций развивающихся стран, обострения классовой борьбы в развитых капиталистических странах. Рассматривая военную сторону взаимоотношений США, Западной Европы и Японии, необходимо в первую очередь определить, как соотношение военных потенциалов, вооруженных сил ведущих капиталистических держав влияет на их политические отношения друг с другом.

Важнейшим фактором, определяющим военно-политические взаимоотношения внутри «треугольника», является сохранение Соединенными Штатами именно в военной области огромного преобладания над своими союзниками.

В экономическом смысле это превосходство обходится американцам очень дорого. Даже после того, как доля западноевропейских стран, а также в известной мере и Японии в совокупных военных расходах ведущих капиталистических стран заметно возросла, на США (на начало 1980-х гг.) все равно приходится более 60% этих расходов, тогда как их доля в экономике капиталистического мира составляет всего 35%³⁹. (В то же время доля США в совокупных расходах НАТО несколько ниже. Западноевро-

пейские союзники Соединенных Штатов по Североатлантическому пакту, опираясь на свою возросшую экономическую мощь и идя навстречу требованиям Вашингтона, увеличили вклад в совокупные военные расходы НАТО с 20% в 1972 году до 42% в 1982 году⁴⁰.)

Вместе с тем многие западноевропейские члены НАТО в конце 70 — начале 80-х годов продемонстрировали нежелание далее увеличивать свою долю в военных расходах Североатлантического пакта, практически не выполняют стимулированные Соединенными Штатами решения совета НАТО о ежегодном 3-процентном увеличении военных расходов стран-членов. В то время как военные расходы США в 1976—1981 годах увеличивались в среднем на 5% по сравнению с периодом 1972—1976 годов, в странах Западной Европы в 1972—1976 годах они увеличивались на 2,3, а в 1976—1981 годах — на 2,1%. В Великобритании ежегодный прирост военных расходов во второй половине 70-х годов увеличился с 0,3 до 2,3%, в Италии — с 0,4 до 4,1%, в Федеративной Республике Германии — с 1 до 1,7%, а во Франции темпы роста военных ассигнований даже несколько снизились⁴¹.

Это обстоятельство в США вызывает немало дебатов, особенно в условиях ухудшения экономического положения страны и обострения отношений с союзниками. Многие политические деятели, бизнесмены, ученые небезосновательно обращают внимание на то, что меньшее бремя военных расходов служит немаловажным фактором укрепления конкурентоспособности западноевропейских стран и особенно Японии на мировых рынках, усиления их экономических позиций, которое трансформируется в повышение политического веса этих стран в современной системе международных отношений.

Ряд проведенных в США в начале 80-х годов исследований убедительно доказывает, что меньшие, чем у большинства западноевропейских стран и Японии, темпы роста американской экономики, снижение (а по некоторым направлениям и прекращение) роста производительности труда в промышленности Соединенных Штатов тесно связаны с более высоким уровнем милитаризации их экономики, с тем, что для США уже на протяжении многих лет характерна более высокая доля военных расходов в валовом национальном продукте страны. Особенно страдает при этом инвестиционный процесс, вложение капитала в новую технику, в обновление машин и оборудования⁴². Как отмечалось в исследовании банковской фирмы «Браун бразерс,

Гарриман энд компани», более высокие по сравнению с большинством западноевропейских стран и Японией военные расходы Соединенных Штатов не только действуют в направлении снижения темпов роста экономики, но и способствуют более быстрому развитию инфляционного процесса⁴³. «Едва ли является новостью то, что в последнее время наши конкурентные позиции значительно ослабли по отношению к ФРГ и Японии, — пишет известный американский экономист Дж. К. Гэлбрейт. — Мы не уступаем по своим умственным способностям ни немцам, ни японцам. Наша сырьевая база не то что не хуже — она намного лучше. Вряд ли наши рабочие более избалованы. У ФРГ социальные расходы на душу населения больше, чем у нас, а у Японии они по крайней мере уже не меньше. Различие состоит в том, что немцы и японцы используют свои капиталы для замены старого промышленного оборудования и строят новые и все более эффективные предприятия. А мы используем наши капиталы для военного назначения — стерильного с точки зрения развития промышленности в целом»⁴⁴.

Новый рывок в военных расходах, который предпринимает администрация Р. Рейгана, с точки зрения подобных американских критиков «избыточного милитаризма», может подорвать шансы Соединенных Штатов даже на удержание тех ослабленных позиций, на которых они оказались в начале 80-х годов, не говоря уже о восстановлении той экономической гегемонии, которой они обладали 20—25 лет назад. Как заявил, например, главный экономист «Меллон бэнк оф Питтсбург» Н. Робертсон, те огромные дополнительные средства, которые администрация Рейгана запрашивает у конгресса на военные нужды, должны быть истрачены правительством в первую очередь на обновление приходящей в упадок инфраструктуры — портов, мостов, автомобильных и железных дорог и т. п. Если это не будет сделано в самом безотлагательном порядке, подчеркнул он, то в нынешнем десятилетии США ожидает такой же упадок, какой на глазах у всего мира произошел в послевоенный период в Англии⁴⁵. В редакционной статье влиятельной «Нью-Йорк таймс» отмечается, что огромные дополнительные военные расходы, увеличивающиеся в 1983 фин. году дефицит федерального бюджета до примерно 100 млрд. долл., самым негативным образом сказываются и на текущих и на перспективных экономических проблемах Соединенных Штатов. Нарастивание военных расходов «становится врагом восстановления экономики»⁴⁶.

В первую очередь военное преобладание США в капиталистическом мире проявляется в области ядерных вооружений — как стратегических, так и оперативно-тактических. Стратегические силы США многократно превосходят стратегические силы Англии и Франции по числу носителей ядерных боеголовок. Очень велико превосходство США над союзниками и в оперативно-техническом ядерном оружии, которое размещено в различных районах мира, в том числе на борту кораблей ВМС США. При этом Соединенные Штаты сохраняют большой разрыв с двумя другими ядерными державами капиталистического мира по техническому уровню стратегических сил.

Военно-техническое преобладание США над их главными союзниками в области ядерных вооружений — как стратегических, так и оперативно-тактического назначения — определяется не только наличием превосходства в общем количестве боеприпасов, средств доставки и уровне развития систем оружия. Оно в значительной мере обусловлено и тем, что сотрудничество между ведущими западноевропейскими державами в ядерной сфере имеет весьма своеобразную форму. Как справедливо отмечали советские исследователи С. Мадзоевский и С. Сладкевич, Лондон и Париж сближает общее стремление сохранить свой особый статус ядерных держав и не допустить приобретения этого статуса ФРГ. В связи с этим все выдвинутые в 70-е годы на государственном уровне английские и французские предложения по образованию «западноевропейских ядерных сил» предусматривают сохранение англо-французского ядерного потенциала и неядерного статуса ФРГ. В то же время наблюдается расхождение правящих кругов Франции и Англии по вопросу об их ядерном партнерстве, что является в первую очередь следствием «особых отношений» в ядерной области между Лондоном и Вашингтоном. После присоединения ФРГ к Договору о нераспространении ядерного оружия требование о получении доступа к нему уже не фигурирует в правительственных программах. Отношение же к планам образования объединенных англо-французских ядерных сил оформилось как сугубо негативное; западногерманские руководители подчеркивают, что решающее значение для обеспечения интересов ФРГ имеют ядерные силы США, а не западноевропейских партнеров⁴⁷.

Политическое значение очевидного военно-технического превосходства США над западноевропейскими союзниками, однако, в значительной мере нивелируется наличием стратегического паритета между СССР и США, Варшав-

ским Договором и НАТО, который является серьезным препятствием на пути применения правящими кругами США военной силы, развязывания ими термоядерной войны.

Как уже упоминалось выше, весьма велико превосходство США над западноевропейскими союзниками по военно-морским и в целом по мобильным силам, которые могут быть использованы в кризисных ситуациях за пределами зоны «ответственности» НАТО. Если же рассматривать возможности сухопутных сил США и их главных союзников, то здесь картина несколько иная, особенно при сфокусировке внимания на европейском театре, который в соответствии с военными доктринами НАТО является главным не только для самих западноевропейцев, но и для Соединенных Штатов. Основным компонентом сухопутных сил Североатлантического блока еще в 60-е годы (если не учитывать американского и французского тактического ядерного оружия, предназначенного для использования в операциях сухопутных сил, а также поддерживающих их тактических ВВС и палубной авиации флота) стал западногерманский бундесвер.

Важной сферой военно-политических отношений между США и их главными союзниками, в которой в последние 12—15 лет наблюдается некоторое изменение соотношения сил, — это торговля оружием и оказание военной «помощи» другим странам. Речь идет в первую очередь о развивающихся странах, куда в 70-е годы устремился основной поток оружия. В конце 70-х годов в первую очередь за счет усилий Франции и Англии доля западноевропейских стран в продаже оружия развивающимся странам увеличилась. В частности, доля Англии и Франции в мировой торговле оружием составила примерно по 8%. Несколько процентов пришлось в целом на Канаду, Нидерланды, ФРГ, Бельгию, а также на нейтральные Швецию и Швейцарию. США тем не менее сохранили свое преобладание в этой сфере — 53%⁴⁸. Однако политический эффект от наступления западноевропейцев на рынки оружия развивающихся стран в эти годы был относительно большим, чем завоеванная ими доля рынка оружия в стоимостном и физическом выражении. В начале 80-х годов администрация Р. Рейгана резко стимулировала экспорт американского оружия, который в стоимостном выражении превысил 22 млрд. долл., потеснив при этом своих западноевропейских конкурентов.

Оценивая рост совокупной экономической мощи Западной Европы перед лицом двух других центров империалистического соперничества, необходимо в то же время об-

ратить внимание и на внутреннее развитие западноевропейского центра, в первую очередь на развитие процесса западноевропейской экономической и политической интеграции.

Как справедливо отмечает советский ученый В. Г. Барановский, политика западноевропейской интеграции всегда была связана в первую очередь с поисками господствующим классом стран региона более эффективных средств и возможностей противостояния социализму; такие надежды возлагались на интеграцию западноевропейских стран как в чисто экономическом, так и во внешнеполитическом плане. В экономической области ориентация создателей органов западноевропейской интеграции состояла и состоит в том, чтобы она, развивая присущие ей формы государственно-монополистического регулирования хозяйственной жизни, стала жизнеспособной альтернативой плановой экономике социализма, в краткие исторические сроки добившегося огромных успехов. Политически интеграционное объединение государств Западной Европы было призвано противостоять своим совокупным внешнеполитическим потенциалом международному влиянию социалистического содружества, возглавляемого Советским Союзом. «Идя на подготовку и подписание Римского договора, правящие круги соответствующих западноевропейских государств в немалой степени руководствовались и соображениями внеэкономического характера, из которых стремление усилить Запад в противоборстве с социализмом, повысить уровень своей «безопасности» в конфронтации с Востоком стояло на первом плане. Это создавало известные стимулы и для координации внешнеполитических курсов западноевропейских стран, по крайней мере в отношении социалистического содружества»⁴⁹.

Такая направленность развития западноевропейской интеграции полностью поддерживалась и поддерживается правящими кругами Соединенных Штатов. В то же время по мере укрепления экономических позиций западноевропейских стран по отношению к американскому центру империализма, в условиях развития западноевропейской экономической и политической интеграции в правящих кругах стран «Общего рынка» усиливалось стремление заявить о себе как о все более самостоятельной силе по отношению к Соединенным Штатам.

Главным институтом, призванным укрепить позиции западноевропейских стран перед лицом США и Японии, является Европейское экономическое сообщество (ЕЭС), ко-

торое после вступления в него Англии, Дании и Ирландии заняло доминирующее положение в Западной Европе, поскольку Европейская ассоциация свободной торговли в результате потери трех упомянутых стран фактически распалась. Немаловажную роль играет объединение Бенилюкс (Бельгия, Нидерланды, Люксембург), существующее внутри «Общего рынка». Функционирует целый ряд государственно-монополистических объединений, охватывающих различные сферы экономики. Среди них выделяют Европейское объединение угля и стали, Евратом, Евровидение, Европейскую организацию космических исследований (ЕОКИ). Последняя, в частности, добилась в начале 80-х годов определенных успехов в консолидации входящих в нее 12 западноевропейских стран в их конкурентной борьбе с Соединенными Штатами.

Символом этого успеха стали запуски ракеты-носителя «Ариана», предназначенной для вывода на орбиту коммерческих спутников. В то же время между ведущими членами ЕОКИ имеются значительные разногласия относительно главных направлений деятельности этой организации на 80-е годы. Франция, например, предлагает сделать упор на создание постоянно действующих космических станций. Англия же добивается акцента на разработку современного спутника связи, способного составить конкуренцию американским спутникам связи. Важным компонентом потенциального успеха «Арианы» считается то, что она запускается с ракетодрома в Куру во Французской Гвиане. Географическое положение этого ракетодрома позволяет производить запуски как на экваториальную и полярную орбиты, так и на различные промежуточные орбиты. Куру находится всего в 5,5 градуса от экватора, что позволяет «Ариане» выводить на геосинхронную экваториальную орбиту (которая используется для спутников связи) на 17% больше полезных грузов, чем аналогичные ракеты, запускаемые в более высоких широтах.

Крупнейшими акционерами ЕОКИ являются Франция (покрывающая 63% всех расходов) и ФРГ (20% всех расходов). Уже в 1981 году количество заказов было достаточным, чтобы обеспечить ракетодром в Куру работой на несколько лет вперед. В программу ЕОКИ входит запуск ряда спутников связи для системы «Интелсат», а также для таких американских компаний, как «Атанд-Т», «Рейдио корпорейшн оф Америка» и «Уэстерн юнион». Проявляет заинтересованность в «Ариане» и Индия, а также ряд арабских стран, которые рассматривают эту систему как

альтернативу американским средствам запуска. «Ариана», по ряду оценок специалистов, может составить определенную конкуренцию и американской системе «Шаттл». По ряду технических и операционных характеристик «Ариана» уступает «Шаттлу» в первую очередь потому, что последний выводит на орбиту значительно больший вес (65 тыс. фунтов по сравнению с 3,75 тыс. фунтов у «Арианы»), а также потому, что последняя ступень «Арианы» одноразового пользования. Однако с использованием «Арианы» можно выводить груз на геостационарную орбиту, на дистанцию около 36 тыс. км от поверхности земли, тогда как предельная высота для «Шаттла» — около 1 тыс. км. Для вывода грузов на более удаленную (и более выгодную) орбиту «Шаттлу» требуется дополнительная ракета с весьма значительными емкостями для добавочного топлива, которая еще не разработана. С началом интенсивных запусков корабля «Шаттл» обнаружилось, что его программа не может быть реализована намеченными ранее темпами. В частности, в апреле 1983 года Национальный исследовательский совет (орган Национальной академии наук США) в своем докладе конгрессу заявил, что поставленная НАСА цель производить по 24 запуска «Шаттла» в год к 1983 году, по 30 запусков к 1990 году и по 40 запусков к 1992 году никоим образом не может быть выполнена. Число возможных запусков (если не будет значительно увеличено число постоянно готовых к полетам кораблей, что считается почти невозможным по причине их чрезвычайно высокой стоимости) — по 18 в год. Происходит переоценка и стоимости вывода «Шаттлом» на орбиту единицы полезного груза. Дорогостоящая система «Шаттл», на которую уже затрачено 15 млрд. долл., переходит в руки военного ведомства⁵⁰. Западноевропейцы, пользуясь тем, что «Шаттл» в начале 80-х годов еще не готов для запуска на геостационарную орбиту, захватывают капиталистический рынок в этой важной области. В 80-е годы они надеются заработать на закупке коммерческих спутников для разных частных компаний более 1,5 млрд. долл.⁵¹

Говоря о других аспектах развития западноевропейской интеграции, необходимо отметить, что в конце 70-х годов активизировалась деятельность главных капиталистических государств Западной Европы по созданию замкнутого валютного союза. Европейская валютная система, введенная в действие 13 марта 1979 г., по замыслам ее создателей, призвана стать «зоной валютной стабильности», ко-

торая могла бы ослабить зависимость валют ЕЭС от колебаний курса американского доллара⁵².

Развитие экономической интеграции в рамках «Общего рынка» позволило ему добиться некоторых преимуществ в развивающихся странах по сравнению с Соединенными Штатами посредством создания и расширения системы ассоциированных членов ЕЭС из числа стран Азии и Африки. К концу 70-х годов их число возросло более чем в два раза по сравнению с 50-ми годами. В то же время этот процесс в 70-е годы проходил отнюдь не безболезненно для ЕЭС. В 70-е годы, выступая за укрепление своих экономических позиций, африканские и азиатские ассоциированные члены «Общего рынка» вынудили его пойти на пересмотр прежних договоров с учетом их интересов⁵³.

Что касается политической интеграции Западной Европы (в первую очередь стран ЕЭС), то здесь развитие было более медленным, чем в экономической области. Однако к середине 70-х годов наблюдается известное ускорение процессов политической интеграции, в первую очередь за счет того, что страны ЕЭС достигли значительного уровня единства в аграрной и торговой политике, очевиднее стала общность интересов в отношении американской валюты — доллара. Некоторой консолидации внешнеполитических позиций стран ЕЭС способствовала трансформация энергетической проблемы в острую политическую проблему после нефтяного кризиса 1973—1974 гг.

Одним из основных программных документов политической интеграции Западной Европы является опубликованный в 1976 году доклад тогдашнего премьер-министра Бельгии Л. Тиндеманса, в котором обосновывалась установка правящих кругов ведущих западноевропейских стран на превращение Европейского экономического сообщества в некий качественно новый элемент системы международных отношений — Европейский союз. Во внешнеполитической сфере государства — участники союза, по замыслу Тиндеманса и его единомышленников, должны не только координировать свои действия, но обязательно следовать общему для всех членов курсу. Отклонения от этого курса, в частности попытки встать на нейтральную позицию, считались несовместимыми с членством в Европейском союзе. Общий курс должен был определяться решением большинства глав государств и правительств стран-участниц: таким образом, правительства, не согласные с подобными решениями и оказавшиеся в меньшинстве, должны были бы подчиняться большинству вопреки принципам нацио-

нального суверенитета. В докладе Тиндемманса также провозглашалось «равенство» в отношениях с Соединенными Штатами Америки, однако одновременно была выражена готовность сохранить Европейский союз в рамках НАТО, где США оставались признанным лидером ввиду их неоспоримого военного превосходства⁵⁴.

Следует иметь в виду, что среди видных политических деятелей Западной Европы имеется немало таких, которые видят в западноевропейской политической интеграции возможность освободиться от «атлантического диктата» со стороны США. Это нашло отражение в формировании в западноевропейских политических кругах концепции «третьей силы», которую поддерживают, в частности, многие видные деятели социал-демократии. Сторонники этой концепции подвергают критике ряд положений доклада Тиндемманса, делая при этом упор на то, что становление Западной Европы в качестве «третьей силы» должно осуществляться в первую очередь путем определенной эволюции ЕЭС, за счет расширения полномочий и увеличения социально-политической роли органов Сообщества, в первую очередь европарламента, усиления их воздействия на экономику, политику, социальные отношения входящих в ЕЭС государств. Что касается практических шагов по политической интеграции Западной Европы, то здесь можно отметить принятие на совещании глав государств и правительств стран — членов ЕЭС в Копенгагене в декабре 1973 года декларации «Об облике Европы», на совещании в Париже в декабре 1974 года решения о создании нового высшего органа ЕЭС — Европейского совета. По выражению одного из главных идеологов западноевропейской интеграции Ж. Монне, этот орган должен стать «временным правительством» ЕЭС и первым этапом в создании Европейского союза. С образованием Европейского совета, по оценке советского исследователя В. Б. Княжинского, сотрудничество государств — членов ЕЭС далеко перешло границы, предусмотренные Римским договором. Этот новый высший орган ЕЭС начал в своих решениях игнорировать суверенные права отдельных государств, нарушая, например, принцип единогласия, предусмотренный для Совета министров Сообщества в соответствии с люксембургским протоколом 1966 года⁵⁵.

Немаловажное значение для усиления процессов политической интеграции Западной Европы имело проведение прямых выборов в европарламент. Вокруг этих выборов в целом ряде стран «Общего рынка» развернулась острая борьба, были созданы межгосударственные партийные объ-

единения, группировки и блоки. Переход к прямым выборам несколько повысил статус европарламента (существующего с 1959 г.), увеличил его удельный вес среди прочих экономических и политических органов ЕЭС. В ходе подготовки к этим выборам наибольшую активность проявили правые и центристские буржуазные партии, лидеры которых рассматривают политическую интеграцию Западной Европы как одно из важнейших средств противодействия укреплению позиций рабочего класса, левых сил в различных западноевропейских странах⁵⁶.

К началу 80-х годов в рамках Европейского экономического сообщества сформировался сложный механизм координации внешней политики входящих в него стран.

Составляющий юридическую основу Европейского экономического сообщества Римский договор предусматривает распространение интеграции на сферу внешних сношений в относительно небольшой степени: согласование действий стран — членов ЕЭС должно было происходить только в сфере экономических отношений с внешним миром; при этом в компетенцию Сообщества планировалось передать не всю сферу внешнеэкономической деятельности, а лишь ту ее часть, которая касалась торговли. Специального механизма для координации деятельности в сфере внешних сношений предусмотрено не было. Функции по развитию торгово-экономических отношений с внешним миром были возложены на центральные институты «Общего рынка», главным образом на Совет министров и на Комиссию европейских сообществ (КЕС). Внешнеполитическая активность ЕЭС развивалась преимущественно в рамках новых механизмов, функционирующих параллельно с институтами, созданными Римским договором. В результате возникла система институтов и процедур, с чисто формальной точки зрения стоящих вне официальной системы органов «Общего рынка», но фактически являющихся неотъемлемой частью институциональной структуры интеграционного объединения⁵⁷.

В 1969 году, после встречи глав государств и правительств стран ЕЭС в Гааге, была установлена специальная система для координации действий во внешнеполитической сфере, получившая наименование системы «политического сотрудничества». На гаагском совещании было принято решение о регулярных консультациях министров иностранных дел по важнейшим международно-политическим вопросам. Фактически это был первый крупный шаг правящих кругов ЕЭС по пути распространения интеграции на

сферу внешней политики. После гаагской встречи внешнеполитические консультации министров иностранных дел стран — членов Сообщества проводятся регулярно. На этих совещаниях в принципе рассматриваются только внешнеполитические вопросы, именно на этом уровне принимаются официальные решения в системе «политического сотрудничества».

В заявлении, сделанном министрами иностранных дел стран — членов ЕЭС на первом совещании в рамках этой системы, состоявшемся в 1970 году в Люксембурге, подчеркивалось следующее: «Европа должна подготовиться к тому, чтобы взять на себя ответственность, соответствующую ее долгу и потребностям на основе ее возрастающего единства и все большей роли в мире... Министры полагают, что соответствующие усилия должны быть сконцентрированы исключительно на координации внешней политики для демонстрации всему миру того, что у Европы есть политическая миссия»⁵⁸.

Подготовка встреч министров иностранных дел осуществляется политическим комитетом, в который входят ответственные функционеры внешнеполитических ведомств стран, входящих в ЕЭС. Кроме того, во внешнеполитических ведомствах этих стран имеются специальные корреспондентские группы, призванные осуществлять постоянную связь между ними.

На самом широком уровне (в плане бюрократической компетенции) консультации затрагивают деятельность посольств и миссий стран — членов ЕЭС в государствах «внешнего мира»; в результате согласования позиций и обмена миссиями на этом уровне совместная информация отправляется, как правило, в политический комитет. Таким образом, система «политического сотрудничества» предусматривает проведение консультаций фактически на всех основных уровнях внешнеполитического механизма стран — членов ЕЭС⁵⁹.

Значительные темпы набрала в последние годы и военная интеграция Западной Европы, хотя в основном она носит менее самостоятельный — по отношению к США — характер, чем интеграция экономическая и политическая.

Органами, регулирующими военное сотрудничество стран Западной Европы и США, являются созданный в 1954 году Западноевропейский союз (ЗЕС) и образованная в 1961 году еврогруппа НАТО. Роль еврогруппы в 70-е годы стала более весомой, чем роль ЗЕС. Еврогруппа одновременно является подразделением механизма Североат-

лантического союза и центром западноевропейской системы сотрудничества в военной области (последняя функция во второй половине 70-х годов получила преобладание).

Действуя в направлении стандартизации вооружений в рамках НАТО, еврогруппа способствует заключению и реализации крупных контрактов, в соответствии с которыми западноевропейские страны коллективно приобретают различные виды американского оружия. В числе этих контрактов, например, приобретенные в порядке перевооружения Бельгией, Голландией, Данией и Норвегией крупные партии американских самолетов для ВВС этих стран, совместная закупка Англией, ФРГ, Бельгией и другими членами еврогруппы ракетной системы «Ланс». Отстаивая интересы военно-промышленных монополий Западной Европы, еврогруппа всемерно содействует повышению удельного веса европейской военно-промышленной продукции как в закупках НАТО, так и на мировом рынке оружия. Роль еврогруппы как эффективного механизма военного сотрудничества западноевропейских стран ограничена в первую очередь тем, что в ее состав не входит Франция, хотя со второй половины 70-х годов и наметилось определенное сближение между еврогруппой и Францией⁶⁰.

Наиболее заметным аспектом военной интеграции капиталистической Европы является, пожалуй, военно-промышленное сотрудничество, которое особенно быстро развивалось в 60-е и 70-е годы, благодаря чему в конце 70-х годов около 10% общего объема вооружений западноевропейских государств разрабатывалось и производилось в рамках совместных программ.

Наиболее крупной подобной программой является разработка, производство и освоение боевого самолета многоцелевого назначения «Торнадо» фирмами Англии, Италии и ФРГ. Объем закупок этих самолетов должен составить для Англии — 385, для ФРГ — 320, для Италии — 100 боевых единиц.

Значительный вклад в военно-промышленную корпорацию западноевропейских стран внесла и Франция, которая, по мнению обозревателя М. Дефурно из журнала «Дефанс насьональ», является «основоположником прагматического сотрудничества, осуществляемого — почти всегда на двусторонней основе — с двумя ее крупными европейскими соседями: Федеративной Республикой Германии и Соединенным Королевством».

Уже в 1959 году Франция начала сотрудничество с Западной Германией в области производства грузового само-

лета «Трансаль». В 1963 и 1964 годах также совместно с ФРГ она выдвинула три программы производства тактических ракет (двух противотанковых ракетных систем «Милан» и «Хот» и одной зенитной ракетной системы «Роланд»), а также программу радиолокационной станции РАТАК. В 1964 году Франция в ассоциации с Великобританией выдвинула другую ракетную программу («Мартель»), а в 1965 году — программу создания самолета поддержки наземных войск «Ягуар» и, наконец, в 1967 году — две программы строительства легких вертолетов «Газель» и «Линкс». В 1970 году начала осуществляться совместно с ФРГ программа производства учебного самолета «Альфа-Джет» (на базе самолета «Мираж»). В 1972 и 1975 годах соответственно были развернуты совместно с Бельгией производство системы связи «Рита», совместно с Бельгией и Голландией программы минных тральщиков. Кроме того, Греция и Испания производят по французским лицензиям и при французском содействии части танков «АМХ-30» и подводных лодок «Агоста». Испания и Бельгия производят детали самолетов «Мираж-III» и «Мираж Ф-1», предназначенные в том числе для боевых машин этих типов, поступающих на мировой капиталистический рынок.

Различия в положении в системе международных отношений в целом и особенности положения США и двух других главных капиталистических «центров силы» в их собственной подсистеме отношений отчетливо проявляются в подходе к вопросам мирного сосуществования и разрядки международной напряженности.

Как пишет, например, известный американский специалист по проблемам американо-западноевропейских отношений Д. Галлео, западноевропейцы давно пришли к выводу о том, что у них имеются собственные, специфические интересы в отношении разрядки международной напряженности. Помимо других преимуществ разрядка дает им дополнительные возможности для маневра по отношению к США, особенно в экономической сфере. Без сомнения, западноевропейская политика в отношении Советского Союза осуществляется, по выражению Галлео, в контексте «фундаментальной западной ориентации». «В военном отношении европейские (западноевропейские. — А. К.) государства, — пишет он, — остаются под американским протекторатом, но тем не менее стремятся, чтобы цена этого протектората оставалась разумной. Любой, кто знаком с европейскими взглядами на американскую экономическую политику, найдет это естественным, особенно в период максимальной

напряженности в трансатлантических отношениях, возникающей из-за бесконечной эксплуатации американцами ведущей роли доллара в мировой валютно-финансовой системе. Снижение цены за американскую защиту Западной Европы требует поддержания, как минимум, «нормальных» отношений с русскими внутри самой Европы. Помимо этого, разрядка принесла Западной Европе многочисленные коммерческие выгоды... Так что ожидать, что европейцы разорвут свои так тщательно культивируемые отношения с Советами, — писал Галлео, — было бы нереалистичным»⁶¹.

Представляется, что подобная оценка в значительной мере приложима и к американо-японским отношениям. Она во многом подтверждается реакцией Западной Европы и Японии на ряд важных внешнеполитических акций США конца 70 — начала 80-х годов, обостривших советско-американские отношения и отразившихся негативно на состоянии международных отношений в целом. Именно в условиях возникших в этой связи конфликтных и даже кризисных ситуаций рельефно проявились и сходство, и различия в позициях США и их главных союзников в современной системе международных отношений.

Существенным фактором, влияющим на подход США и двух других «центров силы» капиталистического мира к разрядке, являются их торгово-экономические отношения с СССР и другими социалистическими странами, что, в свою очередь, в значительной мере есть следствие различного положения трех «центров силы» капиталистического мира в современной системе международных отношений. Советский Союз, с одной стороны, Западная Европа и Япония — с другой, являются на данном этапе, как представляется, более естественными, в значительно большей мере дополняющими друг друга партнерами в международных экономических отношениях, чем СССР и США. Особенно важным является импорт из Советского Союза в страны Западной Европы энергетического сырья. Импортируемые из стран СЭВ (в основном из СССР) в страны ЕЭС уголь, нефть и газ составили 5—6%⁶². И хотя эта доля сама по себе не очень велика, наличие таких стабильных поставок является весьма важным фактором для обеспечения нормального функционирования западноевропейской экономики, тогда как поставки нефти из стран Ближнего Востока — главных ее экспортеров в страны Западной Европы — в условиях сохраняющейся в этом регионе напряженности носят ненадежный, неустойчивый характер. Об этом пишет,

например, председатель правления концерна «Фиат» Джованни Анджелли⁶³.

Коммерческие сделки с социалистическими странами западноевропейцы считают весьма выгодным делом. Выгодность контрактов заключается в их масштабах и надежности партнеров. Торговля между Востоком и Западом в Европе ведется с использованием крупных кредитов и займов, предоставляемых западными банками социалистическим странам. Эти кредиты к началу 80-х годов достигли значительных размеров, что также является определенным стабилизирующим фактором во взаимоотношениях Восток — Запад. Нарушение соответствующих торговых и промышленно-технических сделок по политическим мотивам грозит Западу многомиллиардными потерями.

Заинтересованность Западной Европы в сохранении и развитии торгово-экономических отношений с СССР и другими странами СЭВ определяется и тем, что к началу 80-х годов над выполнением заказов для социалистических стран непосредственно трудилось, по некоторым оценкам, около 300 тыс. западноевропейских рабочих и служащих, которые при отсутствии торговли Восток — Запад оказались бы безработными. Еще более значительно число тех, кто связан с этой торговлей опосредованно и также пострадает в случае насильственного нарушения этих отношений⁶⁴.

Отмеченные выше различия в международных позициях США, Западной Европы и Японии (а также Канады) наглядно проявились в их отношении к проводившимся администрациями Картера и Рейгана экономическим «санкциям» против СССР. Как отмечалось, например, в журнале «Ньюсуик» в 1980 году, «несмотря на все усилия администрации США «отговорить» своих союзников от торговли с Москвой, советские внешнеторговые организации продолжают получать все, что им необходимо, начиная от японской стали и кончая французским буровым оборудованием». Это убедительно свидетельствует о том, что «страны Запада твердо намерены продолжать нормальные торгово-экономические связи с СССР»⁶⁵. «Американские официальные лица, — подчеркивалось в журнале, — вынуждены с горечью признавать, что западноевропейские и японские компании не проявляют особого энтузиазма в поддержке проводимой администрацией Картера дипломатии «большой дубинки» в отношении Кремля»⁶⁶.

Из-за позиции западноевропейцев фактически сорванными оказались и многие запланированные в Вашингтоне

политико-дипломатические акции стран НАТО, направленные против Советского Союза. В феврале 1980 года потерпел неудачу американский план созыва специальной конференции министров иностранных дел по поводу событий в Афганистане. Представитель министерства иностранных дел ФРГ, выступая перед корреспондентами, заявил, что для проведения экстраординарной консультативной встречи глав внешнеполитических ведомств стран Запада «нет никаких оснований». Представитель французского правительства официально заявил, что оно поддерживает в принципе идею консультативных встреч, но не таких, которые проходят в «атмосфере конфронтации». «Вашингтон пост», комментируя решение правительства Франции не участвовать в планировавшейся встрече министров иностранных дел стран — союзников США, писала, что Франция тем самым публично отмежевалась от создаваемого США «общего фронта» против Советского Союза.

Сравнительно самостоятельную позицию в этой ситуации заняло и правительство Канады, которое в начале 1980 года вновь возглавил лидер либеральной партии Пьер Эллиот Трюдо. Министр иностранных дел этого правительства Макгиган 21 марта 1980 г. заявил, что «Канада призвана играть роль буфера между Советским Союзом и Соединенными Штатами, между Францией и Соединенными Штатами, а также между третьим миром и Соединенными Штатами».

Это и другие подобные заявления вызвали большое недовольство администрации Картера, небезосновательно усмотревшей в них явную попытку канадского руководства отмежеваться от американской стратегической антисоветской линии.

Противоречия между США и другими ведущими капиталистическими странами по центральным проблемам международных отношений проявились и на совещании глав государств и правительств «семерки» в Венеции в июле 1980 года. Итальянская «Паэзе сера», например, писала по этому поводу, что хотя заключительный документ встречи и носил экономический характер, однако совещание было посвящено прежде всего политическим проблемам, противоречия по которым обострились. При этом сложились как бы три блока: с одной стороны США, с другой — Франция и ФРГ, а остальные где-то между ними. «Картер в своем заключительном слове вновь высказался по поводу афганских событий в духе «крестового похода», но никто из других глав государств и правительств, собравшихся в Вене-

ции, не последовал по этому пути; в отличие от американского президента, они говорили о перспективах развития международного сотрудничества, а не о конфронтации между Востоком и Западом». Как отмечалось, например, в специальном докладе Комиссии европейских сообществ, ограничения на поставки зерна и других продовольственных товаров в СССР, установленные ЕЭС из «солидарности» с Соединенными Штатами, «оказались неэффективными». Напротив, в 1980 году страны «Общего рынка» поставили в СССР еще больше зерна, масла и другой сельскохозяйственной продукции, чем ранее. В марте 1981 года западногерманская «Генераль анцайгер» писала, что, хотя после объявления США бойкота на поставки зерна в СССР страны ЕЭС обещали не действовать в обход американцев, на деле они увеличили свои поставки в СССР, в значительной степени компенсировав то, что отказались продавать США.

Действовать подобным образом страны ЕЭС заставили не только их внутренние экономические интересы, но и пример других капиталистических стран — крупных экспортеров зерна и другой сельскохозяйственной продукции — Австралии, Канады, Аргентины и др. Причем если правительство Аргентины, например, сразу же отвергло требование администрации Картера об общем эмбарго, то правое правительство Австралии активно поддержало в этом Вашингтон, но натолкнулось затем на яростную критику своей позиции со стороны сельскохозяйственных корпораций и фирм-экспортеров и вынуждено было снять запрет на поставки зерна в СССР⁶⁷.

Скептическая оценка результатов всего комплекса американских акций, направленных против СССР, дается и в специальном докладе исследовательской службы конгресса США. В нем отмечается, что ограничения на научно-технические связи с СССР переориентировали советские организации на западноевропейцев и японцев, которые не замедлили воспользоваться этим вместо того, чтобы следовать американским курсом. В то же время, отмечается в докладе, западноевропейцы и японцы были бы готовы к совместным с американской стороной акциям в плане регулирования различных «торговых привилегий», предоставляемых Советскому Союзу, в частности, в таких вопросах, как условия кредитования торговли и промышленно-экономического сотрудничества. По оценке авторов доклада, это было бы «более эффективным, чем попытки установления общего формального эмбарго»⁶⁸.

Можно констатировать, что эти и другие подобные рекомендации не остались незамеченными — с 1981 года США и их главные союзники предпринимают попытки координировать свою политику именно в отмеченном в докладе исследовательской службы конгресса направлении, оказывая нажим на Советский Союз и другие страны социалистического содружества.

Показательными для оценки соотношения сил между США и западноевропейским «центром силы», для выявления характера их взаимоотношений в 80-е годы являются события 1981—1982 годов вокруг сделки «газ — трубы», заключенной между СССР и рядом западноевропейских государств. Администрация Рейгана предприняла самые энергичные и грубые усилия для того, чтобы заблокировать эту сделку. Однако она натолкнулась на сильнейшее сопротивление и предпринимателей, и государственных руководителей соответствующих стран Западной Европы: отпор Рейгану дали правительства и социалиста Ф. Миттерана и социал-демократа Г. Шмидта, и консервативный кабинет М. Тэтчер, которые объявили участвующим в реализации проекта французским, западногерманским и английским компаниям о том, что те могут продолжать свои поставки в Советский Союз, несмотря ни на какие санкции вашингтонской администрации.

Большинство западноевропейских предпринимателей, государственных и политических деятелей сочли невозможным согласиться с грубым нажимом Вашингтона как по экономическим, так и по политико-юридическим соображениям. В редакционной статье лондонского еженедельника «Экономист», например, подчеркивалось, что имеется существенная разница между собственно американской оппозицией сделке «газ — трубы» и незаконными попытками рейгановской администрации нарушать суверенитет союзных с США государств. При этом было обращено внимание на то, что в своих отношениях с союзниками в кризисной ситуации США уже не первый раз в последние годы грубо нарушают общепринятые правовые нормы. Предыдущее крупное нарушение этих норм было сделано администрацией Картера после захвата в Тегеране американских заложников, когда Вашингтон дал указание заморозить все активы Ирана в зарубежных филиалах американских банков и в американских филиалах иностранных банков на территории США. «Эти санкции сделают более сложным для американцев обоснование тезиса о том, что американские транснациональные монополии являются «хорошими гражд-

данами» той страны, где они оперируют»⁶⁹, — небезосновательно подчеркивал «Экономист».

Столкнувшись с резкой оппозицией своих ведущих западноевропейских союзников, а также ряда заинтересованных в деловых контактах с социалистическими странами американских предпринимателей, администрация Рейгана была вынуждена отказаться от избранного ею ранее курса в данном вопросе. Провал попыток блокирования сделки «газ — трубы» стал крупным внешнеполитическим поражением Вашингтона, нанесящим удар по его позициям в капиталистической подсистеме отношений.

§ 2. США и ведущие западноевропейские державы в подсистеме отношений развитых капиталистических государств

Сложность взаимоотношений в современной подсистеме капиталистических государств требует не только анализа противоречий между США и другими империалистическими «центрами силы», но и рассмотрения взаимоотношений США с ведущими государствами западноевропейской группировки, анализа расстановки сил внутри ЕЭС как важных факторов, оказывающих воздействие на позиции США в капиталистическом мире. Необходимо также учитывать экономическое, а во многих случаях и политическое соперничество между ЕЭС и Японией.

Особое место среди европейских партнеров — соперников США еще в 60-е годы заняла Франция. Значение Франции как серьезного соперника Соединенных Штатов, проводившего во многом антиамериканскую политику, на рубеже 70-х годов определялось следующими факторами: во-первых, наряду с увеличением веса ЕЭС в мировой капиталистической экономике возросло экономическое значение Франции в этом объединении западноевропейских стран; во-вторых, во Франции было продолжено развитие самостоятельных стратегических сил; в-третьих, возросла независимость Франции в мировой политике, прежде всего ввиду последовательного курса ее государственных руководителей на улучшение отношений с социалистическими странами; в-четвертых, во внешней политике Франции наиболее полно выявилась тенденция направить политическое и эко-

номическое развитие Европейского экономического сообщества по более самостоятельному пути, по пути уменьшения зависимости от США⁷⁰.

Развивая собственные стратегические силы, Франция ориентируется на создание современной трехкомпонентной структуры этих сил⁷¹. К середине — концу 80-х годов, если ей удастся выполнить намеченную программу, Франция будет иметь 16 баллистических ракет средней дальности в укрепленных подземных шахтах, несколько эскадрилий пилотируемых самолетов, способных нести ядерное оружие, и шесть подводных лодок с атомными двигательными установками, оснащенных баллистическими ракетами с ядерными боеголовками. Число боеголовок только на одних баллистических ракетах подводных лодок к началу 90-х годов у французских ядерных сил может достичь 756. Большие усилия предпринимаются при этом для повышения точности наведения ракет на цель. Увеличение числа ядерных боеголовок и повышение их точности к 1990 году превратит французские ядерные силы, по оценке английского специалиста Г. Тревертона, в нечто большее, чем просто «силы минимального массированного ответного удара»⁷².

Хотя в середине 70-х годов в военной доктрине Франции намечается отход от прежних установок в пользу возобновления военного сотрудничества с США, количественный и качественный рост ракетно-ядерных сил Франции продолжает вызывать некоторые опасения в США в плане потенциального ослабления безоговорочного американского военного лидерства в подсистеме капиталистических отношений, которое американские правящие круги стараются сохранить в качестве одного из важнейших рычагов политического влияния на своих партнеров-соперников.

В то же время не следует забывать, что развитие ядерных сил Франции в целом является вкладом в общий военный потенциал капиталистических государств, противостоящих социалистическому содружеству. Франция, по словам Маршала Советского Союза Н. В. Огаркова, «усиленно создает свой атомный «зонтик», что-то вроде нового «атомного Мажино», что увеличивает общий ядерный потенциал западноевропейских государств и НАТО в целом»⁷³.

При населении в 54 млн. человек общая численность вооруженных сил Франции составляла около 495 тыс. человек*. В ее сухопутных силах — 321,2 тыс. человек, объединенных в 8 танковых дивизий, 4 моторизованных дивизии,

*Здесь и далее данные за 1980 год.

1 горнострелковую дивизию, 1 аэромобильную моторизованную дивизию, 1 парашютно-десантную дивизию, 1 легкую дивизию, 1 легкую бригаду для «заморских» операций. В составе французских сухопутных сил имеется также 5 полков тактических ракет с ядерными боеприпасами типа «Плутон». Армейская авиация насчитывала 6450 боевых и транспортных вертолетов. В военно-морских силах Пятой республики — 70 тыс. человек, 48 основных надводных боевых кораблей, 21 подводная лодка многоцелевого назначения. В том числе у французских военно-морских сил имеется два ударных авианосца средних размеров (типа «Клемансо»), несущих по 40 боевых машин, вертолетоносец «Жанна д'Арк», ракетный крейсер и 20 ракетных эсминцев, 24 фрегата (из них 11 ракетных). Авиация ВМС насчитывает 145 боевых самолетов. В военно-воздушных силах Франции — 460 боевых самолетов, все — французского производства, в основном не уступающие по своим тактико-техническим данным американским боевым машинам. Часть вооруженных сил Франции размещена за рубежом: 3 бронетанковых дивизии — в ФРГ (47 тыс. человек), 1 танковый и 1 пехотный полки — в Западном Берлине; 2 пехотных полка и 3 инженерных батальона — на Антильских островах и Гвиане; 1 парашютно-десантный полк, 1 инженерный батальон и 1 пехотная рота — на островах в южной части Индийского океана; 1 пехотный полк — в Новой Каледонии⁷⁴.

Большое внимание США и других ведущих капиталистических государств привлекли сообщения о создании Францией нейтронного оружия. Оценка этого события с точки зрения интересов Соединенных Штатов и их главных союзников была далеко не однозначной, что отражало в целом их подход к военной политике Франции. Официально о том, что во Франции создана и испытана нейтронная бомба, президент В. Жискара д'Эстэн объявил в Париже 24 июля 1980 г. Создание нейтронного оружия было подвергнуто критике со стороны Французской коммунистической партии, всех прогрессивных сил страны⁷⁵.

Оценивая действия французского правительства, японская газета «Асахи», выступая с умеренных позиций, писала, что главная цель Франции заключается в наращивании собственной ядерной мощи, независимой от США и НАТО. Вторая цель состоит в использовании ядерной мощи в качестве «карты», которую можно разыгрывать на международной политической арене. Подобные действия французского правительства, отмечала «Асахи», говорят о вели-

кодержавном желании вернуть «славу Франции», что требует самой острой критики и противодействия, поскольку подобные методы преграждают путь к разрядке международной напряженности.

Реакция американской стороны, по сообщению «Нью-Йорк таймс», была следующей: «Администрация Дж. Картера подтвердила свою оппозицию развертыванию Францией производства нейтронной бомбы, однако проявила достаточную осторожность, не одобрив и не осудив испытание Францией этого оружия, а также оставив открытой возможность развертывания его для самих США». По сообщению этой газеты, в то же время «в частном порядке некоторые высокопоставленные сотрудники Пентагона выразили удовлетворение действиями французов, о которых стало известно из заявления Жискара д'Эстэна... В военных кругах с удовлетворением воспринимают то, что Франция сможет производить собственную нейтронную бомбу, потому что таким образом будет пополнен западный арсенал вооружений и, кроме того, производство этого оружия Соединенными Штатами станет в политическом отношении более легкой задачей... Однако они заявляют, что не хотели бы ставить под угрозу планы развертывания в Западной Европе новых ракет средней дальности созданием и развертыванием французской нейтронной бомбы»⁷⁶.

Линию на развитие относительно независимых ядерных и обычных вооруженных сил Франции подтвердило и новое правительство Ф. Миттерана, пришедшее к власти в 1981 году. Как заявил, например, министр обороны Эрню, правительство будет продолжать весь комплекс научных исследований, предпринятых в области вооружений, в том числе в области нейтронных видов оружия. По его словам, эти научные исследования необходимы для того, чтобы «Франция и впредь была способна обеспечивать свою безопасность при независимости в своих решениях» и имела возможность «добиться уважения», то есть сделать так, чтобы к ее голосу «прислушивались две великие державы — США и СССР».

Во время своего пребывания в Москве в феврале 1983 года министр внешних сношений Франции К. Шейсон заявил, что французские ядерные силы, будучи самостоятельными, не могут быть приняты в учет на переговорах по ограничению ядерных вооружений средней дальности в Европе⁷⁷. Очевидно, что такая позиция Франции явно не способствует решению проблемы сокращения ядерных вооружений в Европе.

Строительство вооруженных сил Франции опирается на мощную национальную военную промышленность, производящую практически всю современную номенклатуру ядерных и обычных вооружений. В частности, активно функционирует авиационно-ракетная промышленность, значительная часть продукции которой продается в другие страны. Одним из крупнейших в мире экспортеров самолетов военного и гражданского назначения является компания «Дассо—Брегет», увеличившая в период 1967—1979 годов свои продажи иностранным государствам в четыре раза. Основной «товар» этой компании — истребители и бомбардировщики «Мираж-III/5», «Мираж Ф-1», а в последние годы модификации сверхзвукового боевого самолета многоцелевого назначения «Мираж-2000». Так, «Мираж-III/5» был продан в 21 страну; около 85% всех выпущенных компанией самолетов этого типа (1400 ед.) было продано за рубежом: более 70% самолетов типа «Мираж Ф-1» было продано 10 иностранным государствам. Даже США, по примеру своих западноевропейских союзников по НАТО, планируют закупить для авиации своих военно-морских сил значительную партию тренировочных самолетов «Альфа-Джет», созданных на базе французского самолета «Мираж»⁷⁸.

В целом из сказанного выше следует, что военная политика Франции, особенно в ядерной области, в 80-е годы стала оказывать все более негативное воздействие на решения ряда важнейших вопросов международных отношений, в первую очередь на перспективы заключения договоренности по ограничению стратегических ядерных вооружений в Европе. Более того, она представляется недалёковидной, ибо служит своеобразным стимулирующим примером для так называемых «околоядерных» государств в их стремлении к обладанию ядерным оружием.

Важным фактором, влияющим на положение Франции в системе международных отношений и на франко-американские отношения, является ее весьма значительная зависимость от внешних источников топливно-энергетического сырья и других сырьевых материалов: Франция ввозит около 80% потребляемых энергоносителей по сравнению примерно с 66% по ЕЭС в целом⁷⁹. Франция в большей мере зависит от ближневосточной нефти, чем многие другие западноевропейские страны. У нее нет ни богатых запасов природного газа, как у Голландии, ни залежей угля, как у ФРГ, и ни крупных нефтяных месторождений, как у Англии.

Франция удовлетворяет 75—80% своих потребностей в нефти за счет импорта из арабских стран. Накануне вспышки энергетического кризиса в 1973 году основными экспортерами нефти для Франции были Саудовская Аравия и Ирак, которые поставляли для нее более 38% всей потребляемой нефти; к началу 80-х годов на эти две страны приходилось уже более 50%. Несмотря на предпринятые Францией значительные усилия по внедрению энергосберегающего оборудования и другие меры по экономии энергии, ее энергетическая зависимость от внешних источников, в первую очередь от ближневосточной нефти, как показывает большинство прогнозов, будет в текущем десятилетии возрастать.

Выше уже отмечалось, что Франция отказалась войти в состав созданного под эгидой США международного энергетического агентства и предпочла во внешней энергетической политике следовать собственным курсом, развивая «привилегированные отношения» с рядом арабских стран. Одним из основных элементов этих отношений служат поставки французского оружия в арабские страны. Так, Саудовская Аравия в конце 70—начале 80-х годов закупила свыше тысячи французских танков и бронетранспортеров АМХ, а французская фирма КОФРАС организовала школу по обучению механиков и танковых водителей. Саудовская Аравия также приобрела 38 истребителей-бомбардировщиков «Мираж-III». Предполагается продажа саудовским ВВС партий истребителей-бомбардировщиков нового поколения «Мираж-2000» и «Мираж-4000». Во время визита во Францию в 1978 году короля Халеда французская пресса называла огромную сумму в 3,5 млрд. долл., в которую оценивались предполагаемые контракты на поставки Саудовской Аравии различных видов вооружений. Саудовская Аравия также оплатила французские поставки оружия Судану, Марокко, Мавритании.

Продавая в больших объемах оружие Саудовской Аравии, Франция выступает серьезным конкурентом Соединенных Штатов Америки в этой сфере. Кроме того, Франция ограничивает возможности США по использованию поставок оружия как рычага давления на Саудовскую Аравию. Госдепартамент США недоволен сделками, заключенными Францией на поставку оружия Ираку.

Нельзя не отметить, что резкий рост продажи Францией самого современного оружия в страны Ближнего и Среднего Востока, ослабляя позиции США как главного поставщика вооружений, в то же время способствует ускорению

Му насыщению оружием этого и без того весьма нестабильного и взрывоопасного региона, многие страны которого либо граничат с Советским Союзом, либо находятся в непосредственной близости от советской территории.

Стремясь снизить степень своей зависимости от внешних источников энергосырья, Франция уже на протяжении многих лет быстрыми темпами развивает ядерную энергетику. Она затратила огромные средства на создание мощностей по обогащению урана, что позволило ей в начале 80-х годов отказаться от импорта ядерного горючего из США, а в перспективе создаст возможности для того, чтобы самой стать его крупным экспортером. Крупный задел сделан Францией в области ядерной технологии, основанной на плутониевом цикле; завершается строительство мощного реактора на быстрых нейтронах, предназначенного для коммерческого использования: с 1976 года функционирует уникальный завод по регенерации отработанного ядерного горючего. Французские реакторы и другое оборудование для ядерных энергетических установок находят сбыт на мировом капиталистическом рынке, где до недавнего времени господствовали американские корпорации⁸⁰.

При этом часть французского оборудования для атомных реакторов попадает в те страны, которые считаются потенциальными создателями ядерного оружия. Тем самым коммерческая и политическая деятельность Франции в этой области, стимулируемая межимпериалистическим соперничеством, в известной мере подрывает международные усилия по недопущению распространения ядерного оружия.

Возрастающую роль в энергобалансе Франции начинают играть поставки из Советского Союза, в первую очередь — природного газа; по данным на 1981 год, они покрывали до 16% потребностей Франции в этом виде топлива⁸¹.

Франция является одной из тех стран Западной Европы, в которых сильны позиции левых сил. Это вызывает серьезную озабоченность господствующего класса США, которая особенно усилилась в 1981 году — после победы на президентских выборах лидера социалистической партии Франсуа Миттерана и прихода к власти во Франции правительства левых сил. Особую тревогу американской финансовой олигархии вызвала в этой связи будущая роль Франции в НАТО и судьба американских инвестиций: прямые капиталовложения монополий США во Франции весьма значительны, к началу 80-х годов они достигли почти 8 млрд. долл., что уступает лишь американским инвестициям в ФРГ и Англии.

Крупнейшими инвесторами являются ведущие американские монополии ИБМ, «Форд моторз», «Экссон», «Дженерал моторз», «Истмэн Кодак», «Ксирокс», «Бендикс», «Юнайтед технолоджис» и др. Объем продаж ИБМ, например, достиг почти 3 млрд. долл. в год, «Форда» — более 1 млрд., «Экссон» — около 800 млн. долл. и т. п.⁸² Американские бизнесмены, имеющие вложения во Франции, опасались, что могут быть приведены в действие планы национализации имущества иностранных монополий, разработанные социалистами и коммунистами в 70-е годы. Уже на следующий день после победы Миттерана среди иностранных инвесторов, оперирующих во Франции, возникла подлинная паника: на парижской фондовой бирже стоимость акций многих американских компаний упала до самого низкого уровня, и никто не хотел их приобретать⁸³. Однако новый глава государства и правительство во главе с социалистом П. Моруа поспешили объявить, что по крайней мере в ближайшем будущем программа национализации не затронет иностранной собственности.

У Франции существует значительный опыт государственного руководства национализированными предприятиями. За период после второй мировой войны было национализировано более трех четвертей банков, на 60% национализированы сталелитейные компании, значительная часть автобизнеса и авиационной промышленности. При этом, как вынуждены признавать американские деловые круги, государственная автомобильная корпорация «Рено», например, славится высоким уровнем управления и качеством продукции. Она проникла глубоко и на рынок США, захватив, в частности, контрольный пакет акций пришедшей в упадок четвертой по величине автомобильной компании «Америкэн моторз корпорейшн»⁸⁴.

По оценке французских правительственных органов, после национализации в государственном секторе в целом будет производиться 17% промышленной продукции по сравнению с 12% до прихода к власти правительства социалистов. Объявив о национализации, правительство гарантировало частным владельцам полное возмещение потерь. Только на завершающем этапе, сроки которого не определены, под действие закона о национализации должны будут попасть транснациональные, в том числе американские, монополии. В целом же национализация, планируемая новым государственным руководством Франции, не затрагивает основ существующей экономической системы⁸⁵.

Стремясь сбалансировать в глазах предпринимателей свою политику, новое правительство, разработав планы национализации, в то же время объявило о том, что оно дает «зеленый свет» зарубежным инвестициям французских компаний на многие миллиарды франков. Среди этих компаний гигант нефтяной и газовой промышленности «ЭЛФ — Акитен», крупный производитель цемента «Лафарж — Копле» и др. Это, в свою очередь, встретило возражение со стороны ряда представителей левых сил, требующих, чтобы намечаемые к вывозу капиталы были израсходованы на создание рабочих мест в самой Франции⁸⁶.

Несколько успокоенные разъяснениями нового правительства относительно планов национализации транснациональных компаний, американские предприниматели в то же время с большой настороженностью отнеслись к его программе в области социальной политики, которая предусматривает создание за счет государственного бюджета новых рабочих мест, сокращение рабочей недели и пенсионного возраста в сочетании с одновременным ростом налогообложения частнопредпринимательского сектора, в том числе иностранных владельцев, а также установлением контроля над заработной платой и ценами (капиталовложения, направленные на создание 210 тыс. рабочих мест в течение года, должны составить 2,2 млрд. долл., еще 950 тыс. рабочих мест должно быть создано за счет сокращения пенсионного возраста и рабочей недели)⁸⁷. Здесь американские бизнесмены полностью солидаризировались с крупной французской буржуазией, встретившей в штыки многие положения экономической и социальной программы Ф. Миттерана. Отражая эти настроения, председатель Национального совета французских предпринимателей Ф. Сейран заявил в июле 1981 года, что французских бизнесменов беспокоит не какая-нибудь одна мера из намеченных президентом и кабинетом министров, а вся ориентация их программы. Выступая против нее, Сейран пытался доказать, что-де более высокий уровень инфляции и снижение производительности труда станут неизбежным результатом целого каскада реформ, предусматривающих повышение минимума заработной платы, сокращение рабочей недели, снижение пенсионного возраста, некоторое расширение прав трудящихся в управлении предприятиями, замедление темпов развития ядерной энергетики под воздействием поддержавшей Миттерана на выборах и все более активной партии сторонников охраны окружающей среды и расширение контроля государства над экономикой.

Говоря о внешней политике Франции первой половины 80-х годов, в первую очередь о развитии ее взаимоотношений с США, нельзя не отметить поворот в сторону атлантизма, отход от заложенного де Голлем независимого курса Франции по целому ряду направлений. Одним из наиболее важных свидетельств этому стало подписание президентом Ф. Миттераном итогового документа встречи глав государств и правительств ведущих капиталистических стран в Вильямсберге, а министром внешних сношений К. Шейсоном — заключительного коммюнике парижской сессии совета НАТО в 1983 году. В этих документах фактически одобрялся курс на гонку ракетно-ядерных вооружений, избранный Вашингтоном. Одновременно во внешнеполитических заявлениях и ряде внешнеполитических действий Франции усилились антисоветские элементы⁸⁸.

В то же время на встрече в Вильямсберге проявились немаловажные разногласия США с Францией, как и с другими представленными там западноевропейскими государствами по вопросам торгово-экономических отношений между Востоком и Западом⁸⁹.

В начале 80-х годов в политике Франции наблюдались рецидивы колониалистских устремлений, проявившиеся в первую очередь в связи с конфликтом в Чаде, куда французское правительство направило значительный контингент своих вооруженных сил. В определенной степени эта акция была скоординирована с аналогичными действиями администрации Рейгана в Чаде и прилегающем Судане. В то же время по мере развития конфликта в Чаде и вмешательства в него Франции и США между ними не раз возникали острые трения, отражавшие несовпадение интересов этих двух капиталистических государств. Дело дошло до публичных обвинений французским правительством администрации Рейгана в том, что последняя стремилась использовать Францию в своекорыстных целях⁹⁰.

Значительные расхождения в позициях США и Франции проявились в начале 80-х годов в отношении Центральной Америки, в первую очередь — революционного правительства Никарагуа, с которым Франция продолжала сотрудничать, несмотря на сильнейшее противодействие со стороны администрации Рейгана, развернувшей фактически необъявленную войну против никарагуанского народа.

Касаясь позиции, занятой правительством Миттерана в отношении Советского Союза по военно-политическим вопросам, необходимо отметить, что повороту во внешней по-

литике предшествовал ряд его антисоветских действий внутри самой Франции, в том числе высылка из страны группы сотрудников советских учреждений, нагнетание «шпиономании»⁹¹.

Комментируя высылку из Франции большой группы советских дипломатических учреждений, Ю. В. Андропов отметил в этой связи, что «мало похоже на то, чтобы эта акция отвечала национальным интересам Франции». Он также подчеркнул, что отсутствие ответных мер в отношении французских работников в Москве отнюдь не означало косвенного признания Советским Союзом его «вины»: «Если кто так толкует наши действия, то он показывает свое непонимание советской внешней политики. Принять ответные меры в отношении французов, работающих в СССР, было бы легче всего. Проявляя сдержанность, мы руководствуемся широкими интересами советско-французских отношений, которыми мы дорожим и которые складывались на протяжении длительного времени, интересами сохранения разрядки в Европе»⁹².

* * *

Среди развитых капиталистических стран Федеративная Республика Германии по объему валового национального продукта уступает лишь Соединенным Штатам и Японии, превосходя в экономическом отношении все другие западноевропейские страны. В 1980 году ее удельный вес в промышленном производстве капиталистического мира составил 13,8% (удельный вес Франции — 8,1%, Великобритании — 4,8%). По уровню своего экспорта ФРГ начинает опережать США. Западногерманские золотовалютные запасы в начале 80-х годов были самыми крупными в капиталистическом мире. Как отмечалось в фундаментальном труде советских исследователей «Современная дипломатия буржуазных государств», на внешнюю политику и дипломатию этой страны огромное влияние оказывают поражение германского империализма во второй мировой войне, образование и укрепление Германской Демократической Республики. Западногерманский империализм «не просто сталкивается с мировым социализмом, но живое, конкретное соревнование и борьба набирающего силу социализма с капитализмом разворачиваются непосредственно на германской земле»⁹³.

В последние 10—12 лет происходит заметный рост международного политического влияния Федеративной Респуб-

лики Германии. В значительной мере этот рост связан с «новой восточной политикой» коалиционного правительства СДПГ — СвДП во главе с Вилли Брандтом и Вальтером Шеелем, которая была четко противопоставлена линии реакционных и реваншистских сил в ФРГ. «Представление о Западной Германии как об «экономическом гиганте, но политическом карлике» начало отмирать еще лет десять назад — с тех пор, как коалиция социал-демократов и либералов начала проводить политику тесных связей с Восточной Европой и Советским Союзом, — писала лондонская «Файнэншл таймс» в апреле 1980 года. — Оно было окончательно похоронено на совещании глав государств и правительств на Гваделупе в начале прошлого (1979 — А. К.) года, когда канцлер Гельмут Шмидт занял свое место рядом с руководителями США, Англии и Франции»⁹⁴.

Следует отметить, что «новая восточная политика» с начала ее осуществления отнюдь не противопоставлялась ни тесным союзническим отношениям ФРГ с США, ни политике НАТО, ни отношениям ФРГ с партнерами по ЕЭС. Это выразилось, в частности, в том, что руководители правительственной коалиции соглашались на увеличение военных ассигнований в НАТО, что ими делались многочисленные заверения в верности Соединенным Штатам, военному и политическому союзу с ними. Очевидно, что некоторые социал-демократы и свободные демократы усматривали в «новой восточной политике» и наилучший способ решения «германского вопроса» в том направлении, к которому они всегда стремились. Но на практике процесс проведения «новой восточной политики» проходил не совсем так, как желал бы Вашингтон. Государственное руководство США в лице Никсона и Киссинджера стремилось к тому, чтобы ФРГ, не играя самостоятельной роли, следовала в фарватере курса Вашингтона. К тому же американское руководство хотело, чтобы Бонн развивал свои отношения с СССР и другими европейскими социалистическими странами в первую очередь и главным образом через НАТО⁹⁵.

Однако правительство социал-демократов, трезво оценив и сложившееся соотношение сил на мировой арене, и свои собственные экономические и политические возможности по отношению к Соединенным Штатам, вышло за рамки, навязываемые Вашингтоном. Представляется, что в этом сыграл определенную роль и пример Франции — те изменения, которые внесло развитие дружественных советско-французских отношений в 60-е годы в международно-политическую обстановку в Европе.

Визит в Советский Союз федерального канцлера В. Брандта, заключение договоров между СССР и ФРГ (12 августа 1970 г.), между ФРГ и ПНР, позже между ФРГ и ГДР, ФРГ и ЧССР, зафиксировавших признание территориальных и политических реальностей в Центральной и Восточной Европе, явились крупными, в значительной мере самостоятельными акциями западногерманской внешней политики. Эти действия заметно повысили авторитет ФРГ не только в Европе, но и на международной арене в целом.

Наряду с советско-французскими договорами и соглашениями эти договоры создавали солидную политическую и договорно-правовую основу для перехода к политике разрядки международной напряженности. Это, безусловно, оказало воздействие и на подход американских руководителей к разрядке, ограничив возможности для всякого рода торгов, «увязок» и прочих свойственных американской дипломатии маневров при подготовке документов и решений, определивших в начале 70-х годов поворот к лучшему в советско-американских отношениях.

Значительное улучшение отношений ФРГ с их восточными соседями, проявленная при этом правительством Брандта — Шееля самостоятельность вызвали резкую критику со стороны многих влиятельных политических деятелей Америки правого толка. Недовольство коалиционным правительством ФРГ, выказанное администрацией Никсона, не было резким, но тем не менее вполне очевидным.

Подтверждая последовательность проводимого ими курса в отношениях между Востоком и Западом, западногерманские политические деятели в 70-е годы также неоднократно выступали с критикой в адрес американского государственного руководства. По свидетельству западноевропейской и американской печати, видные политические деятели ФРГ, равно как и Франции, выражали свое несогласие с характером и методами, применяемыми администрацией Картера в ходе развернутой ею антисоветской клеветнической кампании «в защиту прав человека» в 1977 году. Федеральный канцлер Г. Шмидт неоднократно подвергал критике непоследовательность американского правительства в отношениях с Советским Союзом, выступал против попыток ограничить научно-технические связи и торговлю между развитыми капиталистическими странами и членами социалистического содружества, поставить их под контроль США. Выступало западногерманское правительство и против розыгрыша Соединенными Штатами «китай-

ской карты», хотя само не всегда было последовательно конструктивным в этом вопросе.

Коалиционное руководство ФРГ оказалось и в числе тех государственных лидеров Западной Европы, которые полностью поддержали подписанный 18 июня 1979 г. в Вене советско-американский Договор ОСВ-2.

В середине 1979 года, когда после очередного повышения цен на нефть странами ОПЕК ряд высокопоставленных военных и государственных деятелей США стали рассуждать о возможности применения военной силы для захвата контроля над нефтеносными районами Ближнего Востока, с резкой критикой в адрес этих планов выступил лидер СДПГ, председатель Социалистического интернационала В. Брандт.

Развернувшаяся в 70-е годы внешнеполитическая активность ФРГ свидетельствовала о более широком, чем прежде, подходе Федеративной Республики к международным отношениям. В 70-е годы, расширяя диапазон внешнеполитической деятельности ФРГ в Европе в связи с «новой восточной политикой», западногерманские руководители взяли курс и на проведение относительно самостоятельной по отношению к США и другим союзникам по НАТО и ЕЭС политики в Азии, Латинской Америке, Африке. В целом ряде случаев эта политика вступала в противоречие с теми или иными американскими интересами. При этом ФРГ опиралась на свою возросшую экономическую мощь, на ведущие позиции в мировой капиталистической торговле. Ее лидеры успешно обыгрывали тот факт, что западногерманская экономика (до недавних пор) находилась в лучшем состоянии, чем американская, считаясь чуть ли не «самой здоровой» экономикой среди ведущих капиталистических держав.

Последние 12—15 лет прочные позиции в мировой капиталистической системе занимала западногерманская марка, которая в 1978 году даже использовалась как главная валюта для «спасения доллара». Однако в начале 80-х годов, под воздействием общего ухудшения экономического положения ФРГ, ее валютные позиции оказались ослабленными. На рубеже 70-х и 80-х годов появилось значительное пассивное сальдо платежного баланса, что оказалось относительно новым явлением для этой страны. (В 1979 г. пассивное сальдо составило 10 млрд. марок, а в 1980 г. — уже около 28 млрд.) Чтобы выйти из затруднительного положения, ФРГ была вынуждена взять весьма крупные займы у ряда стран ОПЕК, в первую очередь у Саудовской Аравии⁹⁶.

Усугублению экономических трудностей ФРГ, как и ряда других западноевропейских стран, способствовала и политика США, в первую очередь меры Федеральной резервной системы по повышению учетной ставки, вызвавшие, как отмечалось выше, отток капиталов из Западной Европы в Соединенные Штаты и повышение курса доллара. В результате этого только с сентября 1980 года по июль 1981 года цены на импортируемые в ФРГ товары выросли на 20%. Повышение курса доллара при сохранении довольно высоких темпов инфляции в ФРГ (6,1%) замедлило выход страны из самого глубокого за последние 20 лет экономического спада⁹⁷.

Весьма важным фактором, определяющим международно-политические позиции Федеративной Республики Германии и негативно влияющим на ее внешнюю политику, является рост ее военной машины, достигшей еще к началу 70-х годов внушительных размеров. При населении около 60 млн. человек общая численность вооруженных сил ФРГ составляет 495 тыс. человек, из них в сухопутных силах — 335,2 тыс., в военно-морских силах — 36,5 тыс., в ВВС — 106 тыс. человек (561 боевой самолет); сухопутные силы состоят из 6 танковых, 6 механизированных, 1 горной и 1 аэромобильной дивизий с большим числом танков, вертолетов, противотанковых средств. По численности и оснащенной боевой техникой сухопутные силы ФРГ превосходят сухопутные силы любого другого государства — члена НАТО в Европе⁹⁸. В целом бундесвер обеспечивает в Центральной Европе 50% сухопутных сил НАТО, 50% средств противовоздушной обороны, 30% боевых самолетов, а на Балтике — 50% военно-морских сил НАТО и 100% военно-морской авиации⁹⁹. В то же время совокупные сухопутные силы Франции, Англии, а также войска США в ФРГ и Западном Берлине (196 тыс. и 4,4 тыс. соответственно), не считая менее значительных сил Бельгии, Нидерландов и войск Канады (танковая бригада численностью 3 тыс. человек), намного превосходят бундесвер. Определенным преимуществом по отношению к ФРГ в этой области обладают Франция и Англия за счет наличия у них собственного ядерного оружия оперативно-тактического назначения.

Заметно уступает французским и английским военно-морским силам и западногерманский «бундесмарине» — в его составе нет ни ударных авианосцев, ни вертолетоносцев, ни ракетных крейсеров. У ВМС ФРГ имеется 24 подводных лодки многоцелевого назначения (дизельных), 11 ракетных эсминцев (из них 7 модернизированных старых американ-

ских кораблей типа «Адамс» и «Флетчер»), 6 фрегатов, 6 корветов. В отличие от Англии и Франции, ФРГ не имеет баз за пределами своей территории, что даже при наличии довольно значительных аэромобильных сил (12 парашютно-десантных батальонов) не позволяет ее союзникам по НАТО рассматривать ФРГ как потенциальную самостоятельную силу по проведению операций за пределами зоны НАТО¹⁰⁰.

Ориентируясь на Францию и Англию, ФРГ в 70-е годы — начале 80-х годов все активнее действует на капиталистическом рынке торговли оружием, выступая в ряде случаев соперником и упомянутых выше стран, и Соединенных Штатов. В 1975—1979 годы 57,5% западногерманского экспорта вооружений направлялось в страны НАТО. Помимо этого, оружие из ФРГ поставлялось в Аргентину, Чили, Колумбию, Эквадор, Индонезию, Перу, Венесуэлу. По официальным данным, в стоимостном выражении продажа оружия составила за указанный период 0,44% от всего западногерманского экспорта, то есть около 3 млрд. долл. На парижской авиационной выставке 1981 года для продажи в зарубежные страны были выставлены такие образцы продукции западногерманских военно-промышленных концернов, как противотанковый вертолет ПАХ-1 фирмы «Мессершмитт — Бельков — Блюм», прототип боевого вертолета этой же фирмы «БО.105», тренировочный реактивный самолет «Альфа—Джет» (созданный совместно с французской корпорацией «Дассо»), транспортный самолет «Трансаль С.160», боевой самолет многоцелевого назначения «Торнадо» (созданный, как отмечалось, совместно с Англией и Италией). Военная промышленность ФРГ оказывала мощное давление на правительство Г. Шмидта с тем, чтобы были отменены какие-либо ограничения на поставки западногерманского оружия в «районы международной напряженности». Большие надежды владельцы военно-промышленных концернов связывали с возможным приходом к власти «более уступчивого правительства»¹⁰¹.

Рост внешнеполитической активности ФРГ в последние 10—12 лет является следствием длительного действия тенденции по возрастанию ее экономической мощи: западногерманскому монополистическому капиталу уже многие годы тесно в рамках Европы, и он стремится к захвату новых позиций. Во многом эти новые позиции в различных районах мира были достигнуты путем экономической экспансии еще в конце 60 — начале 70-х годов, когда западногерманский капитал устремился в Латинскую Америку, а

западногерманский экспорт быстрыми темпами рос не только в Западной Европе и Северной Америке, но и в странах Азии, Африки и той же Латинской Америки. Однако дальнейшее продвижение западногерманских монополий на мировых капиталистических рынках (или даже просто закрепление уже обретенных позиций), в свою очередь, потребовало расширения масштабов политико-дипломатической деятельности Бонна в самых различных районах мира. Следует отметить, что рост активности ФРГ в мировой политике происходит в условиях общей политизации международных экономических отношений, что, видимо, в большей мере на руку Бонну, чем некоторым другим капиталистическим державам, в силу того, что экономический инструментарий занимает ведущую роль в арсенале западногерманской внешнеполитической стратегии.

Хотя в ФРГ не прекращается острая внутривнутриполитическая борьба по центральным вопросам внешней политики, в ходе которой правые и реакционные силы оказывают давление на правительственные круги в пользу усиления бундесвера, увеличения вклада Федеративной Республики в НАТО, тем самым стремясь повысить удельный вес военного компонента во внешней политике страны, в правящих кругах ФРГ сильны и трезвые взгляды и подходы к мировой политике, в том числе к проблемам взаимоотношений между социалистическими и капиталистическими странами. Немаловажную роль при этом играют экономические связи, которые ФРГ установила с СССР и другими странами социалистического содружества за последние 12—15 лет. В начале 80-х годов в экономических связях с Советским Союзом участвует уже свыше 1500 западногерманских предприятий. С 1970 по 1980 год торговый оборот между СССР и ФРГ увеличился более чем в 10 раз — с 544 млн. до 5,8 млрд. рублей. В торговле с СССР среди капиталистических стран ФРГ занимает первое место. Заказы из стран социализма обеспечивают по крайней мере 500 тыс. постоянных рабочих мест. При отсутствии этих заказов безработица в ФРГ могла бы подскочить сразу в полтора раза¹⁰².

По оценкам ряда экономистов, наличие крупных советских заказов для западногерманской промышленности помогло, например, предотвратить превращение экономического спада 1981 года в депрессию с крайне тяжелыми для народного хозяйства ФРГ последствиями. Как отмечал советский политический обозреватель Н. Португалов, Советский Союз отнюдь не со «злорадным торжеством», как это

утверждают иные западногерманские деятели правого толка, относится к экономическим трудностям, переживаемым Федеративной Республикой Германии, поскольку ФРГ стала крупнейшим среди капиталистических стран Запада экономическим партнером СССР, «мы заинтересованы в здоровье его экономики»¹⁰³.

Значительным вкладом в развитие экономических отношений между ФРГ и СССР стали поставки советского энергетического сырья, которые осуществляются с 1970 года. В начале 80-х годов поставки природного газа из СССР уже покрывали 17% от всего потребляемого в стране газа. Со своей стороны западногерманские компании поставляют в Советский Союз оборудование для строительства магистральных газопроводов, что позволяет в целом ускорить развитие советской нефтегазовой промышленности¹⁰⁴.

Администрация Рейгана оказала сильнейшее давление на ФРГ, добиваясь того, чтобы западногерманское правительство отказалось от новых соглашений с Советским Союзом о поставках природного газа. Однако правительство Г. Шмидта отвергло этот нажим.

Одна из главных задач, которую пытается решить западногерманское руководство за счет увеличения импорта советского газа, — это снижение своей зависимости от весьма дорогостоящего импорта нефти, который в 1980 году стоил ФРГ 20 млрд. долл. и был источником 14-миллиардного дефицита торгового баланса, ослаблявшего международные позиции марки, дополнительно стимулировавшего инфляцию и безработицу.

По американским оценкам, к 1990 году Советский Союз может стать главным поставщиком природного газа в ФРГ, стеснив на второе место Нидерланды, которые в начале 80-х годов занимали ведущие позиции в западногерманском импорте этого вида сырья. Доля советских поставок в общем объеме потребляемого в ФРГ газа может достичь 38%¹⁰⁵.

«Мирное, деловое сотрудничество между СССР и Федеративной Республикой — существенный фактор стабильности в Европе и в международной жизни в целом. Думаю, что сбережь это — в интересах и ФРГ, и Советского Союза. База для этого есть, база хорошая. Это — московский договор и целый ряд других соглашений, заключенных нашими странами в 70-е годы. Это — совместно накопленный опыт практического сотрудничества в различных областях»¹⁰⁶, — отмечал тов. Ю. В. Андропов в своем интервью журналу «Шпигель».

Акцией, направленной на осложнение отношений с Советским Союзом и другими членами Организации Варшавского Договора, явились решения правительства ФРГ относительно размещения в Западной Европе американских ракет средней дальности. Начало реализации этого плана ухудшило военно-политическую обстановку на европейском континенте.

Это потребовало соответствующих ответных действий СССР и его союзников¹⁰⁷. Осуществление замыслов НАТО не только обострило ситуацию в Европе и во всем мире, но и во многом ухудшило международное положение ФРГ.

На позицию ФРГ по ряду центральных военно-политических вопросов, затрагивающих роль США в мировой политике, в начале 80-х годов все более серьезное влияние оказывает новый подъем антивоенного движения и антивоенных настроений. Многие западные специалисты небезосновательно связывают всплеск антивоенного движения в ФРГ в начале 80-х годов с политикой администрации Р. Рейгана. Как отмечалось в журнале «Шпигель», «возможно, что причиной роста антивоенных настроений являются действия вашингтонской администрации. Смена администрации Картера администрацией Рейгана, воинственные заявления Хейга и Уайнбергера, решение начать производство нейтронного оружия — все это породило в ФРГ сомнения относительно того, действительно ли администрация США столь же серьезно относится ко второй части «двойного решения», то есть к переговорам, как к его первой части — «довооружению». Председатель нижнерейнской организации СДПГ Г.-О. Боймлер в одном из своих выступлений откровенно заявил, что политика Рейгана подвергает ФРГ «колоссальным психологическим перегрузкам».

Следует заметить, что движение миролюбивых сил в ФРГ в начале 80-х годов характеризуется рядом новых моментов. Вопреки требованиям, предъявляемым руководством СДПГ к рядовым членам партии, не сотрудничать с коммунистами в целом ряде случаев такое сотрудничество с членами Германской коммунистической партии, Немецкого союза мира, марксистского студенческого союза «Спартак» осуществляется социал-демократами на низовом уровне. На основе такого сотрудничества, например, в Майнце в 1981 году состоялась Неделя мира с участием социал-демократов, коммунистов, представителей католической и евангелической молодежи. Массовые марши мира, организованные представителями организаций самых раз-

личных направлений, состоялись в этот период во Франкфурте-на-Майне, в Марбурге, в Ганновере и других местах.

Заметно активизировали свою антивоенную деятельность религиозные организации. Организации и группировки партии «зеленых» — представителей движения, выступающего за спасение окружающей среды, также включились в антивоенное движение. «Зеленые» выступают против ядерного и других видов оружия массового уничтожения.

1 октября 1982 г. в результате перехода свободных демократов от коалиции с социал-демократами к правительственному союзу с консервативным блоком ХДС/ХСС федеральным канцлером ФРГ стал лидер ХДС Гельмут Коль. Так закончила свое правление просуществовавшая 13 лет социально-либеральная коалиция. Новый канцлер объявил, что фундамент внешней политики ФРГ — это «верность Североатлантическому сообществу и дружба с США». Он высказался за сокращение вооружений, за создание «необходимого военного равновесия на возможно низком уровне вооружения», но в то же время выразил безусловную поддержку американским предложениям, целью которых и является нарушение имеющегося стратегического паритета. Он поддержал «двойное решение» НАТО 1979 года, заявив, что новое западногерманское правительство будет стремиться выполнять его как в части, касающейся переговоров, так и в отношении «довооружения». Коль также объявил, что целью Запада на переговорах о сокращении ядерных вооружений средней дальности является достижение так называемого «нулевого решения», которое на деле означало бы выполнение требования Вашингтона об одностороннем разоружении СССР.

Одновременно Коль заявил, что правительство ФРГ будет уделять особое внимание отношениям с СССР и стремиться к их дальнейшему развитию. Вместе с тем его выступление содержало ряд обычных для лидера ХДС антикоммунистических штампов. Оценивая перспективы отношений ФРГ с СССР и другими социалистическими странами в экономической области, канцлер подчеркнул, что они рассматриваются новым кабинетом как важная часть всего комплекса отношений Запад—Восток. Это было подтверждено через несколько дней и за пределами бундестага на проходившей в Бонне сессии комиссии СССР и ФРГ по экономическому и научно-техническому сотрудничеству¹⁰⁸.

В июле 1983 года федеральный канцлер ФРГ Г. Коля и его заместитель, министр иностранных дел ФРГ Г.-Д. Геншер нанесли визит в СССР. Состоялись встречи Г. Коля с Ю. В. Андроповым, в ходе которых советский руководитель подчеркнул, что СССР придает первостепенное значение отношениям с Федеративной Республикой Германии, которые основываются на принципах и положениях московского договора. Было отмечено, что в Советском Союзе обратили внимание на сделанное ранее заявление Коля о том, что правительство ФРГ с пониманием относится к обусловленным историческими причинами интересам СССР в области безопасности. На переговорах, в которых приняли участие Н. А. Тихонов, А. А. Громыко, Д. Ф. Устинов, были затронуты состояние и перспективы двусторонних взаимоотношений, а также узловые проблемы современной ситуации в мировой политике.

За годы, прошедшие со дня подписания московского договора, в советско-западногерманских отношениях было достигнуто немало позитивного. Вместе с тем есть области — и немаловажные, — где позиции ФРГ и СССР существенно расходятся. Советская сторона не может не учитывать той опасности, которую представляет для дела мира реализация планов размещения на территории ФРГ американских ракет средней дальности. Это вновь со всей определенностью было подчеркнуто на переговорах, состоявшихся в ходе визита в СССР федерального канцлера Г. Коля¹⁰⁹.

Оба государства получают реальные выгоды от развития торгово-экономического сотрудничества, что, в свою очередь, благотворно влияет на весь комплекс двусторонних связей. Этот положительный опыт в современной, сложной, обострившейся международной обстановке необходимо не только сберечь, но и приумножать.

Развивая свое сотрудничество с ФРГ, Советский Союз учитывает в то же время и то, что ФРГ — лояльный участник НАТО.

«Отношение Советского Союза к Федеративной Республике Германии, к ее народу и правительству определяется желанием развивать всестороннее сотрудничество. Мы, разумеется, учитываем, что ФРГ — лояльный участник Североатлантического блока. Вбивать клин в отношения ФРГ с Соединенными Штатами или ее другими союзниками не входит в наши намерения»¹¹⁰, — заявил в ходе визита Г. Коля Председатель Совета Министров СССР Н. А. Тихонов.

Среди западноевропейских держав Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии по экономическому параметру занимает третье место и в обозримом будущем, видимо, не имеет шансов на то, чтобы ликвидировать свое отставание от ФРГ и Франции. По некоторым прогнозам, уровень жизни в Англии, бывший еще до второй мировой войны недостижимым для подавляющего большинства европейских стран, к 1985 году будет в два раза ниже, чем в ФРГ и Франции, сравняется с Италией¹¹¹.

Ослабление конкурентных позиций Англии по отношению к другим ведущим странам капиталистического мира наблюдается почти непрерывно с начала 50-х годов. В этот же период происходит и быстрый распад некогда столь могущественной британской колониальной империи.

В руках британского господствующего класса остается чрезвычайно разветвленная банковская сеть — роль банков этой страны в мировых финансах превышает ее роль в мировой экономике по таким показателям, как объем промышленного производства и валовой национальный продукт. Особенно выделяется «большая четверка» английских банков — «Барклайз», «Ллойдс», «Вестминстер» и «Нэшнл провиншл». Лондонское Сити остается одним из крупнейших финансовых центров мира, занимает положение ведущего международного рынка ссудного капитала и евровалют. Несколько подкрепила общие экономические позиции Англии, а в большей степени позиции фунта стерлингов разработка крупнейших в Западной Европе нефтегазовых месторождений на шельфе Северного моря. Англия обладает весьма значительными капиталовложениями за границей, у нее внушительный внешнеторговый оборот. К началу 80-х годов прямые заграничные инвестиции английских монополий были больше вложений ФРГ и Франции, вместе взятых, уступая только заграничным капиталовложениям американских монополий. Великобритания в целом обладает значительно более глубокой и разветвленной производственной и финансовой базой за границей, чем, например, Япония и многие западноевропейские страны¹¹².

Англия содержит весьма значительные вооруженные силы. Велика доля военных расходов в валовом национальном продукте Англии — 4,7%; по этому показателю Англия в капиталистическом мире уступает лишь Соединенным Штатам, заметно превосходя ФРГ, Францию, Италию,

Канаду, Японию¹¹³. Для Англии характерен и большой удельный вес затрат на НИОКР в военных целях, более значительное, чем в большинстве других развитых капиталистических стран, отвлечение на эти цели лучших научных и технических кадров, квалифицированной рабочей силы¹¹⁴. Это самым негативным образом сказывается на развитии научно-технической базы английской промышленности, на позициях Англии перед лицом ее капиталистических конкурентов.

Стратегические ядерные силы Англии состоят из 4 подводных лодок с атомными двигательными установками типа «Резолюшн» (английской конструкции и постройки), вооруженных 16 ракетами «Поларис А3» каждая (американского производства), несущими по 3 боеголовки (английского производства)¹¹⁵. Эти лодки и ракеты будут оставаться на вооружении на протяжении большей части 80-х годов, после чего их планируется заменить на систему «Трайидент». Ее принятие на вооружение в 90-е годы даст Англии 512 стратегических боеголовок с индивидуальным наведением на цель на 4 подводных лодках. При этом в Англии имеется специальная программа разработки ядерных боеприпасов для стратегических сил, которая осуществляется совместно с американскими организациями¹¹⁶.

В «Белой книге» английского правительства зафиксировано, что английские ядерные силы нацелены на Советский Союз; в ней прямо сказано, что «английские ядерные силы способны нанести такой ущерб СССР, что советские руководители должны их учитывать»¹¹⁷.

Английские ядерные силы управляются в соответствии с совместно разработанной американско-английской программой и с помощью общих средств связи; американские ядерные силы активно используют базы, узлы связи, системы раннего оповещения, расположенные на английской территории. В 70-е годы была введена в строй новая англо-американская база на острове Диего-Гарсия (британская колониальная территория) в Индийском океане, имеющая большое стратегическое значение¹¹⁸.

В отличие от французского ядерного потенциала, строящегося на независимой основе, английские стратегические силы тесно привязаны к военной промышленности и вооруженным силам США, что является одной из важнейших составляющих американско-английских «особых отношений».

В начале 80-х годов в Англии развернулось мощное антиядерное движение, в значительной мере связанное с размещением на английской территории американских страте-

гических крылатых ракет. Это движение в то же время опирается на традиции антиядерного движения в Англии конца 50 — начала 60-х годов. Под влиянием этого движения лейбористская партия в 1933 году сформулировала свою позицию по данному вопросу следующим образом: «Лейбористская партия обязуется разработать для нашей страны безъядерную оборонную политику. Это означает отказ от любых новых ядерных баз или оружия на английской земле или в английских водах и ликвидацию всех существующих ядерных баз и оружия, чтобы, таким образом, мы имели возможность внести прямой вклад в создание в конечном счете гораздо более широкой безъядерной зоны в Европе»¹¹⁹.

Общая численность вооруженных сил Великобритании — 329,2 тыс. при населении этой страны в 55,9 млн. человек*. Из них 167 тыс. служат в сухопутных силах, 77 тыс. — в ВМС и 89,7 тыс. — в ВВС (713 боевых машин). В составе сил Великобритании в ФРГ (так называемой «Рейнской армии») 55 тыс. человек, сведенных в 4 танковых и 1 артиллерийскую дивизию; 3,1 тыс. солдат и офицеров составляют английский контингент в Западном Берлине. Как и у Франции, у Великобритании от бывшей колониальной империи сохранились некоторые заморские базы, на которых размещены воинские контингенты: в Брунее 1 пехотный батальон гуркхов, в Гонконге несколько батальонов, а также другие части общей численностью 7,1 тыс. человек; несколько пехотных батальонов, вертолетная часть и специальная разведывательная часть на Кипре; пехотный батальон в Гибралтаре; несколько пехотных батальонов и мелких инженерных и артиллерийских частей в Белизе. Эти контингенты, относительно небольшие по масштабам Европы или США, в зоне развивающихся стран являются весьма ощутимой силой, которая может быть использована в локальных конфликтных ситуациях для проведения различных карательных акций.

В английском королевском флоте — 27 многоцелевых подводных лодок (11 из которых с атомной двигательной установкой), 3 противолодочных авианосца (2 из них также используются как флагманские корабли), 1 вертолетоносный ракетный крейсер, 12 ракетных эсминцев, 54 ракетных фрегата.

На протяжении ряда лет происходит «европеизация» неядерного компонента английских вооруженных сил путем

*Данные приводятся за 1980 год.

все большего вовлечения Лондона в деятельность Европейской группы программирования, объединяющей большинство западноевропейских членов НАТО (в ней не участвуют США и Канада) ¹²⁰.

Американо-английские взаимоотношения зависят не только от того, какое положение эти страны занимают в экономике капиталистического мира, каковы соотношение их военной мощи, уровень развития долгосрочных торгово-экономических и военно-политических связей и т. д. Они во многом определяются и тем, какое правительство находится у власти в Великобритании. Особенно отчетливо за последние 15—20 лет это проявилось в таком важнейшем вопросе мировой политики, как разрядка международной напряженности. В период пребывания у власти лейбористы были склонны проявлять в этом вопросе больше реализма и гибкости, чем правительства консерваторов. Правительство М. Тэтчер в моменты обострения международной напряженности в большей степени, чем руководители других ведущих капиталистических государств, проявляет готовность следовать в фарватере американского курса. В результате в начале 80-х годов в советско-английских отношениях образовался застой — не по вине Советского Союза. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, это «не отвечает интересам ни СССР, ни Англии» ¹²¹.

Во взаимоотношениях с развивающимися странами английское правительство независимо от партийной принадлежности традиционно стремится использовать богатейший опыт деятельности в соответствующих районах мира, некогда входивших в британскую колониальную империю. В то же время правительство консерваторов демонстрирует большую неуступчивость по ряду экономических и политических проблем взаимоотношений с развивающимися странами, выступая во многих случаях в унисон с администрацией Рейгана.

Из этого, однако, не следует, что лейбористы традиционно занимают менее проамериканскую позицию. История 70-х годов показывает, что лейбористское правительство Г. Вильсона, пришедшее к власти в 1974 году, проявляло меньше «европеизма» и больше «американизма», чем консервативное правительство Э. Хита, при котором произошло вступление Англии в «Общий рынок». Именно правительство Вильсона предприняло значительные усилия для того, чтобы прекратилась эрозия особых англо-американских отношений. В то же время это правительство пошло на немаловажные шаги по нормализации, улучшению со-

ветско-английских отношений, «проявило большую готовность к усилиям по закреплению разрядки напряженности в Европе и других районах мира, наполнению ее материальным содержанием»¹²².

Несмаловажным фактором в продолжении, хотя и в модифицированной форме, «особых отношений» между Великобританией и Соединенными Штатами является общность языка, культуры, политических систем.

Ряд аспектов положения Англии в современной системе международных отношений, в том числе ее связей с США, выявил так называемый «фолклендский кризис» 1982 года.

Еще в 1883 году высаженный с британского корвета «Клио» десант поднял на принадлежащих Аргентине Фолклендских (Мальвинских) островах британский флаг. Несмотря на решительные протесты Аргентины, на многократные попытки вернуть эти острова путем дипломатических переговоров, сменявшие друг друга аргентинские правительства не смогли добиться желаемого мирным путем. Раз за разом британское государственное руководство отказывалось возвращать острова их законному владельцу.

В 1964 году специальный комитет ООН по деколонизации включил Фолклендские (Мальвинские) острова в список территорий, подлежащих деколонизации. Однако Англия игнорировала и это.

США традиционно склонялись в этом англо-аргентинском споре на сторону Англии. Некоторую роль при этом играли соображения стратегические, а в последние годы, возможно, и вопрос о наличии потенциально крупных запасов нефти в зоне этих островов¹²³.

Когда аргентинские войска по указанию правительства генерала Гальтиери высадились на Фолклендских островах для восстановления суверенитета Аргентины, правительство М. Тэтчер обвинило аргентинскую сторону в агрессии и направило многочисленные военно-морские и десантные силы для ликвидации аргентинского десанта. Существенную поддержку военной акции правительства Тэтчер против Аргентины оказала (после недолгих колебаний) администрация Рейгана — эта поддержка носила как политико-дипломатический, так и военный характер. В частности, весьма полезными для британских карательных сил оказались американские разведывательные спутники, которые помогали англичанам обнаруживать аргентинские корабли практически в любом квадрате Южной Атлантики. Именно с помощью этих спутников и был обнаружен потопленный

через некоторое время аргентинский крейсер (переданный в свое время Аргентине Соединенными Штатами).

США также поставляли Англии ракеты «воздух — воздух», «воздух — земля», ракеты ПВО «Хок», минометы, боеприпасы, военное снаряжение. Английские специалисты получили от американцев секретные сведения обо всех тактико-технических данных, уязвимых местах истребителей-бомбардировщиков «Скайхок», закупленных ранее у Соединенных Штатов Аргентиной. Вашингтон применил против Аргентины и торгсво-экономические санкции, включавшие приостановку всех военных поставок, а также гарантий кредитов и займов экспортно-импортным банкам США. По некоторым оценкам, эти санкции должны были обернуться для Аргентины потерей около 6 млн. долл., в основном в виде запасных частей для подводных лодок и истребителей американского производства¹²⁴.

Торговые санкции в отношении Аргентины были применены под нажимом США и Англии и Европейским экономическим сообществом. Английскую военно-морскую экспедицию на расстоянии в 12 тыс. км от берегов Европы поддерживали правительства стран — членов НАТО — США, Франции, Греции, Канады и Норвегии, а правительства ФРГ и Нидерландов отнеслись к ней сдержанно¹²⁵.

В вооруженном конфликте с Аргентиной Англия одержала верх, добившись капитуляции 10-тысячного аргентинского гарнизона в административном центре Фолклендских островов Порт-Стэнли (Пуэрто Архентино)¹²⁶. За эту победу Англия заплатила дорогой ценой, жизнями своих граждан, большими потерями военной техники (включая новейшие ракетные эсминцы типа «Шеффилд»). Были затрачены миллиарды фунтов стерлингов. Подсчитано, что на истраченные на эту войну деньги можно было бы каждому из островитян, включая детей, выдать по миллиону фунтов стерлингов или построить в Британии 90 тыс. жилых домов¹²⁷.

Защита Аргентиной своих интересов встретила значительную поддержку со стороны многих латиноамериканских государств различной политической ориентации, в частности Венесуэлы, Кубы, Панамы и Никарагуа. Правительство Коста-Рики назвало введение Соединенными Штатами санкций против Аргентины «нарушением солидарности стран Западного полушария», потребовав при этом перенести штаб-квартиру Организации американских государств из США в другую страну. С аналогичным заявлением выступил и министр иностранных дел Боливии, отме-

тив, что «США в англо-аргентинском конфликте поставили себя вне латиноамериканского сообщества»¹²⁸.

В целом несомненно то, что позиция администрации Рейгана в англо-аргентинском конфликте явно вызвала ухудшение и без того напряженных отношений между США и большинством латиноамериканских стран. Поведение Вашингтона в конфликте вокруг Фолклендских островов продемонстрировало, что «особые отношения» между США и Англией продолжают сохранять свою значимость и в 80-е годы, особенно при наличии у власти правореспубликанской администрации Р. Рейгана и консервативного правительства М. Тэтчер.

Силовое, бескомпромиссное поведение Лондона в фолклендском конфликте, поддержка его Вашингтоном, а также в определенной мере и западноевропейскими союзниками Англии по НАТО говорит и о том, что значительная часть правящих кругов Запада готова в 80-е годы более жестко защищать свои империалистические интересы, чем в предыдущем десятилетии, возвращаясь в известной мере к практике колониальных войн 50-х годов.

§ 3. Япония и США: соотношение сил и взаимодействие

Оценивая значение Японии для определения позиции США в подсистеме развитых капиталистических государств, нельзя не отметить, что, хотя ее удельный вес в мировой экономике уступает удельному весу ЕЭС, она в определенной мере компенсирует это тем, что проявляет больше динамизма и агрессивности на мировых рынках. В одном из докладов министерства внешней торговли и промышленности Японии отмечалось, что в результате успешной перестройки своей разрушенной экономики Япония создала в 60-е годы тяжелую и химическую промышленность, а в 70-е годы придала новые импульсы развитию экономики, активно используя последние достижения научно-технической революции в принципиально новых отраслях промышленности. В наши дни Япония производит 10% валового национального продукта всего мира, тогда как население Японии составляет всего 3% населения земного шара, на ее территорию приходится лишь 0,3% его суши¹²⁹.

Советские экономисты отмечают большие достижения талантливого и трудолюбивого народа Японии. Однако надо отметить, что плодами его труда пользуются в первую очередь правящие круги Японии, которые в погоне за достижением наиболее высоких темпов экономического роста оставляют в стороне решение самых насущных для трудящихся проблем. Качество жизни в Японии по многим параметрам — жилища, шоссейные дороги и др. — уступает странам Запада¹³⁰.

За десять лет, предшествовавших нефтяному кризису 1973—1974 годов, производительность труда в Японии ежегодно в целом повышалась в среднем на 19% против 4,7% в ФРГ, 3,2% — в Англии и 1,9% в США.

Как уже отмечалось, уровень потребления импортной нефти в Японии выше, чем в других развитых капиталистических странах. Однако и после нефтяного кризиса, резко обострившего экономические проблемы страны, производительность труда в Японии росла сравнительно высокими темпами, за период 1973—1979 годов она увеличивалась в среднем на 3,9%, превышая соответствующий показатель Западной Германии (3%), Англии (1,4%) и США (0,7%). По словам бывшего министра иностранных дел Японии С. Окита, высокая производительность труда «спасла» Японию и после второго нефтяного кризиса: рост производительности труда стимулировался разнообразными мерами, и в 1979 году она выросла на 12,1%. В то же время предприниматели и правительство оказывали жесточайший нажим на профсоюзы — заработная плата рабочим была увеличена лишь на 6—7%, благодаря чему издержки на оплату труда в расчете на единицу продукции сократились на 5%.

Менее остро, чем в большинстве других развитых капиталистических стран, в Японии стоит проблема инфляции: если средние темпы инфляции в странах ОЭСР в целом составили в 1979 году 8,8%, а в 1980 году — 11,25%, то в Японии в эти же годы они составили соответственно 3,6 и 8%.

На протяжении практически всего послевоенного периода японские монополии осуществляли более жестокую эксплуатацию трудящихся, чем их американские и западноевропейские конкуренты. Вплоть до последних лет в японской промышленности сохранялась более высокая, чем в других развитых капиталистических странах, норма прибыли. Японским монополистам удавалось добиваться этого прежде всего путем сохранения разрыва между ростом про-

изводительности труда и заработной платой, которая была практически заморожена на относительно низком уровне. Удельный вес расходов на рабочую силу в издержках производства в Японии долгие годы был в 2,5—3 раза меньше, чем в США и странах Западной Европы.

Наряду с быстрым ростом прибыли большое значение для развития японской экономики имело и то, что в Японии большая, чем в других развитых капиталистических странах, часть прибылей направляется в производство в форме новых капиталовложений, то есть норма накопления в Японии на протяжении нескольких десятилетий значительно превосходила норму накопления в других капиталистических странах. Крупные накопления позволили в сжатые сроки осуществить огромные инвестиции в оборудование в целях быстрее прироста производственных мощностей и ускорения экономического развития в целом. Темпы роста капиталовложений, особенно в промышленность, в 50—70-е годы в Японии были значительно выше, чем в других развитых странах капиталистического мира. Инвестиции направлялись в первую очередь в головные отрасли промышленности — металлургию, машиностроение, химию. Они сочетались с массовым внедрением в производство новейших достижений мировой науки и техники путем приобретения огромного числа иностранных патентов и лицензий на новую технику и технологию. За счет массового обновления и увеличения основного капитала был достигнут высокий уровень фондовооруженности, что и стало основой быстрого подъема производительности труда¹³¹.

Немаловажным фактором укрепления экономических позиций Японии перед лицом США и Западной Европы является относительно более низкий уровень военных расходов, которые при абсолютном росте продолжают оставаться на уровне около 1% от валового национального продукта¹³².

Оценивая преимущества Японии перед США и Западной Европой в экономической сфере, многие специалисты и предприниматели обратили внимание на японскую систему управления, которая в последние годы начинает импортироваться другими развитыми капиталистическими странами, в том числе Соединенными Штатами. При этом нередко раздается небезосновательная критика в адрес американских компаний, в которых доминируют выпускники коммерческих факультетов, ориентирующие предприятия на извлечение максимальных прибылей в кратчайший срок. Профессор Качано из японского университета Кобэ отмеча-

ет в этой связи, что промышленные предприятия в США делают упор на достижение результатов в непосредственной перспективе и при их оценке используют такие критерии, как соотношение капиталовложений и прибыли и курса акций, тогда как их японские конкуренты ориентируются прежде всего на долгосрочные цели — завоевание рынков и увеличение доли новейших товаров в своей продукции. Это, разумеется, требует от японских предпринимателей особой выдержки и терпения. Качано также пришел к интересному выводу о том, что компании в США разделены по принципу операций и что акцент на прибыльность каждой из этих операций ведет к тому, что финансовая и бухгалтерская службы этих компаний пользуются значительно большим влиянием, чем производственные отделы.

Качано также отметил, что в Соединенных Штатах промышленники сосредоточивают наиболее авторитетный административно-управленческий персонал в высших эшелонах руководства и с помощью очень четких производственных инструкций добиваются максимальной стандартизации операций. Японские предприниматели предпочитают более общие инструкции и не стремятся к стандартизации работы. Решения принимаются менеджерами коллегиально, на основе консенсуса, причем многократные обсуждения проводятся, начиная с низшего управленческого звена. Сложный процесс принятия решений и длительный период профессионально-трудовой подготовки ведут к определенному снижению эффективности в непосредственной перспективе, но на более длительном отрезке времени создают у отдельных сотрудников ощущение их причастности к общему производственному процессу¹³³.

Более высокая конкурентоспособность японских компаний на мировых рынках по сравнению с американскими и западноевропейскими корпорациями, по-видимому, отчасти объясняется и тем, что острота конкуренции в «большом бизнесе» Японии ниже, чем, например, в Соединенных Штатах, где различные группировки монополистической буржуазии в значительно большей мере руководствуются узкими, собственными интересами, нежели интересами американского государства в целом. Конкурентная агрессивность японских монополий изначально обращена вовне, против иностранных корпораций, тогда как американские монополии в силу огромных размеров внутреннего рынка США много сил уделяли и уделяют соперничеству внутри страны.

В 70-е годы происходит быстрый рост зарубежных капиталовложений японских монополий, который в предыду-

щие периоды отставал от темпов и масштабов внешнеторговой экспансии Японии. Главными инвесторами в зарубежных странах стали ведущие японские корпорации и их группировки — «Митуци», «Мицубиси», «Марубоки», «Кавасаки стил», «Сумитомо», «Мацусита электрик», «Хонда мотор», «Сони», «Ниссан мотор», «Ниппон стил» и другие¹³⁴. В 1979 году до 37% японских зарубежных капиталовложений приходилось на США и Канаду (в 1977 г. они составляли 26%), в то же время доля японских капиталовложений в Азии за период с 1977 по 1979 год сократилась с 31 до 22%, что явилось свидетельством возросшей конкурентоспособности японских фирм на американском рынке. Растут японские капиталовложения в Латинской Америке, Западной Европе, Африке, Австралии¹³⁵.

Со второй половины 70-х годов обозначились и весьма важные изменения во внешнеторговой стратегии Японии. В условиях роста конкуренции, с которым сталкивается тяжелая промышленность Японии, происходят качественные сдвиги в структуре промышленного экспорта страны. Вместо того чтобы увеличивать производство стали и кораблей, Япония разворачивает решительное наступление на мировом рынке электронно-вычислительной техники, где доминирующие позиции занимают американские корпорации, в первую очередь «Интернэшнл бизнес машинз». Одновременно Япония начала перестраивать свой внутренний рынок для сбыта дешевых импортных товаров, преимущественно из стран тихоокеанского бассейна. Свидетельством такой переориентации было, в частности, то, что гигантские сталелитейные компании Японии почти прекратили набор рабочих и служащих, в то время как компании по выпуску электронной техники удвоили и даже утроили численность занятого на предприятиях персонала.

Оценивая военно-политический компонент позиции Японии в системе международных отношений, можно отметить, что в последние годы постепенно происходит рост вооруженных сил Японии — так называемых сил самообороны, в которых в начале 80-х годов состояло 241 тыс. человек при численности населения в 116,5 млн. И в абсолютном выражении, и по отношению ко всему населению страны японские «силы самообороны» заметно уступают вооруженным силам западноевропейских держав — Франции, ФРГ, Англии и даже Италии, не говоря уже о Соединенных Штатах. Отстают они от вооруженных сил США и их союзников по НАТО и по оснащенности боевой техникой: боевыми вертолетами, тактической авиацией, современными танками,

средствами противовоздушной и противотанковой обороны. В сухопутных силах Японии к началу 80-х годов числилось 155 тыс. человек, объединенных в 12 пехотных и одну механизированную дивизии. В военно-морском флоте — 42 тыс. человек, 14 дизельных подводных лодок, вооруженных торпедами, 33 эсминец (в основном ракетных), 15 фрегат¹³⁶.

На рубеже 70—80-х годов в Японии наблюдается оживление милитаристских настроений у значительной части правящей элиты страны. Поднимаются вопросы о массивном наращивании обычных вооруженных сил, о приобретении собственного ядерного и бактериологического оружия. Начальник управления национальной обороны Д. Омура выступил с утверждением, что «конституция разрешает Японии брать на вооружение тактическое ядерное оружие», а его подчиненный, начальник оборонного отдела А. Цунода добавил, что «Япония может иметь бактериологическое оружие» и это-де также не противоречит японской конституции. Волну протестов антимилитаристских сил вызвали высказывания председателя объединенного комитета начальников штабов «сил самообороны» генерала Г. Такэда, который в одном интервью заявил, что Япония должна открыто отказаться от «оборонительного» облачения своей военной доктрины, ввести всеобщую воинскую повинность, в три раза увеличить объем военных расходов.

Активно ведут кампанию о вымышленной «советской военной угрозе» влиятельные силы в правящей либерально-демократической партии. Они заявляют, что в условиях якобы достигнутого советского военного «превосходства» над Соединенными Штатами последние уже не в состоянии обеспечивать оборону Японии. Эти же круги намеренно раздувают так называемый вопрос «о северных территориях», четырех небольших островах Курильской гряды, принадлежащих СССР, предъявляя к Советскому Союзу необоснованные территориальные претензии.

Разъясняя позицию Советского Союза по данному вопросу, академик Г. А. Арбатов, в частности, отмечал: «Дело в том, что мы видим в этих островах нечто большее, чем просто клочки суши. Территориальные проблемы, независимо от размеров территории, требуют весьма осторожного отношения. В прошлом такие споры достаточно часто вызывали международные конфликты и даже войны. Мы потратили много сил, чтобы сделать нерушимость существующих границ нормой международных отношений, основополагающим принципом разрядки.

Поэтому согласиться с исключением из этого принципа в любом месте и даже по небольшому вопросу означало бы открыть настоящий ящик Пандоры, полный неприятностей: сразу оживились бы многие старые территориальные споры, возникли бы новые. Мир стал бы еще менее устойчивым... Основные интересы Японии связаны с обеспечением ее безопасности и экономического благосостояния. Ни то, ни другое не имеет никакого отношения к упомянутым островам. Зато и то и другое в значительной мере зависит от общего состояния отношений Японии с Советским Союзом, особенно если принять во внимание общее состояние мировой экономики, обострение проблемы минеральных ресурсов, рост протекционизма на Западе»¹³⁷.

Приход к власти в ноябре 1982 года правительства Накасонэ, по оценке «Нью-Йорк таймс», «сигнализирует, что следующий шаг в японской политике будет в сторону перевооружения, а также большей военной и политической независимости от Соединенных Штатов». В газете также отмечалось, что «Вашингтон приветствует перевооружение Японии, но отнюдь не ее независимость. Между тем и то и другое идут рука об руку»¹³⁸.

На протяжении целого ряда лет США усиливают нажим на Японию в целях увеличения ее доли в «общей обороне» северной части Тихого океана. «Мы не хотим, чтобы они (японцы. — А. К.) завели свое ядерное оружие, ввели воинскую повинность и тому подобное. Единственное, чего мы хотим, это какой-то взаимности по взаимному договору. Японцы слишком долго выезжали за наш счет. Мы хотим, чтобы японцы больше тратили на собственную оборону, особенно в области морского патрулирования»¹³⁹, — заявил один из американских дипломатов в интервью журналу «Фар истерн экономик ревью» в 1981 году.

Подобный подход к военно-политической роли Японии прослеживается и в рекомендациях Гуверовского института проблем войны, революции и мира — одной из ведущих «фабрик мысли» администрации Рейгана¹⁴⁰.

На японской земле расположено 119 военных объектов США и расквартировано около 50 тыс. американских солдат и офицеров. Среди этих военных объектов есть ряд очень крупных баз, служащих опорными пунктами для военной политики американского империализма в соответствующей части азиатско-тихоокеанского региона. Среди них, в частности, выделяются военно-морские базы в Йокосука и Сасебо, а также военно-воздушные базы в Йокота и Мишава. Йокосука считается лучшей американской военно-мор-

ской базой после Перл-Харбора. В сухих доках Иокосука могут ремонтироваться самые крупные ударные авианосцы. (В этих доках на постоянной основе занято более 2000 высококвалифицированных рабочих, получающих зарплату от американского правительства.) Для сравнения можно сказать, что на американской военно-морской базе в Субик-Бей на Филиппинах могут ремонтироваться корабли, не превышающие по тоннажу крейсер в 16 тыс. т.¹⁴¹ Американская военная группировка нацелена в первую очередь против Советского Союза; но ее наличие вызывает законное беспокойство и других соседей Японии.

В последнее время наблюдается процесс «натоизации» американско-японских отношений, создания своего рода «моста» между военно-политическим союзом двух стран и блоком НАТО. Министерство обороны США настойчиво добивается того, чтобы ряд компонентов японских вооруженных сил можно было использовать в качестве составной части «корпуса быстрого развертывания», нацеленного на «горячие точки» в любом районе Азии.

В последние годы США отказались от существовавших ранее планов значительного увеличения численного состава японских сухопутных сил. Эти требования были сочтены нецелесообразными в силу того, что их реализация в перспективе могла бы привести к утрате Соединенными Штатами контроля над развитием японской армии.

Упор в большей мере делается на развитие японских ВВС и военно-морских сил.

Во второй половине 70-х годов произошло значительное увеличение военной «помощи» Японии таким странам, как Турция, Египет, Пакистан и Таиланд. Еще большее увеличение такой «помощи» планируется на 1981—1985 годы. Рядом японских политических деятелей рост военной «помощи» рассматривается в качестве альтернативы более быстрому наращиванию военной мощи самой Японии¹⁴².

Непосредственным поводом к переходу на качественно более высокий уровень военно-политических отношений между США и Японией послужили события в районе Персидского залива на рубеже 70—80-х годов: революция в Иране и ирано-иракская война. До этого времени вопрос стоял лишь об увеличении доли Японии в американско-японском военном сотрудничестве, которое было региональным и распространялось на японскую территорию и максимум на район Дальнего Востока в соответствии с «договором безопасности». Учитывая огромную зависимость Японии от поставок нефти, Соединенные Штаты стали требовать от То-

кно участия не только в блокаде Ирана, но и в реализации мероприятий по усилению американского «военного присутствия» в Персидском заливе¹⁴³.

Со своей стороны, Япония в условиях американо-иранского кризиса предъявляла претензии Соединенным Штатам по вопросу «недостаточно энергичной» политики по защите общих интересов стран — импортеров нефти из этого региона. В этом проявилось заметное отличие позиции Японии от позиции западноевропейских стран, выступавших в ходе этого кризиса с более умеренных позиций.

Многие официальные лица публично критиковали администрацию Картера за «нерешительность», за то, что та-де недостаточно последовательно шла на применение военной силы, в том числе кораблей 7-го флота США, направленного к берегам Ирана из Тихого океана. Такое поведение, по мнению представителей японского правительства, подрывало доверие ближневосточных и азиатских государств к американской мощи.

Более того, после визита Картера в Японию летом 1979 года в американской прессе появилось сообщение о том, что японские официальные лица ставили перед Соединенными Штатами вопрос о создании военной базы на Ближнем Востоке. Это справедливо интерпретировалось в ряде японских органов массовой информации как отход от традиционной японской политики, поскольку до этого японские планы в военно-политической сфере ограничивались Корейским полуостровом и Тайванем.

1982—1983 годы были отмечены рядом дополнительных моментов, свидетельствующих об укреплении военно-политических связей США и Японии. Правительство Накасонэ, в частности, оказало содействие Соединенным Штатам в развертывании новых ядерных средств средней дальности в Восточной Азии; была достигнута договоренность о базировании расконсервированного и модернизированного американского линкора «Нью-Джерси», оснащенного крылатыми ракетами, и других аналогичных кораблей в японских портах; японское правительство дало согласие на размещение на авиабазе в Мисаве (на севере о. Хонсю) истребителей-бомбардировщиков Ф-16 ВВС США, способных доставлять ядерное оружие на расстояние свыше 1000 км. Учитывая негативную реакцию общественности и соседних государств, МИД Японии сделал заявление, что будет добиваться от США подтверждения того факта, что ядерное оружие не будет установлено на этих самолетах.

С 1980 года Япония непременно участвует в многосто-

ронних военно-воздушных учениях под названием «Тихоокеанское кольцо» («Римпак») совместно со странами, входящими в блоки НАТО и АНЗЮС. Соединенные Штаты не только используют территорию Японии для размещения своих вооруженных сил, но и добиваются увеличения ее взносов на их содержание. В частности, Япония оплатит около половины стоимости модернизации упомянутой военно-воздушной базы в Мисаве¹⁴⁴.

В последние годы, учитывая возросший научно-технический потенциал Японии, США стремятся наладить с ней прямую военно-техническую интеграцию, настаивая на том, чтобы японские фирмы, занятые в наиболее перспективных областях науки и техники, передавали свои достижения непосредственно американским военным корпорациям. Это, однако, как обнаружилось, встречает сильное противодействие со стороны большинства японских компаний, обладающих такими достижениями. В Вашингтоне укоренилось мнение, что японские фирмы фактически саботируют соответствующее американо-японское правительственное соглашение¹⁴⁵.

Ряд фактов показывает, что японо-американские отношения в военной сфере развиваются по нарастающей отнюдь не во всех направлениях. В противодействии планам дальнейшей милитаризации Японии, японо-американского военного сближения немаловажную роль играет массовое антивоенное движение Японии. В авангарде борьбы японского народа за проведение политики мира и сотрудничества идет Коммунистическая партия Японии. По целому ряду важных вопросов позиции коммунистов совпадают с позициями Социалистической партии Японии, члены которой выступают против возрождения японского милитаризма, в защиту мирной конституции, требуют ликвидации американского военного присутствия на японской земле и превращения Японии в нейтральную, независимую, демократическую страну. Они также добиваются запрещения ядерного оружия, выступают за мир и безопасность в Азии, поддерживают национально-освободительное движение¹⁴⁶. С антивоенным движением вынуждены считаться и представители правящих кругов Японии.

Летом 1981 года начальник отдела управления национальной обороны Японии Цунода на заседании одной из комиссий парламента заявил, что в случае возникновения чрезвычайных обстоятельств в других странах Дальнего Востока «силы самообороны» Японии не смогут предоставить свои услуги американским войскам, поскольку закон

о «силах самообороны» не предусматривает подобных действий. Как отмечалось в японской прессе, высокопоставленный деятель японского военного ведомства впервые ясно заявил о невозможности оказания Японией военных «услуг» американским войскам в третьих странах.

Нельзя не отметить, что усилия Японии и США по наращиванию японского военного потенциала, по расширению сферы японской военно-политической активности вызывают все более сильное недовольство многих стран Юго-Восточной Азии, у народов которых еще свежа память о японской оккупации в годы второй мировой войны. Выражая эти настроения, президент Индонезии Сухарто заявил после поездки японского премьер-министра Накасонэ по странам АСЕАН в апреле 1983 года, что, «если вооруженная мощь одной страны превысит уровень, необходимый для самообороны, это будет представлять угрозу миру». Заявление президента Сухарто было расценено японской прессой как «предостережение против наращивания Японией вооружений».

Реалистически мыслящие представители правительственных и деловых кругов Японии выступают против ухудшения японо-советских отношений, за дальнейшее развитие взаимовыгодного экономического сотрудничества с Советским Союзом. Под воздействием этих сил в мае 1980 года японское правительство приняло решение возобновить предоставление Советскому Союзу через японский экспортно-импортный банк кредитов под крупные контракты, включая контракт на экспорт в СССР стальных труб большого диаметра. Ряд органов массовой информации Японии расценили эту меру как проявление реалистического подхода к торговле с социалистическими странами. При этом правительства Японии и западноевропейских стран согласовали действия в этом направлении, несмотря на негативное отношение США.

В 1981 году, когда администрация Р. Рейгана усилила антисоветскую направленность внешней политики США, министерство внешней торговли и промышленности Японии объявило о том, что оно разработало «курс на всесторонний пересмотр внешнеторговой политики Японии в отношении СССР с целью развития торговых отношений между двумя странами». Японская пресса отмечала в этой связи, что прежняя экономическая политика Японии в отношении СССР проводилась без учета действий западноевропейских стран, активно развивавших экономические связи с Советским Союзом, в том числе за счет недостаточной актив-

ности Японии в этой области. Это вызывало недовольство японских деловых кругов.

Важным моментом в развитии советско-японских экономических связей явилась встреча 250 представителей японского делового мира с руководителями советских внешне-торговых организаций, состоявшаяся в Москве в феврале 1983 года. Москву посетили руководители торгово-промышленных палат Токио, Осаки, Нагои и других городов, главы крупнейших промышленных компаний и банков — «Мицубиси седзи», «Мицубиси буссан», «Хитачи», «Ниппон сейтецу», «Сумитомо гинко», «Санва гинко» и др. Президент торгово-промышленной палаты Японии Сигэо Нагано, который является также председателем советско-японского комитета по экономическому сотрудничеству, заявил, что еще никогда Япония не посылала за границу столь крупной торгово-экономической делегации. Оценивая имеющийся и потенциальный спектр торговли между Японией и СССР, президент компании «Сумитомо» Юнно Сибаума сказал, что одна только его компания совершает торговые сделки с СССР на сотни млн. долл., продавая стальные трубы, машины, синтетическое волокно и закупаая лес, уголь, продукцию химической промышленности. «Сумитомо» активно участвует в различных проектах советско-японского экономического сотрудничества — в разработке лесных ресурсов и угля Сибири и Дальнего Востока, разведке и обустройстве месторождений нефти и газа на шельфе острова Сахалин.

Японские бизнесмены, участвовавшие во встрече, отмечали недопустимость вмешательства США в деловые связи между Японией и Советским Союзом. Это вмешательство, подчеркивали они, в значительной мере направлено на ослабление Японии как торгового соперника Соединенных Штатов; аналогичной цели служит и навязываемый Вашингтоном курс на увеличение Японией военных расходов¹⁴⁷.

Воздействие роли развивающихся стран на международные позиции США

Значительное влияние на позиции США в современной системе международных отношений оказывают развивающиеся страны, которые все активнее проводят антиимпериалистическую внешнюю политику, выступая за укрепление своей политической и экономической независимости.

Структура политических отношений США с развивающимися странами в 50-е и по большей части в 60-е годы во многом определялась наличием сети военно-политических блоков с участием бывших колониальных держав под американской эгидой. В 70-е годы эти блоки и другие аналогичные организации либо распались, либо оказались сильно ослабленными. Значительные выгоды принесла освободившимся странам разрядка международной напряженности. Под ее влиянием повысилась практическая значимость принципов равноправия государств, невмешательства в их внутренние дела, неприменения силы. Новый, более благоприятный международный климат 70-х годов ограничил способность империализма оказывать силовое давление на освободившиеся страны, усложнил условия для осуществления им политики диктата, укрепил международные предпосылки для взаимовыгодного и равноправного политического и экономического сотрудничества, в котором так нуждаются молодые государства¹.

«В Соединенных Штатах есть влиятельные круги, которые до сих пор утверждают, что перемены в развивающем-

ся мире — главным образом результат внешнего воздействия и интриг. Если, например, разворачивается демократическое народное движение — значит его инспирировал Советский Союз, и, соответственно, для его подавления достаточно извне, но уже «с другой стороны», из Америки, оказать силовое воздействие — инспирировать контрреволюцию. При таком подходе современный мир все еще рассматривается в контексте великодержавной, гегемонистской концепции, практически игнорируются внутренние импульсы развития новых национальных государств, естественная тяга народов к независимости и свободе»², — отмечал кандидат в члены Политбюро, секретарь ЦК КПСС тов. Б. Н. Пономарев,

Тем самым отрицается объективный характер происходящих в зоне развивающихся стран процессов, различные события, конфликтные и кризисные ситуации в них рассматриваются исключительно с позиции противоборства двух «сверхдержав».

В то же время роль Советского Союза и других социалистических стран в определении позиций освободившихся стран перед лицом США и их империалистических партнеров объективно очень велика. В борьбе с неокOLONиализмом естественным союзником освободившихся стран, национально-освободительных движений является социалистическое содружество³.

Сотрудничество СССР с освободившимися странами, в частности, подорвало былую монополию развитых капиталистических государств в Азии, Африке и Латинской Америке на продажу машин и оборудования, передачу научно-технических знаний и предоставление кредитов. Именно под воздействием этого сотрудничества империалистические государства оказались вынужденными пойти на определенное увеличение своей помощи освободившимся странам⁴.

Сильнейший удар по позициям США в системе мировой политики как по отношению к развивающимся странам, так и по отношению к социалистическому содружеству, а также к двум другим «центрам силы» империализма был нанесен победой вьетнамского народа. В значительной мере под знаком этого поражения складывалась структура отношений США с развивающимися странами в 70-е годы. «Вьетнамский фактор», хотя и в несколько трансформировавшемся виде, продолжает действовать и в 80-е годы.

В последние годы произошло резкое возрастание значения развивающихся стран для экономики американского империализма. Эти страны превратились в важнейший ры-

нок вывоза капитала — источник сверхприбылей американских транснациональных монополий, в средоточие важнейших видов сырья, во все более крупных внешнеторговых партнеров для США. Американский империализм, наряду с другими империалистическими государствами, стремится сохранить африканские, азиатские и латиноамериканские страны в качестве, как говорил В. И. Ленин, своей «хозяйственной территории»⁵.

В классовом, социальном смысле они рассматриваются американской финансовой олигархией как резерв для расширения капиталистической системы.

В этом плане монополистическая буржуазия США и других развитых капиталистических стран все больше внимания в отношении с развивающимися странами — как по государственной, так и по неправительственной линии — уделяет идеологической и культурной обработке привилегированных слоев населения в этих странах.

Эта обработка нацелена на то, чтобы правящая элита в странах, еще недавно бывших колониями, в своих вкусах и бытовых запросах ориентировалась исключительно на буржуазный Запад, чтобы развитые капиталистические страны воспринимались ею как «духовная родина» и были в культурном отношении ближе, чем народ своей страны. Тем самым ставится цель сделать из представителей государственного аппарата, интеллигенции соответствующих стран коллаборационистов, предрасположенных к буржуазному образу жизни по своим потребностям и привычкам. Из них и формируются антинациональные, проимпериалистические элементы, враждебные своему народу, готовые из личных корыстных побуждений противодействовать укреплению политической и экономической независимости своих стран. Продолжается также безжалостное и преступное «выкачивание мозгов», наиболее образованных кадров из тех самых молодых государств, где нужда в этих кадрах максимальная. Самыми разнообразными средствами возвращается своего рода буржуазно-потребительский космополитизм, поспраивание всего того, что традиционно связывается с идеей национального отечества⁶.

Это встречает активное сопротивление со стороны демократических и прогрессивных сил в развивающихся странах, а также в самих развитых капиталистических странах, где передовые общественные деятели резко негативно относятся к потребительству, к тем суррогатам культуры, которые усиленно внедряются монополиями всюду, куда они стремятся распространить свое идеологическое.

политическое и экономическое влияние. Одной из негативных сторон проникновения современных суррогатов культуры монополистического капитала в развивающиеся страны, в том числе в их правящую элиту, является то, что возникающее в результате этого законное сопротивление населения освободившихся государств зачастую перерастает во вспышки самого реакционного национализма, заимствующего свои лозунги из феодального прошлого. С этим явлением также приходится бороться, подчас с большими жертвами, прогрессивным и демократическим силам в развивающихся странах.

§ 1. Взаимное положение США и развивающихся стран в системе международных отношений 80-х годов: общая характеристика

Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, в 70-е годы фактически завершилась ликвидация колониальных империй. Наметилось опережение темпов роста ВВП у группы развивающихся стран по отношению к темпам роста развитых капиталистических стран. Ускорились и темпы структурной перестройки экономики молодых государств. За период с 1950 по 1980 год доля сельского хозяйства в ВВП этих государств снизилась с 38,2 до 19,6%, а доля промышленности возросла с 15,9 до 26,0%. По прогнозам Института востоковедения АН СССР, к 2000 году в экономике развивающихся стран доля сельского хозяйства может понизиться до 15—18%, а доля промышленности возрасти до 30—33%⁷. В то же время сохраняется значительное отставание развивающихся стран по среднему уровню ВВП на душу населения, и такое отставание, по оценке подавляющего большинства советских и зарубежных специалистов, может даже увеличиваться в ближайшие десятилетия. Как отмечает советский ученый Г. Х. Шахназаров, «неравенство между наиболее и наименее развитыми странами достигло размеров, каких история человечества никогда не знала»⁸.

Одной из причин сохранения этого неравенства является сочетание относительно низких темпов повышения производительности труда и сравнительно высоких темпов роста населения, который правительствам большинства

развивающихся стран почти не удается регулировать. По оценке западногерманского исследователя Г. Шнайдера, даже применение «экстраординарных мер» по ограничению рождаемости вряд ли принесет желаемый результат ранее чем к началу XXI века, а за этот период население развивающихся стран может более чем удвоиться и соответствующим образом возрастут их потребности в продовольствии⁹.

По прогнозам американского Агентства международного развития, в ближайшие 40—50 лет при темпах роста населения в 2,5% в год народы развивающихся стран могут достичь к 2000 году численности в 5,5 млрд. человек (по сравнению с 2,6 млрд. в 1970 г.), в то время как население развитых стран (включая капиталистические и социалистические страны) возрастет лишь до 1,31 млрд. человек (в 1970 г. — 1,0 млрд. человек). Таким образом, разрыв между численностью населения в развитых и развивающихся странах может увеличиться к 2000 году по сравнению с 70-ми годами с 1,6 млрд. до примерно 4,2 млрд. человек¹⁰.

Быстрыми темпами в молодых государствах идет процесс урбанизации. К 2000 году, по прогнозу директора управления планирования Международного банка реконструкции и развития, в зоне развивающихся стран будет 40 городов, каждый с населением более 15 млн. человек, в то время как в развитых странах таких городов будет лишь 16. По данным этого же автора, к 2000 году до 90% населения всего земного шара составят жители развивающихся стран¹¹.

В начале XIX века соотношение доходов на душу населения в ведущих странах капиталистического мира и остальных странах составляло 2:1, после завершения колониального раздела мира и перехода к империализму разрыв начал быстро увеличиваться и достиг к началу первой мировой войны соотношения 11,3:1¹². К преодолению этого разрыва не привел и распад колониальной системы: с 1950 по 1980 год он практически сохранялся, колеблясь в пределах 11:1 — 13:1¹³.

Во многих развивающихся странах сохраняется (а в ряде случаев и углубляется) крайне тяжелая социально-экономическая обстановка. Так, по данным так называемой комиссии В. Брандта, к началу 80-х годов в развивающемся мире существовало 300 млн. обездоленных, живущих за гранью нищеты. Остро стоят проблемы борьбы с голодом, болезнями, неграмотностью, безработицей, вопросы бес-

печения жильем, модернизации сельского хозяйства, производства и распределения продовольствия, демографической политики, защиты окружающей среды и др.

Самое негативное воздействие оказывают на развивающиеся страны мировые кризисы капиталистической экономики. Как отмечает академик О. Богомолов, кризис начала 30-х годов зародился в развитых капиталистических государствах, но более всего он ударил по развивающимся странам. В условиях самого глубокого за послевоенное время кризиса также резко упали темпы экономического роста развивающихся стран, численность безработных или не полностью занятых в этих странах достигла 400—500 млн. человек, то есть трети всего трудоспособного населения¹⁴.

Важным компонентом позиций развивающихся стран в системе международных отношений, в том числе по отношению к США и их союзникам, является, как уже отмечалось во второй главе данной монографии, их огромный и растущий дефицит в продовольствии. Этот дефицит используется рядом ведущих капиталистических государств, прежде всего Соединенными Штатами, для консервации их зависимости от империализма.

Достигнув некоторых успехов в усилении своих экономических позиций в мире, развивающиеся страны в то же время очень значительно отстают от ведущих капиталистических стран в развитии науки и техники. Причем этот разрыв, по некоторым оценкам, в последние годы еще увеличился. Особенно нагляден он в сопоставлении именно с Соединенными Штатами. В середине 70-х годов американские расходы на НИОКР на душу населения превосходили аналогичные расходы в развивающихся странах в 250 (!) раз. Но даже тот небольшой научно-технический потенциал, которым обладают освободившиеся государства, сосредоточен примерно лишь в 10 странах. Весьма значительна и диспропорция между США и развивающимися странами по обеспечению кадрами научных работников и инженеров. Так, в середине 70-х годов во всех развивающихся странах научными исследованиями, разработками было занято 210 тыс. человек, в то время как в США в этой области работало 534,8 тыс. человек. Закреплению научно-технического разрыва между освободившимися государствами и Соединенными Штатами способствует и то, что из 200 тыс. патентов, зарегистрированных в Азии, Африке и Латинской Америке, 175 тыс. сосредоточено в руках транснациональных монополий, в первую очередь американских. Эти монополии используют контроль над патентами для охра-

ны импорта своих товаров либо не применяют их вообще, блокируя внедрение результатов местных исследований в производство¹⁵.

В последние 12—15 лет наблюдается сравнительно быстрый рост военных потенциалов целого ряда развивающихся стран. Для тех освободившихся государств, где у власти стоят силы, взявшие курс на социалистическую ориентацию, независимую внешнюю и экономическую политику, укрепление их обороноспособности было объективно необходимо для защиты от международной реакции, наиболее агрессивных сил империализма. Однако в ряде развивающихся стран имеются милитаристские режимы, которыми предпринимается наращивание военной мощи для укрепления базы их репрессивной политики внутри страны, для усиления своих позиций по отношению к другим государствам в локальных и региональных системах международных отношений; что чревато дополнительными опасностями в соответствующих конфликтах и кризисных ситуациях.

В целом, по ряду оценок, военный потенциал развивающихся стран за последние два десятилетия рос значительно быстрее, чем военный потенциал развитых капиталистических стран. Так, с 1960 по 1980 год военные расходы освободившихся государств подскочили в 4 раза, тогда как в развитых капиталистических странах они увеличились на 48% (в постоянных ценах)¹⁶.

Резко возросли закупки освободившимися государствами военной техники. Лидирующую роль в поставках оружия в развивающиеся страны, как это уже отмечалось выше, играют Соединенные Штаты. Поставляя во все возрастающих объемах и все более совершенную военную технику в развивающиеся страны, США преследуют и военно-политические, и дипломатические, и экономические цели. Поставки оружия рассматриваются как один из наиболее важных инструментов для проведения американского политического влияния в различных странах и регионах. Однако, как отмечают представители трезвомыслящей части правящей элиты США, все чаще оказывается, что страны — покупатели оружия выходят из-под контроля его поставщика, развязывают конфликты и «малые войны», в которых поставщик оружия зачастую не заинтересован и которые ослабляют в конечном итоге его позиции.

Особенно большое значение этому инструменту внешней политики США придаст администрация Р. Рейгана. По словам одного из высокопоставленных сотрудников государственного департамента, при этой администрации по-

ставки оружия стали «основной валютой», при помощи которой делается внешняя политика»¹⁷.

Важным фактором, воздействующим на позиции развивающихся стран в системе международных отношений, является возрастание зависимости капиталистических стран от сырьевых и, в первую очередь, от топливно-энергетических ресурсов своих бывших колоний и полуколоний. На долю развивающихся стран приходится до 50% мирового энергетического сырья и 40—50% мировых запасов других видов сырья, причем в производстве и экспорте целого ряда его важнейших видов — олова, бокситов, меди, натурального каучука — они занимают ведущие позиции¹⁸. По оценкам, представленным на VI специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, удельный вес развивающихся стран в мировом экспорте отдельных сырьевых материалов в 70-е годы составил (в %):

Нефть — 89	Олово — 77,2
Нефтепродукты — 44,7	Медная руда — 42
Медь — 43,7	Никелевая руда — 24,4
Уголь — 0,3	Свинец — 11,4
Железная руда — 41,9	Цинк — 11,5
Никель — 7,3	Бокситы — 88
	Цинковая руда — 11,9

Источник: Док. ООН А/9544 Add.1.

Большое значение развивающиеся страны имеют для США как рынок вывоза капитала. При этом на долю Латинской Америки, главного объекта экспансии американского капитала, в 1980 году приходилось 73% всех прямых инвестиций США в развивающиеся страны (1955 г. — 72%). Удельный вес азиатских стран составил в 1980 году 20% (1955 г. — 19%), Африки — 7% (1955 г. — 9%). Таким образом, региональная структура прямых инвестиций США в развивающиеся страны с середины 50-х годов не претерпела существенных изменений. Объем же их за этот период вырос более чем втрое¹⁹.

В начале 80-х годов возникла кризисная ситуация с международной задолженностью развивающихся стран. Еще в 70-е годы в числе неплатежеспособных оказались такие африканские государства, как Заир, Гана, Танзания,

Малави, Замбия, Кения, а в Латинской Америке — Перу, Ямайка, Коста-Рика. Стимулировавшееся в течение последних десяти лет транснациональными банками США, Западной Европы и Японии разбухание международного кредита привело к тому, что в начале 80-х годов значительные трудности погашения внешнего долга начали испытывать большинство развивающихся стран. Особенно неблагоприятным оказался 1982 год, когда экономический спад в капиталистическом мире уменьшил спрос на промышленную и сельскохозяйственную продукцию развивающихся стран на внешних рынках. На это наложилась необходимость осуществления именно в эти сроки основных выплат по кредитам, полученным развивающимися странами еще в 70-е годы, после первого повышения цен на нефть. Как отмечается в обзоре ИМЭМО АН СССР «Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран» (1982 — начало 1983 года), рост процентных ставок в последние годы автоматически был распространен на выплаты по старым кредитам, так как транснациональные банки развитых капиталистических стран предоставляли эти кредиты главным образом на условиях скользящих базисных ставок, к которым прибавлялись с каждым годом увеличивающиеся надбавки. В результате целый ряд развивающихся государств оказался на грани финансового банкротства. Сумма внешних долгов лишь трех латиноамериканских государств — Мексики, Бразилии, Аргентины — превысила 200 млрд. долл. Общая задолженность развивающихся стран составила к концу 1982 года около 626 млрд. долл. (по сравнению с 524 млрд. долл. в 1981 г. и 180 млрд. — в конце 1976 г.)²⁰.

Согласно данным, приводимым тов. Фиделем Кастро в докладе на VII Конференции глав государств и правительств неприсоединившихся стран, каждый ребенок в развивающихся странах рождается, уже имея долг 260 долл. Поскольку долг увеличивается гораздо быстрее, чем население, можно говорить и о ежегодном приросте задолженности на душу населения. Иначе говоря, в 1985 году каждый житель развивающихся стран будет должен около 500 долл. В некоторых регионах эта цифра будет еще выше — в странах Латинской Америки, в частности, долг в расчете на душу населения уже приближается к 1000 долл. «Бремя этой задолженности настолько велико, что оно не только ограничивает возможности экономического роста, но и не позволяет обеспечить даже низкий уровень потребления, характерный для большинства развивающихся

стран, зависимость которых от импорта чрезвычайно высока»²¹.

В 70-е годы значительно возросла торговля между развивающимися странами и Соединенными Штатами. По данным Международного валютного фонда, к концу 70-х годов американский импорт из развивающихся стран достиг около 70 млрд. долл. (около 42% всего импорта), а экспорт в эти страны составил более 50 млрд. долл. (около 46% всего экспорта США). На нефтедобывающие развивающиеся страны при этом пришлось около трети американского импорта²².

Хотя большинство исследовательских организаций и отдельных специалистов считают, что сырьевая зависимость развитых капиталистических стран от освободившихся государств сохранится на несколько десятилетий вперед, имеются и прогнозы, в которых предусматривается возможность уменьшения роли последних как поставщиков сырья для США и их союзников. Это может быть следствием сочетания двух факторов: растущей стоимости импортного сырья и увеличения угрозы уничтожения окружающей среды, что стимулирует в настоящее время разработку замкнутых циклов в технологии промышленного производства, а в перспективе, по ряду оценок, может существенно снизить затраты сырья на выпуск промышленной продукции. При этом могут быть снижены и затраты энергии. Так, например, при получении алюминия путем переплавки использованных консервных банок энергии потребляется на 5% меньше, чем при получении того же количества этого металла из бокситов; на 25% ниже расход энергии при получении стали при переплавке металлолома по сравнению с переработкой железной руды²³.

* * *

Одной из центральных проблем для современной экономики развивающихся стран, а также их взаимоотношений с США и другими развитыми капиталистическими странами является вопрос о стабильности рынка и уровне цен на минеральное сырье, нефть и другие сырьевые товары. Освободившиеся страны получают всего 15% конечной потребительской стоимости товаров, изготовляемых в промышленно развитых странах из экспортируемого ими сырья²⁴. Лишь в редких случаях, да и то только в последние годы, развивающимся странам-экспортерам удается устанавливать монопольные цены на экспортное сырье (исключе-

чением является нефть). Основная же часть экспорта из развивающихся стран проходит через товарные биржи развитых капиталистических стран, отличающихся весьма нестабильным соотношением спроса и предложения и резкими колебаниями цен. Неустойчивость положения в этой области усугубляется тем, что на этих биржах срочная торговля охватывает далеко не все виды сырья, поставляемого из развивающихся стран (в основном масличное сырье, нефть, какао, чай, природные волокна, рис, сахар, бананы, цитрусовые, натуральный каучук, перец, цветные и благородные металлы). На такие товары, как нефть, сырье, удобрения, руды металлов, рудные концентраты и др., срочные сделки, в известной мере страхующие поставщиков и покупателей от изменений рыночной конъюнктуры, не заключаются.

Уже на протяжении ряда лет в качестве инструментов стабилизации рынков и цен на сырьевые товары используются международные товарные соглашения. Эти соглашения призваны стабилизировать рынок с помощью таких средств, как экспортные квоты, буферные запасы, а в отдельных случаях — с помощью установления «вилки» или шкалы цен. Часто, однако, эти меры не ведут к адекватному повышению цен и автоматическому увеличению доходов развивающихся стран. Но даже при стабильных и повышающихся благодаря тому или иному товарному соглашению ценах освободившиеся страны — экспортеры сырья сталкиваются с большими сложностями эффективного использования валютной выручки, то есть ее вложения в производство в форме капитала, машин, оборудования, «ноу-хау», профессиональной подготовки.

В целом эффективными оказываются немногие международные товарные соглашения (среди наиболее эффективных специалисты называют соглашения по олову и сахару). В частности, постепенно сходило на нет стабилизирующее значение международного соглашения по пшенице (к концу 70-х гг. его действие прекратилось), непрочными оказались соглашения по кофе и какао, что во многом объяснялось нежеланием участвовать в этих соглашениях ведущего импортера — Соединенных Штатов. Вследствие противодействия США и ряда других крупных импортеров из числа развитых капиталистических стран в 70-е годы так и не удалось заключить соглашения по чаю, меди и железной руде.

Неудача попыток освободившихся стран решить внешнеэкономические проблемы по отдельным направлениям

привела к тому, что в 70-е годы была сформирована и поставлена в повестку дня международных отношений программа освободившихся стран под названием «новый международный экономический порядок». Декларация и программа действий по установлению нового международного экономического порядка были приняты VI специальной сессией Генеральной Ассамблеи ООН в апреле — мае 1974 года по настоянию 114 развивающихся государств — членов Организации Объединенных Наций. Она была поддержана социалистическими странами и вызвала ожесточенное сопротивление большинства развитых капиталистических стран.

Как справедливо отмечает К. Н. Брутенц, борьба с экономическим неокOLONиализмом шла и раньше и в ее ходе нередко достигались уступки со стороны империалистов. Но это происходило в рамках все той же неокOLONиальной структуры и не наносило в целом существенного ущерба неокOLONиализму как мировой системе эксплуатации, базирующейся на неравноправном экономическом положении участников международного капиталистического разделения труда. С объявлением же программы нового международного экономического порядка впервые в практическую плоскость был поставлен вопрос о ликвидации этой структуры, об изменении всего комплекса отношений между империализмом и развивающимися странами, о разрушении различных форм их экономической зависимости, как оставшихся от колониального прошлого, так и навязанных неокOLONиализмом²⁵.

Поддержав основные положения программы развивающихся стран по перестройке международных экономических отношений, Советский Союз и другие социалистические страны с самого начала отметили необходимость внесения в нее ряда важных коррективов, подчеркивали неправомерность тезиса о якобы равной «ответственности» социалистических и капиталистических стран за экономическую отсталость освободившихся государств, являющуюся следствием колониального прошлого стремления Запада игнорировать требования о ликвидации дискриминации в экономических отношениях между странами с противоположным строем; недооценку развивающимися странами взаимосвязи между разрядкой, ограничением вооружений и расширением содействия развивающимся странам²⁶.

Главным компонентом программы нового международного экономического порядка являются требования развивающихся стран относительно стабилизации мировых рын-

ков сырья, которое, как уже отмечалось выше, составляет и будет составлять на длительную перспективу основную часть экспорта этих стран. Выдвинутая для стабилизации цен на сырье в конце 70-х годов интегрированная программа по сырью предусматривала заключение международных товарных соглашений по целому ряду основных сырьевых товаров — кофе, какао, чаю, сахару, хлопку, каучуку, джуту, меди, олову и др. Она была ориентирована на ограничение колебаний цен на эти виды сырья определенным уровнем и диапазоном. В этих целях было предложено использование «буферных запасов» тех сырьевых товаров, которые подлежат длительному хранению. Финансирование накопления запасов предлагалось осуществить за счет «общего фонда», образуемого из взносов экспортеров и импортеров (около 30% за счет развивающихся стран и 70 — за счет развитых).

«Изыскивая пути к новому международному экономическому порядку, развивающиеся страны адресуют свои требования прежде всего и больше всего к США»²⁷, — подчеркивал в 1976 году в специальном докладе по данной проблеме сенатор А. Р. Рибиков.

США с самого начала выступали против создания «буферных запасов» сырья. Они задались целью сохранить существующую систему страхования сырья, которая находится под контролем Международного валютного фонда (в нем Соединенные Штаты пользуются преобладающим влиянием). Эта система предусматривает предоставление молодым государствам краткосрочных возвратных займов. Только под воздействием других ведущих развитых капиталистических стран на лондонском совещании в верхах в 1978 году США согласились на видимый компромисс в этой области, который, однако, по сути не отвечал требованиям развивающихся стран²⁸.

Другой важной частью требований, выдвигаемых в рамках программы нового международного экономического порядка, является вопрос о торговле готовыми промышленными изделиями. Еще в середине 60-х годов одним из требований развивающихся стран было установление льготного режима для ввоза их изделий на рынки развитых стран. Оно было реализовано в весьма ограниченном виде с принятием в ЮНКТАД резолюции относительно общей системы преференций в 1972—1974 годах. В программе нового международного экономического порядка эти меры были признаны малодейственными и недостаточными. Развивающиеся страны предложили, чтобы существовавшая систе-

ма сниженных ставок таможенных пошлин распространялась на полуфабрикаты, чтобы были запрещены нетарифные ограничения по преференциальным товарам, чтобы были учтены особые интересы стран — экспортеров тропических товаров. И здесь США реагировали на требования развивающихся стран более негативно, чем большинство других развитых капиталистических стран. Введение общей системы преференций они оговорили целым рядом условий. В частности, было объявлено, что, вводя эту систему, Соединенные Штаты оставляют за собой право сокращать льготную государственную помощь развивающимся странам; они не распространяют ее на страны, национализирующие собственность американских корпораций без компенсации, а также на страны, участвующие в экспортных ассоциациях и нарушающие снабжение США сырьем; предоставленные уступки могут быть в одностороннем порядке отменены президентом в случае, если он посчитает, что возросший импорт угрожает американскому рынку: в первую очередь это касается таких товаров, как обувь, текстиль, сталь, стекло, бытовая электроника²⁹.

Значительное внимание в программе нового международного экономического порядка уделено вопросам помощи и передачи технологии. Развивающиеся страны требуют расширения финансовой помощи и облегчения ее условий, списания долгов (хотя бы частично) с наименее развитых стран, процентов со стран, наиболее пострадавших от кризиса, продления сроков выплаты задолженностей и надления молодых государств международными платежными средствами в размерах, превышающих долю официальных льгот в Международном валютном фонде. И по этому вопросу США заняли фактически самую непримиримую позицию среди развитых капиталистических стран, заявив, в частности, что весь прирост помощи должен осуществляться по каналам Международного банка реконструкции и развития, в значительной мере контролируемого американцами. Соединенные Штаты выступили против любого моратория на платежи или списания долгов развивающихся стран, а также против надления освободившихся государств сверхпропорциональными объемами международных платежных средств. Вопрос о помощи был увязан и с американским требованием к развивающимся странам об обеспечении гарантированного снабжения Соединенных Штатов по «приемлемым» ценам³⁰.

Один из ведущих американских специалистов по развивающимся странам Роджер Хансен писал: «Несмотря на

все разговоры о переходе Севера (развитых капиталистических стран. — А. К.) от политики «конфронтации» к «переговорам», северная реакция на южные инициативы в диалоге конца 70-х годов оставалась негативной. Возглавляемый Соединенными Штатами, Север продолжал отвергать почти все предложения Юга без проведения серьезных переговоров и очень редко, если это вообще имело место, выдвигал свои альтернативные предложения»³¹.

Подобную оценку дает и директор отдела планирования вашингтонского Международного банка реконструкции и развития Махбуб уль-Хак, который, однако, старается представить дело таким образом, будто в отсутствии прогресса на переговорах между развитыми капиталистическими и развивающимися странами виноваты обе стороны. В числе ошибок развивающихся стран он называет то, что не были четко сформулированы цели «диалога Север—Юг», что в программе освободившихся государств требования краткосрочного характера смешивались с требованиями по структурной перестройке существующих отношений. Сторонники первого подхода были бы удовлетворены увеличением помощи, освобождением от задолженностей, уступками в вопросах торговли; сторонники второго подхода добивались в первую очередь уменьшения своей зависимости от развитых стран. Многие развивающиеся страны не связывали изменения в международных экономических отношениях с необходимостью проведения внутренних реформ. Политической и пропагандистской ошибкой развивающихся стран, по мнению уль-Хака, было то, что они представили новый международный экономический порядок как «требование» Юга, а не как «глобальную потребность», связанную с решением таких проблем, как энергетический кризис, охрана окружающей среды, растущий протекционизм, рост расходов на вооружения и т. п. Многие лидеры развивающихся стран, по его оценкам, рассчитывали на то, что под напором их требований Север вынужден будет просто «преподнести» им новый международный экономический порядок.

Среди ошибок Севера уль-Хак отмечает в первую очередь то, что развитые страны не видят в требованиях развивающихся стран выгодных и для себя элементов. Единственная область, к которой в силу своего кризисного положения они проявили значительный интерес, — это энергетика. Лидеры Севера в целом сосредоточены на решении текущих проблем экономического спада, инфляции и безработицы и полагают, что их решение может быть найдено

без сотрудничества с Югом, что, по словам уль-Хака, не является правильным. Руководители развитых капиталистических стран еще не осознали, что текущие экономические проблемы отражают проблемы долгосрочного структурного порядка. Здесь уль-Хак проводит интересную параллель между нынешней ситуацией в отношениях между развивающимися и развитыми капиталистическими странами с обстановкой в США в 30-е годы. В период «великой депрессии» спасение капиталистической системы в Соединенных Штатах потребовало от президента Рузвельта принятия экстраординарных и нетрадиционных мер, встреченных в штыки многими представителями американской буржуазии; так же и в условиях 80-х годов решение проблемы «Север—Юг» в интересах самих же развитых капиталистических стран потребует от их лидеров отказа от многих догм, которые фактически заблокировали принятие нового международного экономического порядка³².

Из этих рассуждений уль-Хака видно, что он представляет те круги политических деятелей развивающихся стран, которые ориентированы не на подлинную демократизацию международных экономических отношений, а лишь на некоторое относительное усиление позиций развивающихся стран в рамках существующих капиталистических отношений. Его точка зрения во многом согласуется со взглядами государственных деятелей умеренного толка из США и других развитых капиталистических стран.

Оценивая новейшие тенденции движения за перестройку международного экономического порядка, советский ученый М. М. Максимова пишет, что развивающиеся страны стали все больше подчеркивать связь между внутренними и внешними преобразованиями, необходимость широкой индустриализации, проведения аграрных и социальных реформ. Больше внимания уделяется созданию механизма регионального сотрудничества освободившихся государств, что нашло отражение в концепции «коллективной опоры на собственные силы». Наблюдается и растущее понимание лидерами развивающихся стран важнейшего значения разрядки международной напряженности, ограничения гонки вооружений для всего процесса демократизации международных экономических отношений. Возникновение этих тенденций — в первую очередь результат настойчивых усилий со стороны таких участников движения неприсоединения, как Куба, Вьетнам, Лаос, стран социалистической ориентации, которые ведут борьбу за последовательную демократизацию международных экономических отношений, за обу-

здание международного монополистического капитала. Именно эти тенденции в наибольшей мере угрожают неоколониализму США и их союзников в системе международных отношений 80-х годов. Наряду с этим действует и другая тенденция, выражающаяся в деятельности ряда развивающихся стран, ориентированной лишь на то, чтобы перераспределить в свою пользу мировой валовой продукт на основе компромисса с монополистической буржуазией США и других ведущих империалистических держав³³.

В 50-е годы, в период зарождения движения неприсоединения, во главе которого стояли такие исторические личности, как Джавахарлал Неру, Иосип Броз Тито, Гамаль Абдель Насер, Кваме Нкрума, Соединенные Штаты занимали по отношению к нему резко отрицательную позицию. Начиная с 60-х годов периодически делаются попытки заигрывать с этим движением, однако цель империализма, и прежде всего американского, пишет индийский исследователь Х. Д. Малавия, состоит в том, чтобы, «используя в своих целях территориальные проблемы, экономические трудности, спорные вопросы, являющиеся наследием колониального прошлого и результатом различий в системе, вере и религии, ...сеять раздоры, возбуждать ненависть и враждебность между неприсоединившимися странами и травлять их друг на друга»³⁴.

Далее он справедливо отмечает, что имеющая хождение в некоторых неприсоединившихся странах так называемая концепция равноудаленности, подразумевающая равную ответственность капиталистических и социалистических стран за различные негативные явления в мире, невыгодна в первую очередь самим неприсоединившимся странам: «Противопоставляя движение социалистическим странам, она, по существу, оставляет развивающиеся страны один на один с империализмом и лишает его такого мощного фактора, как солидарность других антиимпериалистических сил»³⁵. Можно вполне согласиться с индийским специалистом в том, что балансирование между империализмом и социализмом способно привести лишь к обострению отношений между участниками движения, к его идеологическому и политическому кризису и, в конечном итоге, к распаду.

Движению неприсоединения, существующему уже более 20 лет и охватывающему 86 стран и 2 международные организации, присущи две основные черты — антиимпериалистическая, антиколониалистская направленность и борьба за укрепление мира и международной безопасности³⁶.

Действуя в этом направлении, оно способствовало разрушению созданных американским империализмом агрессивных блоков.

Особое внимание в последние годы лидеры движения неприсоединения уделяли проблемам освобождения Юга Африки. Движение выступает против фактического соучастия западных держав во главе с США и Израиля в наращивании военного, и в том числе ядерного, потенциала ЮАР, осуждает ближневосточную политику США, кэмп-дэвидские соглашения. Движение неприсоединения в целом оказывает поддержку народу Кубы. Так, например, белградское совещание министров иностранных дел неприсоединившихся стран (июль 1978 г.) осудило продолжающееся давление и угрозы против Кубы со стороны правительства США, блокаду, с помощью которой Соединенные Штаты пытаются изолировать и уничтожить кубинскую революцию. Нельзя не отметить, что движение неприсоединения немонолитно, в последние годы в нем несколько усилились центробежные тенденции. В позициях отдельных стран имеется и антисоветский элемент. Некоторые силы движения допускают недружественные жесты в адрес Кубы, Вьетнама, Афганистана, Эфиопии, предпринимают попытки «отлучить» от него эти страны³⁷.

Именно на эти тенденции с вполне определенной деструктивной заинтересованностью обращают внимание американские политические деятели и исследователи. Например, директор центра по исследованию проблем Среднего Востока в Университете Дж. Гопкинса Фуад Аджамы, отмечая значительные идеологические и политические разногласия между странами «третьего мира», подчеркивает, что эти страны имеют гораздо меньше экономических и культурных связей между собой, чем с развитыми странами Западной Европы, Соединенными Штатами и социалистическими странами. Только деятельность членов ОПЕК начинает изменять эту тенденцию³⁸.

Крупным событием в развитии движения неприсоединения явилась VII Конференция глав государств и правительств неприсоединившихся стран, состоявшаяся в Дели в апреле 1983 года. В Политической декларации этой встречи подчеркивается органическая связь движения неприсоединения с насущными проблемами современности, неотделимость борьбы против политических и экономических последствий колониализма от борьбы за предотвращение ядерной войны и обуздание гонки вооружений. Учитывая особую остроту проблемы предотвращения ядерной

войны, участники конференции приняли по данному вопросу специальный документ — Делийское обращение, в котором содержатся требование предотвратить сползание к ядерному конфликту, призыв к ядерным державам договориться о международной конвенции, которая запретила бы применение ядерного оружия при всех обстоятельствах, положила бы конец его испытаниям, производству и развёртыванию. Определяя мир, независимость, разоружение и развитие как ключевые проблемы современности, Делийское обращение подчеркивает, что мир должен быть основан на справедливости и равенстве, так как неравенство и эксплуатация, созданные колониализмом и империализмом, остаются главной причиной напряженности, конфликтов и насилия в мире³⁹.

В принятой конференцией Политической декларации фактически подвергся осуждению американский империализм. Выражая, в частности, озабоченность обострением обстановки на Ближнем Востоке и подтверждая право арабского народа Палестины на самоопределение, авторы Политической декларации отмечают, что политика разбоя, проводимая Израилем, возможна лишь в силу огромной военной, финансовой и политической поддержки извне. Был с беспокойством отмечен рост милитаризации Индийского океана, обращено внимание на военные приготовления на острове Диего-Гарсия и на создание новых структур военного командования в этом районе мира.

Конференция выразила свою поддержку народам Латинской Америки в их борьбе против империализма, посягающего на независимость и суверенитет латиноамериканских государств. Была осуждена тактика империалистического давления в регионе. Выражая беспокойство положением на Юге Африки, участники конференции осудили как расистский режим Претории, так и сотрудничество с ним внешних сил⁴⁰.

Много внимания на данной конференции было уделено экономическим проблемам. Премьер-министр Индии Индира Ганди, в частности, отмечала, что с 1979 года, со времени проведения VI Конференции неприсоединившихся стран, дефициты платежных балансов развивающихся стран и бремя их долгов удвоились, среднесрочные и долгосрочные займы этим странам резко сократились; сокращалась быстрая темпами и помощь на льготных условиях. Доходы развивающихся стран от экспорта сократились за последние годы на 40 млрд. долл. «Движение неприсоединения решительно выступает за коренную перестройку междуна-

родных экономических отношений. Мы против эксплуатации. Мы отстаиваем право каждой страны на свои ресурсы и свою политику. Мы хотим равного голоса в управлении международными институтами. Мы вновь подтверждаем свою приверженность установлению нового международного экономического порядка на основе справедливости и равенства»⁴¹, — подчеркивала И. Ганди.

Существенные коррективы во взаимоотношения США с развивающимися странами внесла еще в 70-е годы деятельность Организации стран — экспортеров нефти (ОПЕК). Эта организация прошла долгий путь: она была создана в 1960 году пятью странами — Ираном, Ираком, Кувейтом, Саудовской Аравией и Венесуэлой. Затем к ним присоединились Катар (1961 г.), Индонезия (1962 г.), Ливия (1962 г.), Абу-Даби (1967 г.), Алжир (1969 г.), Нигерия (1971 г.), Эквадор (1973 г.) и некоторые другие страны, в том числе в качестве ассоциированных членов. Бывший генеральный секретарь ОПЕК Фуад Роухани дал в 1971 году следующую оценку общим чертам, которые объединяют страны, входящие в эту организацию: все государства — члены ОПЕК являются развивающимися; все они экспортируют в больших объемах нефть; финансирование их программ развития и сбалансированность их бюджетов зависят от доходов от этого экспорта; они не способны самостоятельно, без содействия иностранных компаний разрабатывать собственные нефтяные ресурсы; все они имеют идентичные проблемы во взаимоотношениях с иностранными нефтяными компаниями⁴².

В 1968 году, после вспышки арабо-израильского конфликта 1967 года, внутри ОПЕК образовалась организация арабских стран — экспортеров нефти (ОАПЕК), деятельность которой подготовила тот удар, который был нанесен в последующие годы США и ряду других развитых капиталистических стран в связи с «октябрьской войной» 1973 года. За три последних месяца 1973 года цены на нефть были подняты странами ОПЕК с 3,01 долл. за баррель до 11,65 долл., что обеспечило увеличение доходов этих стран с каждого барреля нефти с 1,76 до 8,0 долл.⁴³ Если в 1973 году общие доходы стран ОПЕК составили 25 млрд. долл., то в 1974 году они возросли до 100 млрд. долл.⁴⁴ В последующие годы доходы ОПЕК продолжали расти, хотя и не такими темпами, как того ожидали многие их руководители.

Доход стран ОПЕК от экспорта нефти в 1974—1981 годах составил около 1,5 трлн. долл., а суммарное активное

сальдо по балансу текущих операций -- 450 млрд. долл. Ежегодная выручка стран ОПЕК от продажи нефти к началу 80-х годов достигла 300 млрд. долл.⁴⁵

Как справедливо отмечает советский ученый Н. П. Шмелев, для высокоразвитых капиталистических государств взлет цен на нефть означал резкое осложнение условий их экономического развития, которое в предыдущий период в значительной мере базировалось на практически неограниченном росте потребления легкодоступной и дешевой нефти преимущественно из внешних источников. Резкое увеличение цен на нефть способствовало замедлению темпов экономического роста и усилению инфляции примерно на 20—25% от ее «нормального» среднегодового показателя в период 70-х годов; оно привело и к значительному росту дефицита торговых балансов многих развитых капиталистических стран — членов ОЭСР, вызвало необходимость огромных капиталовложений в модернизацию их энергетического хозяйства. Дефицит платежного баланса стран ОЭСР по статье текущих операций только в 1979—1981 годах достиг свыше 130 млрд. долл., что было связано прежде всего с резко возросшими нефтяными счетами⁴⁶.

Нельзя не отметить, что акция ОПЕК по повышению цен на нефть, ударяя по позициям США и их союзников, в то же время имела ощутимый отрицательный эффект для многих развивающихся стран — импортеров нефти, усиливая происходившие в них процессы дифференциации.

«Значительны были и политические последствия для системы отношений между странами ОЭСР и странами ОПЕК, в которой доминировал Запад (развитые капиталистические страны. — А. К.), а также для отношений между ОЭСР и «третьим миром». Нефтяное эмбарго арабов было непосредственно связано с конфликтом на Ближнем Востоке и с отношением стран ОЭСР к Израилю. Это в свою очередь воздействовало на отношения между Соединенными Штатами и Западной Европой. Примирительная позиция Европейского экономического сообщества по отношению к арабам и странам Средиземноморья пришла в противоречие с атлантической политикой консолидации, проводимой Соединенными Штатами»⁴⁷, — отмечалось в специальном исследовании, подготовленном по заказу нью-йоркского совета по внешним сношениям.

Во второй половине 70-х годов происходило дальнейшее усиление роли ОПЕК. До 1973—1974 годов семь главных нефтяных компаний не только добывали нефть в странах ОПЕК, но и контролировали более 90% ее продажи. Они

распределяли нефть на мировом рынке, определяли, в какие страны и районы, в каком объеме и какого качества поступают нефть и нефтепродукты: они служили буфером между ОПЕК и импортерами, получая для себя огромные барыши. К началу 80-х годов картина изменилась. Страны ОПЕК потеснили нефтяные монополии из этой сферы, они стали во все возрастающих объемах осуществлять прямые поставки потребителям, минуя посредников: эти прямые поставки в 1980 году составили уже 45% вместо 10 в 1973 году. Подобным же образом начали действовать и другие ведущие экспортеры нефти, не являющиеся членами ОПЕК, например Мексика и Перу, а также развитые капиталистические страны — Норвегия, Великобритания⁴⁸. Такие страны, как Япония, Франция, Бразилия, Испания, Италия, также стали заключать межправительственные соглашения о поставках нефти, минуя нефтяные транснациональные монополии. Разумеется, это было крайне негативно воспринято «большой семеркой» транснациональных нефтяных компаний, а в мире транснационального бизнеса в целом было расценено как один из сильнейших «ударов по принципам свободного частного предпринимательства на мировом рынке»⁴⁹.

Что касается доли транснациональных нефтяных монополий в контроле над добычей нефти, то она сократилась с 61% в 1970 году до 25% в 1979 году (у остальных частных компаний соответственно с 33 до 20%), в то время как доля государственной собственности различных стран возросла с 6 до 55% (!)⁵⁰.

После скачка цен на нефть в 1973—1974 годах происходило почти постоянное повышение цен на нефть со стороны ОПЕК, несмотря на наличие значительных разногласий по этому вопросу среди членов этого объединения. Так, американский специалист по нефтяной проблеме Роберт Пиндик выделяет по их отношению к повышению цен на нефть две группы стран: одну группу составляют страны, у которых нет острой потребности в немедленном получении наличных денег за продаваемую нефть, — это Саудовская Аравия, Ливия, Кувейт и Объединенные Арабские Эмираты. Эти страны в то же время являются обладателями и самых больших разведанных запасов нефти. Другую группу составляют страны с большим населением, остро нуждающиеся в валюте: Ирак, Венесуэла, Алжир, Индонезия, Нигерия и Эквадор. Их резервы менее значительны и в ближайшие 20 лет, по американским оценкам, могут быть истощены⁵¹. Страны, остро нуждающиеся в на-

личных расчетах, естественно, выступают, как правило, за наиболее высокие цены, за их быстрый рост. У стран же первой группы несколько иной подход к данной проблеме, который больше устраивает США и их союзников.

Пиндик отмечает, что часто позиции тех или иных членов ОПЕК определяются не только экономическими, но и политическими факторами. Так, например, на встрече стран — членов ОПЕК в Каракасе в декабре 1977 года Алжир, Ливия и Ирак требовали резкого повышения цен на нефть, исходя из своей позиции в ближневосточном конфликте, которая была более радикальной, чем у ряда других арабских стран — экспортеров нефти⁵². Для ведущего члена ОПЕК — Саудовской Аравии, по небезосновательной оценке многих американских специалистов, в наименьшей мере выгоден быстрый рост цен на нефть, поскольку он в конечном итоге может привести к резкому ограничению спроса на нее или ударить слишком сильно по экономике США и других развитых капиталистических стран, на которые правящая королевская семья ориентируется в своей экономической политике и с которыми связана многочисленными контрактами.

Этим можно, видимо, объяснить и акции, проведенные Саудовской Аравией в 1981 году с целью увеличения производства нефти. Эти акции сбили цены на нефть, что резко повысило курс доллара. Повышение же курса доллара было выгодно не только американскому казначейству, но и Саудовской Аравии, поскольку она является держателем огромных долларовых авуаров.

Источник силы ОПЕК — огромная роль нефти в мировой энергетике и концентрация значительной части ее производства и экспорта в руках сравнительно небольшого числа стран. К началу 80-х годов на ОПЕК приходилось около 47% всей мировой добычи нефти, причем доля Саудовской Аравии составляла около трети всего производства нефти странами ОПЕК⁵³. Исторически сложившаяся тенденция возрастания доли нефти в мировом энергобалансе настолько устойчива, что изменить ее могут лишь десятилетия целенаправленных усилий. 70 лет потребовалось для того, чтобы доля нефти в мировом энергобалансе возросла с 4 до 44% (к концу 70-х гг.)⁵⁴.

Сохранение роли ОПЕК и других развивающихся стран — экспортеров нефти (в первую очередь Мексики) как важного фактора взаимоотношений США с развивающимися странами зависит в первую очередь от того значения, которое будет иметь нефть в мировом энергетическом

балансе в долгосрочной перспективе. Большинство исследователей сходится в том, что роль нефти будет весьма значительной по крайней мере до XXI века.

Так, например, в соответствии с результатами, полученными исследовательской службой корпорации «Экссон», в ближайшие 18—20 лет во всем мире значительное развитие получит производство альтернативных источников энергии; в частности, по ее оценкам, в «некоммунистическом мире» к 2000 году на 120% увеличатся добыча и использование угля, в 4 раза возрастет использование ядерной энергии, в 2 раза увеличатся мощности гидроэлектростанций, геотермальных установок, систем, непосредственно использующих солнечную энергию и др.; резко возрастет производство синтетического топлива из угля и горючих сланцев⁵⁵. Одновременно будет повышаться и эффективность использования энергии. По оценке данной исследовательской службы, среднегодовые темпы роста ВВП развитых капиталистических и развивающихся стран составят 3,5% (за период 1980—2000 гг.), тогда как рост годового потребления энергии — лишь 2,5%. Реализация этого прогноза означала бы существенное изменение тенденции, действовавшей до нефтяного кризиса 1973—1974 годов: в период 1965—1973 годов, например, потребление энергии в рассматриваемой группе стран росло быстрее (5,5% в год), чем экономика в целом (5,0% в среднегодовом исчислении). Но даже при этих изменениях уровень потребления нефти в 2000 году будет примерно на 15% выше уровня 1978 года. Нефть и природный газ к 2000 году будут давать в «нефтяном эквиваленте» 86 млн. баррелей в день, то есть удовлетворять 52% всех потребностей развитых капиталистических и развивающихся стран по сравнению с 72% в 1978 году. При этом эксперты из «Экссон» исходят из того, что совокупный экспорт нефти из СССР, стран Восточной Европы и Китая в другие страны мира будет оставаться примерно на том же уровне. Производство нефти за пределами ОПЕК увеличится к 2000 году с 7 до 26 млн. баррелей в день. Производство жидкого горючего для мирового капиталистического рынка странами ОПЕК (нефть плюс сжиженный и пригодный для транспортировки на любые расстояния природный газ) составит 33 млн. баррелей нефти в день, что будет на 10% выше уровня 1978 года и составит 55% потребления нефти развитыми капиталистическими и развивающимися странами в 2000 году⁵⁶.

По прогнозам Международного банка реконструкции и развития, расширенное использование новых источников

энергии в рассматриваемый период будет доступно лишь наиболее развитым капиталистическим странам; большинство развивающихся стран вынуждено будет либо увеличивать импорт нефти, либо расширять собственную добычу нефти, природного газа, угля, увеличивать производство энергии за счет строительства и модернизации гидроэлектростанций. Только Бразилия развертывает значительное производство спирта из биомассы для использования его в виде топлива: с 1977 по 1979 год доля спирта в жидком топливе Бразилии увеличилась с 4,3 до 19%. Существуют планы крупномасштабного производства спирта на топливные нужды и в США, для чего предполагается использовать кукурузное зерно. Получение 2 млрд. галлонов этанола (ориентир на 1985 г.) потребовало бы использования 20 млн. т кукурузного зерна, что составляет $\frac{1}{5}$ современного экспортного производства зерна в США. Подобные программы имеются и в других странах, являющихся крупными экспортерами зерна, — Австралии, Аргентине, Новой Зеландии, на Филиппинах, в ЮАР. Некоторые специалисты небезосновательно опасаются, что широкое распространение производства спирта как топлива может негативно сказаться на производстве продуктов питания, идущих на экспорт, что, в свою очередь, скажется на странах — импортерах продовольствия⁵⁷.

В 1981 году мировые цены на нефть выросли в 14 раз (с 1972 г.), довольно неожиданно для многих специалистов произошла стабилизация стоимости нефти, предложение нефти из недостаточного стало избыточным.

Весной 1980 года «Экссон» прогнозировала, что в 1980—1981 годах потребление нефти в развитых капиталистических странах составит 51,5—52 млн. баррелей в день, но оно оказалось на 2—3% ниже. Причины этому называются следующие: худшая, чем предполагалось, экономическая обстановка в США, Западной Европе и многих других странах, ускоренные темпы принятия мер по экономии энергии, расширенное и более эффективное использование других источников энергии (особенно угля, природного газа, ядерной энергии). В США, например, общее потребление нефти в 1980 году по сравнению с 1979 годом сократилось на 7%, или на 1,4 млн. баррелей в день, что позволило им вернуться к уровню потребления 1976 года. Сократился спрос на все виды нефтепродуктов⁵⁸.

Однако тенденция к снижению спроса на нефть в целом возникла значительно раньше. Она обозначилась в период между свержением шахской монархии в Иране, когда на

мировой рынок стала вновь поступать иранская нефть, и началом ирано-иракской войны. Так, если еще летом 1979 года спрос на нефть был выше предложения, в четвергом квартале того же года баланс между ежедневным производством нефти и ее потреблением в капиталистических и развивающихся странах был восстановлен. Имелись свидетельства и тому, что предложение может несколько превысить спрос, по крайней мере в отдельные моменты. Но начавшийся 22 сентября 1980 г. вооруженный конфликт между Ираном и Ираком прервал эту наметившуюся тенденцию. Неожиданно для мирового капиталистического рынка оказались потерянными 3,5—4 млн. баррелей нефти в день (или до 7% мирового потребления нефти за пределами социалистических стран). Только в ноябре 1980 года Иран и Ирак начали вновь постепенно увеличивать производство и экспорт нефти. К этому моменту увеличили свою добычу и ряд стран — экспортеров нефти, не входящих в ОПЕК: Мексика, Англия, Норвегия и др. Они помогли компенсировать сокращение добычи нефти в Иране и Ираке; особенно существенно увеличила производство и экспорт нефти Саудовская Аравия. Все это в совокупности с отмеченными выше факторами, определившими снижение потребления нефти в капиталистических и развивающихся странах, привело в 1981 году к превышению предложения над спросом и стабилизации справочных цен на нефть.

События 1981 года многими деятелями на Западе расценивались как конец возможностей ОПЕК диктовать свою волю странам — потребителям нефти на мировом рынке. «То, что мы наблюдаем сегодня, — заявлял, например, профессор экономики Массачусетского технологического института Морис Эйдельман, — это не передышка, а исторический поворот».

Рассматривая причины создавшейся в 1981 году ситуации, нельзя не отметить, что она в значительной мере является результатом самой политики ОПЕК. Столь резкое повышение цен на нефть, произведенное ОПЕК в предыдущие годы, привело к тому, что нерентабельная прежде добыча нефти в странах, не входящих в этот картель, стала рентабельной. В Западной Европе, Японии, США это имело следствием то, что в производстве электроэнергии усилилось переключение с нефти на уголь, начала производиться замена «пожирающих» бензин мощных легковых автомобилей компактными малолитражными, развернулось внедрение энергосберегающих машин и приборов в промышленность и быт. При столь высоких ценах на нефть

стало рентабельным извлечение нефти из горючих сланцев и нефтеносных песков.

В последнее время в рамках ОПЕК усилились и отмеченные выше разногласия между входящими в нее государствами. Самый острый конфликт в рамках ОПЕК — это война между Ираном и Ираком, которая привела к резкому снижению добычи нефти в этих странах и, соответственно, к уменьшению их роли в ОПЕК. Двум членам ОПЕК — Алжиру и Ливии, по оценкам западных экспертов, угрожает в ближайшее время снижение добычи нефти и истощение нефтяных месторождений. Все это привело к росту роли в ОПЕК Саудовской Аравии, которая практически всегда занимала более осторожную позицию, в значительной мере отвечавшую интересам США и других развитых капиталистических стран. Как заявил в связи с этим руководитель экономического отдела Международного энергетического агентства в Париже Герман Франсен, «крайне консервативные саудовцы поддерживают более тесные связи с Западом и в области обороны и не заинтересованы в его экономическом ослаблении». Стало очевидным, что Саудовская Аравия, обладающая огромной ликвидностью, не хочет лишаться покупателей, которым она намерена поставлять нефть и в XXI веке. К тому же отказ Саудовской Аравии от дальнейшего роста цен на нефть помогает стабилизировать позиции доллара, что делает более надежными огромные запасы этой валюты у Саудовской Аравии, размещенные к тому же преимущественно в западных странах. Алжир, Индонезия, Эквадор, у которых нет таких огромных долларовых авуаров и которые почти все доходы от нефти используют для внутреннего развития, оказались неспособными, даже при поддержке некоторых других членов ОПЕК, противостоять позиции Саудовской Аравии.

Американский эксперт по нефтяным проблемам Уолтер Леви полагает, что, «если мировой спрос на нефть не будет расти или даже уменьшится, прекращение войны между Ираном и Ираком, которые будут стараться ликвидировать ущерб, нанесенный военными действиями, и поэтому развернут добычу нефти на полную мощность, приведет к гигантскому избыточному предложению нефти». Несколько осторожнее в своих прогнозах директор нью-йоркского научно-исследовательского фонда нефтяной промышленности Джон Лихтблау, но и он считает, что ОПЕК вынуждена будет снижать цены.

Стабилизация цен на нефть принесла выгоды экономике

многих стран — импортеров нефти. В Японии, например, для которой это означает значительную экономию в энергоемкой сталелитейной и цементной промышленности, стабилизация нефтяных цен привела к значительному снижению дефицита платежного баланса. Соединенным Штатам она принесла некоторое ослабление темпов инфляции, увеличение реального роста экономики, улучшение платежного баланса.

Для Западной Европы обстоятельства складываются хуже. Поскольку цены на нефть устанавливаются в долларах, а курс доллара с начала 1981 года поднялся по отношению к западноевропейским валютам, для западноевропейцев это практически означало повышение цен на нефть.

В целом же в долгосрочном плане зависимость США и их главных союзников от импорта нефти будет сохраняться весьма высокой. Многие эксперты предполагают, что в 80-е годы будут иметь место и новые повышения цен на нефть, особенно в случае возникновения конфликтных и кризисных ситуаций с участием главных нефтедобывающих стран. Особое внимание при этом приковано к Саудовской Аравии, роль которой как поставщика нефти для США в последние годы, как отмечалось выше, еще возросла. Поэтому по-прежнему актуальной для США остается такая проблема, как диверсификация внешних источников нефти. Здесь, однако, существует немало препятствий, во многом обусловленных корыстными интересами американских нефтяных монополий. Так, например, в ходе одного из сенатских слушаний по поводу деятельности транснациональных монополий обнаружилось, что ведущие нефтяные корпорации не торопятся искать нефть в новых регионах и странах, так как они тесно связаны с интересами ведущих членов ОПЕК. Например, «Экссон» отказалась развернуть добычу нефти в Омане на месторождении в 10 млрд. баррелей, поскольку оманская нефть стала бы конкурировать с нефтью концессии «Арамко» в Саудовской Аравии, что вызвало бы недовольство Эр-Рияда. Другой причиной является то, что развитие добычи в новых странах и регионах для ведущих американских нефтяных компаний означало бы создание значительного избытка нефти на мировом рынке, а следовательно — снижение прибылей. Только возникновение более напряженной ситуации с добычей нефти из уже давно открытых месторождений подтолкнуло бы, по оценке исследовательской службы конгресса США, главные нефтяные компании к

крупным вложениям в поиск новых месторождений в развивающихся странах. Еще одним барьером служат ограниченные возможности транспортировки нефти из той или иной новой нефтедобывающей страны на нефтеперегонные заводы, так как многие из них способны перерабатывать лишь определенные типы нефти, поступающие из традиционных источников⁵⁹.

Поскольку крупнейшие нефтяные монополии не торопятся по указанным выше причинам вести массированную разведку на нефть в новых районах развивающихся стран, в последние годы некоторые американские государственные деятели начали обращать внимание на нефтяные компании меньших размеров, которые почти не связаны с ОПЕК. Однако для них, как для более слабых капиталистических предприятий, относительный геологический и политический риск еще более велик, чем для гигантов нефтяного бизнеса. Многие из нефтяных компаний второго эшелона, сравнительно успешно оперируя в последние годы в США, не стремятся вкладывать крупные средства в предприятия за пределами страны. А размеры вложений, необходимых для разведки и освоения новых месторождений нефти, становятся все более значительными. Таких средств у компаний второго эшелона нет, кредиты даются банками под очень высокие проценты, а нестабильность правительств принимающих стран и низкая цена добычи ближневосточной нефти как потенциальная угроза для рынка делают риск для частнопредпринимательской инициативы по освоению новых месторождений в развивающихся странах чрезвычайно высоким. Что касается непосредственного геологического нефтяного потенциала развивающихся стран, то он, по оценке ряда американских экспертов, весьма велик. По мнению, например, А. А. Мейерхоффа, в мире на суше за пределами социалистических стран имеется 55 многообещающих для нефтедобычи районов. Из них 25 находятся в развитых капиталистических странах и странах ОПЕК. Из остальных 30 15 расположены в Центральной и Южной Америке и Карибском бассейне, 5 — в Африке, 10 — в Азии. На континентальном шельфе потенциальные резервы еще более значительны. По оценке других экспертов, большие возможности такой добычи нефти имеются на шельфах Бразилии, Аргентины, Западного побережья Африки, Мадагаскара, Индии, Бангладеш и Юго-Восточной Азии — на эти районы приходится до 40% оставшихся мировых запасов, или около 1—2 трлн. баррелей нефти⁶⁰.

На основе подобных оценок сторонники усиления вмешательства государства в энергетическую сферу в США дают различным правительственным органам рекомендации обеспечить деятельность американских частных компаний кредитами и страховками в соответствующих масштабах. Значительная роль в этом отводится правительственной корпорации частных зарубежных инвестиций и экспортно-импортному банку США.

§ 2. Процессы дифференциации развивающихся стран и политика США

Последние 10—15 лет в освободившихся от колониального гнета странах протекает процесс социально-экономической и политической дифференциации. Как отмечалось на XXVI съезде КПСС, «одни из них после освобождения пошли по революционно-демократическому пути. В других утвердились капиталистические отношения. Некоторые из них проводят подлинно независимую политику, другие идут сегодня в фарватере политики империализма. Словом, картина довольно пестрая»⁶¹.

Советские ученые, исследуя процесс дифференциации развивающихся стран, выделяют различные их типы. Так, по классификации профессора Р. Ульяновского, среди освободившихся государств Азии и Африки обозначились три типа: государства, вступающие на путь социалистической ориентации; государства, в которых преобладают капиталистические тенденции, а также государства, в которых продолжается напряженная борьба за выбор курса между прогрессивными силами и внутренней и внешней реакцией, в связи с чем их дальнейший путь еще не определен достаточно четко⁶².

Подобную же классификацию предлагают и исследователи из ИМЭМО АН СССР, выделяя общества социалистического развития и социалистической ориентации; многоукладные общества, развитие которых ориентировано на капитализм; общества зависимого среднеразвитого капитализма⁶³.

Несколько иной подход у видного ученого из ГДР, академика О. Рейнгольда, который выделяет следующие группы развивающихся стран, между которыми возникают и

обостряются экономические, социальные и политические противоречия: страны, характеризующиеся относительным экономическим развитием (Бразилия, Мексика, Нигерия и др.); государства, обладающие особо крупными запасами нефти и других полезных ископаемых (в первую очередь члены ОПЕК); страны и не развитые в промышленном отношении, и не располагающие обширными природными богатствами⁶⁴. К последней группе, например, может быть отнесено около 30 «наименее развитых стран», в которых в общей сложности проживает более 1 млрд. человек; в их числе Пакистан, Бангладеш, ряд стран Тропической Африки и Латинской Америки⁶⁵.

На развивающиеся страны, не добывающие и не экспортирующие минеральное сырье, приходилось 55% населения молодых освободившихся государств⁶⁶.

Неоднородна и каждая из этих трех групп. Как уже отмечалось выше, в рамках ОПЕК, например, можно выделить, с одной стороны, страны с большим населением и «высокими потребностями в развитии», которые способны израсходовать все свои дополнительные доходы от продажи нефти внутри страны, а с другой — страны со сравнительно небольшим населением и значительными валютными средствами, которые могут быть активно использованы для реализации внешнеполитических целей их правительств.

По мнению автора данной монографии, два отмеченных выше подхода к классификации развивающихся стран отнюдь не исключают друг друга. Напротив, они помогают рассмотреть структуру взаимоотношений США с развивающимися странами в нескольких измерениях.

Оценивая общие тенденции процесса дифференциации в группе развивающихся стран, небезынтересно отметить, что, по расчетам, например, советского ученого Б. Болотина, в 60—70-е годы усиление неравномерности развития на периферии мирового капиталистического хозяйства (к которой до сих пор относится подавляющее большинство развивающихся стран) проходило в три раза быстрее, интенсивнее, чем в его центре; то есть если для ведущих капиталистических стран в этот период в целом была характерна тенденция к нивелировке уровней экономического развития, то для развивающихся стран доминирующей была тенденция к углублению дифференциации⁶⁷.

Большую роль в развитии социально-экономических процессов в освободившихся странах, в становлении в них различных экономических и политических систем играет

то, что удельный вес буржуазии и пролетариата в их социальной структуре и соответственно в экономической и политической жизни остается относительно меньшим, чем на соответствующей фазе исторического развития стран Запада. Так, в большинстве стран Азии и Африки ни буржуазия, ни пролетариат в 80-е годы не являются основными классами в обществе; во многих же странах Латинской Америки месту этих классов в социальной структуре еще не соответствует адекватная роль в политической борьбе. Это в значительной мере определяет то, что лишь в полутора десятках молодых стран утвердили свою гегемонию силы, воспринявшие платформу научного социализма. В большинстве же стран прогрессивной социальной ориентации у власти стоят леворадикальные националисты (революционные демократы), которые при определенных условиях способны перейти на позиции научного социализма⁶⁸.

Для многих стран последней группы характерна при этом значительная непоследовательность во внешнеполитическом курсе, что особенно отчетливо проявилось в последние годы. Это отражается как на состоянии региональных подсистем международных отношений, так и, в определенной мере, на состоянии системы в целом.

Во многих развивающихся странах, не обладающих гибкой и развитой политической системой, роль отдельных лидеров, в том числе леворадикальных националистов, во внутренней и внешней политике особенно значительна, и поэтому в конкретных ситуациях проявление их личных качеств может иметь существенное значение для развития отношений этих стран с другими субъектами мировой политики как в региональном, так и в более широком масштабе. В этом плане заслуживает особого внимания оценка А. Е. Бовиным эволюции отдельных лидеров освободившихся государств: «Крутые социальные перемены, национально-освободительная борьба, коллизии и конфликты, сопровождающие движение к независимости, выносят на поверхность политической жизни людей с крутыми, твердыми характерами. Происходит как бы естественный отбор. Лидерами становятся самые решительные, самые настойчивые, самые целеустремленные. Но вот победа одержана, власть взята. Тут-то и начинаются метаморфозы. При понятной слабости политических организаций и низком уровне политического сознания масс, при столь же понятной необходимости концентрации власти огромный и

заслуженный авторитет может постепенно трансформироваться в рамки личной, бесконтрольной власти. Решительность превращается в жесткость, настойчивость — в нетерпимость к иным точкам зрения. Возникает неизбежное при таком повороте событий узкое окружение, состоящее из несамостоятельных, беспринципных, сервильных людей. Начинается устранение неугодных, погоня за богатством, коррупция верхов. А параллельно формируется оппозиция. Как правило, на базе армии — единственной организованной силы... трагизм ситуации заключается в том, что нередко переворот, завершая один политический цикл, открывает другой — аналогичный. И все начинается снова»⁶⁹.

Примером непоследовательности во внутренней и внешней политике может служить сомалийское государство. Пришедший после провозглашения независимости Сомали прозападный режим был свергнут в результате военного переворота в 1969 году. Власть взял в свои руки Верховный революционный совет (ВРС) во главе с генералом Сиадом Барре, который затем стал главой государства и правительства. Была провозглашена Сомалийская Демократическая Республика и началось проведение ряда прогрессивных социально-экономических преобразований. Была создана Сомалийская революционная социалистическая партия (СРСП), которая объявила, что в своей деятельности она будет исходить из принципов марксизма-ленинизма. В этот период между СДР и Советским Союзом, другими социалистическими странами установились отношения сотрудничества, были заключены важные двусторонние соглашения. Однако уже в тот период в позиции руководителей Сомали начали проявляться значительные элементы шовинизма и национализма, полностью противоречащие принципам марксизма-ленинизма. Главный внешнеполитический замысел сомалийского руководства выразился в том, чтобы создать «Великое Сомали», присоединив силой к бывшему Британскому и Итальянскому Сомали эфиопскую провинцию Огаден, ряд районов Кении и Джибути. «Немалую роль в появлении этих амбициозных планов, — справедливо отмечает советский исследователь Ю. Бочкарев, — сыграли личные качества Сиада Барре. Сформировавшись как офицер в полицейском училище Италии, он проявил неджентильный характер, но в еще большей мере — честолюбие и тщеславие»⁷⁰.

К 1977 году, когда сомалийское руководство развязало войну против Эфиопии с целью отторжения области Ога-

ден, в его политике уже проявился отход от прогрессивных принципов внешней и внутренней политики. Начали свертываться экономические и военно-политические связи с Советским Союзом и другими социалистическими странами. Немного позднее последовало и официальное отречение Сиада Барре от марксистско-ленинских принципов построения социализма. В феврале 1980 года он заявил о том, что является приверженцем некоего «сомалийского социализма».

Отказавшись от последовательных прогрессивных преобразований внутри страны, начав войну против Эфиопии, заявив территориальные претензии к Кении и Джибути, С. Барре быстро переориентировался на США и другие западные державы. Заинтересованность же Соединенных Штатов в Сомали объяснялась их планами получить новые опорные пункты, приближенные к Персидскому заливу, в первую очередь порт Бербера. Сомалийские лидеры получили большое количество западного оружия (преимущественно через третьи страны), использованного в мае 1980 года при новой попытке овладеть Огаденем, которая, как и в 1977—1978 годах, окончилась разгромом сомалийских сил вторжения. В августе 1980 года сомалийские руководители заключили с США соглашение о предоставлении в распоряжение последних ряда объектов военного назначения в обмен на кредит в 40 млн. долл., предназначенный для приобретения оружия.

Анализируя проблему дифференциации развивающихся стран и ее значение для позиций США в системе международных отношений, следует вновь остановить внимание на роли группы нефтедобывающих стран. Доходы этой группы с 1973 по 1979 год возросли с 42,2 до 212,7 млрд. долл., то есть в 5 раз — беспрецедентный скачок в мировой истории. В течение этого периода 13 стран — членов ОПЕК получили за свою нефть около 1 трлн. долл.⁷¹ Превышение доходов этих стран над расходами, по американским оценкам, составило в 1980 году около 115 млрд. долл.⁷² Наиболее значительным был рост доходов у Саудовской Аравии — в 1979 году ее доходы превысили 60 млрд. долл.

Наличие такого большого положительного сальдо платежного баланса у стран — членов ОПЕК соответственно означало дефицит платежного баланса для их контрагентов — импортеров нефти. Для развитых стран (главным образом для развитых капиталистических стран, т. к. социалистические страны Восточной Европы, приобрета-

ющие нефть в странах ОПЕК, покупают ее лишь в незначительных количествах) в 1980 году «нефтяной дефицит» составил около 50 млрд. долл., а для развивающихся — около 70 млрд. Такой большой «нефтяной дефицит» значительно увеличил и без того большую внешнюю задолженность развивающихся стран, подскочившую к 1980 году до 385 млрд. долл. (по сравнению со 150 млрд. долл. в 1975 г.)⁷³. Это внесло свой вклад в увеличение разрыва в экономической и финансовой мощи между нефтедобывающими развивающимися странами и остальной частью этой группы стран.

Экономические и финансовые возможности наиболее развитых из числа молодых государств в последние 10—12 лет возросли настолько, что возник качественно новый феномен мировой капиталистической экономики: экспорт капитала отдельными развивающимися странами в старые центры капиталистического мира. Так, в 1978 году зарубежные активы стран ОПЕК составили около 200 млрд. долл., в том числе прямые и портфельные инвестиции в США — 45 млрд., прямые и портфельные инвестиции в другие развитые капиталистические страны — 25 млрд., займы международным финансовым организациям — 10 млрд., депозиты на евродолларовых рынках — 70 млрд., все виды капиталовложений в развивающихся странах — 22 млрд. долл.⁷⁴

Из этих данных видно, что международная финансовая деятельность нефтедобывающих развивающихся стран ориентирована главным образом на ведущие капиталистические страны, в первую очередь — на США, а не на остальные развивающиеся страны.

Как отмечает академик Е. М. Примаков, экспорт капитала из отдельных развивающихся стран оказывает двойное воздействие: с одной стороны, он превращается в источник быстрорастущих доходов лишь для немногих освободившихся государств, привнося тем самым империалистические элементы в их политику; с другой стороны, он становится одним из средств, используемых ведущими империалистическими государствами для привязывания наиболее динамичной в экономическом отношении части молодых государств к основным экономическим центрам современного капитализма⁷⁵.

Наличие крупных авуаров развивающихся нефтеэкспортирующих стран в США, странах Западной Европы, Японии делает эти авуары «заложниками» на случай кризисных ситуаций в отношениях между двумя группами

стран, что значительно ограничивает поле маневра для стран ОПЕК и уменьшает вероятность проведения ими в 80-е годы акций, подобных введению нефтяного эмбарго. В то же время, вывозя капиталы, приобретая собственность за границей, страны ОПЕК, как и некоторые другие развивающиеся страны, составляющие по уровню экономического развития верхушку молодых государств, становятся конкурентами развитых капиталистических стран и транснациональных монополий еще в одной сфере их взаимоотношений.

§ 3. США и новые «центры силы» из числа развивающихся стран

Происходящие в развивающихся странах социально-экономические и политические процессы привели, как уже отмечалось выше, к выделению среди них ряда государств, которые рассматриваются американским империализмом как новые «центры силы» в зоне развивающихся стран: это, в первую очередь, Саудовская Аравия, Иран, Мексика, Бразилия, Пакистан, Нигерия и целый ряд других государств. Поскольку роль каждой из этих стран в соответствующей подсистеме международных отношений, их значение для позиций США могли бы, по мнению автора, стать предметом весьма объемного специального исследования, в рамках данной работы целесообразно остановиться лишь на освещении роли некоторых из них.

* * *

В предыдущих разделах данной монографии уже отмечалась роль Саудовской Аравии — главного экспортера нефти в капиталистическом мире, ведущего члена Организации стран — экспортеров нефти. Значение этого государства как нового «центра силы» из числа развивающихся стран действительно определяется огромными запасами нефти на его территории и соответствующими экспортными возможностями. В конце 70-х годов эта страна становится (по темпам роста и годовым вложениям) одним из крупнейших инвесторов капитала за границей среди капиталистических стран.

Саудовская Аравия — абсолютная теократическая монархия, ее население около 10 млн. человек, причем половину населения составляют кочевники и полукочевники.

Существенную роль играет Саудовская Аравия в региональной подсистеме международных отношений Персидского залива, велико значение ее позиции в ближневосточном конфликте; уже в середине 70-х годов, после резкого подъема цен на нефть, осуществленного ОПЕК, экономическое и политическое усиление Саудовской Аравии в определенной мере изменило структуру соотношения сил в арабском мире. Огромные валютные запасы позволяют правителям Саудовской Аравии оказывать финансовую помощь Египту и многим другим арабским странам, обеспечивая их средствами как для осуществления ряда важных программ экономического развития, так и для закупок военной техники. Среди членов ОПЕК она выделяется и тем, что обладает большими резервными мощностями нефтедобывающей промышленности и недогрузкой нефтепроводов, что позволяет Саудовской Аравии в случае возникновения необходимости резко нарастить добычу нефти и отпуск ее потребителям. «Будет ли жизнь плохой или хорошей в Соединенных Штатах в 80-е годы, какой будет обстановка во Франции или Италии, останется ли «при деле» Япония — все зависит от того, как много нефти собираются добывать саудовцы и за какую цену они ее будут продавать»⁷⁶, — пишет американский журналист С. Хэмпстоун в статье, опубликованной в 1978 году в американском журнале «Ридерс дайджест».

В подобной оценке роли Саудовской Аравии как главного экспортера нефти в капиталистическом мире есть, разумеется, значительное преувеличение — особенно имея в виду тенденции начала 80-х годов, когда предложение нефти на мировых рынках стало после напряженных 70-х годов в целом ряде случаев превышать спрос. Однако значение Саудовской Аравии в этом плане остается очень большим, и любые крупномасштабные кризисные явления внутри этой страны или в ее взаимоотношениях с соседями, способные существенно ограничить поступление нефти в США, Западную Европу, Японию, могут иметь весьма значительные социально-экономические, международно-политические и военные последствия.

Поэтому большого внимания заслуживает внутривнутриполитическая обстановка в Саудовской Аравии, состояние ее политической системы.

Нынешнее название этому государству дал король Лазиз ибн-Сауд, который правил страной до 1953 года. Он оставил после себя 41 законного сына. По западным данным, в начале 80-х годов в составе правящей королевской семьи имелось 150 внуков ибн-Сауда и 500 правнуков; фактически же власть сосредоточена в руках менее чем 20 принцев⁷⁷.

До 1982 года в стране существовало рабство. В ней до сих пор нет ни одного официального лица, получившего свой пост посредством выборов. Принцы королевской семьи занимают все основные министерские посты, основные посты заместителей министров, губернаторов провинций, все командные должности в армии и полиции, торговле и промышленности.

На территории Саудовской Аравии находятся два наиболее чтимых мусульманами «святых места» — города Мекка и Медина, которые ежегодно посещают сотни тысяч паломников из всех стран мира, где есть мусульманские общины. Наличие этих «святых мест» в Саудовской Аравии служит поводом для того, чтобы ее правители считали себя протекторами мусульманских святынь вообще, что сказывается в известной мере на отношении саудовцев к Израилю и сионистам, претендующим на аннексию Иерусалима, где также имеются святыни мусульман.

В стране существуют крупные проекты индустриального и сельскохозяйственного развития. Крупнейший проект реализует американская строительная корпорация из Калифорнии «Бектель», в руководство которой входили — до прихода к власти администрации Рейгана — нынешний министр обороны США К. Уайнбергер и госсекретарь Дж. Шульц. Компания «Бектель» по заказу правительства Саудовской Аравии строит город Джубейл под население в 300 тыс. человек с заводами, фабриками и всеми вспомогательными службами; проект этот рассчитан на 20 лет, и его стоимость составляет 55 млрд. долл.⁷⁸

Интенсивно строятся аэропорты, дороги и мечети. Однако достижения в экономическом развитии не становятся достоянием подавляющего большинства населения. Характерно, что в Саудовской Аравии имеется одна из наиболее передовых в мире по техническому оснащению клиник и в то же время страну отличает массовое распространение туберкулеза среди населения. В перспективе ожидается рост социальной напряженности в стране, возникновение внешне политических движений, способных поколебать и да-

же свергнуть существующий режим. Предвестником этому многие американские, западноевропейские и арабские политические деятели посчитали события осени 1979 года, когда вооруженная группа настроенной против правящей королевской семьи молодежи захватила Великую мечеть в Мекке. (Ликвидация этой группы воинскими частями и силами безопасности привела к гибели 60 и ранению 200 солдат и офицеров.) По оценке «Вашингтон пост», эти события «нанесли тяжелый удар престижу Саудовской Аравии и усилили тревогу относительно безопасности в королевстве»⁷⁹. Особенно остро эти события были восприняты в связи с тем, что они произошли вскоре после победы исламской революции в соседнем Иране. Королевская саудовская семья приложила немало усилий для того, чтобы максимально принизить значение захвата Великой мечети в Мекке.

Говоря о внешней политике Саудовской Аравии, необходимо отметить, что она числится среди главных союзников Соединенных Штатов в регионе. Роль Саудовской Аравии как партнера США на Ближнем и Среднем Востоке особенно возросла после падения шахского режима в Иране. В период иранской революции и после нее, в конце 70 — начале 80-х годов, особенно увеличились поставки самой современной военной техники из США и других стран НАТО в Саудовскую Аравию. Это произошло и по военно-политическим, и по экономическим причинам.

Увеличение поставок американского оружия в Саудовскую Аравию, а также в некоторые другие арабские страны этого региона США пытались оправдывать также афганскими событиями, возникновением-де «непосредственной советской угрозы» королевству в результате интернациональной помощи Советского Союза Демократической Республике Афганистан. Неудивительно, что правящая королевская семья Саудовской Аравии, руководствуясь своими классовыми интересами, весьма негативно отнеслась к апрельской революции в Афганистане. В этом событии она увидела явную угрозу, поскольку свершенная в мусульманском Афганистане революция могла бы послужить вдохновляющим примером для оппозиционных сил в самой Саудовской Аравии. Такую же позицию Эр-Рияд занял и в отношении революционного правительства Эфиопии. Эта позиция в конце 70-х годов, в период сомалийской агрессии против Эфиопии, выразилась, в частности, в том, что Саудовская Аравия наряду с Египтом и шах-

ским Ираном оказала значительную помощь режиму Сиада Барре. В Сомали поставлялись из Саудовской Аравии танки, закупленные ранее у Франции. По данным эфиопского министерства иностранных дел, Саудовская Аравия и США подписали в 1978 году соглашение о специальных поставках американского оружия за саудовский счет в Египет, откуда оно, в свою очередь, направлялось в Сомали.

В то же время в оценке политики СССР в этом регионе между США и Саудовской Аравией обозначились немаловажные разногласия, являющиеся отражением различных позиций этих государств в системе международных отношений.

Саудовская Аравия в значительной мере идет в фарватере курса американского империализма по вопросам ближневосточного урегулирования. В то же время, как подчеркивал, например, саудовский министр иностранных дел принц Сауд, Кэмп-Дэвид не предусматривает решения палестинской проблемы и уходит в сторону от решения проблемы Иерусалима. Решение этих проблем, по мнению Эр-Рияда, должно включать предоставление права самоопределения арабскому палестинскому народу и уход Израиля с оккупированных арабских территорий. Когда в августе 1980 года израильский кнессет решил в одностороннем порядке превратить весь Иерусалим в столицу Израиля, Саудовская Аравия объявила «джихад» — священную борьбу всех мусульман против реализации этого решения⁸⁰.

Саудовская Аравия в целом поддержала наращивание американской военной мощи в Индийском океане и районе Персидского залива, обозначившееся в конце 70-х годов. Однако, как отметили некоторые американские наблюдатели, в начале 80-х годов она стала проявлять значительную осторожность в этом вопросе, опасаясь, что безоговорочная поддержка курса Соединенных Штатов негативно скажется на международном престиже саудовских руководителей. В связи с этим появились, например, сообщения о том, что в 1981 году Саудовская Аравия вместе с некоторыми другими странами Персидского залива предложила Оману помощь в размере 1,2 млрд. долл. при условии, что Оман расторгнет соглашение с США, дающее американцам доступ к его военным объектам (эти объекты, в частности, играют весьма важную роль в американских планах использования «корпуса быстрого развертывания». — А. К.). По мнению «Вашингтон пост», эта акция саудов-

ского правительства подчеркивает двусмысленность политики Саудовской Аравии в отношении нарастающего американского военного присутствия в регионе⁸¹.

* * *

Особо остановиться на роли Ирана как нового «центра силы» среди развивающихся стран представляется необходимым в первую очередь ввиду того значения, которое имела для международного положения американского империализма иранская революция 1978—1979 годов и последующая политика Ирана.

В 70-е годы Иран стал одним из крупнейших в мире производителей нефти, занимая второе место по ее экспорту среди членов ОПЕК.

Шахский режим был связан самыми тесными узами с правящей элитой Соединенных Штатов. Сам шах Реза Пехлеви фактически получил свою неограниченную власть из рук ЦРУ, организовавшего в 1953 году переворот против правительства Мосаддыка, проводившего прогрессивные реформы, угрожавшие интересам империализма.

Накануне революции Иран был наводнен американскими советниками и специалистами, число которых достигло 20 тыс.; они преимущественно действовали в вооруженных силах, полиции и спецслужбах. Страну постоянно посещали и жили в ней месяцами тысячи американских предпринимателей. В широких масштабах осуществлялось культурно-идеологическое американское проникновение в Иран. Немало в этой стране было советников, бизнесменов, специалистов и из других ведущих капиталистических стран — ФРГ, Франции, Англии, Японии, а также Израиля.

С укреплением «дружественного антикоммунистического» режима шаха в Иране Соединенные Штаты связывали самые большие надежды. «Особые отношения» с шахом подчеркивали не только республиканские президенты Никсон и Форд, но и администрация Картера, провозгласившая одним из центральных направлений своей внешней политики «защиту прав человека», которые, как известно, самым жестоким образом нарушались в шахском Иране. Как писал американский специалист по Ирану Дж. Билл из центра ближневосточных исследований Техасского университета в городе Остине, во время своего визита в Иран в 1978 году Картер «только коротко и время от времени

упоминал о правах человека, превзойдя всех прошлых президентов в восхвалении шаха»⁸².

Ускоренное капиталистическое развитие Ирана, так называемая модернизация его экономики и социальной структуры, велось по рецептам лучших американских экономистов и социологов, разработанным за необычайно высокие гонорары, выплачиваемые из иранской казны, наполненной нефтедолларами. Как признавал государственный секретарь США Г. Киссинджер в 1979 году, «шах Ирана применял теории, разработанные лучшими американскими университетами», и, крах этих теорий требует от Соединенных Штатов значительного пересмотра их политики в отношении других развивающихся стран⁸³.

Начиная с 1970 года США резко увеличили поставки оружия в Иран. Эти поставки еще возросли в 1974 году — после четырехкратного повышения цен на нефть странами ОПЕК. В результате в середине 70-х годов в общем американском экспорте оружия, оценивавшемся в 10—12 млрд. долл. ежегодно, на район Персидского залива стало приходиться более 50% этого экспорта, то есть больше, чем на страны НАТО⁸⁴.

Таким образом, район Персидского залива, в первую очередь Иран, стал главным приемным пунктом американского оружия. Наряду с оружием для сухопутных сил — автоматическими винтовками М-16, пулеметами, бронетранспортерами, танками, артиллерией, техникой, в значительной мере предназначавшейся для использования в полицейских акциях внутри страны, — США продали Ирану сотни боевых и транспортных вертолетов, истребителей-бомбардировщиков F-4 «Фантом» и F-14 «Томкэт», обладающих большой ударной мощностью. Эти самолеты могут быть использованы не только для поддержки сухопутных войск или военно-морских сил, но и для самостоятельных бомбардировочных рейдов в глубь территории других стран на сотни миль.

В 1977 году в США была начата постройка для Ирана четырех новейших ракетных эсминцев класса «Спруэнс» (еще не запланированных для приобретения даже самими американскими военно-морскими силами). Создавалась одна из крупнейших в мире флотилий ракетных кораблей на воздушной подушке, закупленных Ираном у Англии. Новейшие боевые корабли приобретались также у Франции. Начались поставки новой американской системы ПВО на базе модернизированной ракеты «Хок», планировалась продажа новейшей американской системы для обнаруже-

ния и распознавания самолетов противника типа АВАКС, которая еще не была внедрена в вооруженных силах США и их союзников по НАТО. В целом, по оценкам Стокгольмского международного института по исследованию проблем мира, к началу 80-х годов, когда были в основном завершены поставки оружия по контрактам 70-х годов, шахские вооруженные силы должны были иметь около 500 новейших боевых самолетов, 300 боевых вертолетов, 1700 танков и несколько сот бронетранспортеров⁸⁵. Военно-морские силы Ирана в 80-е годы должны были осуществлять не только жандармские функции в Персидском заливе, но и боевое патрулирование вплоть до берегов Индии.

Шахский режим, поощрявшийся Вашингтоном, поставил перед собой такую амбициозную цель, как создание военного потенциала, соизмеримого с военным потенциалом ФРГ и Франции. Продажу Ирану самых дорогостоящих компонентов военной техники — авиационной, системы ПВО, радиоэлектронной аппаратуры, крупных боевых кораблей Соединенные Штаты в основном осуществляли сами. Огромные поставки оружия из США, наличие в Иране тысяч американских военных специалистов, тесные оперативные связи иранской военщины с их американскими коллегами служили для некоторых иранских деятелей основанием рассматривать свою страну не просто как один из «региональных центров силы», дружественных США. Например, Шахрам Шубин, бывший ведущий сотрудник близкого к шахскому двору Иранского института международных экономических и политических проблем, выступая в Вашингтоне на совместной со Стэнфордским исследовательским институтом конференции, настойчиво убеждал американских участников этой встречи в том, что Запад должен рассматривать Иран не в рамках «устаревающих» региональных построений, а в более широком плане, в качестве «естественного дополнения к южному флангу НАТО». Исходя из этого, он рекомендовал американской стороне быстрее решить вопрос о поставках в Иран эсминцев «Спруэнс», системы АВАКС и другой новейшей техники⁸⁶.

На этой конференции присутствовало немало видных деятелей администрации Картера, а также американских экспертов по стратегическим и экономическим вопросам, политологов, постоянно консультирующих Белый дом и различные правительственные ведомства. В их числе были начальник отдела планирования аппарата совета нацио-

нальной безопасности США С. Хантингтон, известный своей близостью к З. Бжезинскому; первый заместитель министра финансов Э. Саломон; начальник управления международной безопасности созданного в 1977 году министерства энергетики Р. Чапмэн; руководитель исследования «Проект на 80-е годы» влиятельной неправительственной организации американской элиты — совета по внешним сношениям Э. Морз, ставший позднее специальным помощником госсекретаря по экономическим вопросам, и ряд других.

Следует заметить, что американские участники данной конференции разошлись во мнении о перспективах военно-политического развития Ирана. Если такие международники правого толка, как Ю. Ростю, А. Уолстеттер, Р. Фостер, выступили в поддержку тезисов Шубина, то, например, руководитель исследовательского отдела совета по внешним сношениям Дж. Кемпбелл усомнился в желательности дальнейшего наращивания иранского военного потенциала. Дж. Кемпбелл, известный американский ученый-международник, в прошлом дипломат, пользующийся большим авторитетом в политических кругах Вашингтона, считал, что чрезмерный рост военной мощи Ирана оказывает провоцирующее воздействие на его соседей, стимулирует гонку вооружений в данном регионе, что в перспективе может еще больше дестабилизировать обстановку в нем в направлении, не отвечающем американским интересам. По словам Кемпбелла, рост иранской военной машины как средства противостоять «угрозе с Севера», о которой трубили проамериканские шахские деятели, выглядит неоправданным, поскольку, по его оценке, «советские военные акции против Ирана весьма маловероятны»⁸⁷.

Серьезную тревогу по поводу роста военного потенциала Ирана и осуществления обширной программы строительства атомных электростанций высказал в своем прогнозе Институт Брукингса: «Иранские амбиции в отношении доминирования в Персидском заливе встретят сопротивление пограничных арабских стран и Индии. Иран, видимо, будет в последующие десять лет медленно продвигаться в сторону создания ядерного оружия и достигнет такого превосходства в области обычных вооружений, что никто из пограничных арабских государств не сможет предпринять против него упреждающую атаку. Однако по мере того, как Иран все более втягивается в соперничество с Индией, возможность появления ядерной угрозы в локальных конфликтах будет увеличиваться»⁸⁸.

Опасения, высказанные трезвомыслящими американскими специалистами, все больше разделял и конгресс. Учитывая это, в 1978 году администрация развернула дискуссию от юсительно перспектив военно-политических отношений с Ираном именно с точки зрения последствий для обстановки в регионе.

Однако Иран уже закупил огромное количество оружия, продолжались и новые поставки. Численность шахских вооруженных сил достигла 350 тыс. человек, не считая нескольких десятков тысяч чинов полиции и разветвленной сети многочисленной «охранки» — «САВАК», ставшей основной опорой шахского режима и работавшей в тесном контакте с ЦРУ.

Преимущественно на базе высоких доходов от нефти, достигших во второй половине 70-х годов более 20 млрд. долл. в год, в Иране были сделаны крупные вложения в развитие не только такой традиционной отрасли промышленности, как нефтедобывающая, но и нефтехимической, сталелитейной, машиностроительной, алюминиевой отраслей, в производство стройматериалов; были проведены некоторые назревшие социальные и экономические реформы⁸⁹.

Однако создание подобных крупных промышленных проектов было обусловлено не столько трезвыми экономическими расчетами, сколько амбициозными устремлениями шаха, умело подогреваемыми и используемыми теми монополистами Запада, которые надеялись при реализации этих многомиллиардных проектов обеспечить себе гигантские сверхприбыли. Закупая «престижные» атомные электростанции, шах игнорировал наличие в стране крупных запасов природного газа и каменного угля, которые при значительно меньших затратах могли внести большой вклад в энергетический баланс Ирана.

Ставка шахского режима на повышенные темпы экономического развития, достигавшие 14—15% в год, привела к возникновению огромных диспропорций в экономике страны, что имело глубокие социально-политические последствия. В бедственном положении оказалось сельское хозяйство. Во второй половине 70-х годов особенно рельефно проявилась остававшаяся реальностью общая отсталость страны, более половины населения которой было неграмотно.

В результате упадка сельского хозяйства, сопровождавшегося массовым переселением населения в города, Иран к середине 70-х годов из самообеспечивающегося

продовольствием государства превратился в крупного импортера сельскохозяйственной продукции, покрывая до 50% своих потребностей в продуктах питания за счет импорта (в значительной мере из США). За счет все увеличивавшегося разрыва между верхушкой общества, с одной стороны, низами и даже средними слоями — с другой, обострились социальные конфликты в стране. Невиданных масштабов достигла коррупция.

В середине 70-х годов под воздействием последствий кризиса мирового капиталистического хозяйства и амбициозной военной и экономической стратегии шахского режима осуществление планов экономического развития Ирана оказалось под угрозой. В 1976 году, впервые за целый ряд лет, государственный бюджет Ирана имел дефицит в 2,4 млрд. долл. Одной из основных причин, тормозивших развитие экономики Ирана, были непомерные военные расходы шахского режима, достигшие 30% государственного бюджета⁹⁰.

Развернувшиеся в 1978—1979 годах революционные события, приведшие к свержению монархии и провозглашению республики в Иране, нанесли мощный удар по позициям американского империализма в этой стране, а также в регионе в целом, еще раз продемонстрировали порочность, несоответствие американской военно-политической и социально-экономической стратегии реальным интересам развивающихся стран.

Что же конкретно потеряли США в результате иранской революции? Даже основной перечень потерь американского империализма имеет долгосрочное значение с точки зрения оценки отношений США с развивающимися странами.

В лице рухнувшего шахского режима Вашингтон утратил важного военного союзника; одной из первых внешнеполитических акций нового режима был выход Ирана из военного блока СЕНТО. В Иране ликвидированы американские разведывательные базы, с которых велась шпионская деятельность против СССР. Страну покинули многочисленные американские военные советники; были аннулированы многие контракты на поставку военной техники из США, а также из других стран НАТО, в том числе на покупку американских эсминцев «Спруэнс», системы АВАКС. Потери, которые понес американский военно-промышленный комплекс в результате расторжения уже заключенных контрактов с Ираном, оцениваются в 10 млрд. долл.⁹¹ Огромные арсеналы американского (а также французского,

западногерманского, английского, израильского) оружия оказались в руках антиамериканского правительства, у которого сразу же обострились отношения с отдельными союзниками США в данном регионе, включая Саудовскую Аравию. Это заметно изменило расстановку военных сил в регионе Персидского залива.

Пересматривая свою нефтяную политику, Иран стремится покончить с контролем за сбытом своей нефти со стороны международных нефтяных монополий и намерен производить и экспортировать такое количество нефти, которое отвечает его реальным экономическим потребностям, а не интересам Запада. После революции в Иране Соединенные Штаты Америки и другие ведущие капиталистические страны потеряли в лице шахского режима силу, которая вносила определенный раскол в политику ОПЕК, повышая, в частности, цены на нефть в меньшей степени, чем это делали другие ведущие страны — экспортеры нефти.

Изменилось отношение Ирана к национально-освободительному движению и многим развивающимся странам Азии и Африки. Если шахский режим был одним из важных союзников Соединенных Штатов в ближневосточном конфликте, поддерживал Израиль и снабжал его нефтью, что ослабляло действенность нефтяного эмбарго арабских стран, направленного против Израиля и его американских и западноевропейских союзников⁹², то новый режим выступает на стороне арабов в их борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии. Была прекращена продажа нефти Израилю, а также расистскому режиму в Южно-Африканской Республике.

Существенные потери понесли в результате иранской революции внешняя торговля и капиталовложения США и других империалистических держав. Новое правительство, учитывая реальные и неотложные нужды страны, свертывает многие проекты шахского режима, которые осуществлялись западными державами. В их числе американо-иранский «Шахастан Пехлеви проджект» по реконструкции северной части Тегерана (в которой проживала элита иранского общества), стоимостью в несколько миллиардов долл.; строительство автомобильного завода совместно с фирмой «Фольксваген» на 300 тыс. автомобилей в год; строительство автомобильного завода совместно с фирмой «Рено — Пежо» на 100 тыс. автомобилей в год; создание промышленного комплекса «Шах Реза индустриал парк» совместно с западногерманским концер-

ном «Крупп» стоимостью в 3,1 млрд. долл. и ряд других⁹³.

Весьма примечательной в этой связи была статья, опубликованная в январском номере (1979 г.) хорошо осведомленного в вопросах капиталистической экономики английского журнала «Экономист», многозначительно озаглавленная «Прощай, все это». В статье отмечалось, что в 1977—1978 годах импорт Ирана из США и других стран Запада, львиную долю которого составляли потребительские товары, промышленное оборудование и сельскохозяйственные продукты, оценивался более чем в 10 млрд. долл. Поставки в Иран составляли около 2% всего промышленного экспорта США, 2,3 — Англии, 2,7 — ФРГ. Таким образом, доля Ирана в экспорте таких крупных стран капиталистического мира выглядит незначительной. Однако даже частичная потеря иранского рынка для западных монополий в условиях обострения конкуренции в мировой торговле и при наличии острейшей проблемы для США и Англии — проблемы дефицита платежного баланса — весьма ощутима. Оценивая новую конъюнктуру на иранских рынках, сложившуюся после революции, «Экономист» писал, что, хотя в предшествующие ей год — полтора западные страны ощущали на себе последствия частичных финансовых ограничений, «эти предреволюционные месяцы кажутся добрыми старыми временами». Далее в той же статье отмечалось, что «опыт Ирана — неоплаченные счета, аннулированные контракты, резкое сокращение выпуска продукции на совместных предприятиях... иллюстрирует проблему «золотого дна» для бизнеса. Рано или поздно попытки утвердиться на новом рынке вызывают ответную реакцию этого рынка...»⁹⁴

В ходе иранской революции в этой стране значительно сократились производство нефти и ее экспорт в развитые капиталистические страны — Японию, Францию, ФРГ, Нидерланды: если накануне революции Иран производил 5,7 млн. баррелей нефти в день, то в 1979 году — лишь 1,7 млн. баррелей⁹⁵.

Особой остроты американо-иранские отношения достигли в конце 1979 — начале 1980 года, после провокационного приглашения свергнутого иранским народом шаха в США и, в качестве ответной меры, захвата студентами американского посольства в Тегеране с заложниками, многие из которых обвинялись в антииранской деятельности.

Воспользовавшись сложившейся ситуацией, администрация Дж. Картера в соответствии с принятым ею открыто

милитаристским курсом и раздуванием военной истерии повела дело на опасное нагнетание напряженности в районе Персидского залива, направив туда одно из крупнейших в послевоенной истории соединений военно-морских сил, включая готовые к операциям на иранской территории подразделения морской пехоты. В отношении Ирана правительством Соединенных Штатов были приняты многочисленные экономические санкции, к введению которых США всячески, хотя и без особого успеха, старались принудить и своих основных союзников. Оказались сорванными далеко идущие замыслы вторжения на территорию Ирана, грубая «акция по спасению заложников», проведенная спецслужбами и вооруженными силами США в апреле 1980 года.

Немало усилий затратили крайне правые силы в США на то, чтобы использовать кризис в американо-иранских отношениях для подрыва советско-американских отношений. Советский Союз был обвинен ими в «подстрекательстве» Ирана к захвату заложников, в разжигании антиамериканских настроений в стране.

В то же время в США в начале 80-х годов слышны голоса тех деятелей, которые критикуют подобный подход государственного руководства к иранской революции. Некоторые из них, например, отмечают, что США сами в немалой степени способствовали росту социально-политической напряженности в Иране. «Иранский взрыв — это порождение того, чему ЦРУ учило «САВАК» в Иране и чему оно, несомненно, учит аналогичные организации в Саудовской Аравии и княжествах Персидского залива. Оно не предотвратило революцию, а вызвало ее. Шах пал не потому, что ему не хватило оружия, и Саудовская Аравия тоже может в один прекрасный день оказаться в подобном же положении — не из-за недостатка оружия. Причина кроется в стремлении сохранить устаревшие системы правления с помощью силы и современной технологии, путем угнетения среднего класса, рабочего класса и новой молодежи средствами цензуры и террора»⁹⁶, — пишет публицист И. Ф. Стоун.

Оказывая военно-политическое давление на Иран, Вашингтон одновременно не оставляет попыток толкнуть исламскую революцию на путь конфронтации с Советским Союзом, рассчитывая тем самым снизить многоплановое отрицательное воздействие иранской революции на международные позиции Соединенных Штатов. В частности, спецслужбы США орудуя в лагерях так называемых «аф-

ганских беженцев» на территории Ирана, которые функционируют с ведома нынешних иранских властей и служат базами для засылки террористических банд в Демократическую Республику Афганистан. В Иране обосновалось около 50 организаций афганских контрреволюционеров, которые, прикрываясь лозунгами «борьбы за дело ислама», действуют фактически совместно с ЦРУ. Ряд этих организаций получает финансовую помощь из Египта и Омана⁹⁷. Эти попытки предпринимаются параллельно с многочисленными действиями по вмешательству во внутренние дела Ирана на стороне сил контрреволюции и реакции в условиях продолжения острой борьбы за власть в этой стране. Так, в начале 80-х годов от террористических актов в Иране погибли десятки видных политических деятелей Исламской революционной партии (ИРП). В ответ на это правительством Хомейни были произведены многочисленные аресты и казни членов антиправительственных групп. Удары были нанесены по сторонникам первого президента Исламской республики А. Банисадра, стремившимся, по определению руководства ИРП, «повести Иран после революции по американскому пути». Было развернуто ожесточенное преследование и организации «деятелей левого направления», в частности «Моджахеддин-э Хальк» («Борцы за дело народа»), которая огульно обвиняется в «пособничестве империализму и прямых контактах с американскими шпионами», в террористических актах против Хомейни и поддержке прозападного курса Банисадра⁹⁸.

Оценивая проявления антисоветизма и антикоммунизма со стороны ряда лидеров иранской революции, А. Е. Бовин справедливо отмечал, что «разжигание религиозного фанатизма, антикоммунистическая истерия, стремление в ложном свете представить политику и намерения дружественной страны не принесут пользы иранскому народу»⁹⁹.

Многие американские государственные и политические деятели как событие, важное для интересов США, восприняли войну между Ираном и Ираком, начавшуюся в 1980 году. Развернувшиеся боевые действия привели к уменьшению на 7% количества нефти, ежедневно поступающей на мировые экспортные рынки. Если бы к этому моменту США и другие развитые капиталистические страны не накопили стратегические запасы нефти, достаточные для 100-дневного обеспечения своих потребностей, то эта война могла бы привести к очередному энергетическому кризису. В некоторой степени пострадали лишь такие страны,

как Индия, Испания, Бразилия, Франция, а также Япония¹⁰⁰. Соединенные Штаты Америки, для которых главным поставщиком нефти из района Персидского залива является Саудовская Аравия, от сокращения продаж нефти Ираном и Ираком практически не пострадали. В то же время они с облегчением восприняли то, что эти две страны «задействованы» в войне друг с другом, что, во-первых, ослабляет их позиции перед лицом Саудовской Аравии и других союзных Соединенным Штатам стран Персидского залива, во-вторых, делает более разобщенным антиизраильский фронт мусульманских стран. В определенной мере затяжной ирано-иракский конфликт устраивает и правителей другого американского союзника, граничащего с Ираном, — Пакистана.

* * *

Особенность значения Мексики как нового «центра силы» для положения США в системе международных отношений заключается в том, что эта одна из крупнейших стран Латинской Америки имеет общую границу с Соединенными Штатами. В истории американо-мексиканских отношений было немало острейших конфликтов. В памяти мексиканского народа жива американская агрессия 1848 года, в результате которой Соединенные Штаты отторгли у своего южного соседа около половины его земель, исключительно ценных с точки зрения сельскохозяйственного производства и весьма богатых полезными ископаемыми. «Отношения между Мексикой и США особенно трудны, запутанны и насыщены страстями. Не забыты ни старые обиды, порожденные злополучной войной с США в XIX веке, ни бомбардировки Тампико в 1914 году, ни целый ряд акций прямого или косвенного вмешательства США во внутренние дела республики. Ни одна другая граница в мире не символизирует столь ярко пропасть, разделяющую индустриальные и развивающиеся страны, как эта, проходящая по смехотворно мелководной Рио-Гранде»¹⁰¹, — писал американский орган деловых кругов «Джорнэл оф коммерс энд коммершл» в марте 1979 года.

Вооруженные силы Мексики незначительны в сравнении с силами их северного соседа, однако по сравнению с соседними странами Центральной Америки и Карибского бассейна они весьма внушительны. Постоянные мексиканские вооруженные силы состоят из 107 тыс. человек, до 250 тыс. насчитывают формирования, образующиеся на временной основе. Из них 83 тысячи приходится на сухо-

путные силы, в составе которых 1 танковая бригада, 2 пехотные бригады, 1 парашютно-десантная бригада. На вооружении мексиканских военно-морских сил 2 старых эсминца американской постройки, 5 фрегатов и ряд более мелких боевых кораблей и вспомогательных судов. Имеется также около 70 боевых самолетов, устаревших по американским и западноевропейским стандартам. В целом подавляющая часть оружия, которым располагает Мексика, — американского производства¹⁰².

Мексика занимает важное место во внешней торговле Соединенных Штатов — она является третьим импортером американских товаров и услуг в числе внешнеторговых партнеров США. По некоторым оценкам, в середине 80-х годов Мексика может занять второе место по этому показателю, оттеснив Японию и оставив впереди лишь Канаду. Велика и роль Соединенных Штатов во внешней торговле Мексики: в 1980 году на долю США пришлось 65% мексиканского импорта¹⁰³.

Экономика Мексики по сравнению со многими другими развивающимися странами развивается сравнительно высокими темпами. Все более значительную роль при этом играет нефтегазовая промышленность.

Нефтяная и газовая промышленность Мексики была полностью национализирована еще в 1938 году президентом Л. Карденасом, что нанесло ощутимый удар по американским нефтяным монополиям. В результате проведения этого важного акта, пишет американский специалист по Латинской Америке С. К. Перселл, «нефть стала символом мексиканского национализма, суверенитета, достоинства и независимости от иностранного господства»¹⁰⁴.

Как отмечалось в журнале «Бизнес уик», в отличие от большинства стран — членов ОПЕК Мексика имеет диверсифицированную, частично индустриализированную экономику, и ее потенциально крупный внутренний рынок должен быть в состоянии поглощать большие инвестиции.

Правительства президентов Л. Эчеверриа и Л. Портильо в течение ряда лет проводили курс на развитие национальной экономики, увеличение роли государственного сектора. У этой политики есть определенные достижения, однако социально-экономические проблемы Мексики остаются весьма острыми. Для ее экономики характерны высокий уровень инфляции и безработицы, низкий уровень продуктивности сельского хозяйства, очень большая разница в уровне благосостояния между отдельными слоями населения.

На протяжении многих лет, особенно после второй мировой войны, мексиканские правительства проводят целенаправленную политику защиты национальных частных и государственных предприятий от конкуренции со стороны иностранных компаний, торгующих с Мексикой. Сложилась целая система тарифных барьеров, импортных квот, выдачи лицензий для государственного субсидирования частным предпринимателям. Для того чтобы обойти эти барьеры в послевоенные годы, многие американские и западноевропейские корпорации вложили свои капиталы в строительство предприятий на территории Мексики, поскольку поначалу мексиканские власти не налагали на подобную деятельность иностранного капитала сколько-нибудь ощутимых ограничений. Лишь в 70-е годы в этой стране была принята серия законов относительно иностранных инвестиций, передачи технологии, патентов, торговых марок, которые заставляют транснациональные монополии, оперирующие в Мексике, больше приспосабливаться к потребностям экономического развития страны. Американскими предпринимателями такая политика была воспринята, разумеется, весьма негативно. Она затронула интересы многих крупных компаний — производителей стали, автомашин и нефтехимической продукции из числа ведущих монополий США, действующих в Мексике¹⁰⁵.

Многие американские бизнесмены и политические деятели полагают, что Мексика занимает одну из наиболее жестких позиций среди развивающихся стран по вопросам экономических отношений с развитыми капиталистическими странами, и в первую очередь с США.

Фактором немаловажного значения можно считать относительно высокий уровень внутривнутриполитической стабильности в Мексике, достигнутый после революции 1910 года, в результате которой была принята действующая до сих пор конституция, регулирующая передачу высшей государственной власти.

Население Мексики составило в 1980 году 68,2 млн. человек и продолжает увеличиваться быстрыми темпами. По отдельным прогнозам, оно может достичь в 2000 году более 100 млн. человек¹⁰⁶. В стране ежегодно возникает значительно меньше рабочих мест, чем новых рук на рынке рабочей силы, — это питает эмиграцию из Мексики; основной поток эмигрантов направляется в США.

В первую очередь за счет эмигрантов из Мексики испаноговорящее население США к началу 80-х годов достигло почти 20 млн. человек, то есть примерно 9% всего аме-

риканского населения, тогда как негры составляют 12% населения. Испаноговорящие меньшинства являются наиболее быстрорастущей частью американского населения, к концу 80-х годов они могут превысить численность негритянского населения. На рубеже 70—80-х годов значительно активизировалась политическая деятельность организаций испаноговорящих меньшинств внутри Соединенных Штатов, в том числе по вопросам внешней политики. Это еще более запутывает всю систему взаимоотношений США с Мексикой и другими латиноамериканскими странами, доля эмиграции из которых также заметна. Численность нелегальных эмигрантов из Мексики в США в начале 80-х годов, по разным оценкам, составляла от 6 до 12 млн. человек. Имеются сведения, что в год американо-мексиканскую границу переходят около полумиллиона мексиканцев, не имеющих возможности получить работу в своей стране. Вопрос о регулировании этого потока и о статусе мексиканских иммигрантов в США уже на протяжении ряда лет является одним из наиболее острых в американо-мексиканских отношениях. С одной стороны, эксплуатация мексиканцев на самых тяжелых и неквалифицированных работах приносит очень многим американским капиталистам дополнительные прибыли, с другой — скачок в численности мексиканских нелегальных иммигрантов способствует вспышкам расизма, главным образом в южных и западных штатах США, где их наличие наиболее заметно и где особенно сильны ку-клукс-клан и другие подобные организации. По некоторым оценкам, в Калифорнии, например, белые американцы, еще в конце 50-х годов составлявшие более 70% населения, к 1984 году могут оказаться в меньшинстве, что вызывает бешеную ярость расистов.

Для удовлетворения своих потребностей в продовольствии Мексика вынуждена ежегодно импортировать в больших объемах зерно, масла и другие виды продовольствия. В 1980 году мексиканский импорт зерна только из одних Соединенных Штатов составил более 10 млн. т, что стоило Мексике 2 млрд. долл. При этом потребности Мексики в импорте зерна в последние 10—12 лет постоянно возрастают: в 1970 году она ввезла 67% потребляемого ею зерна, в 1980 году — уже 80%.

Наиболее важную роль в становлении Мексики как «центра силы» в зоне развивающихся стран сыграло открытие в ней в 70-е годы крупных запасов нефти и газа. Ее нефтяные запасы оцениваются в 40 млрд. баррелей, а прогнозные — в 200 млрд., что ставит Мексику на один уро-

вень с крупнейшими нефтедобывающими странами. При этом следует учитывать, что пока геологоразведка нефти охватила лишь 10—15% всей территории Мексики¹⁰⁷.

Экспорт нефти дает Мексике около 75% всех поступлений от внешней торговли, которые необходимы для покрытия импортных издержек и выплат процентов по внешнему долгу, достигшему в 1981 году 37 млрд. долл.¹⁰⁸

Основная часть мексиканского экспорта нефти и газа направляется в США: из 1 млн. баррелей нефти в день, экспортировавшихся Мексикой в 1980 году, 700 тыс. шло северному соседу. Однако и правительство США, и американские предприниматели постоянно оказывают давление на Мексику в сторону значительного увеличения производства нефти и увеличения ее продаж в Соединенные Штаты. Этого активно добивалась администрация Дж. Картера и продолжает добиваться администрация Р. Рейгана. Характеризуя этот аспект отношений США и Мексики, американский специалист по энергетической проблеме Д. Ерджин писал в период визита Картера в Мексику в феврале 1979 года: «Поездка президента на этой неделе беспокойна: в последний момент к перечню его провожатых прибавились два «нефтяных» призрака, которые неотступно сопровождали его: призрак прошлого — шах и призрак будущего — аятолла. Несомненно, их символическое присутствие придало дополнительное значение нефтяному аспекту поездки и американской политике стимулирования «размножения» источников нефти... Поездка Картера уже помогла стимулировать небывалый энтузиазм (в США.— А. К.) по поводу мексиканской нефти. Этот ажиотаж находит особенно яркое выражение в призыве «к единой энергетической политике Западного полушария», в которой мексиканская нефть должна играть ключевую роль». Далее Ерджин констатирует неприятную для Соединенных Штатов истину, заключающуюся в том, что их нажим не достигает поставленных целей,— более того, он может привести к прямо противоположным с точки зрения американских интересов результатам. Он пишет, что если в США фраза об «единой энергетической политике Западного полушария» имеет «прогрессивное звучание», то для мексиканцев (а также и для канадцев) она может иметь диаметрально противоположное значение. Этот лозунг внушает мысль о том, что Соединенные Штаты считают мексиканские нефть и газ своей собственностью и хотят распоряжаться ими по собственному усмотрению. «Подобного рода планы дают прекрасную пищу националистическим экс-

тремистам в этих странах и почти наверняка будут вызывать подозрения даже у умеренных элементов, которые видят в этом своего рода «добрососедский» нефтяной грабеж»¹⁰⁹.

В силу подобного отношения к данной проблеме мексиканское государственное руководство негативно реагировало и на выдвинутую администрацией Рейгана идею создания так называемого североамериканского общего рынка с участием США, Мексики и Канады, справедливо усмотрев в этом стремление американских монополий получить более прямой доступ к сырьевым ресурсам Мексики (и Канады). Натолкнувшись на неприятие этой идеи Мексикой, администрация Рейгана быстро перестроилась и начала навязывать мексиканскому руководству концепцию установления «особых отношений» между США и Мексикой. Однако и этот заход в целом был отклонен правительством Л. Портильо, которое небезосновательно посчитало, что подобные отношения окажутся «взаимодействием лошади и всадника», в котором роль всадника мощный северный сосед Мексики отводил, разумеется, себе.

Отказываясь от таких предложений Вашингтона, мексиканское государственное руководство стремится диверсифицировать внешнеэкономические и внешнеполитические связи своей страны. С начала 70-х годов большие усилия прилагаются для того, чтобы расширить связи с Францией, ФРГ, Японией, странами Карибского бассейна, в том числе за счет ограничения связей с Соединенными Штатами. Западноевропейские страны, Япония охотно идут навстречу Мексике. Так, в конце 70-х годов французские и японские банки на выгодных условиях предоставили Мексике крупные займы, стимулируя этим установление собственных «особых отношений» с Мексикой в торговой и валютно-финансовой сферах¹¹⁰.

Проявляется и определенная тенденция развития дипломатических связей Мексики с СССР и другими членами социалистического содружества.

В ноябре 1980 года мексиканским правительством было принято решение о том, что экспорт нефти в какую-либо отдельную страну не должен превышать 50% от всего вывоза нефти из Мексики, что было воспринято в США как явно антиамериканский акт. Более значительная доля мексиканского нефтяного экспорта в соответствии с этим решением предназначается Японии, Франции, ФРГ, странам Карибского бассейна; в начале 80-х годов, в связи с улучшением мексикано-бразильских отношений, были заключе-

ны также соглашения о поставках нефти из Мексики в Бразилию, экономика которой остро нуждается в импорте этого вида сырья.

Уже на протяжении многих лет между Мексикой и США имеются немаловажные для международных политических позиций американского империализма расхождения по целому ряду проблем. В 60-е годы Мексика отказалась голосовать за навязанные Соединенными Штатами «санкции» Организации американских государств (ОАГ) в отношении революционной Кубы. Когда же ОАГ большинством голосов под сильнейшим нажимом США приняла решение о введении этих санкций, Мексика заявила о том, что она не будет выполнять это решение. Она также выступила против исключения Кубы из так называемой межамериканской системы. Ранее, в 1954 году, Мексика не поддержала позицию ОАГ по Гватемале, не голосовала она и в поддержку интервенции «межамериканских сил» в Доминиканской Республике в 1965 году. Мексиканские руководители резонно обосновали свою позицию тем, что подобные акции являются нарушением принципа невмешательства во внутренние дела других государств и права наций на самоопределение.

В 70-е годы усиливается интерес Мексики к центральноамериканскому региону. Значительная часть мексиканской национальной буржуазии рассматривает этот регион как «естественную сферу влияния» Мексики. Подобная ориентация вступает в конфликт с политикой Соединенных Штатов в Центральной Америке, которые традиционно рассматривали ее как зону безраздельного доминирования США.

Весьма болезненным для администрации Рейгана было решение правительства Л. Портильо в 1981 году признать сальвадорский Демократический революционный фронт «представительной политической силой». Значимость этой акции усиливалась тем, что она была осуществлена совместно с новым правительством Франции и совпала с моментом нагнетания администрацией Рейгана вокруг Сальвадора антисоветской истерии. Мексиканское правительство оказало значительную политическую и финансовую поддержку и сандинистскому правительству Никарагуа. Позиция мексиканских руководителей в вопросах отношении к Сальвадору, Никарагуа во многом совпадает с линией Социнтерна (реализуемой через политику Франции и ранее — ФРГ) на предотвращение, с одной стороны, возникновения революционных правительств в Центральной Аме-

рике, подобных правительству Ф. Кастро, а с другой — появления правых проамериканских диктатур.

Все более активную роль Мексика старается играть в движении неприсоединения, в борьбе развивающихся стран за установление нового международного экономического порядка. Ее доходы от экспорта нефти позволяют оказывать помощь ряду развивающихся стран. Совместно с другой крупной нефтедобывающей страной региона — Венесуэлой Мексика предоставляет на льготных условиях займы многим странам Карибского бассейна, делая их в этом отношении менее зависимыми от США и других развитых капиталистических стран.

* * *

По ряду показателей ведущим из «центров силы» развивающихся стран является Бразилия. Она опережает все другие подобные «центры силы» по объему промышленного производства, степени диверсификации экономики, по доле в мировом совокупном продукте¹¹¹.

Бразилия обладает самыми крупными в Латинской Америке вооруженными силами — 272,5 тыс. человек при населении 126 млн.: 182,7 тыс. — в сухопутных силах, 47 тыс. — в ВМФ и 42,8 тыс. — в ВВС. К ним можно присовокупить и 185 тыс. человек в так называемых силах общественной безопасности.

В военно-морских силах Бразилии 1 авианосец, 12 ракетных (!) эсминцев, 6 фрегатов, 7 дизельных торпедных подводных лодок. В составе ВМФ имеется также дивизия морской пехоты. На вооружении ВВС наряду с устаревшими по американским стандартам самолетами (всего 173 боевые машины) имеется 14 современных перехватчиков типа «Мираж III ЕВ»¹¹².

Одно из главных слабых мест экономики Бразилии — это отсутствие собственных крупных запасов нефти. Основная часть импортируемой в Бразилию нефти поступает с Ближнего Востока, в том числе из Ирана, который до начала ирано-иракской войны обеспечивал до $\frac{2}{3}$ бразильских потребностей в этом виде сырья. Стоимость импорта нефти для Бразилии составила в 1980 году 10,5 млрд. долл., став причиной трехмиллиардного дефицита торгового баланса¹¹³.

Как уже отмечалось выше, Бразилия в качестве одного из основных путей решения энергетической проблемы избрала массовое производство горючего из биомассы — эта-

нола, коммерческое производство которого началось в 1975 году. В 1980 году уже 280 тыс. автомобилей из 1 млн., произведенного в Бразилии, были предназначены для использования исключительно этого вида горючего. Большинство же автомобилей пока используют смесь из 80% бензина и 20% этанола. В начале 80-х годов в Бразилии развернулось строительство одного из крупнейших в мире гидроузлов на реке Паране. Мощность этого гидроузла будет равна половине всех имеющихся в начале 80-х годов генераторов электроэнергии¹¹⁴. В 1975 году между Бразилией и ФРГ было заключено долгосрочное соглашение о строительстве на базе западногерманской технологии 8 атомных электростанций в Бразилии. Стоимость этого проекта определялась в начале 80-х годов в 20—30 млрд. долл. По ряду данных, в настоящий период реализация бразильско-западногерманского проекта замедлилась.

По сравнению с Мексикой политическая система Бразилии отличается меньшей стабильностью. После второй мировой войны периоды развития буржуазной демократии сменялись установлением военной диктатуры: репрессии неоднократно обрушивались на Бразильскую коммунистическую партию и другие прогрессивные силы страны.

В начале 80-х годов в Бразилии были предприняты шаги по демократизации общественной жизни. Вслед за отменой цензуры и амнистией политзаключенных был упразднен репрессивный «институционный акт № 5», с помощью которого военный режим правил с 1964 года. Практически без помех со стороны властей начали функционировать политические партии, профсоюзы, другие массовые организации. Был одобрен закон о проведении прямых выборов в местные органы власти. У этого процесса демократизации оказались, однако, влиятельные противники из числа ультраправых организаций, которые в ответ на демократические перемены развязали волну террора. Некоторые круги вооруженных сил не хотят лишаться бесчисленных привилегий, которыми они пользовались в период пребывания у власти военных¹¹⁵.

Многие буржуазные политологи предсказывают этой стране большое будущее. В частности, по оценке З. Бжезинского, Бразилия имеет больше шансов превратиться в XXI веке в «сверхдержаву», нежели даже Япония, поскольку она обладает более оптимальной комбинацией населения, ресурсов, географического положения и т. д.¹¹⁶ Видный американский специалист по Латинской Америке Р. Александер видит будущее Бразилии так: «По крайней

мере к концу столетия Бразилия будет одной из великих держав мира. Численность ее населения достигнет 200 млн. человек, и она станет одной из основных индустриальных стран мира. По всей вероятности, она станет ядерной державой. Маловероятно, чтобы Бразилия воздержалась от использования своей растущей политической и военной мощи»¹¹⁷. По мнению директора центра латиноамериканских исследований Университета Дж. Гопкинса Р. Роетта, Бразилия является «серьезным кандидатом» в великие державы, причем рост мощи этой страны, считает он, будет сопровождаться проведением «более агрессивной и автономной внешней политики». Как небезосновательно отмечает Роетт, бразильские правящие круги уже на протяжении многих лет, ориентируясь на построение общества «по западному образцу», в то же время не связывают себя жестко с политикой США и других развитых капиталистических стран. Руководствуясь национальными интересами, они пытаются занять место как бы в промежуточной зоне — между развитыми капиталистическими и развивающимися странами¹¹⁸.

В 70-е годы произошло заметное расширение сферы внешнеэкономических и внешнеполитических интересов Бразилии. И хотя Западное полушарие остается основным районом международной активности этой страны, ее связи в последние годы протянулись далеко за пределы данного региона. В конце 70 — начале 80-х годов Бразилия расширила связи с целым рядом латиноамериканских стран как в экономической, так и в политической области. Это в первую очередь относится к таким странам, как Боливия, Уругвай, Парагвай, Чили, в которых она имеет значительные капиталовложения. Видное место в политике Бразилии в этом районе занимает деятельность по укреплению контроля над экономическим развитием бассейна реки Ан Платы, в первую очередь над реализацией крупных гидроэнергетических проектов. В 1978 году по инициативе Бразилии был подписан так называемый амазонский пакт — договор о сотрудничестве Бразилии, Венесуэлы, Гайаны, Колумбии, Перу, Суринама, Эквадора и Боливии в бассейне реки Амазонки. И хотя многие формулировки проекта этого договора, усиливавшего влияние Бразилии, были ослаблены в результате влияния других стран (в первую очередь Венесуэлы), заключение его было расценено в Западном полушарии как крупный успех бразильской внешней политики. Одновременно это означало ослабление позиций Соединенных Штатов в данном регио-

не, поскольку они настаивали на превращении бассейна Амазонки в так называемую «свободную зону», с тем чтобы туда могли более легко проникать американские транснациональные монополии, не встречая сопротивления национальных или региональных органов соответствующих государств.

После второй мировой войны Бразилия, по выражению Генерального секретаря Бразильской коммунистической партии Л. К. Престеса, неоднократно выполняла роль «жандарма империализма янки» в Латинской Америке. Бразильская военная диктатура оказала, в частности, содействие американской интервенции в Доминиканской Республике в 1965 году, послав туда свои военные части. В августе 1971 года она активно содействовала падению прогрессивного режима генерала Х. Торреса в Боливии. В 1973 году бразильские войска были сосредоточены у границы с Уругваем на случай, если потребуются поддержать государственный переворот силами внешней и внутренней реакции для ликвидации демократических завоеваний уругвайского народа. В том же году бразильское правительство направило в Чили несколько сот своих офицеров — военных разведчиков и диверсантов для подготовки, совместно с ЦРУ и американскими транснациональными монополиями, чилийской военщины к свержению правительства Народного единства во главе с С. Альенде¹¹⁹.

Бразильская диктатура поддерживала основные направления империалистической политики США в других регионах мира. Она поддерживала американскую агрессию во Вьетнаме, многие действия империалистов на Ближнем Востоке и в Африке. Правда, после крушения режима фашистской диктатуры и окончательного поражения португальских колонизаторов в Африке Бразилия вынуждена проводить более гибкую политику. В середине 70-х годов большое влияние на бразильский внешнеполитический курс начало оказывать поражение США во Вьетнаме. Бразильская военная диктатура постаралась извлечь уроки из тех потерь, которые понес американский империализм в результате прямой вооруженной борьбы против национально-освободительного движения. Бразильская военная диктатура стала тщательнее камуфлировать суть и направленность своей политики «молодого империализма».

Определенные позитивные изменения во внешнюю политику Бразилии внесли отмеченные выше внутривнутриполитические демократические преобразования, которые наметились на рубеже 70—80-х годов.

Все более важным направлением международно-политической деятельности Бразилии становится торговля оружием. В 1980 году она вышла на седьмое место в мире среди поставщиков оружия на мировой рынок, захватив до 10% объема всех совершаемых на нем сделок. Особо быстрыми темпами развивается строительство на экспорт военно-морских кораблей: по экспортным поставкам военно-морских вооружений Бразилия вышла на второе место в мире. Бразилия в возрастающем объеме продает не только стрелковое оружие и артиллерийское оружие, но и танки, бронемшины, учебные самолеты для военно-воздушных сил различных развивающихся стран. В частности, Бразилия поставила около 1300 танков и бронемашин собственного производства в Ирак, которые были применены последним в войне против Ирана.

Многие крупные американские компании — производители оружия видят в бразильском военно-промышленном комплексе все более опасного конкурента на мировых рынках¹²⁰. В поисках новых крупных внешнеполитических и внешнеэкономических партнеров в противовес Соединенным Штатам Бразилия устанавливает все более широкие связи с Федеративной Республикой Германии. Западногерманский капитал завоевывает все новые позиции в бразильской экономике. Правда, в начале 80-х годов монополии ФРГ еще довольно значительно отставали от своих американских конкурентов по объему прямых капиталовложений в Бразилию (2,5 против 5 млрд. долл.). Но, по многим оценкам, в течение этого десятилетия положение успело измениться в пользу западногерманских инвесторов, которые считают, что вкладывать деньги в бразильскую экономику, несмотря на «галопирующую» инфляцию и другие острые социально-экономические проблемы, — дело выгодное. Их прельщает возможность получения сверхприбылей благодаря широкой эксплуатации имеющейся в избытке рабочей силы, слабости профсоюзного движения, твердым гарантиям бразильского правительства обеспечивать им вывоз прибылей и другие привилегии.

В настоящее время западногерманский капитал вложен в следующие основные отрасли промышленности — автомобильную (22,5%), металлургическую (10,9%) и машиностроение (16,7%). В штате Сан-Паулу, например, как заявил посол ФРГ в Бразилии, действуют предприятия 800 западногерманских фирм, на которых занято 350 тыс. человек. Среди них такие известные компании, как «Фольксваген», «Мерседес—Бенц», «Сименс», «АЭГ—Телефункен»,

БАСФ, «Байер». Следует вспомнить в этой связи и об упомянутом несколько выше крупнейшем бразильско-западногерманском проекте строительства восьми атомных электростанций. Взаимодействие между Бразилией и ФРГ, непосредственно затрагивающее американские интересы, наблюдается и в политической сфере, в частности по вопросам политики в Центральной Америке. Комментируя бразильско-западногерманские переговоры, проходившие летом 1981 года, газета «Эстаду ди Сан-Паулу» писала: «В Центральной Америке позиция ФРГ остается гораздо более гибкой, чем позиция США, и в силу этого она сближается с бразильской точкой зрения. МИД Бразилии — против любой интервенции в Сальвадоре и считает, что решение должно быть достигнуто без какого-либо вмешательства извне. В отношении Сальвадора ФРГ мало выступала от имени правительства, предпочитая действовать через социал-демократическую партию и Социнтерн».

Чтобы остановить «распространение коммунизма» в Центральной Америке, государственные руководители ФРГ и Бразилии предлагают разработать и реализовать «мини-план Маршалла», а не полагаться на грубую военную силу. Канцлер Шмидт, посетивший США сразу же после окончания визита бразильского президента Ж. Фигейреду в ФРГ, призвал администрацию Рейгана безотлагательно приступить к реализации этого плана.

Потенциально значительную роль в развитии внешнеэкономических связей Бразилии играет Япония, которая уже в настоящее время занимает третье место после США и ФРГ по общему объему капиталовложений в Бразилии. Япония участвует в программе бразильского правительства по стимулированию экспорта, а также в создании крупных совместных предприятий (комплексы по производству алюминия, предприятия целлюлозно-бумажной промышленности и др.). Немаловажную роль при этом играет присутствие в Бразилии большого числа иммигрантов-японцев, образующих крупнейшую японскую колонию за пределами своей родины.

Заметные перемены происходят в политике Бразилии по целому ряду других вопросов. Еще в середине 70-х годов Бразилия отошла от курса на поддержку Израиля в ближневосточном конфликте, начав расширять связи с арабскими государствами, что явилось прямым следствием растущей зависимости Бразилии от импорта нефти. В начале 80-х годов новые бразильские власти активизировали свои контакты с Анголой. Как заявил, например, прибывший в

августе 1981 года в Луанду специальный представитель МИД Бразилии Вейга, цель его визита — развитие и упрочение отношений между Бразилией и Анголой. Бразилия «выразила беспокойство» в отношении агрессивного курса ЮАР. Намибийская проблема, по мнению бразильского правительства, должна решаться на основе резолюции 435 Совета Безопасности ООН. Касаясь попыток США создать с участием Бразилии, Аргентины и ЮАР Организацию южноатлантического договора (САТО), Вейга отметил, что его правительство против этих планов, так как они идут вразрез «с интересами Африки». Вслед за бразильским правительством, заявившим, что создание этого союза под эгидой США будет «несвоевременным, излишним, опасным для международного мира», подобное же заявление сделало правительство Аргентины. «У Аргентины тоже есть достаточные основания не испытывать желания вступить в организацию, где она вынуждена будет стать врагом СССР и другом ЮАР. Поскольку социалистические страны являются крупными импортерами аргентинских товаров, военная хунта, каков бы ни был ее антикоммунизм, вынуждена считаться с действительностью и воздерживаться от политики, явно враждебной СССР и Кубе. Аргентина опасается также, что США воспользуются оборонительным пактом для того, чтобы усилить свое влияние в жизненно важной для их развития зоне», — писала французская «Монд» в июле 1981 года.

Проведенный выше анализ роли отдельных развивающихся стран как фактора, воздействующего на позиции США в системе международных отношений, позволяет сделать вывод о том, что целый ряд этих стран приобрел для Соединенных Штатов значение, соизмеримое со значением отдельных развитых капиталистических стран. Возрастание роли этих «центров силы» является следствием развития общих процессов в современном мире, в том числе усиления роли развивающихся стран в целом и углубления процессов их дифференциации. Возникновение и становление многих новых «центров силы» происходит и за счет натиска развивающихся стран на позиции развитых капиталистических государств, и за счет потеснения других развивающихся стран; это ведет к тому, что процесс укрепления позиций новых «центров силы» сопровождается обострением их конфликтов со многими развивающимися странами, в союзе с которыми новые «центры силы» одновременно выступают против США и других империалистических государств в рамках движения неприсоединения и в

соответствии с программой нового международного экономического порядка. Господствующие классы, правящая элита «центров силы» из числа развивающихся стран, втянутых в орбиту мирового капиталистического рынка, в значительной мере в долгосрочном плане являются классовыми союзниками (или по крайней мере попутчиками) американской монополистической буржуазии. Это проявляется, разумеется, и в конкретных международно-политических процессах среднесрочного и даже краткосрочного порядка. В то же время возникновение этих «центров силы» еще больше увеличило число капиталистических конкурентов Соединенных Штатов, усложнило картину существующих противоречий.

* * *

В последние десятилетия в условиях усиления роли и влияния развивающихся стран в международных отношениях, правящие круги США проводят стратегическую линию на их вовлечение в орбиту своей империалистической политики, на их эксплуатацию с использованием различных средств и методов неокolonнализма.

Эта стратегическая линия в зависимости от того, какое в тот или иной период соотношение сил складывается в американских правящих кругах, может основываться на различных внешнеполитических концепциях как более либерального, так и откровенно консервативного толка. Так, например, в период пребывания у власти администрации Дж. Кеннеди в подходе США к отношениям с развивающимися странами доминировали концепции, характерные для либерального крыла американской буржуазии, разработанные такими социологами, политологами и экономистами, как М. Милликен, Дж. К. Гэлбрейт, У. Эттвуд, Ф. Бэтор и др., многие из которых занимали в этот период ответственные дипломатические посты.

Как справедливо отмечает Ю. М. Мельников, Дж. Кеннеди и некоторые деятели в его окружении осознали бесплодность усилий предшествующей администрации по вовлечению большинства развивающихся стран в военные блоки Запада. Администрация Кеннеди постаралась сфокусировать усилия США не на навязывании развивающимся странам участия в «обороне свободного мира», а на их удержании в хозяйственной системе капитализма, не на поддержке старого колониализма, а на замене его неокolonнальными методами, не на опоре преимущественно на

открыто реакционные, диктаторские режимы, а на расширении местной социальной базы неоколониализма¹²¹.

В последующие годы, при администрациях Джонсона и Никсона, наблюдался отход от линии, присутствовавшей в подходе администрации Кеннеди к отношениям Соединенных Штатов с развивающимися странами. Попытка возврата к использованию модифицированных либеральных концепций в этом направлении имела место в первые годы пребывания у власти администрации Картера.

Администрация Рейгана с первых дней пребывания у власти избрала курс на реализацию правоконсервативных концепций отношений с развивающимися странами, которые предусматривают ставку на диктаторские и милитаристские режимы, жесткую, силовую конфронтацию с национально-освободительным движением, с любыми странами, противящимися диктату Вашингтона.

Эта линия администрации Рейгана отчетливо проявилась в отношении к событиям в Чаде, Анголе, в отношениях с Ливией, в поддержке Англии в фолклендском кризисе, в политике в Центральной Америке и т. д. Актом неприкрытой агрессии, поправшим все нормы международного права, явилась высадка американских морских пехотинцев в Гренаде. Эта акция вызвала справедливое возмущение не только социалистических и подавляющего большинства развивающихся стран, но даже ряда союзников США по НАТО. Интервенция американского империализма в Гренаде еще раз продемонстрировала всему миру, что администрация Рейгана и стоящие за ее спиной наиболее агрессивные и реакционные группировки правящих кругов США идут на грубейшие нарушения суверенитета развивающихся государств, на многочисленные человеческие жертвы, рискуя всеобщим миром и безопасностью народов ради своих корыстных интересов.

**Зависимость США
от внешнего мира
как качественно новый
комплексный фактор
их положения
в современной системе
международных отношений**

Данный феномен уже частично затрагивался в каждой из трех предыдущих глав монографии. В частности, необходимо подчеркнуть, что важнейшим элементом зависимости Соединенных Штатов от внешнего мира в современных условиях является отсутствие у них стратегической неуязвимости, что является результатом достигнутой Советским Союзом огромной мощи ракетно-ядерного оружия, способного при любом сценарии войны подвергнуть агрессора уничтожающему возмездию.

Многие другие аспекты качественно возросшей за последние годы внешней зависимости США связаны с ролью западноевропейского и японского «центров силы», с отношениями с развивающимися странами. В этой главе представляется необходимым в первую очередь выделить следующие аспекты данной проблемы: возрастание роли внешней торговли в американской экономике как фактор усиливающейся зависимости США от мирового капиталистического рынка товаров и услуг; повышение значимости зарубежных инвестиций, осуществляемых транснациональными монополиями, в определенной мере ведущее к возрастанию зависимости финансового положения США от экономической конъюнктуры стран и регионов, в которые осуществляется вывоз американского капитала; скачкообразное увеличение иностранных капиталовложений в самих Соединенных Штатах, приводящее к тому, что собственно внутриэкономические процессы в США во все большей ме-

ре становятся объектом прямого воздействия монополистов других стран; резко усилившаяся зависимость американской экономики от импорта сырья, в первую очередь важнейшего энергетического сырья — нефти, что сказывается в условиях роста мировых цен на сырье почти на всех отраслях американской экономики. Проблема возросшей внешней зависимости США в экономическом и военно-экономическом отношении резко обозначилась в период энергетического кризиса 1973—1974 годов и экономического кризиса в капиталистическом мире 1974—1975 годов. «Резкое сокращение производства и рост безработицы в большинстве капиталистических стран,— отмечалось в Отчетном докладе ЦК КПСС XXV съезду партии,— переплелись с такими серьезными потрясениями мирового капиталистического хозяйства, как валютный, энергетический, сырьевой кризисы. Особую остроту кризисным процессам придала инфляция. Подогреваемая постоянно растущими военными расходами, она достигла невиданных для мирного времени размеров»¹. Именно этот кризис как никогда отчетливо обнажил суть внешней политики империализма, определяемой не какими-то абстрактными «национальными интересами», а классовой структурой капиталистического государства, интересами господствующей финансовой олигархии. Крупнейшее за весь послевоенный период потрясение мировой капиталистической экономики происходило в условиях возросшей взаимосвязи ее составных частей. По мнению, например, советского специалиста Ю. Покотасва, усилившаяся в 70-е годы взаимосвязь национальных экономик капиталистических стран в значительной мере способствовала синхронизации экономического кризиса 1974—1975 годов². Этот, а также ряд других факторов заставили правящие круги США и других капиталистических стран теснее увязывать экономические, политические и военные аспекты своей деятельности, полнее учитывать взаимосвязь между внутренними и внешними проблемами.

§ 1. Возрастание роли внешней торговли и заграничных капиталовложений американских монополий в экономике и внутривнутриполитическом положении страны

Рост вовлеченности США в мировую экономику за последние 10—17 лет в первую очередь отразился на американской внешней торговле, на ее роли в общем экономическом развитии страны.

Если на протяжении всего послевоенного периода экспорт США составлял около 4% валового национального продукта³, то к концу 70-х годов этот показатель увеличился почти вдвое, достигнув более 7,6% ВВП⁴. Еще более внушительной выглядит роль внешнеторговых связей США, если сопоставить товарный экспорт и импорт не с ВВП, состоящим более чем на 50% из услуг (почти не поступающих во внешнеторговый оборот), а с объемом промышленного и сельскохозяйственного производства. Экспортная квота в совокупном объеме сельскохозяйственного и промышленного производства уже к середине 70-х годов по сравнению с 1960 годом возросла почти в полтора раза — с 11,6 до 16%⁵. О возросшей значимости экспорта для экономики и социально-политической жизни США говорит и то, что каждый восьмой из всех занятых в промышленном производстве и каждый третий из занятых в сельскохозяйственном секторе экономики работают на американский экспорт⁶.

Весьма велико значение внешней торговли и для сферы услуг, которая в целом составляет до 65% американского валового национального продукта и в которой занято 7 из каждых 10 работающих американцев. Объем американской торговли услугами достиг в 1980 году 128,2 млрд. долл., причем активное сальдо во внешней торговле услугами для США составило 35 млрд. долл., что было внушительным вкладом в решение проблемы торгового баланса. Особенно крупные доходы имели американские компании от перевозки пассажиров и грузов, обслуживания зарубежных нефтегазовых предприятий, перевозок нефти американским танкерным флотом, финансовых операций, обеспечения систем связи⁷.

Общий абсолютный и относительный рост внешней торговли США сопровождался в 70-е годы целым рядом

негативных для американской экономики явлений. Хронически пассивным становится внешнеторговый баланс страны. В 1979—1980 годах администрация Картера ценой огромных усилий добилась некоторых улучшений в данной области, которые, как отмечалось в журнале деловых кругов «Форчун», во многом явились следствием «длительного и пагубного падения доллара».

В правящих кругах США все активнее разрабатываются различные мероприятия по стимулированию экспорта, по проведению активной экспортной политики.

Число компаний, активно и постоянно ведущих внешнеторговые операции, сравнительно невелико. По данным, публикуемым в «Форчун», в конце 70-х годов 80% всего американского экспорта приходилось на 200 крупнейших фирм из 300 с лишним тысяч промышленных компаний, имеющих в США, тогда как в Японии и Западной Европе даже многие небольшие компании ведут операции за пределами национальных границ. Поэтому одно из направлений стимулирования экспорта со стороны правительственных органов — расширение круга американских компаний, занимающихся экспортными операциями, что не совпадает с интересами тех корпораций, которые уже занимают ведущие позиции в американском экспорте.

Наряду с требованиями активизации государственной политики по регулированию и стимулированию экспорта в США раздаются голоса и недовольных деятельностью правительства в этой сфере. По словам бывшего заместителя госсекретаря по экономическим вопросам Р. Купера, ему приходилось сталкиваться с той точкой зрения, что «самая большая помощь, которую американское правительство могло бы оказать экспортерам, состоит в том, чтобы уйти с дороги». Такая позиция, по-видимому, характерна в первую очередь для крупных компаний, активно ведущих экспортные операции и опасющихся появления конкурентов, которые могли бы выйти на мировые рынки при поддержке государства.

В числе препятствий, чинимых американским экспортерам собственным правительством, сторонники подобной точки зрения называют бюрократическую волокиту в получении специальных лицензий на экспорт наукоемких товаров, антитрестовские законы, законы о борьбе со взяточничеством и т. д.

Однако перечень сделок, заблокированных правительством, отнюдь не велик. Например, в 1978 финансовом году

из 65 432 заявок на лицензии было отклонено всего 210, из них 133 касались торговли с социалистическими странами, которые по-прежнему рассматриваются как «особый случай». «Форчун», отражая, видимо, мнение значительной части деловых кругов США, писал, что правительственные ограничения в отношении торговли «представляют собой часть односторонней попытки США воздействовать на внутреннюю и внешнюю политику других правительств с помощью экономических рычагов. Доля США в мировой торговле, однако, уменьшается, точно так же, как средства давления, которыми США когда-то обладали»⁸.

Несмотря на применяемые государством меры по стимулированию экспорта, проблема огромного дефицита торгового баланса США становится все более острой. Временами отрицательный торговый баланс компенсируется положительным сальдо баланса услуг и переводов в США. Однако такая компенсация становится все более труднодостижимой. Так, в 1982 году отрицательный торговый баланс, достигший 36,3 млрд. долл., не удалось компенсировать во всем объеме. В результате дефицит платежного баланса составил 8,5 млрд. долл. В основе такого ухудшения лежит ослабление конкурентных позиций американской промышленной продукции на мировых рынках, в значительной степени связанное с линией администрации Рейгана на завышение курса доллара. В 1982 году индекс цен на экспортируемые из США готовые изделия повысился по сравнению с 1980 годом на 28%, в то время как индекс экспортных цен Японии (рассчитанный в долларах) понизился на 2%, ФРГ и Франции — на 7, Англии — на 10%. В результате объем американского экспорта в 1982 году сократился примерно на 10%⁹.

Распространено мнение, что никакие меры содействия экспорту не помогут, если американская промышленность не будет обладать эффективностью и изобретательностью, которые нужны, чтобы «принять вызов 80-х годов». По мнению бывшего министра торговли США, профессора Хуаниты Крепс, ушедшей с поста осенью 1979 года, 80-е годы будут отмечены конкуренцией беспрецедентного, мирового масштаба, поскольку целый ряд развивающихся стран станут важными поставщиками промышленной продукции — потребительских и нетехнологичных товаров. Уже в конце 70-х годов конкуренция со стороны таких государств, как Бразилия, Мексика, Южная Корея, Сингапур и др., заставила многие развитые капиталистические страны, в частности Японию, переходить на производство более технологичных то-

варов и оборудования — категорий, составляющих основу американского экспорта.

Все более острые проблемы в экономике и внутренней социально-политической жизни США возникают в связи с ростом импорта. В последние 12—15 лет на внутренний американский рынок во все больших объемах проникает не только продукция японской и западноевропейской промышленности, но и товары из таких стран, как Южная Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур, Бразилия и др.

Несмотря на сверхконцентрацию производства легковых автомобилей в США в руках трех гигантов — «Дженерал моторз», «Форд» и «Крайслер», начиная с конца 50-х годов американские производители на внутреннем рынке шаг за шагом теряли свои позиции под натиском японских «Ниссан моторз», «Тоёта», западногерманских «Фольксваген» и «Мерседес — Бенц», итальянского «Фиата», шведских «Волво» и «Сааб», французских «Рено» и «Пежо» и других автомобильных корпораций.

Если в 1950 году доля иностранных марок в общем объеме продаж легковых автомобилей в Соединенных Штатах была всего 0,3%, то в 1960 году — уже 7,6, в 1970 — 14,7, в 1979 — 22,6%¹⁰.

Переломным в наступлении иностранных, в первую очередь японских, автомобильных компаний на американский рынок явился 1980 год. В этом году выпуск автомобилей в США под влиянием целого комплекса факторов, в том числе под воздействием вспышки энергетического кризиса, упал на 30%. США утратили свое мировое первенство в этой области, уступив его Японии. Убытки американских автомобильных корпораций в 1980 году превысили 4 млрд. долл., в отрасли насчитывалось до 300 тыс. безработных. В это же время японские автомобильные компании в совокупности заняли на американском рынке второе место, оттеснив продукцию «Форд моторз» на третье место и оставив впереди только «Дженерал моторз»¹¹.

Значительному усилению позиций японских автомобильных компаний на американских рынках способствовало то, что американская автомобильная промышленность в условиях повышения цен на горючее и общего ухудшения экономического положения в США оказалась неспособной перестроиться на производство экономичных автомобилей, тогда как, например, японская промышленность была ориентирована на это с первых дней своего развития. Американский автомобильный транспорт создавался и развивался в расчете на дешевое горючее, получаемое из собст-

венных американских, а затем — во все большей мере — из зарубежных источников. К концу 70-х годов автодорожный транспорт США потреблял в день столько же топлива, сколько вся Япония. На выпуск продукции одного только автомобильного гиганта «Дженерал моторз» ежедневно расходовалось почти столько же жидкого топлива, сколько во всей Франции¹².

Ведущие автомобильные компании США затратили миллиарды долларов на рекламу престижных крупногабаритных и мощных автомашин с повышенным расходом горючего. Критерием жизненного успеха у американского обывателя стало обладание «Кадиллаком» с двигателем мощностью 350—400 л. с., у которого расход топлива на каждые 100 км пробега в 5—6 раз превышал аналогичный показатель у экономичных западноевропейских и японских автомобилей. Возвращенная усилиями потребительской пропаганды тяга среднего американца к приобретению крупных автомобилей — «динозавров» — пожирателей бензина оказалась настолько сильна, что объем продаж этих автомобилей, сократившись в условиях энергетического кризиса 1973—1974 годов, снова увеличился непосредственно после устранения самых острых последствий нефтяного эмбарго. По большей части неоправданная погоня за увеличением мощности легковых автомобилей в США привела к тому, что средний пробег американского автомобиля в расчете на один израсходованный литр бензина сократился с 5,48 км в 1950 году до 5,05 в 1975¹³. Спрос на крупные автомобили начал заметно сокращаться лишь во второй половине 70-х годов, особенно после энергетического кризиса в июле 1979 года.

Причиной успеха продукции японских автомобильных компаний на американском рынке служит и то, что она отличается более высоким качеством и одновременно относительной дешевизной. Так, в 1979 году в десятку лучших моделей автомобилей, определяемую федерацией автомобилестроителей ФРГ по наименьшему числу рекламаций на тысячу проданных машин, входили четыре японские (первое, четвертое, пятое и восьмое места) и ни одной американской. Значительную роль в установлении уровня цен на автомобили играют величина и удельный вес издержек на оплату рабочей силы. Разрыв по часовой заработной плате американских и японских рабочих в 70-е годы значительно сократился, однако в 1981 году заработная плата рабочего на японских автосборочных предприятиях составляла в среднем лишь 53% уровня заработной платы

рабочего на аналогичных американских предприятиях. Японские компании обошли своих американских конкурентов в данной отрасли и по производительности труда, что являлось следствием более высокой степени автоматизации производства в Японии, а также уровня его организации и управления. В частности, именно в автомобильной промышленности Япония обогнала США, равно как и ряд других развитых капиталистических стран, по использованию промышленных роботов¹⁴.

Значительно усилился приток в США импортной бытовой электроники, продукции текстильной и обувной промышленности, стали, алюминия из различных капиталистических стран.

Подобное положение дел резко усилило протекционистские, а в более широком плане — националистические и изоляционистские настроения в США; на рубеже 70—80-х годов во власти этих настроений оказались весьма широкие слои и организации американского общества — бизнесмены, непосредственно затронутые конкуренцией иностранных компаний, ряд профсоюзов, различные общественно-политические объединения. Многие буржуазные органы массовой информации сознательно раздувают эти настроения, дезориентируют рабочий класс Соединенных Штатов, стремясь направить растущее недовольство пролетариата ухудшением своего положения как бы за пределы страны, против иностранных компаний, что расширяет поле для социально-политического маневра американских предпринимателей внутри США.

Тот факт, что в импорте многих товаров в США растет доля развивающихся стран, усиливает протекционистские тенденции в США. Закон о торговле 1974 года запрещает президенту распространять преференции на обширную группу «чувствительных к импорту» товаров. В соответствии с вступившей в силу с 1976 года программой преференций в список не облагаемых пошлиной импортных товаров не вошли те, в экспорте которых сильны позиции развивающихся стран.

Советские исследователи отмечают серьезное противоречие между деятельностью правительства по ограничению импорта из развивающихся стран и интересами корпораций, оперирующих в мировом масштабе. Оно возникает и на той почве, что преференциальный режим также не распространяется и на поставки из заграничных филиалов американских корпораций, которые достигают подчас $\frac{1}{4}$ всего импорта из развивающихся стран¹⁵.

В общем объеме прямых заграничных инвестиций капиталистического мира доля американских капиталовложений, несмотря на некоторое снижение темпов их роста в 70-е годы, в абсолютном выражении увеличивалась, повышалась и их роль в американской экономике. Заграничные капиталовложения характеризуются гораздо более высокими прибылями, чем инвестиции внутри страны, и поступление этих прибылей играет все более заметную роль в напряженном платежном балансе страны. По некоторым американским подсчетам, прибыли от прямых заграничных капиталовложений США выросли с 1950 до середины 70-х годов на 450%, в то время как прибыли от капиталовложений внутри страны — только на 50%. В целом заграничные инвестиции американских корпораций за счет более высокой нормы прибыли (возможности американского капитала для капиталовложений в ряде стран Западной Европы и Канаде к концу 70-х гг. стали заметно ухудшаться. — А. К.) дают почти четвертую часть их прибылей¹⁶.

Объем только прямых заграничных инвестиций американских монополий вырос в 1951—1978 годах с 16,8 до 80,3 млрд. долл. (с поправкой на инфляцию в постоянных ценах 1967 г.)¹⁷. Прибыли же с прямых и портфельных капиталовложений транснациональных монополий США в 1965—1976 годах выросли с 5,9 до 21,4 млрд. долл. в год¹⁸.

Как справедливо отмечается в исследовании ИМЭМО АН СССР «Современные транснациональные корпорации», зарубежное предпринимательство вследствие многолетнего активного вывоза капитала к началу 80-х годов стало играть исключительно важную роль в воспроизводстве капитала крупнейших монополий США. Общий объем прямых капиталовложений американского бизнеса за рубежом составил на конец 1980 года 221,1 млрд. долл., а отношение стоимости продукции зарубежных дочерних компаний к стоимости валового внутреннего продукта США составило в 1979 году более 40%; по этому показателю США в 1,4 раза опережают Западную Европу и в 2,8 раза — Японию¹⁹.

Оценивая роль транснациональных корпораций в американской экономике, следует отметить их доминирующие позиции в импорте ряда важнейших видов сырья; в частности, американские ТНК обеспечивают около 100% импорта в США олова, меди и фосфатов, 77 — импорта марганцевой руды, 76% железной руды и т. д. Эти поставки в значительной мере осуществляются по внутрифирменным

каналам американских ТНК, то есть по преференциальным для США ценам и в более короткие сроки. Аналогичным образом в Соединенные Штаты поступает 88% импорта бокситов, 80 — каучука, 68% бананов, а также реализуется половина американского экспорта²⁰.

Транснациональные монополии — это «элита элит» американского бизнеса. Практически все промышленные корпорации и банки, занимающие «верхние этажи» делового мира США, обладают большим числом заграничных филиалов и значительными масштабами операций за пределами США. Например, крупнейший в Соединенных Штатах и в мире частный коммерческий банк «Бэнк оф Америка» с 1960 по 1979 год увеличил число своих заграничных филиалов с 12 до 114. Кроме этого, его нью-йоркский филиал контролирует «Бэнк д'Америка — д'Италия» с 89 отделениями в Италии; принадлежащая «Бэнк оф Америка» компания «Бамерикал интернэшнл файнэншл корпорейшн» в свою очередь владеет западногерманской «Банкхаус централье кредит» с 27 филиалами в ФРГ и Западном Берлине; другие дочерние предприятия «Бэнк оф Америка» имеют 353 отделения в 100 других странах мира²¹. Еще больший объем зарубежных операций характерен для второго по величине американского коммерческого банка «Сити бэнк». Этот банк обладает 840 отделениями в 92 странах мира, и 75% его активов приходится на заграничные операции. В 1979 году, например, объем займов, предоставленных этим банком правительствам других стран, составил около 8 млрд. долл.; еще 9 млрд. было предоставлено в виде займов транснациональным монополиям. Особо тесные связи у этого банка во второй половине 70-х годов установились с крупнейшим в мире обладателем «свободных денег» — Саудовской Аравией²².

Американские транснациональные корпорации в среднем реализуют за границей 34,5% совокупного объема продукции, что многократно превышает показатели уровня интернационализации хозяйства Соединенных Штатов в целом. Западноевропейские компании реализуют за рубежом еще большую часть оборота (57,8%), японские компании по этому показателю отстают. Определилась и специфика внешней экспансии монополий трех главных центров капитализма: у западноевропейских транснациональных корпораций развиты как экспортная деятельность, так и зарубежное производство; для компаний США характерно преобладание зарубежного производства, а для японских корпораций — товарного экспорта²³.

По оценке советского ученого В. В. Жаркова, список американских транснациональных корпораций включает 115, имеющих, по его классификации, заграничные инвестиции и филиалы не менее чем в 5 иностранных государствах. Из этого числа в первые 100 промышленных компаний США входят 52 ТНК, в первые 200 — 84, в третью — пятую сотни — 13²⁴.

В списке ведущих транснациональных монополий, составленном журналом «Форбс», фигурируют 150 промышленных и торговых компаний и банков. Место корпораций в иерархии ТНК не всегда совпадает с их местом в иерархии 500 крупнейших компаний внутри страны: например, «Форд» в списке ТНК стоит выше «Дженерал моторз», поскольку превосходит последнюю по объему заграничных инвестиций и заграничных операций, хотя и уступает ей по общему объему капитала и продаж²⁵.

Американским транснациональным корпорациям и в 80-е годы по-прежнему принадлежит ведущее место среди международных монополий. Однако они уже не обладают таким абсолютным превосходством как в 50-е и 60-е годы. Крупнейшим структурным фактором ослабления позиций американских ТНК было выявление в 60-е годы двух других центров межимпериалистического соперничества — Японии и Западной Европы. За счет наличия трех «центров силы» в капиталистическом мире вновь обострилась борьба за рынки сбыта и источники сырья. В результате обесценивания доллара, углубления инфляционного процесса, замедления темпов роста производительности труда в американской промышленности, а также под действием ряда других факторов число монополий США в группе крупнейших транснациональных корпораций на протяжении 70-х годов сократилось. Наступление японских и западноевропейских ТНК привело, в частности, к тому, что такие корпорации, как «Дюпон де Немур», «Стандарт ойл оф Калифорния», «Юнайтед Стейтс стил», «Крайслер» и «Интернэшнл харвестер» в начале 80-х годов вообще оказались на грани банкротства. В последние годы под влиянием отмеченных изменений в расстановке сил в мире транснационального бизнеса американские ТНК стали интенсивно переориентировать свою зарубежную деятельность на отрасли, определяющие научно-технический прогресс. Это осуществляется как за счет новых поступлений капитала из США, так и посредством сокращения участия американских ТНК в старых и ненаучоемких отраслях. В результате американские ТНК захватили и продолжают

удерживать ключевые позиции в капиталистическом мире в таких отраслях, как добыча и переработка нефти, производство ЭВМ, авиастроение, некоторые области химической и электротехнической промышленности²⁶.

Следует отметить, что по своему отношению к международным экономическим и политическим процессам ТНК неоднородны. Среди транснациональных монополий можно различать те компании, которые занимаются вывозом капитала и экспортно-импортными операциями уже на протяжении многих десятилетий, и те, для которых крупномасштабная международная деятельность — дело сравнительно новое. Первые — в целом более старые, прочно закрепившиеся в американской и мировой структуре монополии («старые деньги»), вторые — в большинстве своем корпорации, занявшие высокое место в монополистической иерархии лишь после второй мировой войны («молодые деньги»). При этом первая группа — это преимущественно монополии со штаб-квартирами на Северо-Востоке страны (в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Чикаго), вторая — с центрами управления в южных и западных штатах (в Хьюстоне, Лос-Анджелесе, Атланте и др.)²⁷.

Крупные заграничные капиталовложения США являются, безусловно, одним из важнейших элементов, влияющих на международные позиции американского империализма. Американская дипломатия затратила огромные усилия для обеспечения максимально благоприятных условий вывоза капитала американскими транснациональными монополиями.

ТНК, базирующиеся в США, владеют половиной всех зарубежных инвестиций капиталистического мира. Это обстоятельство предопределяет то, что Америка располагает широчайшими возможностями вести подрывные действия против принимающих стран не только путем шпионажа, создания «пятых колонн», но и с помощью методов экономической блокады. ТНК выступают, как справедливо отмечает С. А. Караганов, в роли внешнеполитического орудия государства и объективно, и субъективно. Объективно — когда, увеличивая зависимость принимающих стран от США, репатрируя в США свои прибыли или обеспечивая «доступ к ресурсам», они своей непосредственной экономической деятельностью способствуют укреплению позиций американского империализма в несоциалистическом мире. Субъективно — когда американское правительство использует их позиции для навязывания другим странам своего внешнеполитического курса, для шпионажа, подрыв-

ной деятельности и т. д. Возрастающее значение ТНК как инструмента американской внешней политики есть одна из основных причин активной поддержки правительством Соединенных Штатов зарубежной деятельности ТНК в целом. Другой фундаментальной причиной является классовый характер американской внешней политики, то, что эта политика направлена на обеспечение в первую очередь интересов господствующего класса, в рамках которого хозяева и руководители ТНК пользуются огромным влиянием. Так что поддержка деятельности американского транснационального бизнеса в различных районах мира является одной из важнейших задач внешнеполитической стратегии США, а по ряду параметров она превратилась в один из существенных самостоятельных ее элементов.

Многие влиятельные политические деятели США связаны финансовыми, семейными и политическими узами с транснациональным бизнесом, что самым непосредственным образом влияет на их взгляды и поведение в отношении решения многих конкретных внешнеполитических проблем. Так, в 1954 году, во время организации проамериканского переворота в Гватемале в период пребывания у власти администрации Д. Эйзенхауэра, тогдашний постоянный представитель США в ООН Г. Лодж входил в совет директоров «Юнайтед фрут компани», помощник государственного секретаря по межамериканским делам Дж. Кэбот был ее крупнейшим акционером, сам госсекретарь Дж. Ф. Даллес многие годы являлся ее юрисконсультom, а его брат Аллен, бывший во время подготовки переворота в Гватемале директором ЦРУ, занимал одно время пост президента этой компании²⁸.

Транснациональные корпорации имели проводников своих интересов и во всех последующих американских администрациях. Под их прямым воздействием был совершен целый ряд агрессивных и подрывных акций американского империализма: высадка морской пехоты в Доминиканской Республике (1965 г.), свержение правительства Народного единства в Чили (1973 г.) и установление там жесточайшей диктатуры фашистского типа, попытки контрреволюционного переворота в Иране после свержения антинародного шахского режима и др. Самым тесным образом переплетены действия транснациональных корпораций, ЦРУ, госдепартамента, министерства обороны и других правительственных ведомств США по поддержанию различных диктаторских режимов в Латинской Америке, Азии и Африке.

Документально установлено, что американские спецслужбы, готовя, например, свержение правительства Сальвадора Альенде, активно взаимодействовали на различных уровнях с американскими транснациональными корпорациями, чьи интересы были непосредственно затронуты политикой, проводившейся правительством Народного единства. Наиболее существенную роль при этом сыграло руководство американской «Интернэшнл телеграф энд телефон компани», директор которой Дж. Маккоун осуществлял постоянное оперативное взаимодействие с директором ЦРУ Р. Хелмсом. Это взаимодействие во многом облегчалось тем, что Маккоун сам занимал пост главы ЦРУ до ухода в частнопредпринимательскую сферу, а Хелмс в то время был его заместителем по организации именно подрывных операций²⁹.

Согласовывались подрывные акции правительственных спецслужб и «Интернэшнл телеграф энд телефон компани» в Чили на высшем государственном уровне. Например, сразу же после победы на выборах 1970 года С. Альенде состоялась встреча Дж. Маккоуна с помощником президента по вопросам национальной безопасности Г. Киссинджером, на которой присутствовал и Р. Хелмс. После этой встречи возглавлявшийся Киссинджером «комитет 40» совета национальной безопасности, ведавший деятельностью всех разведорганов, принял решение о выделении дополнительных средств для активизации деятельности противников Альенде³⁰.

Такая координация усилий между правительственным аппаратом и руководством ИТТ продолжалась вплоть до осуществления кровавого военного переворота, приведшего к физическому устранению Сальвадора Альенде и многих тысяч политических деятелей не только «левого», но и либерального, и даже центристского толка.

Можно привести еще немало примеров такого взаимодействия между транснациональными корпорациями и государственным руководством США, конкретными правительственными органами.

В то же время на современном этапе ряд аспектов деятельности многонациональных монополий создает дополнительные проблемы для американского государства, идет разрез с интересами государственно-монополистического капитала в целом. Часто масштабы интересов той или иной транснациональной монополии в конкретной стране, побуждающие ее к соответствующему нажиму на государственные органы США, не соответствуют значимости этой стра-

ны в системе внешнеполитических приоритетов Соединенных Штатов, отражающих в обобщенном виде интересы господствующего класса в целом³¹.

Все более трудным становится для правительства США обеспечение безопасности американского частного капитала за границей, защита и страхование его от национализации. Огромные американские капиталовложения в развивающихся странах в условиях усиления международных позиций последних в глазах многих политических деятелей США служат своего рода заложниками на случай обострения отношений Соединенных Штатов и их союзников с теми или иными развивающимися странами³².

Представляется правомерным вывод, который делает советский исследователь С. А. Караганов относительно наличия двух тенденций при взаимодействии государственного аппарата США с ТНК. С одной стороны, классовая природа американского буржуазного государства, огромное влияние группы ведущих международных монополий на формирование внешней политики Соединенных Штатов, широкие возможности использования ТНК в интересах государственно-монополистического капитализма в целом ведут к активной поддержке ТНК правительством в многообразных формах. С другой стороны, ослабление мировых позиций американского империализма, рост мощи и влияния социалистического содружества, развивающихся стран, всех сил национального и социального освобождения, а также усиление в ряде случаев расхождений между общими интересами американского государства и частными интересами отдельных ТНК ведут к ограничению возможностей прямой государственной защиты последних, нежеланию правительственных деятелей всегда и всюду ввязываться в конфликты в интересах отдельных ТНК, особенно в тех случаях, когда подобные шаги могут противоречить общим интересам США в конкретном регионе, позициям американского транснационального бизнеса в целом. Что касается деятельности самих ТНК, то они зачастую стремятся обеспечить себе большую независимость от государства, стараются добиться увеличения свободы маневра в экономической, финансовой и даже международно-политических областях. Руководители американских ТНК во многих случаях пытаются придать им все более космополитический облик, использовать выгоды «межнациональной» позиции или даже «анациональности», избегая тем самым того, чтобы оказываться «между молотом и наковальней» в межгосударственных политических конфликтах.

Расширение заграничной экспансии транснациональных корпораций США, увеличение их роли в американской экономике, диверсификация экономической, финансовой и политической деятельности ТНК ведут к противоречиям не только на отдельных направлениях внешней политики государства, проводимой той или иной администрацией. Противоречия, возникающие в самих Соединенных Штатах в связи с деятельностью ТНК, значительно шире и глубже. Нарастает недовольство деятельностью ТНК со стороны широких масс американского народа, профсоюзов, некоторых групп буржуазии, интересы которых расходятся с интересами владельцев и руководителей транснациональных корпораций.

С завистью, недоверием относится к транснациональным предпринимателям американская буржуазия, оперирующая почти исключительно на внутреннем рынке. Она пестра по своему составу, но и наиболее многочисленна. Здесь и владельцы крупных промышленных корпораций и банков, хотя и уступающие по своей мощи транснациональным, но, тем не менее, близкие к вершине монополистической иерархии. В эту категорию входят и тысячи компаний средних размеров, миллионы фирм «мелкого бизнеса» (по некоторым оценкам, в США имеется до 15 млн. таковых). Свобода маневра транснациональных корпораций, их прибыли и сверхприбыли, способность быстрее и с меньшими издержками приспособливаться к меняющейся экономической конъюнктуре не могут не вызывать зависти у предпринимателей, деятельность которых ограничена более тесными рамками национального рынка. Для подавляющего большинства бизнесменов этой группы рынок ограничен даже не штатом, а каким-либо отдельным графством, районом города, просто кварталом.

В ряде случаев вектор настроений и политической активности «внутреннего» американского бизнеса совпадает с направленностью интересов транснациональных корпораций США. В ряде случаев имеет место их несовпадение, в силу чего процесс формирования и реализации внешней политики американского государства значительно усложняется.

§ 2. Сырьевая зависимость американского капитализма от внешних источников

В последние десятилетия XX века наиболее рельефным и значимым аспектом внешней зависимости Соединенных Штатов как с точки зрения международных позиций американского империализма, так и с точки зрения его внутренних социально-политических и экономических проблем следует, видимо, считать скачкообразное возрастание доли импортной нефти в общем энергетическом балансе страны. Значимость этого фактора особенно усилилась в результате, во-первых, почти десятикратного роста мировых цен на нефть за период 70-х годов; во-вторых, импорта нефти преимущественно из арабских стран, отношения с которыми носили крайне напряженный характер вследствие поддержки Соединенными Штатами агрессии Израиля на Ближнем Востоке; в-третьих, наличия на мировом рынке почти постоянного превышения спроса на нефть над ее предложением, а следовательно, все более напряженной конкуренции между основными странами — импортерами нефти.

Эти положения подтверждают следующие данные: в 1971 году импорт нефти составлял 25% ее потребления в США, а в 1979 году — уже около 50%. Причем рост потребления импортной нефти в Соединенных Штатах продолжался высокими темпами и после «нефтяного кризиса» 1973—1974 годов — это несмотря на то, что сразу же после событий, связанных с октябрьской войной 1973 года на Ближнем Востоке, администрация Никсона выдвинула широко разрекламированный проект «Независимость», направленный, в первую очередь, на уменьшение импорта нефти. Позже подобные программы принимались при администрациях Форда и Картера³³.

Скачкообразные повышения цен на нефть на мировых рынках в 1973—1974 годах привели к увеличению дефицита платежного баланса США, усилению инфляции, замедлению темпов роста валового национального продукта. По оценке Института Брукингса, «общие потери» американской экономики от увеличения цен на нефть составили уже к середине 70-х годов более 100 млрд. долл.³⁴ Такой высокой ценой было оплачено покровительство агрессору, которое в немалой степени явилось причиной нефтяного эмбарго и повышения цен на нефть арабскими странами.

Называя ОПЕК чуть ли не главным виновником кризисных явлений второй половины 70-х годов, американские правящие круги никак не хотят признать, что настало время, когда экономике США приходится расплачиваться за многие годы самого откровенного расхищения нефтяных богатств развивающихся стран. Низкие цены на импортную нефть обеспечивались нещадной эксплуатацией ресурсов стран — производителей нефти и жестким контролем над международной торговлей нефтью, установленным небольшой группой монополий. Получение дешевой нефти помогало США и другим развитым капиталистическим государствам экономить огромные капиталы, необходимые для развития столь дорогостоящей отрасли индустрии, как нефтяная, и в большей мере сосредоточивать усилия на форсированном развитии «верхних этажей» современной промышленности — машиностроения, химии, электроники, быстро повышать производительность труда. Кроме того, ввоз из-за границы дешевой нефти позволил Соединенным Штатам снизить внутреннюю добычу, сохранив часть нефти на будущее; вместе с тем он привел к частичному свертыванию американской угольной промышленности, затормозил создание неэнергоёмких машин и механизмов, разработку новых альтернативных источников энергии³⁵.

Энергетический кризис в США, действия стран — импортеров нефти — весьма важные факторы, вызывающие усиление националистических настроений в массе американской крупной, а также средней и мелкой буржуазии. Причем, как уже отмечалось в предыдущих разделах данной монографии, многие американские предприниматели уверовали в то, что главным виновником, если не прямым, то косвенным, такого поведения ОПЕК по отношению к Соединенным Штатам и их союзникам является — де Советский Союз. Это аргументируют тем, что стратегический паритет между СССР и США не позволяет применить против вышедших из-под контроля империалистических держав нефтедобывающих стран военную силу. Значительную лепту в распространение подобных взглядов внесли сионистские круги, военно-промышленные монополии, а также нефтяные транснациональные корпорации. Последние, в частности, стремились отвлечь общественное внимание от своей неблагоприятной роли в кризисных энергетических ситуациях. Развязав разнузданную пропагандистскую кампанию, целью которой было переложить вину за обострение энергетической проблемы США на ОПЕК и стоящий — де за ее спиной Советский Союз, американские нефтяные монополии

не только сумели в начале 80-х годов почти полностью снять с повестки дня вопрос о национализации главных компонентов энергетической промышленности, но и добились большего — создания такого общественно-политического климата в правящем классе в целом, при котором администрация Рейгана смогла провести меры по ослаблению регулирующей роли государства в энергетической сфере, введенные ранее Картером. В целом за десятилетие 70-х годов в стоимостном выражении (в текущих ценах) стоимость импорта нефти возросла с 2,8 до 60 млрд. долл., то есть больше, чем в 20 (!) раз. Отношение стоимости импорта нефти ко всему экспорту США за этот же период возросло с 4,3 до 24,6%, что, как уже отмечалось, заметно усугубило проблему торгового баланса страны³⁶.

Следует также отметить, что в общем объеме импорта увеличилась доля нефти из арабских стран. Если в 1973 году она составляла лишь 5% (впрочем, и этого оказалось достаточно для того, чтобы «нефтяное оружие» выглядело достаточно грозным в руках арабов), то к концу 70-х годов на долю арабской нефти приходилось уже около 40%³⁷.

Помимо арабских стран, Соединенные Штаты в значительных объемах импортируют нефть из такой крупнейшей африканской страны, как Нигерия, которая выступает на стороне борцов против апартеида и расизма на Юге Африки, что отнюдь не соответствует интересам и позиции американского империализма. В условиях укрепления международных позиций развивающихся стран не считается стопроцентно надежным и такой важный для Соединенных Штатов поставщик нефти, как Венесуэла. Только на рубеже 70—80-х годов начинается некоторое сокращение импорта нефти в США, что, впрочем, не снимает в принципе с повестки дня проблему огромной зависимости Соединенных Штатов от внешних источников этого сырья в 70-е годы и последующие десятилетия. Сокращение потребления нефти, в том числе (и в первую очередь) более дорогой импортной нефти, произошло в США за счет развертывания менее энергоемкой технологии и техники, сокращения поездок американцев на автомобилях, начала перехода на другие виды энергосырья.

Проблема обеспечения США энергетическим сырьем во многом связана с потенциальным падением добычи нефти внутри самих Соединенных Штатов. Согласно прогнозам управления технических оценок конгресса США, к 1985 году Соединенные Штаты, весьма вероятно, будут производить лишь 7,2—8,5 млн. баррелей нефти в день по срав-

нению с 10,2 млн. в 1980 году. К 2000 году, по мнению экспертов этого управления, ежегодный объем нефтедобычи в США упадет до 4—7 млн. баррелей.

По оценке журнала «Ойл энд гэз джорнэл», достоверные запасы нефти в США уменьшились с 3572,4 млн. т в 1979 году до 3558,9 млн. т на конец 1980 года. По мнению специалистов компании «Шелл», при использовании вторичных и третичных методов добычи размер имеющихся в США достоверных запасов нефти следует оценивать в 4 млрд. т. Для увеличения добычи этого сырья в США должны быть сняты все ограничения, а перспективные нефтеносные районы (Аляска или ее прибрежный шельф) должны быть открыты для разведки и эксплуатации.

Исключительно много внимания в США после нефтяного кризиса 1973—1974 годов уделяется созданию крупных стратегических резервов нефти на случай нарушения поставок из зарубежных стран. В соответствии с обсуждавшимся конгрессом планом к 1985 году правительственные запасы на случай кризисной ситуации должны составить 1 млрд. баррелей нефти, что может компенсировать полное прекращение поступления импортной нефти на период до 100 дней. Реализация этого плана натолкнулась на значительные финансовые, технические и бюрократические трудности, в результате чего заполнение предназначенных для этих целей резервуаров проходило примерно в три раза медленнее, чем необходимо³⁸.

В 70-е годы впервые столкнулись с проблемами обеспечения топливом вооруженные силы США. Так, в период энергетического кризиса 1973—1974 годов неожиданно остались без горючего несколько соединений американских военно-морских сил. Поступление горючего не обеспечили американские же нефтяные компании, предпочитавшие поставлять свои танкеры тем потребителям, которые в условиях кризиса были готовы заплатить более выгодную цену. В условиях значительных колебаний в ценах на нефть и неопределенности в отношении объема ее поступлений на мировой рынок в конце 70-х годов, по свидетельству начальника топливного управления министерства обороны США генерала Лоуренса Р. Симона, несколько раз нарушалась стабильность поставок нефти и нефтепродуктов для американских вооруженных сил в целом. Чтобы урегулировать эту проблему, министр обороны США в декабре 1979 года провел специальную встречу с председателями правлений и президентами 12 нефтяных корпораций — поставщиков вооруженных сил³⁹.

Зависимость США от внешних источников сырья не ограничивается лишь одной нефтью, она распространяется на весьма широкую номенклатуру сырьевых материалов. Уже в середине 70-х годов США обеспечивали свои потребности в минеральном сырье и топливе за счет собственных ресурсов лишь на 75% против 85 в 1970 и 92% в 1950 году. В начале 80-х годов свои потребности в хrome, марганце, никеле, кобальте и олове США почти полностью удовлетворяют за счет импорта. Местные ресурсы сырья для выпуска алюминия, цинка и вольфрама также недостаточны. По оценке ряда правительственных экспертов США, к 1985 году примерно 50% потребностей страны в минеральном сырье и топливе, включая железную руду, будет обеспечиваться путем импорта.

США — одна из самых богатых природными ресурсами стран мира впервые в истории столкнулась с весьма ощутимым их дефицитом. Обилие дешевой энергии и минерального сырья на протяжении длительного времени было одним из важных факторов, благоприятствовавших развитию американской экономики; сейчас дороговизна и ограниченность ресурсов существенно сдерживают его. Повышение цен на минеральное сырье (особенно на нефть), неуверенность в гарантированном снабжении им, панические предсказания близящегося конца природных ресурсов, требования развивающихся стран об индексации цен на сырьевые товары и промышленные изделия привели к тому, что сырьевое звено в сложившейся структуре воспроизводства стало рассматриваться в США как одно из самых слабых. Как считают многие американские экономисты, теперь можно говорить не столько о количественном процессе (рост цен), сколько о качественном, то есть об изменении роли сырья в экономике. В интервью журналу «ЮС ньюс энд уорлд рипорт» американский исследователь, проф. В. Леонтьев заявил: «Запас в США важнейших природных ресурсов — нефти, железной руды и других минералов — сейчас, очевидно, намного меньше, чем он был 20—30 лет назад. США сейчас приходится импортировать гораздо больше дорогостоящего минерального сырья, и они должны быть серьезно озабочены ожидаемой его нехваткой в будущем»⁴⁰.

По оценке Е. В. Бугрова, в США исчерпаны возможности увеличения нефтедобычи за счет использования резервных мощностей американских нефтепромыслов. В период с 1960 по 1965 год добыча нефти в стране составляла в среднем около 75% от максимально возможного (без

снижения коэффициента извлечения нефти из месторождений) уровня. Остальные 25% в случае необходимости могли быть сравнительно легко приведены в действие, чтобы компенсировать перерыв в поступлении иностранной нефти. Этот стратегический резерв нефти уже в начале 70-х годов фактически был исчерпан — США вышли на максимально возможный уровень нефтедобычи. Аналогичная ситуация сложилась в США и в отношении природного газа. При резко изменившемся соотношении между доказанными запасами и годовой добычей природного газа в 70-х годах практически оказалось невозможным не только увеличивать добычу газа, но и предотвратить ее уменьшение. Факты показывают, что для США стала реальностью новая проблема — надежности газоснабжения. Увеличивающуюся диспропорцию между запасами и добычей природного газа в США не относят к числу конъюнктурных явлений, а рассматривают как серьезное свидетельство роста энергетических трудностей⁴¹.

В то же время США имеют огромные запасы угля, в три раза превышающие по тепловому эквиваленту запасы нефти на Ближнем Востоке. Разведанные запасы угля в США оцениваются примерно в 400 млрд. т, и даже при удвоении угледобычи в стране их хватило бы на 300 лет. Велики в стране запасы и битуминозных сланцев, и урановой руды. Наличие, в частности, больших запасов урановой руды предопределяет некоторые дополнительные возможности для развития ядерной энергетики в США, несмотря на значительное удорожание строительства атомных электростанций и цены уранового горючего. В то же время следует иметь в виду, что все более острой в США становится проблема захоронения радиоактивных отходов и обеспечения безопасности атомных электростанций⁴².

С опозданием на десятилетия в США признано, что обеспеченность страны конкретными видами энергетических ресурсов не послужила ориентиром для соответствующей перестройки энергобаланса после второй мировой войны, указывает Е. В. Бугров. Все чаще констатируется, что доля угля составляет в США около 90% потенциальных извлекаемых ресурсов органического топлива, тогда как за его счет удовлетворяется менее 20% ежегодных энергетических потребностей страны. Из этого следует, что нефтегазовый крен в развитии американской энергетики не опирался на соответствующую национальную сырьевую базу. Тем самым крупные структурные сдвиги в энергобалансе США в сторону преимущественного использования неф-

ти и газа оказались в резком несоответствии не только с масштабами, но и с направлениями развития национального производства топливно-энергетических ресурсов, что не могло не привести к росту американского нефтяного импорта. Такие сдвиги сопровождались в США фактическим застоєм в угольной промышленности, гидроэнергетике, а также замедлением освоения других энергетических ресурсов. Диспропорции в развитии энергетического хозяйства США, его структурная несбалансированность привели к тому, что, как признают американские эксперты, страна в наибольшей степени зависит от тех энергоисточников, которыми меньше всего располагает, что приводит к критической зависимости от импорта. В итоге диспропорции американского энергопроизводства приобрели такие масштабы, что вышли за рамки проблемы структурного несоответствия в национальном энергобалансе и приобрели ярко выраженное международно-экономическое и международно-политическое значение⁴³.

Энергетическая зависимость США стимулировала меры государственного регулирования в этой сфере. Проблема разработки общегосударственной энергетической политики со всей остротой встала уже в связи с энергетическим кризисом 1973—1974 годов. В выдвинутой республиканской администрацией Никсона энергетической программе «Независимость» основное внимание было сосредоточено на сокращении импорта нефти. В соответствии с ней предлагалось свести импорт нефти к нулю (к 1985 году) как за счет увеличения внутренней добычи нефти, газа и других видов энергетического сырья, так и за счет мер по более эффективному использованию энергии⁴⁴. Проект «Независимость» обсуждался в конгрессе США в течение двух лет, но так и не был принят.

Последующие события показали, что данная программа, не учитывавшая всей глубины проблемы и ее многоплановости, оказалась невыполнимой: импорт нефти даже в условиях постоянного повышения мировых цен на энергетическое сырье продолжал расти быстрыми темпами.

Когда пришла к власти администрация Дж. Картера, проблема энергетической зависимости США продолжала восприниматься как весьма острая, и на свет появилась новая программа в этой области — «Национальный энергетический план», предложенный демократической администрацией. После полуторагодичного обсуждения в конгрессе данный план был утвержден в виде закона. При этом подчеркивалось, что он не предусматривает «достижения не-

достижимого» — полной энергетической независимости США. В нем ставилась более скромная задача: за счет целого ряда мер уменьшить к 1985 году на 225 млн. т в год потребность в импорте нефти, причем, как указывали составители программы, в отсутствие таких мер ввоз нефти к 1985 году может достичь 575 млн. т. В числе этих мер стимулирование добычи и использования огромных запасов каменного угля, производство синтетического горючего, ускоренное освоение солнечной и геотермальной энергии, сокращение расхода бензина всеми марками автомобилей, стимулирование развития общественного транспорта, меры по улучшению теплоизоляции строящихся и построенных жилых домов и т. д.

Ход дебатов по этой программе в конгрессе показал ожесточенное сопротивление со стороны нескольких группировок, которые представляли интересы крупнейших энергетических монополий в различных экономических районах страны.

Напряженная борьба развернулась по проблеме регулирования цен на нефть и природный газ. После длительных дебатов было принято решение о поэтапном повышении цен на природный газ, поступающий с новых месторождений в течение шести лет. Вплоть до отмены правительственного контроля в 1985 году цены предполагалось повышать, учитывая общий рост цен в стране, примерно на 10% в год⁴⁵.

Это решение явилось результатом компромисса между проводниками интересов энергетических монополий, добивавшимися создания условий для бесконтрольного роста цен на газ, и теми политическими деятелями, которые защищали интересы корпораций — потребителей энергии и которые не могли не учитывать также потребности и настроения массового рядового потребителя.

Несмотря на относительное единство взглядов по вопросу о необходимости довести внутренние цены на нефть до уровня мировых, предложение администрации повышать их постепенно и отчасти за счет дополнительного налогообложения самих нефтедобывающих компаний встретило сопротивление конгрессменов и сенаторов, связанных с нефтяным бизнесом. Последние выступали против дополнительного налогообложения нефтяных компаний и выплат за их счет компенсации потребителям нефти, которые неизбежно пострадают при повышении внутренних цен. Кроме того, законодатели — проводники интересов энергетического бизнеса настаивали на том, что повышение внутренних

цен на нефть должно происходить без государственного вмешательства, исключительно под воздействием рыночных сил.

Под давлением этой группировки в конгрессе администрация в 1978 году была вынуждена отказаться и от выплат компенсации отдельным группам потребителей, и от намерения провести дополнительное налогообложение нефтяных монополий.

Сильное сопротивление встречали и другие мероприятия «Национального энергетического плана». Так, например, многие компании фактически саботировали предписания об обязательном переводе электростанций с мазута на уголь.

Могущественные группировки в конгрессе, связанные с энергетическим бизнесом, оказали противодействие планам администрации и по такому важному вопросу, как расширение функций регулятивных органов исполнительной власти, связанных с энергетикой. В октябре 1977 года конгресс дал согласие на создание нового специального министерства энергетики, но постарался сразу же ограничить его функции, отказав ему в праве регулировать цены на нефть и газ. При этом целый ряд функций в области энергетики был сохранен за министерством внутренних дел.

Решение остро стоящей в Соединенных Штатах энергетической проблемы невозможно без серьезного ограничения могущества энергетических монополий. Но социально-политическая обстановка в стране еще не созрела для подобных действий. И все же в США происходит оживление идеи наиболее радикального (в рамках существующих капиталистических отношений) решения энергетической проблемы — национализации.

Эта идея приходит в столкновение с консервативными вариантами решения энергетической проблемы, один из которых в 1980 году был принят на вооружение руководством республиканской партии во главе с будущим президентом Р. Рейганом.

Суть подхода лидеров республиканцев к решению энергетической проблемы в соответствии с их общей политической платформой состоит в разработке планов максимального снятия ограничений на деятельность энергетических монополий, в уповании на регулирующее действие рыночных сил. На деле это означает полную свободу рук для крупнейших предпринимателей этой отрасли, возможность дальнейшего взвинчивания и без того высоких цен на нефть и другие виды энергетического сырья. На международной

арне администрация Рейгана делает ставку на односторонние акции⁴⁶.

Подобный подход республиканцев встретил самую острую критику со стороны различных демократических организаций, а также со стороны тех представителей правящего класса, которые понимают, что сколько-нибудь приемлемое решение энергетической проблемы невозможно без более решительного и прямого воздействия государства на эту важнейшую сферу экономики, без ориентации на международное сотрудничество.

В целом решение проблемы обеспечения промышленности США минеральным сырьем и топливом, как теперь признается, в значительной мере зависит от их эффективного и экономичного вовлечения в хозяйственный оборот, более рационального использования в производственном процессе, от разработки низкосортных (т. е. более дорогостоящих) запасов минерального сырья, а также интенсивной разведки новых, большей частью труднодоступных месторождений. В США почти нет месторождений золота, платины, ртути и олова. В стране имеются залежи марганца, хрома и никеля, однако американские геологи считают, что США, по-видимому, никогда не смогут полностью удовлетворить свои потребности в них без помощи импорта.

Вместе с тем США располагают значительными ресурсами ряда минералов, например молибдена, магния, полевого шпата, талька, известняка, фосфатов, меди, свинца. Многие из этих ресурсов, однако, выгоднее импортировать. Как считает ряд американских экспертов, США, по-видимому, смогли бы за счет местной добычи полностью удовлетворить потребности в железной руде, а также в сырье для получения алюминия и титана, однако это было бы связано с ростом издержек производства в результате вовлечения в разработку бедных руд.

Положение с отдельными видами сырья становится в США все более напряженным. В настоящее время США зависят от импорта 68 из 95 видов сырья, считающегося необходимым для экономики современной промышленно развитой страны. В середине 70-х годов США полностью обеспечивали свои потребности только по 27 видам сырья, по 15 видам все потребности удовлетворялись за счет импорта (алмазы, висмут, кобальт, корунд, марганец, ниобий, олово, слюда, стронций, тантал, хром, цезий и др.).

Зависимость США от импорта минерального сырья возрастает не только из-за отсутствия геологических запасов

некоторых полезных ископаемых и относительно медленно-го развития добывающей промышленности страны, но также из-за общего роста промышленного производства, удорожания добычи в результате ухудшения горно-геологических условий и истощения запасов сырья. Разработка же малопродуктивных залежей руд и месторождений топлива, а это становится все более необходимым, ведет к довольно значительному повышению себестоимости этого сырья. Чтобы чрезмерно не увеличивать капиталовложения внутри страны, американские корпорации в послевоенный период все в большей степени ориентировались на мировой рынок и эксплуатацию ресурсов других стран для обеспечения потребностей промышленности США в минеральном сырье.

В числе основных факторов, которые обусловили значительное истощение природных ресурсов в США,— традиционное американское пренебрежение к природным ресурсам, вызванное их кажущимся постоянным изобилием, высокий уровень индустриализации страны, вследствие которого потребление сырья резко возросло (США используют около 30% всего объема мирового потребления); стремление фирм США избежать дополнительных затрат на более полную переработку сырья. Необходимость эксплуатации менее богатых или более удаленных месторождений полезных ископаемых неизбежно вызывает повышение уровня цен на отдельные виды металлов и минералов.

Учитывая приведенные выше факторы, необходимо в то же время иметь в виду, что на случай кризисных ситуаций в США имеются значительные государственные запасы многих видов стратегического сырья. Некоторые запасы весьма значительны, и часть их время от времени распродается, поступая и на мировой рынок и вызывая при этом значительные конъюнктурные колебания. Так, в 1981 году США решили продать 10 тыс. т олова, что вызвало резкий протест и сопротивление основных стран — экспортеров этого металла. Как отмечалось, например, в заявлении национальной ассоциации владельцев шахт Боливии, «провокационная затея США продать на мировом рынке несколько тысяч тонн олова из своих стратегических запасов представляет собой подлинную экономическую диверсию против производителей этого металла». Оказанное странами — экспортерами олова сопротивление оказалось столь значительным, что Соединенным Штатам удалось продать лишь 2 тыс. т этого металла.

§ 3. Вторжение иностранного капитала в экономику США и его последствия

Одной из специфических особенностей международного экономического положения США конца 70 — начала 80-х годов, имеющей, как представляется, все более заметные социальные, внутри- и внешнеполитические последствия, является постоянный рост прямых и портфельных капиталов, вкладываемых другими капиталистическими странами в американскую экономику. Это является прямым следствием усиления позиций основных империалистических конкурентов американского капитализма, наличия у них огромной массы обесценивающихся долларов, на которые выгоднее покупать заводы, фермы, недвижимость в США, нежели пускать эти деньги в оборот в международных операциях. Наряду с наплывом капиталов из Англии, ФРГ, Японии, Австралии, Канады с середины 70-х годов начал происходить быстрый рост инвестиций в экономику США из стран — членов ОПЕК.

По оценке управления генерального ревизора конгресса США, в 70-е годы прямые иностранные инвестиции в экономику Соединенных Штатов выросли в 3 раза и составили около 25% от прямых зарубежных инвестиций американских компаний. Федеральное законодательство и законы отдельных штатов запрещают или значительно ограничивают иностранные капиталовложения в такие отрасли, как прибрежное судоходство, атомная энергетика, радио- и телевизионное вещание, разработка природных ископаемых на федеральных землях. В последние годы предпринимались неоднократные попытки увеличить сферу ограничений для инвестиций иностранных компаний в США, но они не увенчались успехом⁴⁷.

В условиях «бегства» американских капиталов из США, ухудшения общей экономической обстановки в стране, роста безработицы и падения темпов роста производительности труда власти многих отдельных штатов активно добиваются иностранных инвестиций. При этом их интересы подчас вступают в противоречие с интересами федеральных властей, старающихся в определенных пределах контролировать этот процесс.

Структура иностранных прямых капиталовложений в США на конец 70-х годов оказалась следующей: из обще-

го объема этих инвестиций в 40,8 млрд. долл. 16,3 млрд. было вложено в обрабатывающую промышленность (в основном в химическую, металлургическую, машиностроение); 8,9 млрд. — в оптовую и розничную торговлю; 7,9 млрд. долл. — в нефтяную промышленность⁴⁸.

На рубеже 70—80-х годов в нефтяную промышленность США особенно активно устремились иностранные компании: только в 1979 году здесь было вложено 5,5 млрд. долл.⁴⁹ Принадлежащие иностранцам промышленные предприятия к началу 80-х годов оказались сконцентрированными преимущественно в восточной части США, а также в Калифорнии и Техасе⁵⁰.

В оценке управления генерального ревизора конкретные причины столь заметного роста иностранных инвестиций в Соединенных Штатах сводятся к следующему: это крупнейший однородный рынок из числа открытых и доступных зарубежным инвесторам, более свободный от государственного вмешательства, чем в большинстве других стран; в США имеются высококвалифицированные кадры и огромный резервуар НИОКР; западноевропейские инвесторы напуганы растущей профсоюзной активностью в своих странах; иностранные компании, в том числе японские, таким путем надеются преодолеть таможенные барьеры, которые могут существовать достаточно долго в условиях дальнейшего роста протекционистских настроений в США. Отмечается также ослабление доллара по сравнению с другими валютами ведущих капиталистических стран и ухудшение положения на американском рынке акций, которое делает их приобретение иностранцами менее дорогостоящим⁵¹.

Ряд советских исследователей особо подчеркивают, что одной из основных целей создания западноевропейскими, японскими, австралийскими и канадскими ТНК филиалов в Соединенных Штатах является получение самой передовой научно-технической информации, технологического опыта, «ноу-хау»⁵². В то же время увеличивается поток научно-технических знаний и в обратном направлении. Рост проникновения на американский рынок западноевропейских и японских монополий сопровождается внедрением в экономику США импортируемых ими более эффективных научно-технических нововведений. Особенно заметно воздействие иностранных корпораций в американской фармацевтике (ряд новых транквилизаторов, противоастматических и противогипертонических препаратов), производстве автоматических контрольных схем, медицинского оборудова-

ния, строительной технике, деревообрабатывающих станков. В добывающей промышленности США западноевропейские компании, например, используют собственные, более совершенные, чем американские, методы угледобычи, а в металлургии — выплавки алюминия⁵³.

Особенно успешно в США оперируют японские компании, которые предпочитают строить новые заводы и фабрики, а не приобретать уже действующие предприятия. К началу 80-х годов в американской промышленности, по данным американско-японского торгового совета, действовало более 700 японских предприятий. В основном они сконцентрированы в Калифорнии и Джорджии, однако принадлежащие японскому капиталу предприятия имеются и в других районах страны. Например, «Сони корпорейшн» производит телевизоры в Джорджии, кассеты для обычных и видеомагнитофонов в Алабаме и динамики для стерео-проигрывателей в Пенсильвании, «Хитачи лимитед» — телевизоры в Калифорнии и кассеты в Джорджии, «Саньо электрик компани» собирает телевизоры в Арканзасе, «Мицусита электрик индастриал компани» производит их в Иллинойсе, «Мицубиси электрик компани» — в Калифорнии, а «Тошиба корпорейшн» — в Пенсильвании. «Ниппон электрик» имеет предприятие по производству телефонных узлов связи в Техасе, тогда как «Оки электроникс оф Америка» и «Хитачи» выпускают ту же продукцию соответственно во Флориде и Джорджии. В основном эта продукция предназначена для американского рынка, но часть ее экспортируется в Японию. В большинстве своем японские предприниматели стараются размещать новые заводы и фабрики в тех районах Соединенных Штатов, где менее сильны профсоюзы, нарастающее давление которых в Японии в значительной мере и вынуждает их переводить свои капиталы в США⁵⁴.

Интересно сравнение эффективности иностранных и национальных предприятий США. Объем реализованной продукции в расчете на одного занятого в промышленности США у иностранных фирм в 1979 году был на 36% выше, чем у национальных; при этом в разных отраслях соотношение было различным. В нефтяной промышленности данный показатель у иностранных компаний был ниже, чем у национальных, на 7,2%, в химической промышленности — на 39,9, в пищевой — на 35,6%. По обрабатывающей промышленности в целом реализованная продукция в расчете на одного занятого на иностранных предприятиях была выше на 9,7%, в наукоемких отраслях промышленно-

сти превышение составляло 8,8%. Значительным было превосходство в отраслях машиностроения (21,2%), которое в известной мере компенсировало отставание иностранных компаний в химической и пищевой отраслях промышленности. Аналогичная ситуация складывается и в вопросах эффективности использования иностранными фирмами основного капитала⁵⁵.

Ориентация на импорт у компаний, подконтрольных иностранному капиталу в обрабатывающей промышленности США, сильнее, чем у американских корпораций. Отношение импорта к продажам у первых составило в конце 70-х годов 12,4, а у последних — 8,4%. Эта тенденция особенно рельефно проявляется в отраслях общего машиностроения, электротехнике и электронике, а в последнее время — в комплексе металлургических и металлообрабатывающих производств. Воздействие иностранных инвесторов на объем и структуру американского импорта оказывается в количественном выражении весьма значительным. Внешнеторговый баланс иностранных компаний, например, в 1980 году был сведен с дефицитом в 9,7 млрд. долл. Это было эквивалентно пятой части общего отрицательного сальдо баланса Соединенных Штатов во внешней торговле промышленными товарами: эта доля была гораздо больше удельного веса заграничных фирм в производстве и внешнеторговом обороте США. При этом деятельность дочерних предприятий неамериканских ТНК в Соединенных Штатах приводит к уменьшению актива США во внешней торговле наукоемкой продукцией. Таким образом, импорт капитала и деятельность иностранных международных монополий внутри США негативно воздействуют на американские внешнеторговые позиции⁵⁶.

Намного возросли за последние 7—8 лет покупки иностранцами недвижимости в США — отелей, доходных домов, крупных участков земли в городах и сельской местности, ферм. Именно в этой сфере наиболее активно проявляется деятельность шейхов и бизнесменов из нефтедобывающих арабских стран, обладающих очень крупными наличными суммами денег. Начиная со второй половины 70-х годов землю в США в больших количествах скупают представители привилегированных слоев из ряда западноевропейских стран.

Богачи из различных стран мира в последние годы стали проявлять, по свидетельству владельца одной посреднической фирмы по торговле недвижимостью, «невероятный энтузиазм в отношении приобретения американских

ферм». Среди европейцев, купивших американские фермы, — представители старинных аристократических семей: князь Лихтенштейнский, владеющий 10 тыс. акров в Техасе, князь Бузони, имеющие ферму с угодьями в 12 тыс. акров в Иллинойсе, князь Меттерних, поместье которого в Айове занимает 2,1 тыс. акров. Особенно привлекательной становится земля в Калифорнии. Освободившаяся земля немедленно продается, чаще всего попадая в руки иностранных богачей. Покупка земли считается очень хорошим помещением капитала, поскольку земля, особенно сельскохозяйственные угодья, постоянно дорожает, и финансисты — даже в самой отдаленной перспективе — не видят возможности изменения этой тенденции. По словам главы одной из фирм по купле-продаже земли Р. Оппенгеймера, его иностранные клиенты — выходцы из старых европейских родов — чрезвычайно напуганы происходящими в их странах социально-политическими переменами и стремятся в качестве гарантии своего «выживания» приобрести земли в США, считая эту страну «самым мощным бастионом свободного предпринимательства»⁵⁷.

Все большее число фермеров и фермерских организаций критически относятся к приобретению американских земель богатыми иностранцами, кое-где они пытаются оказать сопротивление этим сделкам, однако это остается безуспешным. Особенно негативно относятся к «вторжению» иностранцев владельцы небольших ферм, которых и без того ставит в нелегкое положение натиск гигантских американских агропромышленных корпораций.

Проникновение иностранного капитала затронуло и «святая святых» американского бизнеса — банковское дело. Так, объем банковских капиталов, контролируемых иностранными (в основном японскими и западноевропейскими) банками, вырос примерно с 20 млрд. долл. в 1972 году почти до 100 млрд. в 1978⁵⁸.

Как отметил в 1981 году один из крупнейших американских банкиров, бывший глава «Чейз Манхэттен бэнк» Д. Рокфеллер в своем интервью, «за последние пять лет или около того произошел крупный прорыв европейских, канадских и японских банков на американский рынок»⁵⁹.

Проникновение иностранных банков в США является составной частью процесса интернационализации экономической жизни в капиталистическом мире в условиях нового соотношения сил между ведущими империалистическими государствами. Оно во многом связано с изменениями,

происшедшими в 70-е годы в развитии национальных кредитных систем Японии и стран Западной Европы; уровень концентрации и централизации банковского капитала в этих странах достиг таких масштабов, что это самым непосредственным образом отразилось на международной деятельности японских и западноевропейских банков, в том числе в отношении США. Основой для возможностей активного проникновения этих банков в американскую банковскую систему служит возрастание их удельной финансовой мощи. Если еще в 1970 году из десяти крупнейших банков капиталистического мира семь были американскими, два — английскими и один — итальянским, то в конце 70-х годов в первой десятке только три банка представляли США, шесть — страны Западной Европы и один — Японию⁶⁰. В 1982 году впервые в структуре кредитов на международных рынках капитала ведущее место занял не американский, а японский банк — «Токио бэнк», который участвовал в качестве ведущего менеджера в предоставлении кредитов на сумму 56,6 млрд. долл. (10 млрд. долл. в 1980 г.)⁶¹.

Иностранные банки в США в начале 80-х годов обеспечивали более 15% всех займов, а в двух крупнейших штатах — Нью-Йорке и Калифорнии, где наблюдается их наибольшая концентрация, — 40 и 30% соответственно. Число их отделений и филиалов достигло 333, что означало более чем трехкратный рост по сравнению с первой половиной 70-х годов. Если поначалу приобретаемые иностранными финансистами американские банки были небольшими, то в последние годы очередь дошла и до весьма крупных банков: например, в 1980 году было объявлено о приобретении четырнадцатого по величине активов калифорнийского «Крокер нэшнл бэнк» британским «Мидлэнд бэнк». Несколько ранее иностранцы приобрели также весьма крупные банки — нью-йоркский «Марин мидлэнд бэнк» и калифорнийский «Юнион бэнк», что сразу же привлекло внимание крупнейших американских банкиров. Отражая растущую тревогу многих финансистов США, член палаты представителей от Нью-Йорка Б. Розенталь заявил: «Открытие двери иностранным интересам является опасной и неумной политикой, угрожающей целостности американской банковской системы»⁶². В то же время отдельные группировки американского бизнеса выступают за сохранение существующего законодательства в отношении иностранных банков на территории США. Для многих промышленных и торговых корпораций они являются дополнительным и не-

маловажным источником займов, которые не всегда могут предоставить им на столь же подходящих условиях американские банки. Некоторые банки Техаса, Калифорнии, штатов «глубокого Юга», представляющие «молодые деньги», вступают в секретные соглашения с иностранными банками для более эффективной борьбы с банками Северо-Востока и Чикаго, представляющими «старые деньги». В то же время, например, власти Техаса накладывают более значительные ограничения на деятельность иностранных банков на своей территории, нежели власти штатов Нью-Йорк, Пенсильвания, Джорджия, Флорида.

Применяя различные формы организации своего заграничного аппарата, иностранные банки все глубже проникают в различные сферы кредитно-финансовой деятельности США: это многообразные операции на нью-йоркском денежном и валютном рынках, «розничное» кредитное обслуживание населения и др. Иностраным банкам в США удалось завоевать прочные позиции, в частности, в предоставлении ссуд торговым и промышленным корпорациям. Часть ссуд иностранные банки предоставляют филиалам ТНК своих стран, расположенным в США, однако это не является основным направлением расширения их операций. Именно активное кредитование крупнейших американских корпораций иностранными банками представляет важнейшую отличительную черту деятельности последних на американском рынке капитала со второй половины 70-х годов. Американские компании прибегают к услугам иностранных банков в первую очередь для финансирования своих международных операций. Но по мере развития между ними связей первые обращаются к этим банкам и за кредитами для использования в самих США. Важнейшим средством завоевания американского рынка выступают относительно низкие процентные ставки по кредитам (что, кстати, использовали в свое время американские банки при завоевании западноевропейского рынка). При этом иностранные банки изыскивают иные пути формирования процентных ставок, часто более эффективные, чем американские банковские учреждения, в частности они получают необходимые средства на рынке евродолларов по ставке, более низкой, чем на американском денежном рынке⁶³.

Многие американские банкиры выступают не за ограничение деятельности иностранных банков в США, а за снятие всех преград на пути слияния американских банков, которые, по существующему законодательству, не

имеют права пересекать границы своих штатов при развертывании сети филиалов. В то же время банкиры, представляющие тысячи небольших банков, усиливают лоббистскую деятельность и против отмены запрета на пересечение границ штатов, и за ограничения в деятельности иностранных банков, поскольку, как отмечалось в журнале «Тайм», «они не жаждут быть поглощенными ни американским «Чейз Манхэтген», ни западногерманским «Коммерцбанком»⁶⁴.

Выражением националистических настроений бизнесменов, не имеющих выходов на зарубежные рынки и одновременно сталкивающихся с усиливающейся конкуренцией иностранных компаний внутри Соединенных Штатов, может служить выступление Дж. Коллиер, президента небольшой электротехнической компании «Нэшнл индастриз» (г. Монтгомери, штат Алабама), члена консультативного совета по промышленной политике при министерстве торговли. (Этот совет призван способствовать развитию внешней торговли с участием мелких и средних американских компаний.) Дж. Коллиер пишет, что на деньги, вырученные от продажи товаров внутри США, иностранные компании скупают земли и промышленные предприятия в Соединенных Штатах, наступая на американских предпринимателей в самом сердце их собственной страны. Ее фирма осталась единственной американской компанией по производству некоторых специализированных видов бытовой электротехники, поскольку другие фирмы вынуждены были прекратить их производство перед лицом иностранных конкурентов. «Не распродаем ли мы наши кровные права? — восклицает Дж. Коллиер. — Допустимо ли, что будущие иностранные вкладчики капиталов смогут контролировать ключевые отрасли промышленности в нашей стране? В наших ли это интересах — позволять иностранцам покупать наши промышленные предприятия, наши фермы, наши лесные угодья? Я думаю, что мы нуждаемся в законах, ограничивающих неамериканскую собственность на эти жизненно важные ресурсы»⁶⁵.

Против подобных предложений выступают представители многих крупнейших американских транснациональных компаний, которые опасаются, что действия США по ограничению иностранных инвестиций, импорта товаров и услуг вызовут ответную реакцию со стороны их ведущих контрагентов. Резкое усиление протекционизма, ограничение на заграничные инвестиции в различных странах и районах мира в глазах лидеров американских транснациональ-

ных монополий может означать не только частичное ослабление их экономических и политических позиций, но и крах всей весьма нестабильной системы экономических отношений в капиталистическом мире.

§ 4. Воздействие зависимости США от внешнего мира на внешнеполитическое мышление правящих кругов

Рост зависимости США, чувство растущей уязвимости, накладывающееся на ослабление мировых позиций Соединенных Штатов, оказало значительное воздействие на мышление правящих кругов. Осознание ими этих новых реальностей, во многом беспрецедентных для американской истории, породило различные, в значительной мере конфликтующие между собой воззрения и концепции.

При формировании этих воззрений и концепций весьма велико значение субъективных факторов, в том числе факторов социально-психологического характера⁶⁶.

Анализ концепций, появившихся непосредственно под влиянием качественно возросшей зависимости Соединенных Штатов от внешнего мира, дает основание говорить о том, что в начале — середине 70-х годов во внутренних дебатах в американских руководящих политических кругах по поводу новой роли Америки в мире доминировали два направления. Одно из них придерживалось различных вариаций концепции «взаимозависимости». Второе основывалось на возрожденных идеях «неоизоляционизма».

Формирование концепций «взаимозависимости» происходило под самым непосредственным воздействием государственного руководства США, в первую очередь под влиянием занимавшего пост государственного секретаря в администрациях Р. Никсона и Дж. Форда гарвардского профессора Г. Киссинджера. Он начал активно использовать понятие «взаимозависимость» в своих публичных выступлениях в непосредственной связи с нефтяным кризисом 1973—1974 годов, рельефно обнажившим новый уровень зависимости США и их главных союзников от импорта нефти из стран ОАПЕК, к тому времени заметно консолидировавших свои позиции в системе международных отношений⁶⁷.

Непосредственно по заказу Г. Киссинджера группа ученых из Массачусетского технологического института под руководством профессора Л. Блумфилда в 1974 году выпустила двухтомное исследование, получившее известность в политических и академических кругах США⁶⁸. Авторы этого исследования рассматривали «взаимозависимость» как явление и положительное, и отрицательное. По параметрам воздействия на международные отношения они в первую очередь различали «взаимозависимость» военно-политическую и политико-экономическую. Элементарным уровнем «взаимозависимости» Блумфилд и его коллеги считали общую зависимость человечества от земной атмосферы, морей и океанов, солнечной энергии и тому подобного. Однако эти вопросы они освещали лишь попутно, главное внимание было уделено военно-политическим аспектам взаимозависимости, где во главу угла ставились отношения СССР и США. Подчеркивалось, что наличие огромных запасов ядерного оружия, способность к уничтожению самой цивилизации в случае возникновения ядерной войны являются факторами высшего значения для всей проблемы «взаимозависимости». Отмечалось, что достижение договоренностей по ограничению стратегических вооружений, уменьшение в целом напряженности в советско-американских отношениях приведут к возрастанию роли политико-экономических отношений во «взаимозависимом» мире. Основная часть исследования и была посвящена этим вопросам. Авторы выделяли такие сферы усиливавшегося взаимодействия различных государств и неправительственных организаций на международной арене, как энергетика, заграничные инвестиции, обеспечение сырьевыми материалами, международная продовольственная проблема, международная торговля. Специально рассматривалась деятельность транснациональных корпораций, которые именовались «главными агентами взаимозависимости». Отдельный том данного исследования был посвящен проблеме энергетической «взаимозависимости» как вопросу, приобретающему роль центрального элемента во всей индустриальной экономике капиталистического мира. Анализируя деятельность транснациональных корпораций, Блумфилд и его коллеги явно стремились представить их преимущественно в выгодном свете. В то же время они не смогли обойти молчанием тот факт, что резкий рост активности и удельного веса транснациональных корпораций в мировой экономике и политике несет и немало негативных моментов. Затушевывая классовую и

эксплуататорскую сущность деятельности ТНК, данные исследователи обращали внимание лишь на то, что эти «агенты взаимозависимости», выступая в ряде случаев наравне с суверенными национальными государствами, деформируют и усложняют структуру современных международных отношений.

Подчеркивая опасный характер возросшей зависимости США от мировой экономики, Блумфилд и его группа призывали государственное руководство США придерживаться во внешнеэкономической политике «норм умеренности, сотрудничества и ослабления напряженности». По их мнению, ориентация США на получение односторонних преимуществ, на ведение «торговых войн» с Японией и Западной Европой, на конфронтацию со странами — экспортерами сырья грозит не только крупными потерями для американской экономики, но и создает угрозу процессу разрядки международной напряженности, может привести к усилению отрицательных сторон военно-политической «взаимозависимости». Вместе с тем группа Блумфилда решительно отвергла высказываемые некоторыми американскими авторами леволиберального толка предложения о «массированном перераспределении» благосостояния от «богатых» к «бедным» странам для стабилизации отношений между США и другими ведущими капиталистическими странами, с одной стороны, и развивающимися странами — с другой. Группа Блумфилда конкретно рекомендовала провести такие меры, как некоторое сокращение форм политической «взаимозависимости», обладающих в наибольшей степени конфликтным потенциалом (включая сокращение зарубежного военного присутствия США и их «периферийных» обязательств в военно-политической области); осуществление прямого государственного контроля над всеми видами заграничных инвестиций американского бизнеса; заключение серии международных соглашений по торговле сырьем, фиксирующих его цены, объем и условия продаж; скорейшее расширение и углубление экономических, финансовых, политических и культурных связей между США и главными экспортерами нефти. В отношении развитых капиталистических стран группа Блумфилда призывала не только к расширению консультаций и предотвращению проведения Соединенными Штатами односторонних акций, но и к оказанию активной поддержки западноевропейским странам и Японии в отдельных районах мира — в тех сферах международных отношений, где усилившаяся взаимозависимость трех главных центров капи-

талистического мира могла бы обеспечить, пусть опосредованно, американские интересы.

Концепция «взаимозависимости» в начале — середине 70-х годов активно разрабатывалась специалистами и политическими деятелями, группирующимися вокруг нью-йоркского Совета по международным отношениям, Атлантического совета, «Трехсторонней комиссии». Многие из этих разработок перекликались с идеями группы Блумфилда. Известность получило, в частности, исследование, проведенное М. Кемпс⁶⁹. По сравнению с Блумфилдом М. Кемпс в еще большей мере сделала упор на роль неправительственных организаций, а также различных, все более сложных и причудливых комбинаций союзов и коалиций государств и неправительственных организаций. В ее работе присутствовала явная апологетика транснациональных корпораций. Она противопоставляла их якобы полезную деятельность «националистическим силам» в международных отношениях, подразумевая под этим в первую очередь молодые развивающиеся государства Азии и Африки. Она попыталась доказать, что «национализм» этих государств в сочетании с «регионализмом» в различных районах мира представляет одну из основных угроз бескризисному развитию международных отношений. Такую трактовку соотношения «национализма» и «транснационализма» в современных международных отношениях справедливо можно рассматривать как стремление дискредитировать политику молодых развивающихся государств, защищающих свои коренные интересы перед лицом транснациональных монополий, разворачивающих в новых, все более изощренных формах свою неокOLONIALISTскую экспансию.

Принижение значения государственного суверенитета в международных отношениях намеренно допускалось многими американскими сторонниками концепции «взаимозависимости» для обоснования попыток вмешательства во внутренние дела Советского Союза и других стран социалистического содружества. Особенно явно эта линия просматривалась в ряде разработок «трехсторонней комиссии» и Института международных изменений Колумбийского университета. Одновременно в этих разработках постулировалась необходимость для США и двух других главных центров капиталистического мира «втягивать» социалистические страны в «международную экономическую взаимозависимость», в «глобальное сообщество». Как справедливо отмечает А. В. Никифоров, понятия «глобальный»,

«мировой», «международный» использовались здесь применительно к капиталистической системе. «Втягивание» Советского Союза и других социалистических стран в такую международную «взаимозависимость» должно было сопровождаться, по замыслам авторов этих построений, отказом социалистического содружества от принципов пролетарского интернационализма, от поддержки национально-освободительного движения. В долгосрочной перспективе оно должно было бы привести, как надеялись буржуазные идеологи «взаимозависимости», к трансформации общественного строя социалистических стран в направлении буржуазно-либеральных моделей общественного устройства и политической системы⁷⁰.

Разрабатывая рекомендации для внешнеполитического курса США, идеологи «взаимозависимости», как правило, делали упор на экономические и идеологические аспекты отношений между СССР и США, социалистическим содружеством и капиталистическим миром, принижая значение дальнейшего прогресса в области военно-политических отношений. Представляется, что отчасти под их влиянием такая важнейшая проблема, как ограничение и сокращение стратегических вооружений, не получила должной приоритетности у администрации Дж. Картера, в результате чего процесс переговоров по ОСВ-2 проходил с большими трудностями, чем можно было ожидать, учитывая все другие важнейшие факторы⁷¹.

Сторонники идей «неоизоляционизма» в своих разработках и рекомендациях делали упор на необходимость всемерного уменьшения зависимости США от внешнего мира. Ради этого они готовы были пойти на такую перестройку американских внешнеэкономических связей и промышленности, которая, хотя и была бы очень дорогостоящей, тем не менее позволила бы Соединенным Штатам отказаться от импорта многих видов сырья. Политологи Р. Такер и Э. Равенал, в частности, писали, что постепенный военный и экономический «уход» США из многих развивающихся стран не отразился бы существенно на американских интересах, поскольку основной объем их зарубежных инвестиций и внешней торговли приходится на Западную Европу, Канаду и Японию, с которыми и связаны интересы «национальной безопасности» США. При этом обосновывались желательность и возможность перевода американской экономики на синтетическое топливо для замены импортируемой нефти, а также на те виды сырья, которые имеются в достатке в самих Соединенных Штатах

или Канаде. Рекомендовалась также система мер, направленных на ограничение проникновения в США товаров и капиталовложений из других капиталистических стран⁷².

Военно-политический аспект «неоизоляционизма» заключался не только в уменьшении или даже сведении на нет заграничного военного присутствия США, но и в сокращении военного бюджета и численности вооруженных сил в целом (особенно сухопутных сил общего назначения и корпуса морской пехоты). В этом плане идеи «неоизоляционистов» были привлекательны для многих сторонников сокращения военных расходов, перестройки системы «национальных приоритетов» США в пользу внутренних социальных и экономических программ⁷³.

Отражая настроения многомиллионной массы американских предпринимателей, не имеющих выхода на внешние рынки, авторы концепции «неоизоляционизма» неоднократно высказывали негативные суждения по поводу деятельности ТНК. Их критика, однако, носила поверхностный характер.

Одна из разновидностей концепции «неоизоляционизма» была разработана политологами Ф. Карбером и У. Менгелсом. Они подчеркивали необходимость уменьшения зависимости Соединенных Штатов от внешних источников сырья, от международной торговли, от заграничных инвестиций, но при этом они предлагали не снижать уровень международной политической активности Соединенных Штатов (за исключением ряда военно-политических аспектов). Карбер и Менгель писали, что к середине 80-х годов, следуя рекомендуемым курсом, Соединенные Штаты могли бы упрочить свои международно-политические позиции за счет уменьшения абсолютного и относительного импорта сырья, а также полного отказа от роли мирового полицейского, от прямого использования военной силы в интересах ТНК. Как и Р. Такер и Э. Равенал, они считали важным сократить расходы на американские вооруженные силы. При этом, отмечали они, высвободившихся средств с избытком хватило бы на изыскание новых источников сырья, которые обеспечивали бы потребности американской промышленности⁷⁴.

События конца 70 — начала 80-х годов, однако, показали, что ни концепция «взаимозависимости», ни идеи «неоизоляционизма» не укоренились достаточно прочно в сознании большей части правящих кругов США. У захватившей инициативу после победы Р. Рейгана на выборах 1980 года политической группировки откровенно прояви-

лось стремление не к компромиссным решениям, а к лобовому грубому противоборству с этими тенденциями.

Во многом это произошло под воздействием изменений в расстановке политических сил внутри страны, лишь косвенно связанных с событиями на международной арене⁷⁵. Концепции, которыми руководствуется администрация Рейгана и стоящие за ее спиной наиболее реакционные сегменты американской монополистической буржуазии США, разрабатывались в исследовательских центрах архиконсервативного толка, еще в начале — середине 70-х годов находившихся на задворках американского буржуазного внешнеполитического мышления. Среди них можно выделить Фонд наследия, Гуверовский институт проблем войны, мира и революции, Институт по исследованиям проблем современности в Сан-Франциско, а также таких политологов, как Н. Подгорец, И. Кристол, Р. Пайпс, У. Ван-Клив, Э. Луттвак и др.⁷⁶

Концепции, разрабатываемые этими центрами и политологами, во многом перекликаются с примитивными антикоммунистическими и антисоветскими идеями, доминировавшими в американском внешнеполитическом мышлении в 50-е годы, в период «холодной войны»⁷⁷. Нежелание осознавать ядерные реальности XX века толкает американских авторов данного толка на построение различных сценариев ядерной войны. В отличие от многих политологов других направлений, они отрицают вопреки очевидным фактам наличие каких-либо совпадающих или параллельных интересов у СССР и США в современном мире.

В качестве реакции на возросшую зависимость США от внешнего мира они пропагандируют не сокращение американского военного присутствия за рубежом, а его наращивание, не приведение военной мощи США в соответствие с их уменьшающимися экономическими возможностями, а ее увеличение. Апологеты такого курса заявляют, что фронтальное наращивание американских вооруженных сил в 80—90-е годы призвано как бы компенсировать убывающее экономическое могущество и возрастающую зависимость США от внешних источников сырья, от международной торговли и заграничных инвестиций⁷⁸.

Они рекомендуют не компромиссы со странами — экспортерами сырья, а жесткое военно-силовое и финансовое давление на них на базе наращивания военной мощи, увеличения возможностей для проведения массированных военных акций в различных районах мира. Не экономическая и научно-техническая «помощь» и развитие «культур-

ных связей», а угроза в любой момент направить многотысячный «корпус быстрого развертывания», применить в широких масштабах любые виды оружия, вплоть до стратегических бомбардировщиков «Б-52» и нейтронных боезарядов,— вот что характерно для сегодняшней внешнеполитической теории и практики Вашингтона в отношениях с развивающимися странами. В торгово-экономической и научно-технической сферах взаимоотношений с СССР политики данного направления делают ставку не на «втягивание» Советского Союза в те международные экономические отношения, которые выгодны Соединенным Штатам и другим капиталистическим странам, а на «экономическую войну», ликвидацию почти всех элементов торгово-экономического и научно-технического сотрудничества.

Понятие «взаимозависимость» теоретиками и политическими деятелями данного направления практически не употребляется даже применительно к отношениям в «треугольнике» США — Западная Европа — Япония. Они считают, что признание наличия «взаимозависимости» ограничило бы возможности восстановления лидирующей роли США в капиталистическом мире, позволило бы западноевропейцам и японцам более активно, с большим основанием требовать коррекции американского внешнеполитического курса в соответствии с их интересами. Не признавая никакой «взаимозависимости», рейгановские идеологи и политические деятели в то же время настаивают на прямом вмешательстве во внутренние дела западноевропейских стран и Японии, равно как и других стран мира.

В отношении стран социалистического содружества их не удовлетворяет линия сторонников концепции «взаимозависимости» на стимулирование постепенной «трансформации» политической системы и общественного строя этих стран в желательном для господствующего класса США направлении. Будучи представителями правоконсервативной и ультраправой части политического спектра США, эти политики предпочитают ей откровенно грубое вмешательство во внутренние дела стран социалистического содружества с попранием всех норм международного права и принципов отношений между капиталистическими и социалистическими странами, сложившихся в годы разрядки.

Несмотря на объективный характер процесса ослабления международных позиций США, возрастания их зависимости от окружающего мира, многие реальности нового международного положения Соединенных Штатов усваиваются различными слоями американского общества с

большим трудом. Например, у значительной части правящего класса США весьма болезненно происходит признание стратегического паритета с СССР и возросшего авторитета Советского Союза в международных делах в целом. Американское общество с трудом адаптируется и к необходимости признания усилившейся энергетической зависимости США от внешнего мира. Как показывает анализ опросов общественного мнения, многие представители американского правящего класса и большая часть населения страны, например, только летом 1979 года, после очередной вспышки энергетического кризиса, начали осознавать глубину и серьезность этой проблемы. Причем у значительной части американского общества, отравляемого в течение многих десятилетий великодержавной, шовинистической пропагандой, это сопровождалось оживлением интервенционистских, воинственных настроений. Подобная реакция возникает и в отношении многих требований, предъявляемых развивающимися странами к Соединенным Штатам и их союзникам в соответствии с выдвинутой ими программой нового международного экономического порядка.

За счет своих доминирующих позиций в мировой капиталистической экономике, получения сверхприбылей от заграничных капиталовложений как в развивающихся, так и во многих развитых капиталистических странах, находившихся в первые послевоенные десятилетия на более низком экономическом уровне, американские монополисты долгие годы обладали дополнительными возможностями для «подкармливания» верхушки американского рабочего класса частью пресловутого «социального пирога», для осуществления определенных программ, призванных снизить, приглушить остроту классовых конфликтов в стране.

На рубеже 70—80-х годов эти дополнительные возможности монополистической верхушки США стали уходить в безвозвратное прошлое. И если даже экономические позиции Соединенных Штатов по отношению к их основным конкурентам не будут ослабевать в ближайшее десятилетие, происшедшие изменения настолько значительны, что их дальнейшая реализация в социально-экономической сфере будет способствовать нарастанию социальной напряженности в стране, росту классового самосознания американских трудящихся.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотрение конкретных параметров, определяющих положение США в современной системе международных отношений, позволяет сделать ряд выводов и обобщений.

Прошедшие годы вновь со всей убедительностью подтвердили, что магистральной тенденцией развития системы международных отношений является дальнейшее усиление авторитета и влияния реального социализма, укрепление позиций СССР по отношению к США как ведущему государству капиталистического мира. В условиях обострения мировой энергетической и сырьевой проблемы еще рельефнее проявились преимущества Советского Союза как державы, обладающей огромными запасами сырья и мощной промышленностью, развивающейся на основе плановой системы хозяйства. В военной области в соотношении сил двух великих держав сохранялось динамическое равновесие, состояние примерного паритета, несмотря на различные попытки со стороны наиболее агрессивных группировок господствующего класса США нарушить его в свою пользу. Оказались накопленными такие огромные запасы ядерного оружия, что их применение в случае возникновения войны, как это неоднократно подчеркивалось советскими партийными, государственными и военными руководителями, учеными, привело бы к уничтожению современной цивилизации. Американские действия по нарушению стратегического ядерного паритета, нацеленные на достижение «стратегического превосходства», чрезвычайно опасны и бесплодны. Они увеличивают степень нестабильности во взаимоотношениях СССР и США, которая, в силу особой значимости этих отношений для международной обста-

новки, становится дестабилизирующим фактором системы международных отношений в целом.

Бесплодны эти усилия потому, что Советский Союз, его народ, партия и правительство никогда не допустят, чтобы военно-стратегический ядерный баланс изменился в пользу империализма. Советский Союз выступает за сохранение сложившегося военного равновесия, причем это равновесие может и должно сохраняться на значительно более низком уровне военного противостояния СССР и США, Организации Варшавского Договора и НАТО, что может быть достигнуто путем ограничения и уменьшения вооруженных сил и вооружений обеих сторон на равноправной основе, с учетом различий в их географическом и стратегическом положении.

В результате действий Вашингтона во взаимоотношениях Советского Союза и Соединенных Штатов в конце 70 — начале 80-х годов наблюдалось ухудшение практически по всем направлениям. Основная часть правящих кругов США решила отказаться от политики разрядки, которая утвердилась в международных отношениях в первой половине 70-х годов. Особенно ухудшились отношения, как это уже отмечалось, по военному компоненту, что привело к возрастанию ядерной угрозы.

В области идеологической американская сторона совместно с реакционными силами других развитых капиталистических стран также избрала курс на обострение отношений в духе «холодной войны». Как отмечалось на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС, одним из главных средств в достижении целей политики, проводимой администрацией Рейгана в отношении Советского Союза и других стран социалистического содружества, является «психологическая война», которая ведется на самой высокой антисоветской и антикоммунистической ноте и является попыткой организовать против нас настоящую информационно-пропагандистскую интервенцию¹.

В сфере экономической начавшие успешно развиваться в первой половине 70-х годов торговые отношения были во многом свернуты или «заморожены» американским правительством. Остался нереализованным целый ряд крупномасштабных проектов, согласованных советскими внешнеэкономическими организациями с рядом ведущих американских компаний, — проектов, разработанных на взаимовыгодной экономической основе. В «торпедировании» этих проектов сыграли роль военно-политические соображения, навязанные американским компаниям, крайне правыми

группировками правящих кругов США, а также, в ряде случаев, действия конкурентов тех фирм, которые могли получить крупные дивиденды от сделок с Советским Союзом.

С учетом всего вышеизложенного можно утверждать, что большой потенциал торгово-экономического взаимодействия СССР — США остался нереализованным вследствие воздействия факторов, не имеющих ничего общего с собственно экономическими интересами обеих сторон. Если бы эти отношения достигли более значительных масштабов, соизмеримых с существующими во взаимоотношениях СССР с Францией, ФРГ и другими западноевропейскими государствами, их вес и значение как стабилизирующего элемента двусторонних отношений двух великих держав, в том числе и в политической сфере, были бы значительно большими.

Глобальные проблемы современности в начале 80-х годов еще не начали в силу инерционности современной структуры взаимодействия государств на мировой арене вторгаться в повседневную внешнеполитическую практику, однако их воздействие на международные политические отношения становится все более и более ощутимым и осознаваемым. Затягивание решения глобальных проблем может привести к катастрофическим последствиям для человечества. Одним из главных препятствий к тому, чтобы они заняли более высокое место в системе внешнеполитических приоритетов правительств и могли быть решены в интересах всего человечества, является подхлестываемая империализмом гонка вооружений, наличие множества международных конфликтных и кризисных ситуаций.

Необходимость решения глобальных проблем при соответствующем подходе могла бы стать важным стимулом для развития сотрудничества различных стран и народов на принципах мирного сосуществования, в котором ведущее место должно принадлежать советско-американскому сотрудничеству. В отсутствие достаточно широкого и глубокого взаимодействия между СССР и США по глобальным проблемам их решение станет намного более труднодостижимым, если не совсем невозможным делом.

К сожалению, практически вся деятельность администрации Рейгана и здесь направлена на разрушение того позитивного, чего с большим трудом удалось достигнуть в предыдущий период.

В подсистеме международных отношений США — За-

падная Европа — Япония на рубеже 70—80-х годов произошла определенная стабилизация позиций Соединенных Штатов по ряду экономических параметров. К этому периоду им во многом удалось восстановить позиции, которые они занимали на рубеже 60—70-х годов; однако если это и означает возрастание удельного веса валового национального продукта США в совокупном продукте капиталистического мира в начале 80-х годов по сравнению с серединой 70-х, то по отношению к периоду 50-х и 60-х годов позиции США по этому макропоказателю в данном десятилетии выглядят значительно ослабленными. Следует также отметить, что стабилизация позиций США произошла в основном за счет ускоренного роста в этой стране сферы услуг, на которую приходится более 60% валового национального продукта. Стабилизировать свои позиции в рассматриваемой подсистеме международных отношений Соединенным Штатам помогло то, что энергетический кризис 1973—1974 годов оказал более сильное тормозящее воздействие на экономическое развитие Западной Европы и Японии, чем США. Существенное значение для ослабления экономических позиций отдельных западноевропейских стран имел и дополнительный рост военных расходов. По целому ряду компетентных оценок советских ученых, относительная стабилизация позиций США — временное явление; об этом свидетельствует и экономическое развитие Японии, справившейся с энергетическим кризисом и осуществляющей быстрыми темпами широкомасштабную перестройку своей промышленности, которую в начале 80-х годов в условиях увеличения ассигнований на военные нужды оказались не в состоянии осуществить Соединенные Штаты.

Весьма острым остается в начале 80-х годов соперничество между США, Западной Европой и Японией в торгово-экономической и валютно-финансовой сферах, хотя здесь активно функционируют многочисленные механизмы, предназначенные для сглаживания противоречий между ведущими капиталистическими партнерами-соперниками, включая попытки координации их экономической политики на высшем государственном уровне.

В результате обострения торгово-экономических и валютно-финансовых противоречий в отношениях между главными капиталистическими «центрами силы» возникают кризисные ситуации, выходящие за рамки чисто экономической сферы, вплетающиеся непосредственно в «большую политику» Соединенных Штатов, Франции, ФРГ, Японии и

других государств данной подсистемы международных отношений.

Оценивая соотношение сил в военной сфере между США, Западной Европой и Японией, можно в первую очередь отметить огромное преобладание США над их соперниками по ядерному компоненту военной мощи. Причем в начале 80-х годов Соединенные Штаты еще увеличили существующий отрыв от союзников, в том числе за счет размещения стратегических ракет средней дальности на территориях ФРГ, Англии, Голландии, Бельгии и Италии. Предпринимаются попытки увеличить отрыв от союзников и в области тактических ядерных вооружений, главным образом путем оснащения американских вооруженных сил нейтронными боеголовками. Действия США по наращиванию ядерного потенциала направлены не только на ломку стратегического паритета, достижение превосходства над Советским Союзом; они призваны усилить соответствующие рычаги давления на союзников. Администрация Рейгана полагает, что это может послужить определенной компенсацией за долговременное ослабление позиций США в экономической сфере по отношению к Западной Европе и Японии.

Для многих представителей правящих кругов западноевропейских стран и Японии стало очевидно, что огромное ядерное преобладание американцев над ними в условиях стратегического паритета между СССР и США, Организацией Варшавского Договора и НАТО становится все менее значимым, США лишаются возможности в полной мере использовать военно-политические рычаги давления для осуществления диктата над союзниками в политической и экономической сферах.

В целом необходимо отметить, что политическая значимость ядерного преобладания США над Западной Европой и Японией уменьшается в условиях снижения международной напряженности, военный рычаг воздействия Соединенных Штатов на последних становится менее эффективным, иногда его действенность почти полностью сводится к нулю.

В то же время, например, события начала 80-х годов сбнаружили, что чрезмерно откровенная эксплуатация Соединенными Штатами напряженной международной обстановки, грубое использование ядерных рычагов во взаимоотношениях США с их основными союзниками начинают приводить к результатам, прямо противоположным тем, к которым стремятся в Вашингтоне. Диалектика этих взаи-

моогношений такова, что нежелание союзников поддерживать американскую политику прямой ядерной конфронтации с СССР порождает их сопротивление Вашингтону. Это в значительной мере происходит потому, что государственные и политические руководители западноевропейских стран и Японии острее, рельефнее ощущают угрозу ядерной войны, в целом лучше понимают особенности современной системы международных отношений. Существенную роль играет и наличие в Западной Европе более зрелого массового антиядерного, антивоенного движения, охватывающего самые различные слои общества.

Развитие массового антивоенного движения во многих западноевропейских странах показало, что в условиях ядерных реальностей происходит становление нового европейского самосознания, в значительной мере носящего антиамериканский характер. Для Европы, где зародились и проходили обе мировые войны, уроки истории, по-видимому, не прошли даром. Народы Европы не забыли злодеяний фашизма. В целом западноевропейцы еще раз наглядно продемонстрировали, что они несколько по-иному относятся к вопросу о защите ценностей своей цивилизации, нежели многие американцы.

Возросло значение развивающихся стран для положения США в системе международных отношений. Это произошло в результате комбинации таких факторов, как некоторое упрочение международных экономических позиций освободившихся государств, выдвижение согласованных ими требований в рамках программы нового международного экономического порядка, скачкообразный рост экспорта сырья из этих стран в Соединенные Штаты и некоторых других. Действие этих факторов, как представляется, имеет долгосрочный характер, в рамках этой тенденции возможны и определенные флюктуации, отклонения. Они наблюдаются, в частности, непосредственно в начале 80-х годов — происходит падение цен на нефть и некоторые другие виды сырья, усиливаются противоречия внутри ОПЕК и соответственно ослабляются позиции этой организации перед лицом развитых капиталистических стран. Новые «центры силы» из числа развивающихся стран усиливаются США и других империалистических государств втягиваются в структуру экономических отношений, преимущественно выгодных Соединенным Штатам и их главным союзникам.

Настойчивые усилия развивающихся стран по реализации требований программы нового международного эконо-

мического порядка, пользующиеся полной поддержкой СССР и других социалистических государств, пока не дали заметных экономических результатов из-за обструкционистской позиции Запада. Однако сам факт выдвижения подобных широкомасштабных и далеко идущих требований играет большую роль в укреплении позиций освободившихся государств перед лицом США и других развитых капиталистических государств. Следует отметить, что Соединенные Штаты, особенно при администрации Рейгана, занимают более жесткую позицию по этим вопросам, чем Западная Европа, Япония, а также Канада.

Немаловажное значение в определении позиций США перед лицом развивающихся стран имеют усилившиеся в рассматриваемый период процессы их дифференциации — по характеру социально-политической ориентации, уровню экономического развития, степени стабильности их политических режимов; наличию больших запасов сырья, уровню военной мощи и политического влияния в соответствующих регионах и т. д. В связи с этим все большую роль начинают играть так называемые «центры силы», в частности Саудовская Аравия, Бразилия, Мексика. Несмотря на неудачный опыт использования шахского Ирана в качестве американского «жандарма» в районе Персидского залива, не прекращаются попытки превратить некоторые из них в региональные опорные пункты американского империализма.

В то же время многие из освободившихся государств, идущие по пути капиталистического развития, все активнее выступают в качестве конкурентов американских, а также, в ряде случаев, западноевропейских и японских монополий. Они следуют в фарватере американского курса до пределов, определяемых их собственными интересами. Все чаще эти государства, соглашаясь с американской линией в одних вопросах, занимают нейтральную и даже противоречащую курсу Соединенных Штатов позицию в других.

Во второй половине 70-х годов во взаимоотношениях США с развивающимися странами американская сторона сочетала силовые методы с маневрированием, компромиссами, демагогическими заявлениями; в начале же 80-х годов силовые методы начинают доминировать, угрозы применения военной силы раздаются гораздо чаще. Американское государственное руководство охотно демонстрирует свою готовность идти на политическую конфронтацию, подкрепленную наращиванием соответствующих компонентов военной мощи. Материальная составляющая этого силово-

го подхода усиливается в первую очередь за счет создания «корпуса быстрого развертывания» и наращивания военно-морских сил Соединенных Штатов. Однако и в этих условиях американские руководители вынуждены действовать с известной оглядкой, учитывая новое соотношение сил в мире, возросшую способность социалистических стран оказать поддержку справедливой борьбе народов за национальное и социальное освобождение.

В конце 70-х годов более зримым становится оживление транснационалистических и шовинистических настроений американской буржуазии, которые в условиях разнузданных пропагандистских кампаний распространяются и на более широкие слои американского общества. Эти настроения в первую очередь свойственны той части буржуазии, которая сама не имеет широких выходов на международную арену, а внутри страны сталкивается с растущей конкуренцией компаний из Японии, Франции, ФРГ, Тайваня, Гонконга и других стран, ввозящих в США товары, услуги и капиталы. Национализм и шовинизм охватывают в начале 80-х годов и значительную часть транснационального бизнеса США, «инвестиционный климат» для которого в последние годы заметно ухудшился как за счет мер по национализации имущества иностранных компаний в развивающихся странах, так и за счет усиления конкуренции со стороны западноевропейских, японских и прочих транснациональных монополий.

Значительная и все более разветвленная зависимость США от внешнего мира стала реальным фактором, воздействующим на их положение в системе международных отношений. Внешнеэкономические связи в 80-е годы играют для США, пожалуй, самую значительную роль за всю их историю. В целом ряде ситуаций эта зависимость оказывала и оказывает прямое воздействие на позиции американского государственного руководства по вопросам внешней политики страны. По уровню зависимости от внешнего мира США еще не сравнялись с Западной Европой и Японией, но дистанция между ними в этом отношении уже не столь велика, как в конце 60 — начале 70-х годов. По ряду направлений Соединенным Штатам в начале 80-х годов удалось несколько снизить темпы роста своей зависимости, в то же время по другим параметрам она продолжает возрастать. Эта общая тенденция, по-видимому, сохранится и в ближайшие годы, вынуждая правящие круги Соединенных Штатов искать методы приспособления к новым реальностям современной системы международных отношений.

ПРИМЕЧАНИЯ

Введение

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 42, с. 59.
- ² См. Антюхина-Московченко В. И., Злобин А. А., Хрусталева М. А. Основы теории международных отношений. М., 1980, с. 63; Поздняков Э. А. Системный подход и международные отношения. М., 1976.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 428.
- ⁴ См. Антюхина-Московченко В. И., Злобин А. А., Хрусталева М. А. Указ. соч., с. 63.
- ⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 36, с. 396.
- ⁶ Огарков Н. В. На страже мирного труда.— Коммунист, 1981, № 10, с. 85.
- ⁷ См. Шахназаров Г. Х. Грядущий миропорядок. М., Политиздат, 1981, с. 29—30.
- ⁸ Документы внешней политики СССР, т. II, М., 1958, с. 639.
- ⁹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 13.
- ¹⁰ См. Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 7, с. 67.
- ¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 20, с. 245.
- ¹² См., например, Ермоленко Д. В. Социология и проблемы международных отношений. М., 1977; Кременюк В. А. США и конфликты в странах Азии. М., 1973; Примаков Е. М. Анатомия ближневосточного конфликта. М., 1978.
- ¹³ См. Журкин В. В. США и международно-политические кризисы. М., 1975, с. 15.
- ¹⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 45, с. 70.
- ¹⁵ Ленин как политический мыслитель. М., 1981, с. 406.
- ¹⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 37, с. 394—395.

Глава I

- ¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 39, с. 18.
- ² См. Народное хозяйство СССР. 1922—1982. М., 1982, с. 91—92.
- ³ См. Кудров В. М. О соревновании двух систем: вымыслы и факты.— США: экономика, политика, идеология. 1978, № 5, с. 20—21, 24.
- ⁴ См. Пуйя Ф. Социалистическая внешняя политика Венгрии. М., 1978, с. 62—64.
- ⁵ См. США: экономика, политика, идеология. 1978, № 1, с. 7.

- 6 См. Народное хозяйство СССР за 60 лет. М., 1977, с. 105.
- 7 См. США: экономика, политика, идеология. 1978, № 5, с. 26—27.
- 8 См. Народное хозяйство СССР. 1922—1982, с. 92.
- 9 Антонов М. Ф. Нравственность экономики.— Наш современник, 1981, № 8, с. 125.
- 10 Материалы XXV съезда КПСС, с. 140.
- 11 См. Александров А. П. Энергообеспечение страны.— Коммунист, 1981, № 4, с. 84.
- 12 Там же, с. 84—85.
- 13 Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 38.
- 14 Там же, с. 39.
- 15 New York Times, 1980, Jan. 9.
- 16 См. Матов И. Мировая энергетическая и сырьевая проблемы и попытки фальсификации политики СССР в этой области.— Международные отношения (Ежегодник). София, 1982, с. 115—116.
- 17 Там же.
- 18 См. Scott W. E., Ray J. H. The Role of Natural Gas in East-West Trade Relations.— Common Sense in U. S.—Soviet Trade. Wash., 1979, p. 48—52.
- 19 См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 34.
- 20 См. Максимова М. М. СССР и международное экономическое сотрудничество. М., 1977, с. 50.
- 21 См. Загладин В. В. Историческая миссия социалистического общества. М., 1981, с. 128.
- 22 См. Максимова М. М., Указ. соч., с. 52.
- 23 См. Kendall D. U. S.—Soviet Trade, Peace and Prosperity.— Detente or Debacle. Common Sense in U. S.—Soviet Relations, p. 44.
- 24 См. СССР—США: экономические отношения. М., 1976, с. 256.
- 25 U. S.—Soviet Commercial Relations. The Interplay of Economics, Technology Transfer and Diplomacy. Committee on Foreign Affairs. U. S. House of Representatives. Wash., 1973, p. 54.
- 26 Kaiser G. W. Technology is not a One Way Street.— Foreign Policy, 1976, No. 23, p. 136.
- 27 См. Громыко А. А. Внешняя политика США: уроки и действительность. 60—70-е годы. М., 1978, с. 272.
- 28 Красин Ю. Магистральный путь развития человечества.— Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 6, с. 9.
- 29 Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 7, с. 13.
- 30 См. подробнее Арбатов А. Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980.
- 31 Kissinger H. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957, p. 154.
- 32 См. Творческое наследие академика Сергея Павловича Королева. Избранные труды и документы. Под общей ред. академика М. В. Келдыша. М., 1980, с. 16—18.
- 33 См. Time, 1982, Sept. 27, p. 36.
- 34 См. McNamara R. The Essence of Security. N. Y., 1968, p. 57.
- 35 См. Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР. Отв. ред. М. М. Кирьян. М., 1982, с. 264—265.
- 36 См. Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР, с. 294—296.
- 37 См. Горшков С. Г. Военно-Морской Флот. М., 1977, с. 42.
- 38 См. Морской сборник, 1973, № 2, с. 21.
- 39 New York Times, 1969, June 19.
- 40 Журкин В. В. ОСВ-2: важный вклад в укрепление мира.— Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 8, с. 5—6.

- 41 Ради мира на Земле. Советско-американская встреча на высшем уровне в Вене 15—18 июня 1979 г. М., 1979, с. 68—69.
- 42 См. Откуда исходит угроза миру. М., 1982, с. 72—74.
- 43 См. Fiscal Year 1982 Arms Control Impact Statements. Wash., 1981, p. VII—VIII.
- 44 См. Арбатов А. Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980, с. 266.
- 45 См. Report of the President's Commission on Strategic Forces. April 1983. Wash., p. 21.
- 46 См. Колесниченко Т. Зловещий фарс. — Правда, 1983, 3 апр.
- 47 Lewis F. A Humbling Obligation.—New York Times, 1983, May 2.
- 48 Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 21—22.
- 49 Цит. по Судите сами. М., 1983, с. 13.
- 50 Weinberger C. U. S. Secretary of Defense Annual Report to the Congress, N. Y. 1983. Wash., 1982, Febr., p. 1—24.
- 51 Судите сами, с. 13.
- 52 Андропов Ю. В. Шестьдесят лет СССР. М., 1982, с. 24.
- 53 См. Знание — сила. 1983, № 7, с. 3.
- 54 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 29.
- 55 Там же.
- 56 Правда, 1983, 29 сент.
- 57 Там же.
- 58 Коммунист, 1984, № 4, с. 10.
- 59 См. Правда, 1983, 2 янв.
- 60 Time, 1981, Apr. 4, p. 9.
- 61 См. Brown H. Thinking About National Security. Defense and Foreign Policy in a Dangerous World. Boulder, 1983, p. 52.
- 62 См. Talbot S. The Risks of Taking Shields.—Time, 1983, Apr. 4, p. 20.
- 63 Новое время, 1983, № 16, с. 10.
- 64 Беседа корреспондента АПН с вице-президентом АН СССР, академиком Е. Велиховым.—Советская панорама. 1983, 20 апреля, с. 5.
- 65 Правда, 1983, 27 марта.
- 66 Правда, 1983, 25 апр.
- 67 См. Петровский В. Ф. В интересах всего мира. М., 1980, с. 139.
- 68 Куликов В. Г. Коллективная защита социализма. М., 1982, с. 52.
- 69 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 23.
- 70 См. Как устранить угрозу Европе, с. 34.
- 71 Там же.
- 72 См. The Military Balance 1980—1981. The International Institute for Strategic Studies. 1980, p. 110—115.
- 73 См. Armed Forces Journal International, 1979, Dec., p. 16.
- 74 См. The Military Balance, 1980—1981. The International Institute for Strategic Studies. L., 1980, p. 115.
- 75 См. NATO and Western Security in the 1980's: The European Perception. Wash., 1980, p. 23.
- 76 См. Откуда исходит угроза миру, с. 74—75.
- 77 См. Как устранить угрозу Европе, с. 25—26.
- 78 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 30.
- 79 Правда, 1983, 4 мая.
- 80 См. Правда, 1981, 12 сент.
- 81 См. «Океан». Маневры Военно-Морского Флота СССР, проведенные в апреле — мае 1970 года. М., 1980, с. 5.
- 82 Горшков С. Г. Морская мощь государства. М., 1976, с. 410.
- 83 См. Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР, с. 289.

- ⁸⁴ См. **Горшков С. Г.** Морская мощь государства, с. 282.
- ⁸⁵ См. Военно-технический прогресс и Вооруженные Силы СССР, с. 282, 308.
- ⁸⁶ См. Правда, 1977.
- ⁸⁷ **Горшков С. Г.** Морская мощь государства, с. 409.
- ⁸⁸ **Basiuk V.** Technology, World Politics and American Policy. N. Y., 1977, p. 13.
- ⁸⁹ См. **Blechman B.** The Control of Naval Armaments. Prospects and Possibilities. Wash. 1975, pp. 79—96.
- ⁹⁰ Ibid., pp. 64—70; 97—100.
- ⁹¹ См. **Mahoney R.** U. S. Navy Responses to International Incidents and Crisis 1955—1975. Survey of Navy Crisis Operations. Arlington, 1977, p. 20.
- ⁹² См. **Стуруа Г. М.** Дипломатия аваносцев.—США: экономика, политика, идеология, 1980, № 8, с. 120.
- ⁹³ Там же, с. 126.
- ⁹⁴ См. Department of Defense Appropriations for 1982. Hearings... House of Representatives, 97th Congress, 1-st Session, part 3. Wash., 1981.
- ⁹⁵ См. Правда, 1983, 8 апр.
- ⁹⁶ См. Как устранить угрозу Европе. М., 1983, с. 35.
- ⁹⁷ **Брежнев Л. И.** О внешней политике КПСС и Советского правительства. Речи и статьи. М., 1978, с. 195.
- ⁹⁸ См. **Козин В. П.** К вопросу об ограничении военной деятельности в Индийском океане.—США: ЭПИ, 1979, № 10, с. 25.
- ⁹⁹ Коммунист, 1984, № 4, с. 11.
- ¹⁰⁰ См. например, **Kissinger H.** A New Approach to Arms Control.—Time, 1983, March 21, p. 18—20.
- ¹⁰¹ См., например, **Brown H.** Thinking about National Security. Defense and Foreign Policy in a Dangerous World. Bouldek, 1983, p. 77—78.
- ¹⁰² См. Keeping America Safe: Studies in Strategic Military Policy. Center for National Policy. Wash., 1982; No First Use. A Report by the Union of Concerned Scientists. etc.
- ¹⁰³ См. **Ravenal E. C.** The Case for a withdrawal of our Forus.—New York Times Magazine, 1983 March, p. 58, 60, 75.
- ¹⁰⁴ См. **Roynolds H. L.** New Directions for Arms Control.—The Washington Quarterly. 1982 Autumn, p. 151—157.
- ¹⁰⁵ См. **Ravenal E. C.** Op. cit.
- ¹⁰⁶ **Громыко А. А.** Во имя торжества ленинской внешней политики. Избранные речи и статьи. М., 1978, с. 531.
- ¹⁰⁷ См. Проблемы политических наук. М., 1980, с. 34.
- ¹⁰⁸ **Panofsky W. K.** U. Arms Control and SALT II. Seattle and London, Univ. of Wash. Press. 1979, p. 5.
- ¹⁰⁹ См. Правда, 1982, 7 дек.
- ¹¹⁰ См. Science in the USSR. 1981, No. 2, p. 38.
- ¹¹¹ См. **Lefever E. W.** Nuclear Arms in the Third World. U. S. Policy Dilemma. Wash., 1979, p. 2.
- ¹¹² См. Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 12, с. 50.
- ¹¹³ См. Middle East International, 1981, June, N 152, p. 1.
- ¹¹⁴ См. Исследование о ядерном вооружении Израйля. Организация Объединенных Наций. Нью-Йорк, 1982, с. 3—4.
- ¹¹⁵ **Георгиев А.** Укреплять режим нераспространения.—Правда, 1982, 6 авг.

- ¹⁶ См. **Емельянов В. С.** Проблемы нераспространения ядерного оружия. М., 1981, с. 4—5.
- ¹¹⁷ См. **Rosecrance R.** Strategic Deterrence Reconsidered.— *Adelphi Papers* (London), 1975, N 116, p. 27.
- ¹¹⁸ См. Правда, 1982, 6 авг.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ См. **Томилини Ю.** Нераспространение ядерного оружия — веление времени.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1980, № 12, с. 54.
- ¹²¹ Там же, с. 55.
- ¹²² См. Правда, 1982, 6 авг.
- ¹²³ См. **Петросьянц А.** Положить конец испытаниям ядерного оружия.— *Правда*, 1983, 18 апр.
- ¹²⁴ См. *The Bulletin of Atomic Scientist*, 1983, March, p. 26.
- ¹²⁵ *Washington Post*, 1982, July 26.
- ¹²⁶ См. *The Bulletin of Atomic Scientist*. 1983, Jan., p. 41.
- ¹²⁷ **Иванов И. Д.** Перестройка международных отношений и глобальные проблемы.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1981, № 2, с. 34.
- ¹²⁸ См. *East and West in Energy Squeeze. Prospects for Cooperation*. Ed. by Saunders C. London — Basingstoke. 1980, p. 21, 29.
- ¹²⁹ См. Материалы XXVI съезда КПСС, с. 31.
- ¹³⁰ См. **Шахназаров Г. Х.** Грядущий миропорядок. М., 1981, с. 224—226.
- ¹³¹ Там же, с. 226.
- ¹³² Правда, 1982, 16 дек.
- ¹³³ См. *Nuclear Export: International and Environmental Issues. Hearings. Committee on Foreign Affairs, 96th Congress. Wash., 1980*, p. 36—41.
- ¹³⁴ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1981, № 2, с. 38.
- ¹³⁵ См. *Советская Программа мира в действии. Об итогах советско-американских переговоров*. М., 1972, с. 28—30.
- ¹³⁶ См. **Хозин Г. С.** СССР — США: сотрудничество в области охраны окружающей среды. М., 1976.
- ¹³⁷ См. *World Development Report*. Wash., 1978, p. 29.
- ¹³⁸ См. **Brandt W. et al.** *North-South: A Programme for Survival*. Cambridge, 1980, p. 91.
- ¹³⁹ См. *National Nutrition Policy: Nutrition and the International Situation*. Wash., 1974, p. 3.
- ¹⁴⁰ См. **Иванов И.** Перестройка международных отношений и глобальные проблемы, с. 35—36.
- ¹⁴¹ Цит. по **Хозин Г. С.** СССР — США: орбиты космического сотрудничества. М., 1976, с. 35.
- ¹⁴² См. *Arms Control and Militarization of Space. Hearing before the Subcommittee on Arms Control, Oceans, International Operations and Environment of the Committee on Foreign Relations, U. S. Senate, 97th Congress. Wash., 1982*, p. 13, 29.
- ¹⁴³ **Keohane R. O., Nye J. S.** *Organizing for Global Environmental and Resource Interdependence. Appendices. Commission on the Organization of the Government for the Conduct of Foreign Policy, vol. I., App. B. Wash., 1976*, p. 46.
- ¹⁴⁴ См. **Brown S.** *The Emerging World Polyarding.— The Next 25 Years. World Future Society. Wash., 1976*, p. 93—95.
- ¹⁴⁵ См. **Hosoya Ch., Owen H., Schonfield A.** *Collaboration with Communist Countries in Managing Global Problems: An Examination of the Options. The Triangle Papers, 1977, No 13, p. XI, 8, 9.*

- ¹⁴⁶ Ibid., p. 9.
¹⁴⁷ См. **Scott W. E., Ray J. H.** The Role of Natural Gas in East-West Relations.— Common Sense in U. S.— Soviet Trade. Wash., 1979, p. 47—53.
¹⁴⁸ Правда, 1978, 27 марта.

Глава II

- ¹ См. Материалы XXIV съезда КПСС. М., 1973, с. 15.
² Материалы XXVI съезда КПСС, с. 20.
³ **Ленин В. И.** Полн. собр. соч., т. 26, с. 354.
⁴ См. Statistical Abstract of the United States. Wash., 1980, p. 907.
⁵ См. International Economic Report of the President. Wash., 1977, p. 138. 148.
⁶ См. **Сутулин А. М.** Тенденции перемен в соотношении трех центров империализма.— США: экономика, политика, идеология, 1978, № 12, с. 6—7.
⁷ См. **Кудров В. М.** Три центра империализма: тенденции соотношения сил. Статья первая.— США: экономика, политика, идеология. 1981, № 10, с. 14—15.
⁸ См. Economic Report of the President. Wash., 1981, p. 351, 347.
⁹ См. **Кудров В. М.** Три центра империализма, с. 16—17.
¹⁰ См. Progressive, 1980, Nov., p. 44.
¹¹ См. **Громыко А. А.** Внешняя экспансия капитала. М., 1982, с. 356.
¹² Там же, с. 373.
¹³ См. Statistical Abstract of United States. Wash., 1981, p. 846—849.
¹⁴ См. Правда, 1979, 31 июля.
¹⁵ Foreign Affairs, 1978, Summer, p. 647.
¹⁶ Цит. по **Кокوشي А. А.** О буржуазных прогнозах международных отношений. М., 1978, с. 85.
¹⁷ US News and World Report, 1981, June 25, p. 23.
¹⁸ Wall Street Journal, 1981, June 23.
¹⁹ Foreign Affairs, 1976, Oct., p. 853.
²⁰ См. **Кудров В. М.** Три центра империализма: тенденции соотношения сил.— США: экономика, политика, идеология. 1981, № 12, с. 12—13.
²¹ См. International Economic Report of the President. Wash., 1975, p. 15.
²² The Cost and Consequences of Reagan's Military Buildup. Council on Economic Priorities. N. Y., 1982, p. 22.
²³ Ibid., p. 21.
²⁴ Ibid.
²⁵ См. Мировая экономика и международные отношения, 1979, № 7, с. 16.
²⁶ Там же, с. 17.
²⁷ Там же.
²⁸ См. **Conant M. A., Gold F. R.** Geopolitics of Energy.— U. S. Senate Energy Publication, 1977, No. 95—1, p. 23.
²⁹ См. **Примаков А. Е.** Персидский залив: нефть и монополии. М., 1983.
³⁰ См. New York Times, 1979, July 8.
³¹ См. **Soth L.** The Grain Export Boom: Should It Be Turned?— Foreign Affairs, 1981, Spring, p. 896—898.
³² См. National Nutrition Policy. Nutrition and International Situation. Wash., 1974, p. 1—10, 12.
³³ См. **Косолапов Н. А.** Социальная психология и международные отношения. М., 1983.

- ³⁴ См. **Healy D.** How the Allies Should Behave.— *Fortune*, 1980, August 11, pp. 155—156.
- ³⁵ См. **Зорин В.** Новое и старое в политике Вашингтона. *Коммунист*, 1982, № 16, с. 108.
- ³⁶ См. **Ball G.** Diplomacy for a Crowded World. *An American Foreign Policy*. Boston, 1976, p. 310.
- ³⁷ *Ibid.*, p. 169.
- ³⁸ См. **Brzezinski Z.** America in a Hostile World.— *Foreign Policy*, No 23, 1976, p. 87—89.
- ³⁹ См. **Kaiser K., Lord W., de Montbrial Th., Watt D.** Western Security: What has Changed, What Should Be Done, N. Y. 1981, p. 15.
- ⁴⁰ См. NATO's Fifteen Nations. Special Issue. 1982, No 1, p. 66.
- ⁴¹ См. **Бакланов А. Г., Викторов А. В.** Европа и современный мир. М., 1982, с. 51.
- ⁴² См. **Smith R. P.** Military Expenditure and Capitalism.— *Cambridge Journal of Economics*, 1977, March, p. 71.
- ⁴³ См. **Jackson V. C.** Military Expenditures, Growth and Inflation in the Seven Leading Industrial Countries, N. Y., 1981, p. 1.
- ⁴⁴ **Galbraith J. K.** The Economics of Arms Race and After.— *The Bulletin of Atomic Scientist*, 1981, June/July, p. 14.
- ⁴⁵ См. *New York Times*, 1982, Jan. 31.
- ⁴⁶ *New York Times*, 1982, Febr. 7.
- ⁴⁷ См. **Мадзоевский С., Сладкевич С.** Западноевропейский центр: тенденции в развитии военных взаимосвязей.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 1, с. 93.
- ⁴⁸ См. **Pierre A. J.** Arms Transfer and American Foreign Policy. *New York University Press*, N. Y. 1979, p. 291—293.
- ⁴⁹ **Барановский В. Г.** Политическая интеграция в Западной Европе. М., 1983, с. 212.
- ⁵⁰ См. *Cristian Science Monitor*, 1983, June 15.
- ⁵¹ См. *Time*, 1982, Febr. 8, p. 49.
- ⁵² См. **Майер Л., Мельников Д., Шенаев В.** Западноевропейский центр империалистического соперничества.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 12, с. 28—30.
- ⁵³ См. **Максимова М. М.** Капиталистическая интеграция и мировое развитие.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 4, с. 22—23.
- ⁵⁴ См. **Княжинский В. Б.** Западноевропейская интеграция и международные отношения.— *Новая и новейшая история*, 1981, № 4, с. 4—5.
- ⁵⁵ Там же, с. 7—13.
- ⁵⁶ Там же, с. 5—9.
- ⁵⁷ См. **Барановский В. Г.** Указ. соч., с. 223.
- ⁵⁸ Цит. по **Ushiba N., Allison G., de Montbrial Th.** Sharing International Responsibilities Among the Trilateral Countries. *The Report of the Trilateral Commission*. N. Y., 1983, p. 49.
- ⁵⁹ См. **Барановский В. Г.** Указ. соч., с. 223—226.
- ⁶⁰ См. **Мадзоевский С., Сладкевич С.** Западноевропейский центр: тенденции в развитии военных взаимосвязей.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1978, № 1, с. 95—96.
- ⁶¹ **Galleo D.** Inflation and American Power.— *Foreign Affairs*, 1981, Spring, p. 795.
- ⁶² См. *Foreign Affairs*, Summer 1980, p. 1022.
- ⁶³ См. **Angenelli G.** East — West Trade: A European View.— *Foreign Affairs*, Summer 1980, p. 1024.
- ⁶⁴ См. *Foreign Affairs*, 1980, Summer, p. 1030.
- ⁶⁵ *Newsweek*, 1980, March 24.

- ⁶⁶ Ibid.
- ⁶⁷ См. Daily World, 1980, June 20, p. 12.
- ⁶⁸ An Assessment of the Afganistan Sanctions: Implications for Trade and Diplomacy in the 1980's. Report by Congressional Research Service. Wash., 1981, p. 2—3.
- ⁶⁹ Economist, 1982, June 26, p. 20.
- ⁷⁰ См. США — Западная Европа: партнерство и соперничество. М., 1977, с. 12—36. Давыдов В. Ф., Оберемко Т. В., Уткин А. И. США и западноевропейские «центры силы». М., 1978, с. 105—107.
- ⁷¹ См. Debas Ph. L'arme de l'atome. P., 1976.
- ⁷² Treverton G. Nuclear Weapons in Europe.— Adelphi Papers, 1981, No. 169, p. 4.
- ⁷³ Огарков Н. В. Всегда в готовности к защите Отечества. М., 1982, с. 21.
- ⁷⁴ См. The Military Balance 1980—1981. L., 1980, p. 25—26.
- ⁷⁵ См. Chicago Sun Times, 1980, June 27, p. 5.
- ⁷⁶ См. New York Times, 1980, June 27.
- ⁷⁷ См. Правда, 1983, 18 февр.
- ⁷⁸ См. Armed Forces Journal, 1981, June, p. 88.
- ⁷⁹ См. Les Chiffres Cles de l'energie. Ministère de l'industrie. P. 1980, p. 21.
- ⁸⁰ См. Кудрявцев А. Франция в системе межимпериалистических противоречий.— Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 2, с. 78—79.
- ⁸¹ См. Мировая экономика и международные отношения, 1981, № 8, с. 47—48.
- ⁸² См. Fortune, 1981, June 15, p. 112.
- ⁸³ Ibid., p. 115.
- ⁸⁴ Ibid.
- ⁸⁵ См. Семенов В. Кабинет объявляет программу.— Новое время, 1981, 24 июля, с. 8.
- ⁸⁶ См. International Herald Tribune, 1981, July 4.
- ⁸⁷ См. Time, May 18, 1981, p. 13.
- ⁸⁸ См. Правда, 1983, 19 авг.
- ⁸⁹ См. Мировая экономика и международные отношения, № 7, 1983, с. 110.
- ⁹⁰ См. Washington Post, 1983, August 17.
- ⁹¹ См. Правда, 1983, 19 авг.
- ⁹² Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи. М., 1983, с. 269.
- ⁹³ Современная дипломатия буржуазных государств. М., 1981, с. 126.
- ⁹⁴ Financial Times, 1980, April 11.
- ⁹⁵ См. Давыдов В. Ф., Оберемко Т. В., Уткин А. И. Указ. соч., с. 109.
- ⁹⁶ См. Федоров В. ФРГ и межимпериалистические противоречия.— Мировая экономика и международные отношения. 1981, № 5, с. 130.
- ⁹⁷ См. Новое время, 1981, 31 июля, с. 5—6.
- ⁹⁸ См. The Military Balance 1980—1981. L., 1980, p. 26.
- ⁹⁹ См. NATO and Western Security in the 1980's: The European Perception Committee on Foreign Affairs, U. S. House of Representatives. Wash., 1980, p. 31.
- ¹⁰⁰ См. The Military Balance, p. 26—27.
- ¹⁰¹ Aviation Week and Space Technology, 1981, June 22, p. 24—25.
- ¹⁰² См. Правда, 1981, 12 авг.
- ¹⁰³ Португалов Н. Недуги великана.— Литературная газета, 1981, 18 февр.
- ¹⁰⁴ См. Правда, 1981, 3 окт.
- ¹⁰⁵ См. Washington Quarterly, 1981, Autumn, p. 8.

- 106 Андропов Ю. В. Избранные речи и статьи, с. 265.
- 107 См. Современная дипломатия буржуазных государств, с. 159.
- 108 См. Новое время, 1982, № 43, с. 10.
- 109 См. Правда, 1983, 5 июля.
- 110 Там же.
- 111 См. Jenkins P. Going Down With Great Britain.—Harper's, 1979, Dec. p. 24.
- 112 См. Мадзоевский С., Хесин Е. Великобритания в современном мире.—Мировая экономика и международные отношения, 1980, № 8, с. 58.
- 113 См. Military Balance 1979—1980. L., 1979, p. 94—95.
- 114 См. Armed Forces Journal International, 1983, Sept.
- 115 См. Military Balance, 1979—1980, p. 21.
- 116 См. Treverton G. Nuclear Weapons in Europe..., p. 4.
- 117 Червов Н. Кто стремится к ракетной монополии.—Труд, 1983, 19 авг.
- 118 См. Мадзоевский С., Хесин Е. Великобритания в современном мире. Указ. соч., с. 56.
- 119 Economist, 1983, April 2, p. 26—27.
- 120 См. Мадзоевский С., Хесин Е. Указ. соч., с. 56.
- 121 Материалы XXVI съезда КПСС, с. 25.
- 122 Современная дипломатия буржуазных государств, с. 179.
- 123 См. Новое время, 1982, 17 сент., с. 21.
- 124 См. Новое время, 1982, № 23, с. 10—11.
- 125 См. Economist, 1982, June 19, p. 14.
- 126 См. Economist, 1982, June 26, p. 49.
- 127 См. Новое время, 1982, № 23, с. 11.
- 128 Там же.
- 129 См. Far Eastern Economic Review, 1981, June 12.
- 130 Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1979 и начало 1980 г. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения», 1980, № 8, с. 114.
- 131 См. Петров Д. В. Япония в мировой политике. М., ИМО, 1973, с. 19—21; История Японии (1945—1975). Ред. колл. Вербицкий С. И., Попов В. А., Топеха П. П. М., «Наука», 1978, с. 338—339.
- 132 См. World Armaments and Disarmament, SIPRI Yearbook, L., 1982, p. 119.
- 133 См. Far Eastern Economic Review, 1981, June 12, p. 12.
- 134 См. Economist, 1977, Dec. 17.
- 135 См. Business Week, 1980, June 16, p. 92—93.
- 136 См. The Military Balance. 1979—1980, p. 69—70.
- 137 Арбатов Г., Олманс В. Вступая в 80-е. М., 1983, с. 271—272.
- 138 New York Times, 1982, Dec. 6.
- 139 Far Eastern Economic Review, 1981, June 12, p. 25.
- 140 См. The United States in the 1980's. Stanford, 1980, p. 677—688.
- 141 См. Green F. Stresses in US-Japanese Security Relations. Wash., 1976, p. 47—48.
- 142 См. Ushiba N., Allison G., de Montbrial Th. Sharing International Responsibilities Among the Trilateral Countries. N. Y., 1983, p. 33.
- 143 См. Носов М. Г. «Японский фактор» во внешней политике США.—США: экономика, политика, идеология. 1981, № 7, с. 17, 19, 20.
- 144 См. Новое время, 1983, № 27, с. 13.
- 145 См. Minity Daily News, 1983, June 8.
- 146 См. Коваленко И. И. Борьба КПЯ за демократические преобразования.—Проблемы Дальнего Востока, 1980, № 1, с. 63.
- 147 См. Правда, 1983, 23 февр.

- 1 См. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы. М., 1979, с. 8.
- 2 Пономарев Б. Н. Неодолимость освободительного движения.— Коммунист, 1980, № 1, с. 13.
- 3 См. Ульяновский Р. А. Современные проблемы Азии и Африки. М., 1978, с. 14—15.
- 4 См. Седов П. Л. Развивающиеся страны и Советский Союз. М., 1981, с. 55—56.
- 5 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 27, с. 381.
- 6 См. Коммунист, 1981, № 8, с. 41.
- 7 См. Примаков Е. М. Закон неравномерности развития и исторические судьбы освободившихся стран. МЭ и МО. 1980, № 12, с. 29.
- 8 Новый мировой порядок и политическая общность. М., 1983, с. 16.
- 9 См. Schneider H. Überolkerung, Weltwirtschaft und Nord-Süd Conflict. — In Die Zukunft Wörter Nicht. Stuttgart, 1977, S. 4593.
- 10 См. AID. The New Challenge. A Special Report of the Agency for International Development. Wash., 1974, p. 8.
- 11 См. Ul Haq M. Negotiating Future.— Foreign Affairs. 1980—1981, Winter, p. 399.
- 12 См. Примаков Е. М. Там же, с. 30.
- 13 См. Rosentain-Rodan P. M. The Have and the Have-not's Around Year 2000.— Economics and World Order from 1970's to 1980's. N. Y., 1972, p. 29—41.
- 14 См. Правда, 1983, 17 окт.
- 15 См. Зименков Р. И. НТР и политика США в развивающихся странах.— в кн. США и развивающиеся страны. 70-е годы. Отв. ред. Лукин В. П., Кременюк В. А., Руднев В. С. М., Наука, 1981, с. 155—156.
- 16 См. Pierre A. The Global Politics of Arms Sales. Princeton, N. Y., 1982, p. 5—6.
- 17 New York Times, 1982, Jan. 31.
- 18 См. Коммунист, 1976, № 2, с. 107—108.
- 19 См. Громыко А. А. Внешняя экспансия капитала. История и современность. М., 1982, с. 392.
- 20 См. Горбунов С. В. США и бремя долгов развивающихся стран.— США: экономика, политика, идеология, 1974, № 2, с. 2, 3.
- 21 Там же, с. 3.
- 22 См. New York Times, 1979, Aug., p. 13.
- 23 См. Laslo E. et al. Goals for Mankind. A Report of the Club of Rome on the New Horizons of Global Community. N. Y., 1977, p. 296.
- 24 См. Resources and the Development. Policies and Economic Development in the Interdependent World.
- 25 См. Брутенц К. Н. Освободившиеся страны в 70-е годы..., с. 15.
- 26 См. Заявление Советского правительства «О перестройке международных экономических отношений».— Правда, 1976, 5 окт.
- 27 UNCTAD IV and the NEW Diplomacy of Interdependence. U. S. Senate Committee on Finance. Wash., 1976, p. 2.
- 28 См. Иванов И. Д. США и «новый международный экономический порядок».— США: экономика, политика, идеология. 1978, № 9, с. 8—9.
- 29 Там же, с. 10.
- 30 Там же, с. 11.
- 31 Nansen R. D. North-South Policy.— What's the Problem?— Foreign Affairs, 1980, Summer, p. 1105.
- 32 Op. cit., p. 402—403.
- 33 См. Максимова М. М. Некоторые проблемы перестройки междуна-

- родных экономических отношений.— *Мировая экономика и международные отношения*, 1980, № 9, с. 20—21.
- ³⁴ Malaviya H. D. *Non-alignment Onward March*. Delhi, New Literature, 1981, p. 12.
- ³⁵ Ibid., p. 90.
- ³⁶ См. **Артемьев П., Климов А.** Движение неприсоединения в мировой политике. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 8, с. 14.
- ³⁷ Там же, с. 16.
- ³⁸ См. **Azami F.** The Fate of Nonalignment.— *Foreign Affairs*, 1980/81, Winter, p. 383.
- ³⁹ См. *Правда*, 1983, 11 апр.
- ⁴⁰ См. *Новое время*, 1983, № 12, с. 5.
- ⁴¹ *Новое время*, 1983, № 12, с. 46—47.
- ⁴² См. **Rouhani F.** *A History of OPEC*. New York, 1971, p. 141—145.
- ⁴³ См. **Parra R.** *International Crude Oil and Product Prices*. Beirut, Middle East Petroleum and Economic Publications, 1974, p. 79.
- ⁴⁴ См. **Chouer N., Ferraro V.** *International Politics of Energy Interdependence*. Lexington, Mass., 1976, p. 55.
- ⁴⁵ См. **Шмелев Н. П.** О современном уровне и перспективах мировых цен на нефть.— *МЭ и МО*, 1983, № 10, с. 54.
- ⁴⁶ Там же, с. 52—53.
- ⁴⁷ **Noreng O.** *Oil Politics in the 1980's. Patterns of International Cooperation*. McGraw—Hill Co. N. Y., 1978, p. 25.
- ⁴⁸ См. **Noff T. L.** *The Changing World Oil Market*.— In *Energy and Security*. Ed. by Deese D; A; Nye J. S. Bullinger Publishing Corp. Cambridge, Mass., 1981, p. 24—26.
- ⁴⁹ См. подробнее: **Примаков А. Е.** *Нефтяные ТНК и нефтедобывающие страны: эволюция отношений*.— *США: экономика, политика, идеология*. 1981, № 4.
- ⁵⁰ См. *The Changing World of Oil Supply*. Shell Briefing Service. June, 1980, p. 7.
- ⁵¹ См. **Pindick R. S.** *OPEC's Threat to the West*.— *Foreign Policy*, No. 30, Spring, 1978, p. 39.
- ⁵² Ibid., p. 41.
- ⁵³ См. *The Changing World of Oil Supply...* June, 1980, p. 6.
- ⁵⁴ См. **Noreng O.** *Oil Politics in the 1980's. Patterns of International Cooperation*. McGraw—Hill, New York, 1978, p. 23.
- ⁵⁵ См. **Еххон.** *World Energy Outlook*. N. Y., 1980, p. 6—7.
- ⁵⁶ Ibid., p. 26—31.
- ⁵⁷ См. *World Development Report, 1980*. International Bank for Reconstruction and Development, Wash., 1980, p. 15—17.
- ⁵⁸ См. *World Petroleum Outlook, 1981*. Hearing before the Committee on Energy and Natural Resources. U. S. Senate. Wash., 1981, p. 74—75.
- ⁵⁹ См. *A Strategy of Oil Proliferation. A Study Prepared for the Use of the Subcommittee on Energy of the Joint Economic Committee, Congress of the United States*. Wash., 1980, p. 5.
- ⁶⁰ Ibid.
- ⁶¹ *Материалы XXVI съезда КПСС*. М., 1981, с. 11.
- ⁶² См. *Правда*, 1977, 10 марта.
- ⁶³ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1981, № 5, с. 25.
- ⁶⁴ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1979, № 7, с. 22.

- 65 Цит. по: **Кокошин А. А.** О буржуазных прогнозах международных отношений. М., 1978, с. 158.
- 66 **См. Resources and Development...** 1980, p. 29.
- 67 **См. Мировая экономика и международные отношения**, 1979, № 5, с. 144—146.
- 68 **См. Мировая экономика и международные отношения**, 1981, № 6, с. 24—25.
- 69 Литературная газета, 1981, 1 янв., с. 15.
- 70 **Бочкарев Ю.** Ищут козлов отпущения.— **Новое время**, 1981, № 25, с. 30.
- 71 **См. Time**, 1980, March 3, p. 56.
- 72 **См. Levy W. J.** Oil and the Decline of the West.— **Foreign Affairs**, 1980, Summer, p. 1001.
- 73 Ibid.
- 74 **См. ОПЕС Oil Report. L.**, 1979, p. 42.
- 75 **См. Примаков Е. М.** Закон неравномерности развития и исторические судьбы освободившихся стран, с. 33.
- 76 **Readers Digest**, 1978, June, p. 103.
- 77 **См. NATO's Fifteen Nation**, 1981, Febr.— March, p. 32.
- 78 **См. Everybody's Business. An Almanac.** Ed. by **Moscowitz M., Katz M., Levering R.** San Francisco, 1980, p. 858.
- 79 **См. Washington Post**, 1979, Dec. 6.
- 80 **См. Trialogue (The Trilateral Commission Quarterly)** Summer/Fall 1980, p. 1—111.
- 81 **См. Washington Post**, 1981, Dec. 1.
- 82 **Bill J. A.** Iran and the Crisis of 1978.— **Foreign Affairs**, 1978—1979, Winter, p. 338—389.
- 83 **См. The Straits Times**, 1979, Jan 25.
- 84 **См. World Armaments and Disarmament.**— **SIPRI Yearbook**, 1975. Stockholm, 1975, p. 201.
- 85 Ibid.
- 86 **См. Amirie A., Twitchell H. (Eds.).** Iran in the 1980's. Teheran, 1978, p. 318—320.
- 87 Ibid., p. 327—328.
- 88 **См. Setting National Priorities. The Next Ten Years.** Wash., 1976, p. 23.
- 89 **См. Правда**, 1977, 24 июня.
- 90 Там же.
- 91 Там же.
- 92 **См. Иванов М. С.** Иран в 60—70-х годах XX века. М., 1977, с. 187.
- 93 **См. New York Times**, 1978, Nov. 28.
- 94 **Economist**, 1979, Jan. 6, p. 52.
- 95 **См. New York Times**, 1980, Sept. 17.
- 96 **Stone I. F.** Lessons of Iran.— **Progressive**, 1979, April, p. 28—29.
- 97 **См. За рубежом**, 1981, № 44.
- 98 **См. Новое время**, 1981, № 29, 17 июля, с. 12—13.
- 99 **Бовин А. Е.** Мир семидесятых. М., 1980, с. 293.
- 100 **См. Time**, 1980, Oct. 6, p. 50.
- 101 **Journal of Commerce and Commercial**, 1979, March, p. 15.
- 102 **См. The Military Balance, 1980—1981.** 1980, p. 83.
- 103 **См. Business Week**, 1981, May 25, p. 56.
- 104 **Percell S. K.** Mexico — U. S. Relations: Big Initiatives Can Cause Big Problems. — **Foreign Affairs**, 1981/1982, Winter, p. 384.
- 105 **См. Foreign Affairs**, 1981/1982, Winter, p. 385.
- 106 **См. U. S. News and World Report**, 1981, March 9, p. 16.
- 107 **См. New York Times**, 1979, Feb. 13.

- ¹⁰⁸ См. *Business Week*, 1981, May 25, p. 54.
- ¹⁰⁹ *Washington Post*, 1979, Febr. 17.
- ¹¹⁰ См. *Fortune*, 1979, July 16, p. 45.
- ¹¹¹ См. **Vayzunen R.** Economic and Military Position of Regional Power Centers in the International System. (Institute of Political Science, Univ. of Helsinki, Finland.) Paper for XI World Congress of the International Political Science Association, Moscow, 1979, p. 7.
- ¹¹² См. *The Military Balance 1980—1981*. 1980, p. 79—80.
- ¹¹³ См. *World Business Weekly*, 1980, Dec. 8, p. 27.
- ¹¹⁴ *Ibid.*, p. 31—32.
- ¹¹⁵ См. *За рубежом*, 1981, № 19, с. 11.
- ¹¹⁶ См. Commission on the Organization of the Government for Conduct of Foreign Policy, vol. I. Wash., 1975, p. 14.
- ¹¹⁷ *Military Strategy in a Decade of Change*. Lexington, 1973, p. 87.
- ¹¹⁸ См. **Roett R.** Brazil Ascendant: International Relations and Geopolitics in the Late 20th Century.—*Journal of International Affairs*, 1975, Fall, p. 139.
- ¹¹⁹ См. **Мишин С.** Бразилия. М., 1976, с. 45—46.
- ¹²⁰ См. *World Business Weekly*, 1980, Dec. 8, p. 29—30.
- ¹²¹ См. **Мельников Ю. М.** От Потсдама к Гуаму. М., 1974, с. 247.

Глава IV

- ¹ Материалы XXV съезда КПСС. М., 1976, с. 28.
- ² См. **Покотаев Ю.** Истоки и характерные черты современного экономического кризиса.—*МЭ и МО*, 1976, № 6, с. 86.
- ³ Подсчитано по: *Statistical Abstract of the United States*, 1980, p. 439.
- ⁴ *Ibid.*
- ⁵ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1977, № 1, с. 23—24.
- ⁶ См. *Washington Post*, 1980, Oct. 9.
- ⁷ См. *New York Times*, 1982, Febr. 7.
- ⁸ *Fortune*, 1979, June, p. 95.
- ⁹ См. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Обзор за 1982 г. и начало 1983 г. М., 1983, с. 69, 98.
- ¹⁰ См. *Everybody's Business. An Almanac*. San Fransisco, 1980, p. 265, 275.
- ¹¹ США: экономика, политика, идеология, 1982, № 4, с. 41.
- ¹² См. *Vital Speeches of the Day*, 1979, Febr. 15, p. 261.
- ¹³ См. США: экономика, политика, идеология, 1977, № 6, с. 5.
- ¹⁴ См. США: экономика, политика, идеология, 1982, № 4, с. 42—43.
- ¹⁵ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1982, № 4, с. 72—73.
- ¹⁶ См. **Кокошин А. А.** О буржуазных прогнозах международных отношений. М., 1978, с. 189.
- ¹⁷ См. **Stohl M.** Imperialism at Home. The British and American Experience, Paper delivered at the Moscow IPSA Congress, 1979, Aug. 12—18, p. 6.
- ¹⁸ См. *Statistical Abstract of the United States*. Wash., Table 1955.
- ¹⁹ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1983, № 9, с. 115.
- ²⁰ См. США: экономика, политика, идеология, 1981, № 12, с. 8.
- ²¹ См. *Everybody's Business. An Almanac*, p. 449.
- ²² *Ibid.*, p. 457.
- ²³ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1983, № 9, с. 114.

- ²⁴ См. **Жарков В. В.** «Клуб 200». М., 1974, с. 30—39.
- ²⁵ См. **Fokles**, 1979, June 25, p. 56—62.
- ²⁶ См. *Мировая экономика и международные отношения*, 1983, № 9, с. 114—115.
- ²⁷ См. **Зорин В. С.** Доллары и политика Вашингтона. М., 1964; его же, *Монополии и Вашингтон*. — США: экономика, политика, идеология, 1978, № 8.
- ²⁸ См. **Иванов И. Д.** ТНК: каналы и эффект влияния на внешнюю политику США. — США: экономика, политика, идеология, 1981, № 12, с. 8—9.
- ²⁹ См. *Multinational Corporations and United States Foreign Policy Hearings before the Subcommittee on Multinational Corporations, Committee on Foreign Relations, US Senate, Wash., 1975, Part I, p. 96.*
- ³⁰ См. **Johansen R. C.** *The National Interest and Human Interest. In Analysis of U. S. Foreign Policy.* Princeton, 1980, p. 205—209.
- ³¹ См. *American Multinationals and American Interests.* Ed. by Bergsten C. F., Horst Th., Moran, Th. H. Wash., 1978, p. 309—353.
- ³² См. подробнее: **Овинников Р. С.** Уолл-стрит и внешняя политика. М., 1980; **Иванов И. Д.** *Международные монополии во внешней политике империализма.* М., 1981; **Медведков С. Ю.** *Транснациональные корпорации и обострение капиталистических противоречий.* М., 1982.
- ³³ См. *The World Today*, 1979, March, p. 81—91.
- ³⁴ См. США: экономика, политика, идеология, 1981, № 10, с. 13.
- ³⁵ **Андреасян Р.** Счет за неоколониализм. Литературная газета, 1979, 25 июля, с. 14.
- ³⁶ См. *Oil and Gas Journal*, 1979, Nov. 12, p. 112.
- ³⁷ См. *The New York Times*, 1979, Dec. 13.
- ³⁸ См. *Strategic Petroleum Reserves and The Naval Petroleum Reserve. Hearing before the Subcommittee on Energy Resources and Material Production of the C-tee on Energy and Natural Resources, U. S. Senate. 96 Congress. Wash., 1980, p. 1—3.*
- ³⁹ Ibid.
- ⁴⁰ *US News and World Report*, March 16, 1981, p. 32.
- ⁴¹ См. **Бугров Е. В.** США: нефтяные концерны и государство. М., 1978, с. 28—29.
- ⁴² См. *Nuclear Power. Issues and Choices.* Cambridge. 1977, p. 8—11.
- ⁴³ См. **Бугров Е. В.** США: нефтяные концерны и государство, с. 17—19.
- ⁴⁴ См. *Project Independence. A Summary.* November 1974, Federal Energy Administration. Wash., p. 1—19.
- ⁴⁵ См. США: экономика, политика, идеология, 1979, № 2, с. 17.
- ⁴⁶ См. *The Platform of the Republican Party.* Wash., 1980, p. 20—23.
- ⁴⁷ См. *Foreign Direct Investment in the United States. The Federal Role.* Wash., 1980, p. I.
- ⁴⁸ Op. cit., p. 3.
- ⁴⁹ См. *US News and World Report.* July 28, 1980, p. 53.
- ⁵⁰ См. **Arpan J. S. Ricks D. A.** *Directory of Foreign Manufactures in the United States.* Atlanta, 1979, p. III.
- ⁵¹ См. *Foreign Direct Investments in the United States...*, p. 4—5.
- ⁵² См. **Юданов Ю. И.** Экспорт капитала из Западной Европы. М., 1980, с. 111—112; **Артемьев И. Е.** *Американский капитализм и передача технологий.* М., 1980, с. 73—181.
- ⁵³ См. **Аджубей Ю. В.** О влиянии иностранного капитала на экономику США. — США: экономика, политика, идеология, 1982, № 7, с. 23.
- ⁵⁴ См. *Foreign Direct Investments in the United States...*, p. 4—5.

- ⁵⁵ См. **Аджубей Ю. В.** Указ. соч., с. 21.
- ⁵⁶ Там же, с. 28.
- ⁵⁷ Saturday Review, 1977, Oct. 15, p. 20.
- ⁵⁸ См. Business Week, 1978, June 26, p. 78.
- ⁵⁹ Executive Impact, 1981, N 34, p. 37.
- ⁶⁰ См. **Худякова Л. С.** Иностранные банки в США.— США: экономика, политика, идеология, 1980, № 11, с. 74.
- ⁶¹ См. Экономическое положение капиталистических и развивающихся стран. Приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения». Обзор за 1982 г. и начало 1983 г. М., 1983, с. 71.
- ⁶² Time, 1980, Oct. 6, p. 84.
- ⁶³ См. **Худякова Л. С.** Иностранные банки в США, с. 77—78.
- ⁶⁴ См. Time, 1980, Oct. 6, p. 84.
- ⁶⁵ The New York Times, 1981, Jan. 31.
- ⁶⁶ См. **Косолапов Н. А.** Социальная психология и международные отношения. М., 1983, с. 254—267.
- ⁶⁷ См. **Kissinger H.** The Years of Upfreal Boston, 1982, p. 564—625.
- ⁶⁸ См. **Alker H. R., Bloomfield L., Choucri N.** Analyzing Global Interdependence. MIT, Cambr., 1974, vol. I, II.
- ⁶⁹ См. **Camps M.** The Management of Interdependence. N. Y., 1974.
- ⁷⁰ См. **Никифоров А. В.** «Взаимозависимость» и глобальные проблемы.— США: экономика, политика, идеология, 1979, № 7, с. 14; См. также: Разрядка международной напряженности и идеологическая борьба. М., 1981.
- ⁷¹ См. **Арбатов А. Г.** Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1981.
- ⁷² См. **Tuker R. A.** Non Isolationism — Threat or Promise? Wash., 1972; **Ravenal E.** The Case for Strategic Desingagement.— Foreign.
- ⁷³ См. **Долгополова Н. А.** «Национальные приоритеты» США: дебаты и политика. М., 1982, с. 47—64, 85—93.
- ⁷⁴ См. Isolation of Interdependence? Today's Choices for Tomorrow's World. N. Y., 1975, p. 64—80.
- ⁷⁵ См. **Плеханов С. М.** Сдвиг вправо — мнимый и реальный.— США: экономика, политика, идеология, 1979, № 12, с. 13—25.
- ⁷⁶ См. A Mandate for Leadership Wash. The Heritage Foundation, 1980; The United States in the 1980's. Stanford, 1980.
- ⁷⁷ См. **Яковлев А. Н.** Идеология американской «империи». М., 1967.
- ⁷⁸ См. **Богданов Р. Г.** США: военная машина и политика. М., 1983, с. 30—35.

Заключение

¹ См. Правда, 1983, 15 июня.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
----------	---

ГЛАВА I.

СССР и США в современной системе международных отношений	13
---	----

§ 1. Соотношение сил между СССР и США и проблемы двусторонних советско-американских отношений	13
§ 2. Подход СССР и США к решению глобальных проблем	69

ГЛАВА II.

США и два других главных капиталистических «центра силы» в современной системе международных отношений	93
---	----

§ 1. Главные параметры соотношения сил и взаимодействия в треугольнике США — Западная Европа — Япония	94
§ 2. США и ведущие западноевропейские державы в подсистеме отношений развитых капиталистических государств	130
§ 3. Япония и США: соотношение сил и взаимодействие	157

ГЛАВА III.

Воздействие роли развивающихся стран на международные позиции США	169
--	-----

§ 1. Взаимное положение США и развивающихся стран в системе международных отношений 80-х годов: общая характеристика	172
§ 2. Процессы дифференциации развивающихся стран и политика США	198
§ 3. США и новые «центры силы» из числа развивающихся стран	204

ЗАВИСИМОСТЬ США ОТ ВНЕШНЕГО МИРА КАК КАЧЕСТВЕННО НОВЫЙ КОМПЛЕКСНЫЙ ФАКТОР ИХ ПОЛОЖЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СИСТЕМЕ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ	235
§ 1. Возрастание роли внешней торговли и заграничных капиталовложений американских монополий в экономике и внутривнутриполитическом положении страны	237
§ 2. Сырьевая зависимость американского капитализма от внешних источников	251
§ 3. Вторжение иностранного капитала в экономику США и его последствия	262
§ 4. Воздействие зависимости США от внешнего мира на внешнеполитическое мышление правящих кругов	270
Заключение	279
Примечания	287

**Андрей Афанасьевич
КОКОШИН**

**США
В СИСТЕМЕ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ
80-Х ГОДОВ**

**Гегемонизм во внешней
политике Вашингтона**

**Редактор
М. Ю. СИТНИНА**

**Оформление художника
В. П. ГРИГОРЬЕВА**

**Художественный редактор
В. В. СУРКОВ**

**Технический редактор
О. В. КУДРЯВЦЕВА**

**Корректоры
Е. П. КЛИМЕНКОВА, С. Ю. ЧУПАХИНА**

**Младший редактор
Т. Б. РОМАНОВА**

ИБ № 1044

Сдано в набор 22.11.83. Подп. в печать 17.04.84.
A09534. Формат 84×108^{1/2}. Бумага тип. № 2.
Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл.
печ. л. 15,96. Усл. кр.-отт. 15,96. Уч.-изд. л. 18,19.
Тираж 7000 экз. Заказ № 2050. Цена 2 р. 10 к
Изд. № 25—II/82.

Издательство «Международные отношения»
107053, Москва, Садовая-Спасская, 20

Московская типография № 8 Союзполиграфпрома
при Государственном комитете СССР по делам
издательства, полиграфии и книжной торговли.
101898, Москва, Центр, Хохловский пер., 7.